

Кр Д 8

А 421

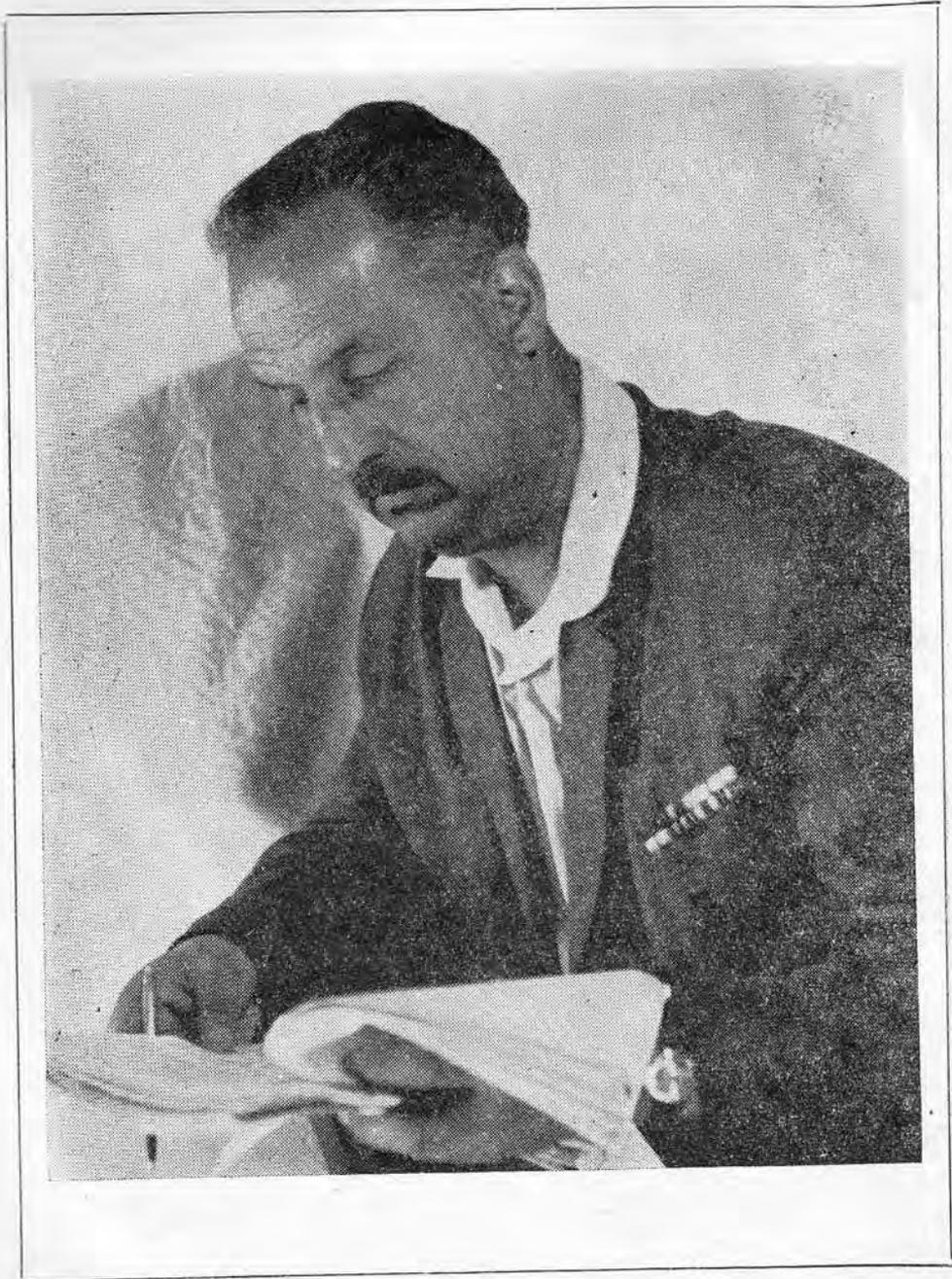

А. И. АЛЕКСЕЕВ

СЫНЫ ОТВАЖНЫЕ
РОССИИ

д. 91 (с 191)

Кр 18
А 471

АБОНЕМЕНТ

А.И. АЛЕКСЕЕВ

СЫНЫ ОТВАЖНЫЕ
РОССИИ

413829

Магаданская
обл. библиотека
им. А. С. Пушкина

Магаданское
книжное
издательство
1970

Алексеев А. И.

А 47 Сыны отважные России. Магадан, Кн. изд., 1970.

368 с. с илл., карт. (Дальневосточ. историч. б-ка). Библиогр.: с. 365—367.
15 000 экз. Цена 94 коп.

Это книга о русских землепроходцах, мореходах, путешественниках, мореплавателях, исследователях Дальнего Востока и северо-западной части Северной Америки. В ней рассказывается об открытиях, исследованиях и освоении Чукотки, Камчатки, Аляски, Курильских и Алеутских островов, Приамурья, Приморья и Сахалина в XVII, XVIII, XIX и первой трети XX века.

2—8—4
37—69 М

91 (С 19)

История географического изучения русскими людьми Северо-Востока Азии, Камчатки, Северо-Западной Америки, Алеутских островов, Курильских островов, Приморья, Приамурья и Сахалина настолько интересна, что она будет постоянно привлекать внимание исследователей. Изучению этой тематики я посвятил всю свою жизнь и в этой книге попытался рассказать о некоторых исследователях Дальнего Востока, биографии которых малоизвестны или почти неизвестны.

Читателям в новой книге предлагаются очерки о замечательных мореходах, выдающихся ученых, моряках. В книгу вошли очерки о славных землепроходцах С. И. Дежневе и Ф. Алексееве, В. Д. Пояркове и Е. П. Хабарове, о первооткрывателе Курильских островов И. П. Козыревском, о славных русских мореходах Е. С. Басове и М. В. Неводчикове, о доблестных мореплавателях В. И. Беринге, П. К. Креницыне и «Колумбе русском» Г. И. Шелихове. В книгу включен также очерк о М. С. Гвоздеве, вместе с И. Федоровым в 1732 году впервые побывавшем у берегов Северной Америки со стороны Тихого океана, очерки об участниках экспедиции Беринга — Д. Я. Лаптеве, предпринявшем первую опись внутренних районов Чукотки, и замечательном ученом С. П. Крашенинникове, впервые изучившем природу Камчатки, очерки об исследователях Чукотки и Камчатки, кругосветных мореплавателях Ф. П. Литке и Ф. П. Врангеле, о пионерах исследования Приморья и Сахалина А. Ф. Миддендорфе и Ф. Б. Шмидте. Публикуются очерки о мореходе А. Толстых, открывшем большую группу Алеутских островов, о мореплавателях Русской Америки И. Ф. Васильеве и А. Ф. Кашеварове, о путешественнике по Чукотке Г. Л. Майделе; об ученых Н. В. Слюнине, К. И. Богдановиче, И. П. Толмачеве, исследовавших Охотско-Чукотско-Камчатский край; о славных моряках Амурской экспедиции под начальством Г. И. Невельского, о замечательных моряках-гидрографах Б. В. Давыдове, Л. А. Демине и других, о русских путешественниках, которые впервые сделали на своем участке чрезвычайно важное дело.

В книге широко использованы малоизвестные и полузабытые опубликованные материалы, а также и неопубликованные материалы ЦГАДА, Архива АН СССР, ЦГВИА, ЦГАВМФ, ЦГА РСФСР ДВ, ЦГИА ЭССР, АВПр, РОБЛ, сотрудникам которых автор приносит искреннюю благодарность. Книга во многом пострадала бы, если бы в ней не были использованы семейные архивы и личные воспоминания М. Б. Давыдова, Л. А. Демина, Г. А. Қобылина, А. С. Кукель, А. С. Кукель-Краевского, Ф. Н. Литке, О. А. Мазаровича, Л. А. Разградской, В. В. Слюнина, А. И. Толмачева, О. В. Усачевой (Слюниной) и многих других товарищей. Сердечное мое им спасибо. Особенно хочется поблагодарить доктора географических наук, профессора Андрея Павловича Белоброва и доктора географических наук, профессора Леонида Александровича Демина, моих учителей и наставников в юности, добрых старших товарищей теперь, а также члена-корреспондента АН СССР Алексея Владимировича Ефимова, взявших на себя труд просмотреть рукопись этой книги.

Я с благодарностью приму все те замечания читателей, которые, несомненно, возникнут у них при чтении книги.

Предисловие

Прочитав эту книгу Александра Ивановича Алексеева, читатель окинет мысленным взглядом почти всю историю исследования русскими людьми необъятных просторов Дальнего Востока — от С. И. Дежнева и Ф. Алексеева до советских исследователей дальневосточных морей.

Характерная особенность почти всех очерков А. И. Алексеева — умелое сочетание строгого научного обоснования с популярным, доступным любому читателю изложением. Ни в одном очерке не повторяются материалы, изданные кем-либо ранее, за исключением случаев крайней необходимости в них или их особой ценности. Неутомимый исследователь архивов А. И. Алексеев обладает особым «чутьем» на новые, неизвестные архивные материалы. А архивы он знает отлично. Поэтому все его книги принимаются с большим интересом, а учеными расцениваются как научные труды. Каждая его новая работа — это введение в научный оборот новых архивных документов.

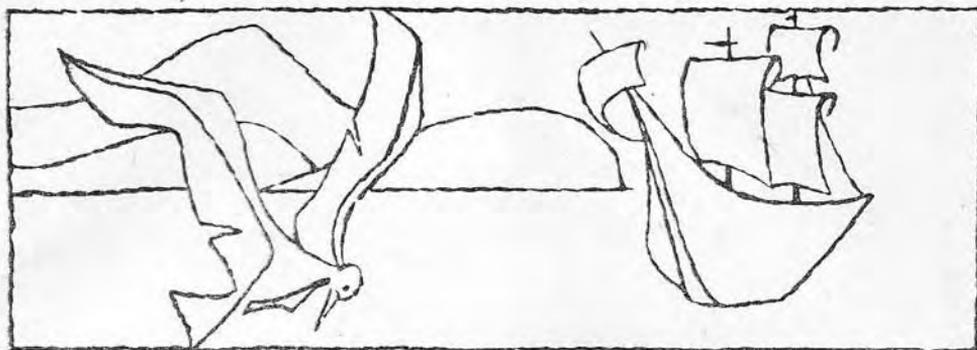
А. И. Алексеев прожил еще сравнительно небольшую, но трудную и сложную жизнь. Он родился 8 марта 1921 года в семье служащего, отягощенного большой семьей. Вырос и учился в Москве, затем добровольно с 1938 года связал свою судьбу с Военно-Морским Флотом. Учился в Высшем военно-морском училище имени М. В. Фрунзе и в Военно-морской академии кораблестроения и вооружения им. А. Н. Крылова на гидрографическом факультете. С первого и до последнего дня войны А. И. Алексеев на фронте — в морской пехоте, в составе 66-й Отдельной морской стрелковой бригады (затем 11-я Гвардейская). В мае 1942 года принят в члены КПСС. На подступах к Сталинграду был ранен и контужен. После госпиталя попал в свою родную стихию — на флот, на Балтику, в Ленинград, который еще находился в блокаде. Там он и встретил День Победы.

А. И. Алексеев с 1950 по 1955 год служил на Тихоокеанском флоте, в Советской Гавани. Много плавал по Охотскому и Японскому морям, хорошо их изучил и полюбил. Именно здесь он написал свои первые две книги. Главная тема его книг — история географического изучения Дальнего Востока и его морей.

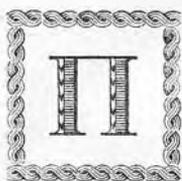
После демобилизации А. И. Алексеев без отрыва от работы защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата географических наук и теперь работает старшим научным сотрудником Института истории СССР Академии наук СССР. Несмотря на большую загруженность на основной работе, он все свободное время отдает истории Дальнего Востока.

А. И. Алексеев находится сейчас в расцвете творческих сил, и, надо думать, что читатели получат еще много интересных книг московского ученого и дальневосточного писателя.

*Доктор географических наук, профессор,
лауреат Государственной премии
инженер-контр-адмирал Л. А. ДЕМИН.*

ВЕЛИКИЕ КОЧИ

Плавание семи кочей дало полное основание считать Азию отделенной от Америки проливом, а не принимать обе части света за один материк. В этом неоценимая заслуга Федота Алексеева Попова Холмогорца, Семёна Иванова Дежнева и их товарищей.

Мир узнал о великом географическом открытии из отписок и челобитных Дежнева. До недавнего времени считали родиной Семёна Дежнева город Великий Устюг. М. И. Белов установил, что Дежнев родился в деревне Осиновская Волоко-Пинежской волости Двинского уезда. Происходил он из бедной крестьянской семьи и, как все жители Поморья, был связан с морем. Пинежане дали много известных мореходов-землепроходцев: М. Стадухина, Ю. Селиверстова, Л. Плехана и других.

Молодой Семён Дежнев не остался в родных местах, а вместе с вольными людьми отправился искать счастья в далекой Сибири. Было это в начале 30-х годов XVII столетия. Первые годы службы прошли в Тобольске, последующие — в Енисейске.

Благодаря стремительному продвижению русских людей на восток Сибирь была пройдена из конца в конец за очень короткое время. Ермак покорил Сибирь в 80-х годах XVI столетия. В 1639 году отряд казаков с Иваном Юрьевым Москвитиным во главе вышел на берег Охотского моря к устью реки Ульи. В 1632 году енисейский стрелецкий сотник Пётр Бекетов заложил на реке Лене Ленский острожек — острог Якутский, с 1681 года — город Якутск.

С. И. Дежнев.

Выгодное географическое положение помогло Якутску стать центральным населенным пунктом Крайнего Северо-Востока Азии. Якуты, не знавшие огнестрельного оружия, были яблоком раздора для многих партий казаков, оспаривавших друг у друга право сбора с них ясака. Меха и иные богатства вновь приобретенных «землиц» по Лене-реке притягивали вольных «гулящих людишек». Из Ленского острога русские шли дальше — к рекам Охоте, Колыме, Анадырю, к Ламскому (Охотскому) морю. За «гулящими людьми» появлялись представители государственной власти. В острогах и зимовьях оседали государевы приказчики, сюда посылались гарнизоны служилых для сбора ясака и приведения новых народов «под высокую государеву руку».

В 1638 году Дежнев из Енисейска с отрядом казаков был отправлен в Ленский острог. Отрядом командовал тот самый Петр Бекетов, который первым появился в этих местах. Два года Семен Дежнев не выезжал из Ленского острога. Сохранилось несколько челобитных якутских казаков, в них встречается и имя Дежнева. Из челобитных видно, что казаки неоднократно просились на «государеву службу». Но пока точно неизвестно, состоялись ли экспедиции и участвовал ли в них Дежнев. Якуты часто составляли против пришестьцев, и жизнь в непрерывно осаждаемом ими Ленском остроге была тяжелой. Несколько лет не при-

ходило из Енисейска подмоги, и казаки не раз обращались к царю с просьбой выдать им по пяти рублей, «чтобы нам, холопам твоим, было бы в чем платьишка и обувь купить, с чем было твоя государева служба служить».

С самого начала службы Дежнев прослыл не только храбрым, волевым казаком, но и хорошим дипломатом. Сохранились сведения, что в 1640 году летом ему удалось мирным путем «без порчи, без драки» примирить враждовавших и воевавших между собой якутов из различных улусов.

К этому времени относится женитьба Дежнева на якутке Абакаяде Сичю. Сын его, Любим, так же как и отец, всю жизнь прослужил в Сибири. (Одно время служил он с первооткрывателем Камчатки Владимиром Атласовым). Женитьба навсегда привязала Дежнева к когда-то далекой и чужой, а теперь родной и близкой стороне.

Дежнев собирал ясак, и, начиная с 1640 года, жизнь его проходила в непрерывных походах. С декабря 1640 по июль 1641 года он ходил на реку Яну в отряде Дмитрия Зыряна. Другой такой же отряд Посника Иванова пошел на реку Индигирку. Янские якуты добровольно согласились платить ясак, и Дежнев с тремя казаками повез его в Ленский острог. По пути напали ламуты, и горстке казаков пришлось с оружием в руках отстаивать «государеву казну» и свою собственную жизнь. Дежнев был ранен, но ясак доставил.

Затем Дежнев в отряде М. В. Стадухина служил «дальнюю службу» на Оймяконе. Когда уезжал туда, то оставил жену и сына с коровой и теленком на попечение якута Манякую, вероятно, родственника жены. Не думал тогда Семен, что не увидит семью целых двадцать лет.

Прибыв весной 1641 года на Оймякон и собрав там ясак, Стадухин по реке Индигирке на коче спустился к морю. На Оймяконе было безлюдно, казаки голодали и старались оттуда уйти. В июне 1642 года они писали царю, что «на Емоконе жити не у чево, никаких людей нет, место пустое и голодное. И нам, холопам твоим государевым, кормитца нечем, а остались голодны и холодны».

Во время зимовки на Оймяконе Стадухин послал казака Андрея Горелого проведать Ламу — Охоту-реку. Только воинственность ламутов помешала Андрею Горелому соединиться с отрядом томских казаков Ивана Москвитина, пришедших на реку Охоту морем с устья реки Ульи. Возможно, что в походе Горелого принимал участие также и Семен Дежнев.

Отряд Стадухина плыл морем к реке Алазее, где встретился с отрядом Дмитрия Зыряна. Зырянцы раньше пришли сюда и уже понаслышались о большой и богатой реке Колыме, которая течет к востоку от Алазен. Стадухин любил власть. Он послал Дежнева и Немчина к Зыряну с предложением объединить оба отряда. Зырян согласился, и объединенный отряд отправился морем на восток.

Летом 1643 года кочи вошли в устье реки Колымы. На Стадухинской протоке было поставлено зимовье, впоследствии — Нижнеколымский острог. К этому важному географическому открытию причастен и Дежнев. Он знал о существовании рек Охоты и Колымы, но пытливого казака стало интересоваться, что же находится к востоку от этих рек за горами и хребтами, за «Камнем».

На Колыме Дежнев прослужил без особых происшествий до 1646 года. Весной 1645-го с богатой собольиной и другой казной Стадухин и Зырян с отрядом казаков отправились морем на Лену, а оттуда в Ленский острог. В Нижнеколымском остроге осталось всего 13 человек во главе со «служилым человеком со Вторым Гавриловым». Остался здесь и Дежнев. На пути в Ленский острог Стадухин и Зырян встретили якутского целовальника¹ П. Новоселова, который вез наказную память якутского воеводы о назначении Д. Зыряна приказчиком Нижнеколымского острога. Зырян возвратился в острог, но в начале 1646 года он погиб, и приказчиком стал снова Второй Гаврилов. Служба в таких отдаленных местах под руководством опытного морехода Дмитрия Михайловича Зыряна закалила Дежнева, а его успехи по службе, смелость, храбрость и отвага выделяли его из среды казаков.

Обосновавшиеся на Колыме казаки часто слышали о большой реке Погыче². Говорили, что река эта богата серебром и соболями и что лежит она в нескольких днях пути от Колымы-реки. Такие слухи крепко интересовали воеводу в Ленском остроге. Люди стали часто и настойчиво поговаривать о том, чтобы проведать эту реку.

В 1646 году Исай Игнатъев и Семен Алексеев попытались добраться до таинственной реки, но достигли, вероятно, только Чаунской губы, где вели меновую «немую» торговлю с чукчами. Сообщения Игнатъева и Алексеева вызвали много толков, а известие, что море в тех местах кишит моржами, еще более подогрело аппетиты казаков и промышленников: ведь пуд моржовой кости — «рыбьего зуба» стоил от 15 до 25 рублей! Более 50 нижнеколымских промышленников заявило о своем желании искать реку Погычу.

Юкагиры Анюя рассказывали, да и из плавания Игнатъева и Алексеева выходило, что проведывать Погычу надо по ту сторону «Камня», то есть идти на юг от горного хребта. Многие попытались в эти годы найти туда путь через «Камень». Впоследствии Семену Моторе и Михаилу Стадухину удалось выйти посуху на Анадырь-реку.

А в Нижнеколымске тем временем события развивались своим чередом. На Анадырь готовилась выйти промышленная экспедиция приказчика крупного московского купца Усова — Федота Алексеева Попова Хол-

¹ Целовальник — лицо, ведавшее казенным имуществом. При вступлении в должность давал присягу — целовал крест.

² Под этим именем имели в виду реку Анадырь, хотя это и не так. Погыча, Похача, точнее Покач, впадает в Берингово море к западу от мыса Олюторского.

могорца. Федот Алексеев попросил нижеколымского приказчика В. Гаврилова назначить в экспедицию служилого человека. Добровольно вызвался пойти в поход Семен Дежнев, и ему была дана наказная память. Целовальником в наказной памяти был назван руководитель и организатор экспедиции Федот Алексеев Попов Холмогорец. Экспедиция эта вышла в плавание летом 1647 года и окончилась неудачно: помешали крайне тяжелые льды. Кочи не смогли пробиться и возвратились в Нижнеколымск.

Но от Анадырь-реки не отказались ни Федот Попов, ни Семен Дежнев. В Нижнеколымске зимой 1647/48 года с той же целью организовался отряд, во главе которого стали приказчики другого крупного московского купца Гусельникова — Афанасий Андреев и Бессон Астафьев. Отряд был хорошо оснащен и помимо многих товаров и вооружения имел современные мореходные инструменты. В росписи значились «тринадцать маток в костях» — так называли мореходные компасы. Это свидетельство высокой культуры морского дела у русских мореходов XVII века. Русские кочи отважных мореплавателей были для своего времени хорошими мореходными килевыми судами: они ходили под парусом и поднимали до двух тысяч пудов груза. На таком судне с 10—15 мореходами можно было перевозить 30—50 пассажиров. Длина кочей доходила до 18—19 метров, а ширина — до 4,5.

В экспедиции участвовало шесть таких кочей. В самый последний момент прибавился седьмой коч Герасима Анкудинова. Нечестный, неподрядочный в поведении и отношениях с товарищами, Анкудинов хотел стать во главе экспедиции и подал челобитную в Нижнеколымский приказ. Он обязался добыть больше соболей и другой добычи в предстоящем походе, чем обещали Попов и Дежнев — руководители экспедиции. В. Гаврилов сообщал в отписке якутскому воеводе, что «дал им наказную память и где буде найдут неясашных людей, и им аманатов имати и государев ясак с них збирати и под ево царскую высокую руку подводити».

При всех своих недостатках Герасим Анкудинов был смелым, предпринимчивым и волевым казаком-мореходом, и, получив отказ Гаврилова, он со своим кочем решил идти самостоятельно, независимо от шести кочей. Но вышло так, что плыть ему пришлось все время с Дежневым и Поповым.

И вот 20 июня 1648 года из Нижнеколымска в историческое плавание вышло семь кочей. Из 90 человек 30 было на коче Анкудинова. Поначалу все шло хорошо. Вскоре кочи были у Шелагского мыса, куда, по всей вероятности, доходили Исай Игнатьев и Семен Алексеев. Ледовые условия в это лето благоприятствовали плаванию, но за Шелагским мысом налетел шторм и выбросил на берег два коча. О судьбе их рассказал побывавший в этих местах в 1649 году Михаил Стадухин. Чукчи говорили ему, что «два коча де на море розбило, и наши де люди их побили».

Остальным пяти кочам удалось за два с лишним месяца достичь мыса, который теперь на всех картах мира называется именем Дежнева.

Федот Алексеев Попов и Семен Дежнев настойчиво шли вперед. Неприветливо встретил их обрывистый мыс. У этого Большого Каменного носа погиб коч Анкудинова, а людей разместили на оставшихся кочах. Здесь пришлось остановиться, так как всем нужен был отдых.

О необыкновенной наблюдательности Дежнева говорит описание мыса, сделанное им спустя несколько лет после плавания. Сообщив, что нос «вышел в море далеко», Дежнев писал далее: «а против того Носу есть два острова, а лежит Нос промеж сивер на полуношник (т. е. между севером и северо-востоком.— А. А.). А с рускую сторону Носа (со стороны реки Колымы.— А. А.) признака: вышла речка, становье тут у чухоч делано, что башни из кости китовой». О жителях мыса и островов Дежнев писал, что «живут на нем чукчи добре много, против того же Носу на островах живут люди, называют их зубатыми, потому что принимают они сквозь губу по два зуба немалых костяных»¹.

Время было осеннее, непогожее. Штормы следовали один за другим, и кочам приходилось трудно. У Чукотского мыса сделали очередную остановку, но ненадолго: чукчи встретили пришельцев с оружием. 20 сентября снова вышли в море. И теперь, когда цель была близка, крепчайший шторм разметал, разбросал кочи в разные стороны. Об одном из них не сохранилось достоверных сведений, но есть предположение, что он выброшен был на берег Аляски.

Кочи с Федотом Алексеевым Поповым и Герасимом Анкудиновым долго носило по морю, и они оказались у берегов Камчатки. Суденышки вошли в устье реки Камчатки, поднялись до притока ее — реки Никул, где и зимовали. Славный русский ученый Степан Крашенинников писал: «Кто первый из русских людей был на Камчатке, о том не имею достоверного свидетельства, а по словесным известиям приписывается сие не какому торговому человеку Федоту Алексею, по которого имени впадающая в реку (Камчатку.— А. А.) Никул речка Федотовщиною называется». Иван Козыревский, первооткрыватель Курильских островов, на «Чертеже Камчатского носу и Морским островам» обозначил реку Федотовку и написал в пояснении: «Зимовья два были. В прошлых годах из Якуцка города на кочах были на Камчатке люди, а которые у них в аманатах сидели те камчадалы и сказывали, а в наши годы с оных стариков ясак брали, два коча сказывали, и зимовья знать и поныне»¹. Существует свидетельство того, что, перезимовав, оба коча вышли в море, обогнули Камчатку и остановились на реке Тигиль. В борьбе с лишениями, от болезней и во время неравных боев с местными жителями мореплаватели-казаки погибли все до одного. Где и как это произошло, в точности неизвестно.

¹ Люди русской науки. М., 1962, стр. 285.

Ф. А. Попов.

Коч Дежнева выбросило 1 октября на берег южнее реки, которую все искали, — южнее Анадыря. С Дежневым было 24 человека. Недалеко от устья реки Дежнев остановился и послал вверх на лодке 13 человек, но, не найдя ни людей, ни пищи, они возвратились, потеряв половину товарищей. Многих недосчитались дежневцы в ту страшную зиму. В 1649 году Дежнев отправился вверх по реке со всеми оставшимися казаками и в 500 километрах от устья на небольшом островке построил Анадырский острог, ставший на долгие годы русским форпостом на Крайнем Северо-Востоке.

В 1650 году туда пришел заносчивый и властолюбивый Михаил Стадухин с Семеном Моторой, которого он догнал по пути и силой заставил отказаться от власти на Анадыре, предоставленной тому наказной памятью. На Анадырь шли пешком. От Федота Алексева Попова и Семена Дежнева не было никаких вестей, и Стадухин с Моторой не ожидали встретить их здесь. Стадухин не только не признал власти Дежнева в Анадырском остроге, но даже бил его по щекам, считая, что с худородным казаком нянчиться нечего.

Дежнев вынужден был со своими людьми искать спасения от строптивного, кичащегося богатыми связями Стадухина. Он решил пробиваться

на богатую соболями реку Пенжину, но не нашел туда дороги и вынужден был возвратиться обратно.

Мытарства Дежнева и его казаков кончились весной 1651 года, когда Стадухин ушел из острога искать пути на Пенжину. С Моторой Дежнев сразу поладил и даже признал в нем старшего: ведь ему была дана наказная память быть приказчиком во вновь построенном остроге на Анадырь-реке. Семен Мотора погиб весной 1652 года, а Дежнев с товарищами продолжал служить в остроге. Главным промыслом был «моржовый зуб». Большие лежбища были открыты недалеко от устья реки Анадыря, и к 1656 году в остроге скопилось 289 пудов «моржового зуба».

29 мая 1659 года Семен Дежнев сдал приказные дела прибывшему Курбату Иванову, а сам отправился в трудный путь «с костяной и соболиной казной» в Нижнеколымск. Около года продолжалось путешествие. Доставить 150 пудов моржового клыка было не так-то просто. Уйти в Якутск ему в 1660 году не удалось. Пришлось зимовать в Нижнеколымске и лишь часть казны отправить с надежными людьми. Только весной 1662 года после двадцатилетнего отсутствия возвратился Дежнев в Якутск. Привезенной им «моржовой кости» было так много, что в Якутске у властей не нашлось денег, чтобы рассчитаться с приказчиком, и его отправили в Москву, в Сибирский приказ, для окончательного расчета.

Летом 1662 года Семен Дежнев в сопровождении Ивана Ерастова тронулся в путь и прибыл в Москву в сентябре 1664 года. Он подал царю Алексею Михайловичу челобитную, в которой просил выдать полагающееся жалованье за 1643—1661 годы. Просьбу Дежнева уважили, да, кроме того, за лично ему принадлежавшую «моржовую кость» получил он крупную сумму, а 25 февраля 1665 года был «поверстан за кровь и за раны, и за ясачную прибыль» в атаманы.

Дежнев выехал из Москвы в марте 1665 года и летом 1666 года возвратился в Якутск. Очевидно, после смерти первой жены, он зимой 1666/67 года женился вторично. Вторая жена его, тоже якутка, получила при крещении имя Пелагеи Семеновой. От этого брака у Дежнева был также сын, Афанасий (в 1699 году он служил в Анадырском остроге).

В 1667 году Дежнев был назначен приказчиком на Оленек и поехал туда вместе с семьей. Как всегда, служил добросовестно, честно, ему удалось мирным путем собрать ясак с жителей. В 1669 году с такой же целью он ездил в Верхоянское и Средневилюйское зимовья. В июле 1670 года якутский воевода отправил Дежнева в Москву, в Сибирский приказ, во главе отряда, сопровождавшего «соболиную казну». Путешествие оказалось последним в жизни атамана. 25 декабря 1671 года отряд был в столице, но обратно Дежнев не возвратился: в начале 1673 года его славный жизненный путь окончился в Москве.

О подвиге Семена Дежнева и Федота Алексея Попова долгое время в Европе не знали, хотя в Сибири память о них переходила из поколения в поколение. Историкограф Г. Ф. Миллер обнаружил в Якутске

отписки Дежнева. С тех пор о Дежневе написано много книг и исторических исследований, имя его пользуется большой известностью и популярностью. В 1898 году по решению Русского Географического общества Большой Каменный нос был переименован в мыс Дежнева. Сейчас там стоит памятник смелому мореходу.

Другой отважный мореплаватель и один из руководителей исторического плавания Федот Алексеев Попов Холмогорец побывал на Камчатке, первым всю ее обошел. Он организовал экспедицию и разделил тяготы морского пути вместе с Дежневым.

Семен Иванович Дежнев и Федот Алексеевич Попов Холмогорец своими героическими подвигами прославили русскую географическую науку, и память о них народ наш будет хранить вечно.

ПУТЬ К ОКЕАНУ ✓

Н

о не только Северным морским путем пробивались упорные русские землепроходцы и мореходы к Восточному океану. Через горы и дремучие леса, по рекам и озерам вышел на Охотское море в 1639 году Иван Юрьев Москвитин с группой томских казаков. Путь Москвитина лежал по рекам Алдану, Мае и Юдоме, затем через высокий прибрежный хребет Джугджур и оттуда по реке Улье вниз к морю. Основав в устье этой реки новое зимовье, Москвитин и его товарищи в том же году совершили походы и плавания вдоль берегов Охотского моря как к северу — до Тауйской губы, так и к югу — до реки Уды, а по некоторым сведениям, и южнее.

Здесь спутникам Москвитина местные жители — нивхи, ульчи, гольды, дучеры, натки и другие рассказали о большой реке, на которой живут богатые люди. Живут эти люди оседло, держат скот, пашут землю, меняют хлеб на соболей, имеют много золота, серебра, дорогих тканей. Называют этих людей даурами.

Такие рассказы о богатых землях за реками Витимом и Олекмой, во многом, конечно, приукрашенные, и раньше доходили до Якутска. Еще в 1636 году енисейский воевода послал для «новых обысканий у реки Витима» енисейского казацкого атамана Максима Перфильева с отрядом из 36 казаков и вольных людей. За два года они добрались до Якутска, а затем и до Олекминского острога, где зазимовали. Зимовали еще и на Витиме. Только весной 1640 года поплыли вверх по Витиму. Через восемь дней добрались до речки Цыпир и по ней плыли еще девять дней. Когда «Большой порог» преградил путь, Перфильев повернул обратно.

Первый якутский воевода Петр Головин поддерживал стремление казаков продвинуться на юг Сибири. В 1641 году по пути Перфильева ходил отряд казаков и промышленных людей из 70 человек во главе с письменным головой Еналеем Бахтеяровым. Кроме новых устных «распросных» сведений, Бахтеяров и его спутники ничего в Якутск не привезли.

15 июля 1643 года под руководством якутского письменного головы Василия Даниловича Пояркова начала свой долгий путь большая экспедиция из 132 человек. Шли они по Лене, Алдану, притоку его Учтуру Там, где в Учур впадает река Гонама, часть отряда стала на зимовку, а Поярков с остальными девятью десятками своего отряда пошел дальше. Оставшимся казакам было приказано весной двигаться на Зею, приток Амура.

Перевалив через Становой хребет, Поярков с товарищами вышел к истокам реки Брянты, правого притока Зеи. Тут построили дощаники — небольшие плоскодонные речные суда, сбиваемые из досок. В таком дощанике помещалось 30—50 человек с грузом. В дощаниках спустились по Брянте и Зее до даурского селения Умлекан и построили здесь острожек.

Дождавшись оставленных на Гонаме товарищей, Поярков поплыл по Зее и вышел на большую реку Амур. Вместо того, чтобы искать серебряную руду в верховьях реки (место жительства дауров), он поплыл вниз, где жили дучеры.

Быстрые воды Амура стремительно несли дощаники, и через три недели отряд достиг устья крупной реки Сунгари, по берегам которой видны были распаханые земли, селения, пышная растительность. Отсюда Поярков отправил вперед группу в 25 человек с Илейкой Ермолиным во главе. Через три дня вернулись только два человека — служилый Панкрат Митрофанов и промышленник Лука Иванов. Они сообщили, что все остальные люди перебиты дучерами во время ночевки и только им двоим удалось бежать.

У Пояркова осталось около 70 человек, но он не возвратился обратно. Путь лежал вперед и только вперед.

Через шесть дней путешественники увидели еще одну могучую реку впадающую в Амур справа. Это была Уссури. На берегах ее жили люди называвшие себя натками. Река становилась все шире, течение — более плавным, встречалось много проток, островов, среди которых трудно было выбирать путь.

Прошло четыре недели, и отряд добрался до устья Амура. Здесь живя никому не известный и никому не подвластный народ — гиляки, или нивхи. Поярков обложил их ясаком и объявил подданными русского царя. Уставшие спутники его требовали отдыха. Идти зимой в Якутск пешком было бессмысленно, пускаться в море — тем более, и Поярков стал на зимовку. Люди готовились к предстоящему походу морем, оснащали суда

запасали продукты, одежду. Поярков собрал с жителей богатый ясак: двенадцать сороков¹ соболей и шестнадцать собольих шуб.

Весной 1645 года отряд Пояркова вышел в бурное Охотское море. Когда шли лиманом Амура, справа хорошо были видны берега земли — острова Сахалина. Мы, к сожалению, не знаем подробностей этого беспримерного плавания по морю на плоскодонных судах. Целых двенадцать недель волны бросали суденышки. Путешественники старались плыть вдоль берега. Сначала их занесло на какой-то большой остров, потом суда выбросило на берег недалеко от устья реки Ульи, где в свое время основал зимовье Иван Москвитин. Время было позднее, пришлось зимовать еще раз.

А ранней весной 1646 года Поярков отправился в Якутск по реке Улье, перевалил через хребет Джугджур и далее плыл по Мае, Алдану и Лене. В устье Ульи он оставил 20 человек, которые должны были до следующего года ждать смены из Якутска. Только в середине июня 1646 года, после трехлетнего отсутствия, возвратился Поярков в Якутск, где многие считали его погибшим.

Поярков дал подробное описание своего похода, кроме морской части его, сделал «чертеж» посещенных им рек, рассказал о быте и нравах населяющих те места народов, доложил якутским властям, что в Приамурье всего вдоволь и оно никому не принадлежит.

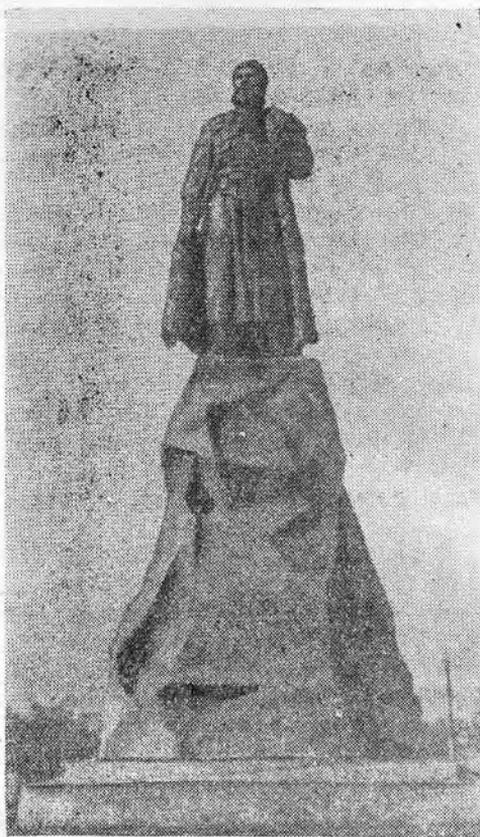
Поход Пояркова обогатил русскую географическую науку. Труднейшее плавание по Амуру — первое в истории России плавание по этой реке — ставит имя Пояркова в один ряд с именами выдающихся путешественников.

В то время как первые русские люди знакомились с далеким богатством Амуром и прокладывали туда пути, в Сибири появился откупщик Ерофей Павлович Хабаров. Родом он был из Устюжского уезда теперешней Вологодской области. Это был предприимчивый и к тому же грамотный человек — качество, особенно ценное в то время. Известно, что до прихода в Сибирь Хабаров с семьей жил в Сольвычегодске, где держал соляные варницы.

В 1628 году ходил он в Мангазею, стоявшую с 1601 года в Западной Сибири на реке Таз, в 180 километрах от устья. Оттуда дальше на реку Пясину целовальником. Брат его Никифор нанимал на Енисейском «волоку» шесть «покрученников»², с которыми он и Ерофей добыли восемь сороков соболей. В 1630 году Ерофей и Никифор Хабаровы вместе с племянником Артемием Филипповичем Петриловским обосновались на реке Енисей, вблизи устья реки Тиса.

¹ Сорок — старинная русская мера счета, применявшаяся до начала XIX века. 12 сороков — значит 480 шкурок.

² Покрученник — человек, участвовавший в походе на полном иждивении хозяина и получавший при расчете определенную долю вырученных доходов.

Памятник Е. П. Хабарову в Хабаровске.

Здесь Хабаров занялся хлебопашеством и нажил достаточное состояние. Но по всей Сибири гремела слава о реке Лене, о богатых пушных промыслах на ней, и Хабарова потянуло на новые места. Тщательно готовился он в путь. Нанял 27 работников — покрученников и заплатил им вперед, договорился с казной о выдаче различных припасов, подал челобитную с просьбой отпустить его на Лену. Из Енисейского острога Хабаров получил вместе со всем просимым «проезжую грамоту» — паспорт. В грамоте говорилось, что «отпущен из Енисейского острога на Лену-реку промышленный человек Ерофейко Павлов Хабаров Устюжанин».

Все лето провел Хабаров в пути — плыл по Ангаре, по притоку ее Илимю. Небольшой отряд Хабарова обосновался сначала в Усть-Кутском остроге. Из него ходили по Лене к Якутску. Хабаров и здесь основал соляные варницы, которые в 1639 году начали снабжать солью не только ближайшие остроги, но и Якутск. Однако Хабаров не успокоился на этом: он занимался одновременно еще и хлебопашеством и очень вы-

годным пушным промыслом, а покрученники его — извозом через Ленский волок — от Илимского до Усть-Кутского острога.

Вскоре Хабаров стал одним из крупнейших хлеботорговцев в Якутском уезде. Первые якутские воеводы П. Головин и М. Глебов забрали у него в «государеву казну» безвозмездно целых 3 000 пудов хлеба; затем они отписали в казну без всякого вознаграждения и его соляной завод. Горько было Хабарову, но пришлось передать соляные варницы десятнику Семену Андреевичу Шелковнику, тому самому, который в 1647 году основал первый русский порт на Тихом океане — Охотский острог. Отобрали у Хабарова и земли.

Тогда Ерофей Павлович поселился на устье реки Киренги и в 1641 году основал там селение, впоследствии названное Хабаровкой. Энергичный и деятельный, он на новых землях тоже завел обширное хозяйство. Но и тут его не оставил в покое якутский воевода и в 1643 году снова отобрал все владения Хабарова, а самого его за отказ снабжать якутскую казну деньгами посадил в тюрьму. Из тюрьмы Хабаров вышел только в конце 1645 года, вернулся в Усть-Киренгу и принялся восстанавливать свое хозяйство.

Хабаров, конечно, знал о походах Бахтеярова, Перфильева и Пояркова: Ему было хорошо известно, что путь на Амур гораздо короче и удобнее не по Витиму, а по Олекме. Походы многих промышленников подтверждали это.

Хабаров, человек дальновидный, с большим жизненным опытом, отлично понимал, какое значение будет иметь успешный поход на Амур. В 1648 году якутский воевода Дмитрий Андреевич Францбеков остановился на зимовку в Илимском остроге. К нему 6 марта 1649 года и обратился с челобитной Ерофей Хабаров. Он писал, что посланный ранее на Шилку Бахтеяров не добился успехов потому, что неправильно выбрал путь. Хабаров указывал, что он знает путь короче, по Олекме, и просил дать ему 150 человек, которых брался снарядить за свой счет и обещал «прибыль великую» русскому царю. Через несколько дней воевода Францбеков дал «оптовщику» Ерофею Хабарову «наказ» о походе в Даурскую землю. В этом наказе отмечалось, что воевода Францбеков и дьяк Степанов «велели ему Ерофейку итти, и с ним охочим служилым и промышленным людям сту пятидесяти человеком, или сколько может прибрать, которые похотят без Государева жалованья итти, по Олекме и по Тугирю рекам, и под волок Шилской и на Шилку, на Государевых непослушников»¹ даурских князей Лавкая и Батогу, которые не соглашались платить ясак русскому царю. Хабарову предписывалось по возможности мирными средствами достигнуть своей цели. Потом он и сам не раз заявлял в своих отписках о желании закрепиться на Амуре «без всякие драки». Но в крайнем случае Хабарову разрешено

¹ Акты исторические. Т. 4, СПб, 1842, док. 31, стр. 68.

было «прося у Бога милости, над ними поиск чинить и промышлять войною»¹.

Хабарову не удалось собрать нужного числа людей. Только 70 человек вызвались идти вместе с ним в далекий поход. Но это не задержало Ерофея Павловича. Когда не хватило денег, он занял их у Францбекова.

В конце марта 1649 года отряд Хабарова вышел из Илимского острога и все лето провел в пути. К осени добрались до устья Тугиры — правого крупного притока Олекмы. Здесь построили острожек, зазимовали. В январе 1650 года на нартах отправились вверх по Тугиру и перевалили через Олекминский становик — отроги Станового хребта. Весной того же года добрались до Урки, впадающей в Амур. Вскоре попали в большой город царства Лавкая на берегу этой реки².

Но город как будто вымер: в нем не оказалось ни одного жителя. То же самое увидели хабаровцы в следующих двух городах ниже по течению Амура. Трудно было решить, что задумал Лавкай. Может быть, нарочно заманивал пришельцев в глубь своих владений, чтобы затем «бой учинить» и разбить их. Но вскоре все выяснилось. В тот же день к лагерю Хабарова подъехало пять всадников. Это был сам Лавкай с двумя братьями, зятем и слугой. Навстречу им вышел Хабаров. Выяснилось, что до Хабарова здесь побывал казак Ивашко Елфимов Квашнин, покрученник Ивана Беляша Ярославцева. Он промышлял в этих местах и даже поставил зимовье на Тугирском волоке. Лавкай сообщил, что Квашнин вел торговлю и говорил о скором приходе множества русских, которые намереваются всех их «побить и животы... пограбить, а жен и детей в полон иметь». По-видимому, этим Квашнин хотел устрашить дауров. Лавкай отказался платить ясак русскому царю и уехал из города.

Хабаров пошел вниз по Амуру до четвертого, затем до пятого города, но безрезультатно и решил дальше пока не идти. Он вернулся в Лавкаев город и там укрепился. Не ожидая весны, Хабаров отправился с небольшой партией казаков из 20 человек в Якутск. Надо было набрать побольше людей и заготовить припасы для нового наступления на Амур.

26 мая 1650 года Хабаров был уже в Якутске и докладывал воеводам о своем походе. Он привез чертеж реки Амура, где были нанесены пять даурских крепостей. Их нужно было взять, чтобы укрепиться на Амуре. Рассказы и доводы Хабарова были убедительны. Недаром воевода в докладе царю писал, что «тебе государю будет прибыль большая, и в Якуцкой, государь, острог хлеба присылать будет не надобно, по-

¹ Акты исторические. Т. 4, СПб, 1842, док. 31, стр. 69.

² Город, городище, городок (от глаголов «городить», «огородить») — населенные укрепленные пункты, выставлявшиеся в пограничной полосе Сибири. Сейчас на берегу реки Урки находится железнодорожная станция Ерофей Павлович. Лавкаев город находился в устье реки Урки.

тому что... из Лавкаева города с Амура реки волок на Тугирь реку в новый острожек, что поставил Ярко Хабаров, переходу только со сто верст, а водяным путем из того Тугирского острожку на низ Тугирем рекою и Олекмою и Леною до Якуцкого острогу поплаву на низ только две недели; а чаять, государь, того, что та Даурская земля будет прибыльнее Лены, а сказывал он Ярко нам холопам твоим, что и против всей Сибири место в том украшено и изобильно»¹.

Воевода Францбеков не стал ожидать решения царя. Медлить было нельзя и незачем. 110 человек добровольно согласились отправиться с Хабаровым, кроме того, 27 служащих выделил воевода. Этого было мало, но Хабаров, заручившись словом воеводы, что в дальнейшем помощь подойдет, двинулся в путь.

Осенью 1650 года Хабаров встретился со старыми соратниками. Все они были живы и здоровы, хотя и выдержали немало стычек с даурами. Ерофей Хабаров поднял весь народ и пошел «на великую на Амур реку, в княж Лавкаево княжение, в их Даурскому городу». Дауры поджидали русских. Они поняли, что не зря их столько здесь оставлено. Теперь надо было ждать прихода главных сил.

Увидев русских, дауры, засевшие в остроге князя Албазы, напротив впадения реки Амуэрхэ в Амур, вышли из города и, отказавшись от мирных переговоров, решили перебить всех казаков. Тогда и Хабаров показал силу и «бился... с ними с половины дни до вечера». Победили хабаровцы. Они овладели даурской крепостью Албазин. Дауры бежали вниз по Амуру.

Хабаров сразу же снарядил погоню. Под начальством Дуная Трофимова и Тренки (Терентия) Ермолина Чечигина на легких стругах² в ночь отправилось 135 человек. Утром дауры с удивлением обнаружили у стен своего города готовый к бою отряд русских. Дауры подожгли город и отступили. В полдень казаки настигли их. И дауры были окончательно разбиты.

Укрепив Албазин и захватив с собой большую часть отряда, Хабаров двинулся вниз по Амуру «с большим ружьем, с двумя пушками». На десятый день пути он встретил многочисленное даурское войско и смело вступил с ним в бой. Дауры не выдержали и отступили. Недалеко от этого места Хабаров поставил острог, в котором остались 20 казаков и 30 служилых для сбора ясака. Зимовать отряд возвратился в Албазин.

Богатый ясак отправил в том году в Якутск Ерофей Хабаров: четыре сорока и шесть соболей! Для доставки ясака вместе с донесением о де-

¹ Здесь и далее сведения без особых оговорок приводятся из Дополнений к актам историческим (ДАИ), том 3.

² Струг — деревянное плоскодонное речное судно (гребное или парусное) с отвесными бортами и заостренными оконечностями длиной от 20 до 46 метров, шириной 4,5—9 метров.

лах на Амуре он выделил самых надежных людей: Тренку Ермолина Чечигина, Дружинку Васильева Попова и своего племянника Артемия Филлипова Петриловского.

Зима прошла в обычных заботах, в сборе ясака, в укреплении Албазина. Когда наступила весна, не дожидаясь возвращения посланных с приказами людей из Якутска, Хабаров стал готовить сплав по Амuru. Как только окончился ледоход, 2 июня 1651 года Ерофей Хабаров начал свой героический поход.

При появлении отряда Хабарова дауры уходили подальше от реки. Через два дня хабаровцы добрались до города князя Дасаула на левом берегу Амuru, а на третий подплыли к городу Гуйгударову. Дауры встретили отряд на берегу и не давали ему пристать, но оружейные выстрелы заставили их отступить и запереться в самом городе. Началась осада. Перед боем Хабаров обратился к осажденным с речью, в которой призывал их добровольно «без драки сдаться и давать ясак государю по своей мочи». Несколько раз ходили хабаровцы на приступ. Под непрерывным градом стрел они шаг за шагом продвигались к крепости. «Всю ночь до схожево солнца» шла осада. Дауры в конце концов не выдержали, «десятка полтора, лишь те и ушли из города», а остальные были окружены и взяты в плен. Отряд захватил много трофеев, знамена, лошадей.

Вскоре флотилия отправилась дальше и через два дня подошла к городу, где правил князь Банбулай¹. Узнали тут, что ниже по реке за впадением в нее Зеи стоит «город крепкой и укреплен накрепко, а крепили... тот город всею Даурскою землею». Хабаров понял, что эта крепость является оплотом дауров на Амуре, и, поговорив с казаками, немедленно пошел к ней.

Подойдя к городу, хабаровцы захватили городские башни. После того как с больших судов стали палить пушки, а на берег были выведены кони, на которых казаки преследовали отступающих, даурские князья Туронча, Толга и Омутей согласились платить ясак русскому царю и быть под его «высокою рукою в вечном ясачном холопстве». Хабаров заставил князей дать присягу при всем народе. Оставив главных князей у себя аманатами, Хабаров, посоветовавшись «с ратными людьми служилыми и с вольными казаками», всех остальных отпустил по своим улусам. И с тех пор «они жили в тех своих улусах у города с нами за един человек и корм нам привозили и они к нам в город ходили беспрестанно, и мы к ним тоже ходили».

Не дождавсь никаких известий из Якутска, Хабаров отправил туда 2 августа Сергушку Андреева, Богдашку Габышева, Ивашку Телятева и Ефимку Самсонова с отпиской о своих действиях. В провозатые дал

¹ Банбулаево городище располагалось в 45 километрах от Благовещенска, в районе селения Марково, в двух километрах к северу от него.

им 36 человек с тем, однако, чтобы от Тугирского волока те возвратились обратно.

Прошло три недели, и вдруг толмач Костка Иванов, приехавший к Хабарову от енисейского сына боярского Ивана Галкина, посланный к даурам, обнаружил, что все они ушли из улусов. Зимовать стало невозможно, так как запасов не было, а время шло к осени. Тогда, взяв аманатов, 7 сентября отряд пошел дальше.

Четыре дня плыли до того места, где Амур течет, стиснутый Хинганским (Буренским) хребтом, или до Камня, как его тогда называли. Через ущелье плыли два дня и ночь; еще через два дня, останавливаясь лишь изредка по пути в улусах, достигли устья реки Сунгари. После короткой остановки и расспросов плыли семь дней мимо берегов, где жили дучеры. Ниже по Амуру встретили новый народ. Хабаров называет их ачанами — гольдами. Землю они не пахали, скота не разводили, занимались только рыболовством.

29 сентября увидели селение на левом берегу Амура. Здесь решили зимовать и поставили острог. Чтобы обеспечить себя продовольствием на зиму, снарядили два судна, на которых 5 октября отправились под парусами вверх по Амуру 100 человек. Это не осталось незамеченным.

Рано утром 8 октября около тысячи дучеров и ачан подошли к острогу и подожгли его со всех сторон. В остроге осталось всего 106 человек, но устоять против ружей и пушек дучеры и ачаны не смогли. Их ряды дрогнули и откатились к Амуру, где были наготове большие струги.

На следующий день в острог возвратились казаки с богатым уловом рыбы. Острог основательно укрепляли, запасались продуктами, а свежую рыбу ловили подо льдом на железные крючки. 28 ноября, уже зимним путем, было отправлено 120 человек, которые благополучно вернулись, собрав хороший ясак.

Терентий Ермолин Чечигин и Артемий Филиппов Петриловский, посланные в Якутск, развернули энергичную деятельность. Набрали 144 «новоприборных охочих» человека. Воевода Францбеков выделил для Хабарова 30 пудов «зелья» — пороха и 30 пудов свинца. К началу августа 1651 года Терентий Чечигин был совсем готов в путь.

До наступления зимы казаки Чечигина добрались до Тугирского волока. Недалеко от волока они встретили нарочного от Хабарова с письмом к Чечигину с просьбой «поспешать» на Амур. И Чечигин, не останавливаясь на зимовку в Тугире, пошел дальше. Запас, взятый с собой, он оставил у Тугира на попечение восьми своих казаков и тринадцати старослужащих во главе с Ивашкой Артемьевым Портнягой и Никифором Хабаровым. Им приказано было ранней весной явиться со всеми запасами на Амур. Чечигин же 10 сентября пошел через волок и на Амуре стал спешно строить суда, чтобы успеть в этом же году соединиться с Хабаровым.

Когда Чечигин и Петриловский плыли по Амуру, то время от времени они посылали вперед легкие малые струги на разведку, но на след Хабарова напасть не удавалось. Приближалась зима. Стали на зимовку. Отряд Хабарова зимовал в разных местах: основные силы — в низовьях реки, а присланные — в верховьях. И никто из них ничего не знал друг о друге. С наступлением весны Чечигин отправил вперед на быстром струге пять служилых людей и двадцать одного казака во главе с Иваном Нагибой. Им было строго наказано плыть вниз десять дней и смотреть вокруг, чтобы не пропустить Хабарова. Плавание это оказалось настолько интересным, что на нем надо остановиться подробнее.

Из Банбулаева городка отряд Нагибы отправился 4 мая 1652 года. Десять дней плыли казаки, не спуская глаз с берега. За это время они пришли в страну дучеров. Вполне возможно, что где-то рядом находился отряд Хабарова, но встретить его не удалось. Оставалось предположить, что Хабаров ушел вниз к гиялкам.

Нагиба посоветовался с товарищами и решил плыть дальше в низовья Амура. Вскоре казаки, сами того не зная, оказались в устье Амура, а затем и в Амурском лимане. Таким образом, отряд Нагибы был вторым после Пояркова русским отрядом, побывавшим в устье Амура.

Здесь Хабарова тоже не было: вероятно, разошлись с ним где-то в многочисленных протоках. Возвратиться домой можно было только морским путем, а струг Нагибы был совершенно непригоден для плавания по морю — не было даже паруса.

Несколько дней гребли вдоль берега, но встретились льды. Десять суток носилось судно вместе со льдами по морю, пока не было раздавлено у пустынного берега. Утонуло все снаряжение и продовольствие. Казаки с трудом, где по льдинам, где вплавь, добрались до земли. Измученные, побрели они вдоль берега, питаясь травой да ягодами, иногда трупами моржей и нерп. Через пять дней дошли до небольшой реки и решили здесь остановиться, построить новое судно. Работали без инструментов, не было даже топоров. И все же какое-то подобие судна через две недели было готово.

Снова поплыли по морю. Дойдя вдоль берега до устья реки Учальды, казаки увидели тунгусские юрты и остановились. Время было осеннее. Дождавшись зимнего пути, 15 декабря 1652 года на нартах отправились через горы. Спустя четыре недели вышли на реку Тугур¹, где набрели на гиялцкое стойбище. Казаки обязали гиялков платить ясак и сразу взяли семьдесят восемь соболей. Построили здесь острог, в котором и прожили до лета.

А 30 июня 1653 года на легком струге Иван Нагиба с четырьмя товарищами — Иваном Михайловым, Павлом Степановым, Федором Спи-

¹ Не нужно смешивать реки Тугир (теперь Тунгир) и Тугур. Первая — приток реки Олекмы, вторая впадает в юго-западную часть Охотского моря. На обеих реках были в то время поставлены остроги.

ридоновым и Степаном Дмитриевым — поплыл вниз по реке. Выйдя в море, струг четыре недели плыл вдоль берега, а затем четыре дня поднимался вверх по реке Нангтары (может быть, Лантары, к югу от залива Аян). Когда плыть стало невозможно, пошли пешком, через хребет Джугджур. Перевалив через него, путешественники попали на реку Ватангу (Ваган), по которой на легком суденышке, построенном на ходу, спустились до реки Май. Затем вышли на Алдан и уже оттуда на Лену. 15 сентября 1653 года Иван Нагиба со своими спутниками добрался наконец до Якутска. Здесь он немедленно организовал смену товарищам, оставленным во главе с Иваном Уваровым на реке Тугур.

Тем временем отряд Чечигина, не дождавшись разведки Нагибы, в конце мая вышел к Хабарову. Долгожданная встреча состоялась у Хинганского хребта. Недельку казаки отдыхали.

В то время, когда велись поиски, Хабаров со своим отрядом зимовал в низовьях Амура, среди ачан. Пришлось ему здесь в марте отразить жестокое нападение более чем двухтысячного вооруженного маньчжурского войска.

Хабаров был уверен, что теперь русские твердой ногой стали на Амуре, и надеялся на государеву помощь. Он употребил всю свою энергию, волю, недюжинный ум и способности, чтобы с честью выполнить задание. Где лаской, где хитростью, а где и военной силой Хабаров присоединил богатейшие области Приамурья. Но окончательно амурский вопрос был решен в пользу России лишь через двести лет.

У Хабарова осталось менее двухсот человек, а помощь от воевод все не подходила. Необходимо было во что бы то ни стало связаться с Якутском, и Хабаров поплыл вверх по Амуру. Он построил шесть дощаников и разместил на них все: пушки, запасы, лошадей.

22 апреля пошли в обратный путь. Большею частью гребли, а когда дул попутный ветер, поднимали паруса. Проплыли мимо земель натков, миновали устье реки Сунгари, добрались до Хинганского ущелья — амурских «щек» — и при выходе из него увидели спускающийся вниз отряд казаков. Это были Чечигин и Петриловский, которые привезли Хабарову людей, порох и свинец, а также и пушку.

По пути люди Хабарова ходили в соседние становища — улусы, собирали ясак, брали заложников. Один из заложников сообщил, что в устье Сунгари отряд Хабарова поджидало шеститысячное войско маньчжур, жаждавших отомстить за разгром в Ачанском остроге. Но битва не состоялась: суда Хабарова без остановки прошли эти места под парусами, преследовать же отряд по реке маньчжуры не решились.

В отряде между тем росло недовольство Хабаровым. Часть казаков пришла к нему, надеясь на быстрое обогащение за счет разбоя и грабежа местного населения. Они требовали от Хабарова военных действий, когда в этом совсем не было необходимости. Мирные взаимоотно-

шения с местным населением их не устраивали. Перспектива зимовки в верховьях реки, где нечем было пожить, не радовала, и они решились на открытое выступление против Хабарова.

Произошло оно в устье реки Зеи. Хабаров выбирал здесь место для строительства русского города-крепости, который стал бы резиденцией властей на Амуре. 1 августа 1652 года Хабаров собрал своих сподвижников, чтобы обсудить предстоящие дела. Тут-то и показали себя заговорщики во главе со Степаном Поляковым, Косткой Ивановым и Логином Васильевым. Они не хотели мирно жить на одном месте. На трех дощаниках поплыли они вниз по Амуру, силой захватив с собой часть несогласных с ними казаков (около 30 человек), а также запасы пороха и свинца.

Хабаров с товарищами ездил к восставшим, уговаривал их, но бесполезно. 136 человек покинули отряд, захватив разного имущества на две тысячи рублей и войсковое знамя. У Хабарова осталось 212 человек, и положение отряда ухудшилось. Теперь местные жители уже не верили, что притеснять их больше не будут. Они отвечали упреками: недавно пошел вниз большой отряд, который громил и грабил селения.

Обо всем Хабаров сообщил якутскому воеводе в подробной отписке. В ней же просил он о помощи и намечал дальнейший план походов на другие реки — притоки Амура. А с бунтовщиками решил расправиться сам. 30 сентября Хабаров захватил их в остроге в низовьях Амура. По его приказу бунтовщиков жестоко избили батогами.

Побывавшие на Амуре рассказывали сибирским казакам и поселенцам о необычных богатствах земель того края. Говорили о хорошем климате, о золотых и серебряных россыпях и т. п. В рассказах было много прикрас, но свое дело они делали. Началось настоящее паломничество на Амур, приостановить которое было невозможно. За беглецами посылали погоню, но это не помогало. Часто служилые присоединялись к бежавшим и уходили на Амур сообща.

У якутского воеводы не хватало сил, чтобы закрепиться на Амуре, и он все время просил помощи у царя. А с последним своим донесением даже отправил в Москву хабаровца — Дружинку Васильева Попова, чтобы тот лично объяснил положение дел на Амуре.

В Москве еще до приезда туда Попова было решено послать на Амур трехтысячное войско под командованием князя Лобанова-Ростовского. В марте 1652 года для размещения людей, постройки дорог и ознакомления на месте со всеми делами на Амур был послан московский дворянин Дмитрий Иванович Зиновьев. В этом году он до Амура не добрался и зимовал на Чечуйском волоке — между Тунгуской и Леной.

Встреча Зиновьева с Хабаровым произошла только в первых числах августа 1653 года на устье реки Зеи. Зиновьев привез царские награды всем участникам похода. Прямой и честный Хабаров не понравился спесивому и властолюбивому московскому дворянину. В ответ на при-

казание Зиновьева отчитаться перед ним Хабаров спросил у посланца царскую грамоту, официальные полномочия. Это окончательно взбесило Зиновьева. Сохранились известия, что он, заподозрив «Хабарова в утайке ясака, требовал от него отчета и дерзость свою простер до того, что плевал Хабарову в лицо, драл за бороду и вооружил против себя товарищей героя»¹.

Уезжая с Амура, Зиновьев решил взять с собой в Москву самого Хабарова. Есть сведения, что он вез Хабарова арестованным, отобрал у него все имущество. Зиновьев распорядился построить три острога: в Лавкаевом улусе, на реке Урке и в устье Зеи. Главным вместо Хабарова он оставил служилого Онуфрия Степанова, который с отрядом до 1658 года разъезжал по Амуру, собирая с жителей ясак, вступая в частые стычки с маньчжурами.

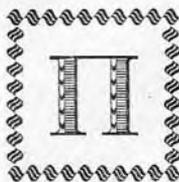
К 1676 году на Амуре было уже много русских острогов. Владения русского царя распространялись до Зеи и ниже по Амуру. Центрами деятельности русских на Амуре стали Нерчинский острог и Албазин. В 1682 году были основаны поселения и остроги в устье реки Буреи, на Амгуни (у гиляков), Селемджинский и Долонский на Зее, несколько деревень вблизи Албазина и два острога на реках, впадающих в Охотское море: Удской и Тугурский (основанный Иваном Нагибой).

Что же случилось с Хабаровым? По прибытии его в Москву царь Алексей Михайлович пожелал видеть славного землепроходца. Хабаров был принят ласково, награжден званием сына боярского. Кроме того, он был назначен приказчиком поселений между Леной и Илимом, от Усть-Кута до Чечуйского волока. Имущество, отобранное Зиновьевым, было ему возвращено. Но по прибытии на Лену Хабарова вскоре арестовали и отправили в Якутский острог, так как он не мог сразу рассчитаться с долгами, сделанными перед даурским походом. Хабаров нашел поручителей и лишь тогда смог возвратиться на свои земли. В ноябре 1667 года Хабаров просил тобольского воеводу П. Годунова отпустить его снова на Амур, но получил отказ.

Свои последние дни Ерофей Хабаров провел, по-видимому, или в Илимском остроге, или в деревне Хабаровке, около Усть-Киренги. Сын его Андрей впоследствии стал посадским человеком.

Исключительно велико историческое значение действий Пояркова и Хабарова на Амуре, неопценены результаты географических открытий славных русских землепроходцев. Скромные русские люди совершали подвиги, достойные самого глубокого уважения и восхищения. Советский народ бережно хранит память о Ерофее Павловиче: огромный край и его центр носят имя Хабарова.

¹ Н. Шуккин. Подвиги русских на реке Амуре в XVII столетии, описанные на основании подлинных бумаг якутского и нерчинского архивов. «Сын Отечества», 1848, книга 9, стр. 26.

Первым на Камчатку попал коч Федота Алексея Попова Холмогорца, а в конце XVII века туда сухим путем пришли казаки. Из Анадырского острога, основанного Семеновым Дежневым, они настойчиво продвигались на юг, и теперь известно, что самые ранние походы русских на Камчатку относятся к 1686—1688 годам. Это походы Ивана Голыгина, Василия Кузнецова, Луки Морозко и других. Исторические походы Атласова в 1697—1699 годах закрепили успехи русских. Атласов основал на Камчатке первые остроги.

Среди первых русских, появившихся в начале XVIII века в камчатских острогах, были Данила Яковлевич Анцыферов и Иван Петрович Козыревский. Оба они долгое время служили там, участвовали в походах и выделялись сметливостью и удалью. Козыревский вместе с отцом появился на Камчатке в 1700 году с первым приказчиком Тимофеем Кобелевым из Якутска, основавшим Большерецкий острог.

Анцыферов и Козыревский в начале 1711 года были участниками бунта против жестокого Владимира Атласова, закончившегося гибелью Атласова и приказчиков Чирикова и Миронова. После бунта казаки избрали своим атаманом Анцыферова, а Козыревского — есаулом. Под их руководством казаки продолжали верно служить на Камчатке, собирали ясак, проводывали все новые места, а вскоре сообщили сибирскому воеводе об убийстве нелюбимых и жестоких приказчиков и просили разрешения отправиться на приобретение новых земель, лежащих к югу от мыса Лопатка. О землях этих слышали они от местных жителей.

Несомненно, что Федот Алексеев Попов не мог не видеть во время своего исторического плавания хотя бы первого Курильского острова. И, наверное, он рассказал бы об этих островах, если бы остался в живых. А. С. Сгибнев даже утверждал, что «казак Михайло Стадухин... построил на устье реки Анадырь шитики и в 1656 году отправился на них с товарищи к югу, обогнул полуостров Камчатку и вошел в Охотское море, на берегу которого построил Тауйский острог»¹. Возражая Г. Миллеру и Ф. Врангелю, которые говорили, что Стадухин вышел на Пенжину сухим путем и с устья ее плавал по Ламскому морю, Сгибнев писал, что имел в руках документы о морском плавании Стадухина. Разыскать их пока не удалось. Наверное, в этих документах также есть упоминание о Курильских островах.

Первое известное упоминание о Курильских островах и Японии — это строки из замечательного отчета В. В. Атласова, написанного в 1700 году: «А против Первой Курильской реки, на море, видели вдаль, как острова кажется, и иноземцы сказывают, что подлинно там острова

¹ А. С. Сгибнев. Исторический очерк главнейших событий в Камчатке. «Морской сборник», 1869, № 4, стр. 69.

есть, и на тех островах города каменные, и в них люди живут царственные, а какого государства и какие люди, про то сказать не умеют»¹.

В 1702 году Михайло Наседкин, посланный приказчиком В. Колесовым в «Курильскую землю на немирных людей», доносил, что «они де шли в ту землю на собаках и проводывали от Курильского острогу дале в нос земли, и от того де места дале земли в нос нет, пришло море, только видеть в море за перелевами земля, а проводывать де той земли не на чем». Значит, Наседкин сам видел Курильские острова, побывал на южной оконечности Камчатки — Лопатке.

С тех пор интерес к Курильским островам значительно возрос. В 1710 году приказчику Миронову было дано распоряжение проведать о Курильских островах более подробно. Но во время восстания казаков Миронов с другими приказчиками был убит. Данила Анцыферов и Иван Козыревский, возглавлявшие восстание, желая оправдаться перед сибирскими властями и памятуя о пользе государственной, решили исполнить приказ самостоятельно.

Об Анцыферове известно очень мало. Есть только указание на то, что родом он из Томска. А об Иване Козыревском сохранилось больше сведений. Дед его — выходец из Польши. Отец Петр Федорович в 1700 году появился на Камчатке с тремя сыновьями — Иваном, Петром и Михаилом. В 1705 году он погиб в стычке с камчадалами у реки, которая с тех пор и называется его именем.

Анцыферов и Козыревский в 1711 году ходили с Большой реки (Большерецка) до мыса Лопатка. Отсюда на байдарках смельчаки переправились на первый Курильский остров — Шумшу. «На сем острову живут иноземцы, званием Курила. И на дальние острова которые ходят и те головы свои бреют до затылку по тамошнему обычаю и кланяются на коленках. Також из дальних островов приходят ради покупки бобров и лисиц, и орлов, и орлового перья»². Так описал Козыревский первые впечатления об острове. Дальше первого острова в этот год не пошли. 29 сентября 1711 года путешественники возвратились в Большерецк. Этот день и считается датой открытия жемчужного ожерелья Дальнего Востока — Курильских островов. Вот как об этом событии Анцыферов и Козыревский докладывали царю: «А в нынешнем, государь, в 1711 году, мы, раби твои, с Болшой реки, августа с 1 числа, в ту Курилскую землю край Камчадалского Носу ходили. И где прежде служилые люди у Курилского острогу были, и от того места до самого краю Камчадалского носу 2 дни ходу, и с того носу мы, раби твои, в мелких судах и байдарках за перелевами на море на островах были и до той земли доходили,

¹ А. С. Сгибнев. Исторический очерк главнейших событий в Камчатке. «Морской сборник», 1869, № 4, стр. 72.

² И. И. Огрызко. Открытие Курильских островов. «Ученые записки Ленинградского государственного университета», серия факультета народов Севера, вып. 2, № 157, 1953, стр. 179.

где велено нам, рабам твоим... проведать и дать той земле особый чертеж. И будучи мы, раби твои, за первым перелевом на первом острове на усть Кудтугана реки, те Курильские мужики, скопився в многолюдстве, дали с нами бой крепкой»¹.

Это первый письменный документ о посещении Курильских островов.

В феврале 1712 года Данила Анцыферов с 25 служилыми был убит камчадалами на реке Аваче. Козыревский же собирался побывать на Курильских островах и составить подробный чертеж. Установлено, что в этом году ему по каким-то причинам не удалось высадиться на Курильские острова. Доходил он только до Лопатки и составил подробный «Чертеж вновь Камчадалские земли и моря». Чертеж этот он составлял, используя рассказы жителей японских островов, суда которых разбились у берегов Камчатки, и показания местного населения. В этом же году Козыревский подал камчатскому приказчику Колесову «в Верхнем остроге в Ясашной избе за своею рукою, чертеж и доезд».

Но и на этом не кончились путешествия Козыревского к Курильским островам. В 1713 году он во главе 55 служилых и 11 камчадалов еще раз отправился «для проведывания морских островов и Японского государства». Вместе с ним был японец Сана с разбившегося судна. Козыревский на этот раз посетил два острова — Шумшу и Парамушир (возможно, побывал и на третьем — Онекотане). Он составил «чертеж как Камчадалского носу, також и Морским островам, коликое число островов от Камчадалского носу до Матмайского и Нифона островов...»². В 1714—1715 годах Козыревский собирал ясак по рекам Ича, Крутоголова, Конпакова на Камчатке и на двух Курильских островах. Ясак был по тем временам невиданный.

В 1717 году Козыревский постригся в монахи и стал монахом Игнатием в Успенской обители — между устьем р. Камчатки и Нижнекамчатским острогом. В 1720 году, поссорившись с братом своим Петром, напомнимшим ему об участии в убийстве Атласова и других приказчиков, Иван-Игнатий Козыревский неосторожно ответил: «Которые де люди цареубийцы, и те де живут приставлены у государевых дел, а не великое дело, что на Камчатке приказчиков убивать»³. Слова эти дошли до властей, и его арестовали.

В Якутске Козыревскому удалось оправдаться, и в 1721 году он строил Покровский, а в 1722 году Спасский монастырь. Затем он опять попался — присвоил деньги и в том же Спасском монастыре был посажен на цепь. В 1724 году он бежал, а после побега просился на Курилы

¹ И. И. Огрызко. Открытие Курильских островов. «Ученые записки Ленинградского государственного университета», серия факультета народов Севера, вып. 2, № 157, 1953, стр. 177.

² ЦГАДА, портф. Миллера, № 533, тетр. 2, л. 4.

³ И. И. Огрызко. Открытие Курильских островов. «Ученые записки Ленинградского государственного университета», серия факультета народов Севера, вып. 2, № 157, 1953, стр. 177.

и в Японию. В Якутске 6 июня 1726 года беседовал с ним Беринг. Козыревский представил Берингу историю проведывания Камчатки и Курил и чертеж Камчадальского носа и Морских островов, но в экспедицию его не взяли.

На карте, подаренной Берингу, у Лопатки было написано: «Первый перелев. В легких судах своею силою на скоре можно до обеда из утра в перед и назад сходить. А иноземцы сказывали: против сего перелеву например шириною и в перед таковы ж есть, но токмо до Итурупы острова три перелева широки, которые подписью объявил на чертеже при сем же»¹.

Дальше вместо Курильских островов Козыревский на судне «Эверс» ходил по Лене до устья в 1727—1729 годах. В 1730 году поехал в Москву, там добился у сената решения (23 октября 1730 года) о постройке Успенского монастыря на Камчатке и об ассигновании на это 500 рублей.

А затем опять всплыло дело об убийстве Атласова. И как ни доказывал Козыревский, что он хотя и был в заговоре, но сам никого не убивал,—ничего не помогло. Козыревский оказался в московской тюрьме, где и скончался 2 декабря 1734 года.

После путешествия Атласова походы русских людей из Якутска на Камчатку стали обычным делом, но все они были сухопутными вдоль берега Охотского моря, в обход Пенжинского залива, и требовали много времени. От Якутска до Анадырского только острога шли полгода! Да и, кроме того, такие путешествия были очень трудны как для самих путешественников, так и для местных жителей, которым приходилось обеспечивать проезжающих всем необходимым. С 1703 по 1716 год по дороге из Анадырска на Камчатку погибло около 200 человек. Поэтому возник вопрос об отыскании морского пути на Камчатку.

Первые попытки были сделаны в начале XVIII века, когда Охотск рос как порт, когда укреплялось его положение и влияние во всем бассейне Охотского моря. В 1710 году по распоряжению Сибирского губернатора Гагарина якутский казачий десятник Василий Савостьянов должен был «проведывать пути к Тауйскому и Ламскому острогам через Ламское море», то есть искать путь с Камчатки к северо-западному побережью Охотского моря.

Вслед за этим якутский воевода Д. Траурнихт в 1711 году послал охотского приказчика Петра Гуторова, который из Тауйского острога попытался добраться до Камчатки морем. Подготовка к походу была проведена тщательная, но сам Гуторов в мореходном деле был неопытен, к тому же не было и мореходных инструментов. На ботах-однодеревках

¹ И. И. Огрызко. Открытие Курильских островов. «Ученые записки Ленинградского государственного университета», серия факультета народов Севера, вып. 2, № 157, 1953, стр. 200.

Гуторову с большим трудом удалось добраться до устья реки Иглиган (теперь Сиглан) и на этом закончить свое плавание, хотя из его донесения видно, что он собирался пройти дальше, в Пенжинскую губу¹.

В 1713 году Петр I подписал указ об отыскании морского пути на Камчатку. Исполняя приказ царя, сибирский губернатор Гагарин послал в Охотск сына боярского Ивана Сорокоумова. Но выбор был крайне неудачен. Сорокоумов без всякой причины напал на Охотский острог и взял его приступом, а о приказе забыл и занялся пьянством и грабежом.

Когда такие сведения дошли до Гагарина, он деятельно принялся за организацию новой экспедиции. Петр I повелел прислать из Петербурга в Охотск опытных мореходов и кораблестроителей, выходцев из Охотска. По размаху принимаемых правительством мер можно было судить о том значении, какое придавалось регулярному мореплаванию из Охотска на Камчатку и обратно.

В состав экспедиции вошли: начальник Кузьма Соколов, мореходы Никифор Моисеев Треска, Яков Власов Невейцын, Андрей Яковлев Буш, плотники Кирилл Плоских и Варфоломей Федоров да 21 служилый с пятидесятником Михаилом Кривоносовым во главе. Экспедиция прибыла в Охотский острог 23 мая 1714 года. Прежде всего Соколов отправил в Якутск продолжавшего бездельничать Ивана Сорокоумова с его командой, а сам принялся за постройку судна.

В 75 верстах вверх по течению реки Кухтуй было выбрано плотбище, прозванное Соколовским. Строил судно Кирилл Плоских, и на это ушел весь 1715 год. В мае 1716 года лодья была спущена на воду. Она была сделана «наподобие русских лодий, на которых прежде сего из Архангельского города ходили в Мезень, в Пустозерский острог и на Новую Землю»². Судно получилось прочным, хорошо держалось на волне и слушалось руля. Длина его была восемь с половиной сажень, ширина три, осадка три с половиной фута. Эта лодья — первая, построенная в Охотске, да и вообще на всем море-океане Восточном русскими специалистами-кораблестроителями.

Лодья получила название «Восток». В июне 1716 года экспедиция отправилась в неизвестный путь. Мореплаватели благополучно прошли до Тауйской губы, до устья Олы-реки. Выйдя оттуда за полуостров, который теперь называется полуостровом Кони, лодья попала в полосу свежего ветра, который дул в направлении Камчатки, и, подхваченная им, вскоре оказалась неподалеку от мыса Утколокского (или, может, Омгона) у реки Тигиль. Но не суждено было мореходам так просто попасть на Камчатку. Ламское море оправдало свою славу изменчивого и бурного. Ветер переменялся, усилился, и путешественники снова ока-

¹ Летопись занятий в Археологической комиссии, 1862, вып. 1, стр. 12—14.

² Г. Ф. Миллер. Описание морских путешествий по Ледовитому и по Восточному морю, с Российской стороны учиненных. СПб, 1758, стр. 318.

зались там, откуда пришли. Чтобы лодью не выбросило на берег, стали на якорь. Когда наступила долгожданная погода, судно снялось с якоря и без приключений дошло до устья реки Тигиль. Отсюда вдоль берега плыли на юг до устья реки Крутогоровой. Здесь камчатские казаки помогли команде ввести лодью в реку Конпаковую.

Лодья зазимовала на Камчатке. Соколов побывал в Большерецке и Нижнекамчатске. Возможно, что он повидался и с Козыревским, который находился в эту зиму на Камчатке. Соколов выполнил все наказы и даже помог казакам навести порядок. А ранней весной в мае 1717 года лодья «Восток» пустилась в обратный путь. Мореход Треска держал курс к Тауйской губе. На четвертый день плавания судно встретило тяжелые льды. Лодью затерло.

Пять с половиной недель продолжалось вынужденное скитание по морю. Наконец льды расступились, и судно направилось к Тауйской губе. Когда подошли к берегу между Олой и Тауйским острогом, стали на якорь: команда была так измучена, что без отдыха нельзя было идти дальше. В Охотск прибыли 8 июля. Морской путь на Камчатку был открыт. А. С. Пушкин писал об экспедиции Соколова—Трески: «Открытие пути через Пенжинское море имело важное следствие для Камчатки. Судя с казаками приходили ежегодно, экспедиций следовали одна за другою»¹. Теперь искать «земли за перелевами» стало проще. Не обязательно для этого было совершать путешествия до Анадырского острога, а потом ехать через всю Камчатку.

В 1719 году по указу Петра I снаряжалась экспедиция, в которой впервые участвовали геодезисты, окончившие курс наук в Морской академии, первые флотские офицеры, прибывшие на Тихий океан — Иван Михайлович Евреинов и Федор Федорович Лужин.

В открытой инструкции от 2 января 1719 года говорилось: «Ехать вам до Таболска и от Таболска взять провожатых ехать до Камчатки и далее куды вам указано. И описать тамошние места, где сошлася ли Америка с Азиєю, что надлежит зело тщательно сделать не только сьюд и норд, но и ост и вест, и все на карту исправно поставитъ»². Кроме того, геодезисты имели секретную инструкцию («...и далее куды вам указано»). Курильские острова были особым предметом их исследований.

Плавание было совершено на той же самой соколовской лодье «Восток». Она вышла из Охотска в сентябре 1720 года под командой Кондратия Мошкова и Андрея Буша, благополучно подошла к берегам Камчатки и зазимовала в реке Иче, а ранней весной перебралась в Большерецк.

22 мая 1721 года экспедиция покинула Большерецк и направилась к шестому острову Курильской гряды. Описания этого плавания не сохранилось. О нем можно судить лишь по некоторым документам да по

¹ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений. Т. IX, 1965, стр. 499.

² Полный Свод Законов Российской Империи. Т. V, № 3266, стр. 607.

составленной карте. Ясно одно: экспедиция осмотрела первые шесть островов. На острове Райкоке искали таинственную серебряную руду, о которой доносил в свое время Козыревский, пытались найти эту руду на следующих островах, а может быть, отыскивали морской путь в Японию. Геодезисты осмотрели острова Матуа, Расшуа, Ушишир, Кетой и стали на якорь у острова Симушир. Штормом сорвало лодью с якоря, долго носило по морю и на седьмые сутки принесло к острову Парамуширу. Ничего больше не оставалось делать, как идти на Камчатку. В конце июня лодья пришла в Большерецк.

Двадцать лет потребовалось для того, чтобы освоить Камчатку, проложить туда морской путь и нанести на карту Курильские острова, открытые Иваном-Игнатием Козыревским.

ОНИ БЫЛИ ПЕРВЫМИ

Иван Федоров и Михаил Гвоздев были первыми русскими людьми, которые своими глазами увидели Северную Америку с запада, со стороны Тихого океана. Ни Семен Дежнев, ни Федот Алексеев, ни даже Витус Беринг с Алексеем Чириковым и Мартыном Шпанбергом, плававшие ранее в этих водах, не смогли увидеть таинственной американской земли. А Федоров и Гвоздев не только высаживались на острова, получившие впоследствии наименование островов Гвоздева, но и вплотную приближались в нескольких местах к берегам Аляски. И только плохая погода помешала Гвоздеву ступить на землю Северной Америки.

Все началось с чукчей. В течение XVII и первой половины XVIII столетия русские правительственные власти неоднократно предпринимали попытки уговорить «немирных чукчей» платить ясак. Иногда это частично удавалось, но основная масса чукчей оставалась «незамирной». И тогда появился якутский казачий голова Афанасий Федотович Шестаков¹.

¹ Интересны данные о семье А. Ф. Шестакова, взятые из переписной книги населения Якутского острога за 1720 год. В ней говорится, что А. Ф. Шестакову было в это время 43 года, то есть родился он в 1677 году. Вместе с ним проживали: сын Василий — 5 лет, родной брат Алексей Федотович — также 43 лет, племянники Петр Григорьевич — 20 лет, Иван Григорьевич — 15 лет, Лаврентий Алексеевич — 14 лет и Петр Алексеевич — 2 лет. Кроме того, с ним проживал родственник Степан Герасимович Парамонов — 13 лет. Женская половина семьи в переписной книге не указана. (Центральный Государственный архив древних актов — в дальнейшем ЦГАДА, ф. 214, оп. 18, д. 2361, лл. 2—2 об.). Эти сведения имеют значение при рассмотрении вопроса об организации экспедиции А. Ф. Шестакова. Своих малолетних родственников Шестаков назначал командирами судов, как это будет видно дальше.

Афанасий Шестаков не раз предлагал свои услуги для открытия новых земель и приведения в подданство новых народов. В 1726 году он отправился в Петербург и представил там карту Северо-Восточной Сибири. Карта эта была составлена по его указаниям. Интересная деталь: Шестаков был неграмотен, но очень хорошо разбирался в географическом положении края. С его слов на карту были нанесены Большая Земля против теперешнего мыса Дежнева, Курильские острова по описи И. Евреннова и Ф. Лужина, показаны многие детали, говорящие о том, что крайнюю восточную окраину России казачий голова знал превосходно. Вместе с картой был представлен проект организации экспедиции, которым предусматривалось приведение в подданство царя жителей Чукотки и Камчатки, открытие новых земель и островов, а также намечалось плавание к берегам Большой Земли.

Шестаков добился организации такой экспедиции. В марте 1727 года последовал указ сенату, были отпущены значительные средства. Руководителем экспедиции поставили А. Ф. Шестакова. По прибытии в Тобольск он получил 400 казаков. Командовал ими капитан Сибирского драгунского полка Дмитрий Иванович Павлуцкий. Всем сибирским властям были даны распоряжения не чинить ему на пути следования никаких препятствий. 27 ноября 1727 года на основании царского указа был послан якутскому воеводе Ивану Полуехтову указ из Тобольска об отправлении «для призыву в подданство российского владения немирных иноземцев, которые прилегли к Сибирской стороне»¹ А. Ф. Шестакова и Д. И. Павлуцкого.

По пути в Якутск оба начальника не поделили власть между собой, перессорились, и даже вмешательство якутского воеводы делу не помогло. Тобольские власти предписывали обоим все вопросы решать сообща, но Шестаков, ссылаясь на царский указ, совершенно не желал с кем-либо делиться властью.

В 1729 году Шестаков прибыл в Охотск, где уже были построены суда «Восточный Гавриил» и «Лев». Он использовал для нужд экспедиции также суда экспедиции В. Беринга «Гавриил» и «Фортуна». Первоначально план Шестакова был таков. «Фортуна» и «Гавриил» под водительством 24-летнего племянника Ивана Григорьевича Шестакова и 14-летнего сына Василия Афанасьевича Шестакова должны были отправиться исследовать Шантарские, Курильские острова и южное побережье Камчатки. А сам Афанасий Шестаков хотел летом 1730 года на боте «Восточный Гавриил» в сопровождении бота «Лев» идти к устью реки Пенжины и, высадившись там, двигаться на север в страну чукчей. Но вскоре план переменялся, и уже осенью 1729 года морем на «Восточном Гаврииле» Шестаков перешел к Тауйской губе, откуда с небольшим отрядом в 150 человек направился по берегу.

¹ ЦГАДА, ф. 214, оп. 18, д. 2725, л. 93.

В двух днях пути от устья Пенжины, при реке Егаче Шестаков 14 марта 1730 года встретил множество чукчей, шедших войной против коряков. Шестаков опрометчиво вступил в бой. Отряд его был разбит, оставшиеся в живых разбежались, а сам якутский голова был убит: стрела пронзила ему горло. Бот «Лев», вышедший в сентябре 1729 года для поддержки партии Шестакова, достиг устья реки Ямы в Тауйской губе и здесь во время зимовки был сожжен коряками. Удалось спастись только пяти членам команды.

Гвоздев был послан в экспедицию указом сената, а Федоров, штурман Яков Генс и ботовый подмастерье Иван Спешнев отправлены из Адмиралтейств-коллегии, причем Спешнев приехал из Казани. В Охотске он строил «Восточного Гавриила» и «Льва». Гвоздев, Генс и Федоров были в Охотск в 1729 году.

Михаил Спиридонович Гвоздев был одним из первых русских геодезистов, воспитанников Морской академии, которым Петр I поручил исследование Камчатки, Чукотки и Большой Земли. Евреинов и Лужин действовали самостоятельно, Петр Скобельцын, Дмитрий Баскаков, Иван Свистунов и Василий Шатилов были в составе экспедиции Беринга, а Михаил Гвоздев попал в экспедицию Шестакова. О нем известно очень немного, и то только благодаря челобитной Гвоздева, отправленной императрице Елизавете.

М. С. Гвоздев в 1716 году поступил в Московскую академию, из которой переведен в 1719 году в С.-Петербургскую Морскую академию, где он учился морским наукам и геодезии. В 1721 году он был направлен в Новгород под начальство Михаила Волкова для съемки и описи местности, предназначенной для поселения штабных офицеров. Практическая деятельность Гвоздева продолжалась здесь четыре года. В сентябре 1725 года Гвоздев возвратился в академию, где проучился еще два года.

В 1727 году Гвоздев подал челобитную о допуске к экзаменам на звание геодезиста. Экзаменовал его профессор А. Фарварсон, известный ученый, математик, преподававший в академии свыше тридцати лет. Успешно выдержав экзамен, Гвоздев получил чин прапорщика и попал в команду Павлуцкого и Шестакова. Таким образом он очутился сперва в Тобольске, а затем в 1729 году в Охотске.

Здесь он получил приказание от Шестакова идти вместе со Спешневым в Тауйск и там встретиться с командой Шестакова. Но это распоряжение, к счастью, осталось невыполненным, хотя Гвоздев и Спешнев прибыли в Тауйск. Частые метели и сильные ветры преградили дорогу Гвоздеву, вышедшему с командой на помощь Шестакову, и он возвратился в Тауйск.

25 апреля 1730 года Павлуцкий получил известие о смерти Шестакова. Он приказал Я. Генсу, И. Федорову, И. Спешневу и М. Гвоздеву взять в Охотске, если «имеетца, оставшее судно от капитана Беринга и на том

Камч

судне из Охотска идти со служилыми людьми на Камчатку, а с Камчатки морем быть к нам в Анадырской острог в немедленном времени»¹.

Во исполнение этого приказа бот «Гавриил» под командой штурмана Я. Генса 19 сентября 1730 года вышел из Охотска на Камчатку. Среди начальствующего состава на боте находились подштурман Иван Федоров и геодезист Михаил Гвоздев. Переход завершился благополучно, и 25 сентября «Гавриил» вошел в Большерецк, где встал на зимовку. Благодаря наблюдательности ссыльного офицера Василия Ивановича Казанцева до нашего времени сохранился чертеж Большерецка тех времен с примечательной легендой: «Чертеж Большая реки в Камчадалии, в которую реку переходят морския суды (суда.— А. А.), из Охоцкого острога, или из Охоты реки. А вышла река устьем в Пенжинское море (так раньше называли Охотское.— А. А.), да в туж реку пала устьем другая река называется Быстрая, да речка или ручей, в котором зимой стоял бот Гавриил. И на той Большой реке жилище и острог тамошних обывателей. И тот острог построен был издавна, прежде меня, по их тамошнему обыкновению. В реке и в речке подписано цифирем глубина футы, а не сажени. У ручья на устье поперег семь сажен, а у Большая реки на устье поперег шездесят сажен, а вдаль выше по препорции. Текут те реки по разсыпному камешнику, а не по мягкой земле и берега у тех рек такия ж разсыпной камешник вышиною от воды на четыре фута, а вдаль на берег ниже того вблизи и вдаль никакого лесу нет, все тундра и по местам мокрая кочкарник или болота. У моря на устье лесок или байк в упалую воду бывает сух, а в прибылую покрывает водою, а тою речку, в которой зимою стоял бот Гавриил морская полная вода топит, а та речка малая и мелкая, а глубина в той речке подписана футы, а не сажени. Пристани быть нельзя и гавани зделать негде. В летнее время от острогу по обеим сторонам реки до моря ходу два дня. Делал сей чертеж Василей Иванов сын Казанцов. А лежит в ширине 53°00'»². На чертеже нанесены дома обывателей и острог, а также вся речная сеть. У одного из ручьев надпись: «Речка или ручей, в котором зимой стоял бот Гавриил».

Во время зимовки подремонтировали бот, и в июле следующего года при хорошей погоде благополучно обогнули мыс Лопатку и перешли в устье реки Камчатки. Описи побережья во время этого плавания не вели, несмотря на то, что оно было плохо изучено. Причиной такого безразличия к исполнению важнейших обязанностей мореплавателя отчасти была болезнь Генса и Федорова: у одного болели глаза, а у другого отказали ноги, и он с трудом мог передвигаться по палубе. Михаилу Спиридоновичу пришлось потрудиться: фактически он вел «Гавриил» на Камчатку.

¹ В. А. Дивин. К берегам Америки. Географгиз, М., 1956, стр. 18.

² ЦГАДА, ф. 192, карты Иркутской губернии, № 30.

Генс, Федоров и Гвоздев принимали самые энергичные меры к тому, чтобы уже летом 1731 года выйти в море. Но этого так и не удалось сделать. Опоздало распоряжение Павлуцкого о дальнейших действиях, возникли немалые трудности с продовольствием, с назначением на судно толмачей (переводчиков.— А. А.). И все же на 20 июля был намечен выход в море к Анадырскому заливу, поближе к Павлуцкому. Но непредвиденное обстоятельство задержало выход: восстали камчадалы. На устье реки Камчатки они сожгли острог и убили русских. Гвоздеву было приказано вместе со всеми остальными принять все меры к ликвидации последствий этого печального события. Этим делом он занимался с перерывом в 1732 году до 1735 года.

Весной 1732 года в распоряжении Павлуцкого от 1 мая, присланном из Анадырского острога, в частности, говорилось, что «велено нам обще со штурманом и подштурманом... (т. е. Гвоздеву, Генсу и Федорову.— А. А.) на боте Гавриле кругом Камчацкому носу к Анадырскому устью и против Анадырского носу, которая называется Большая земля проведаны острова коликое число оные и на тех островах люди какие имеются-ль осмотреть и вновь прискивать и ясак брать с таких с которых ясаку в сборе не бывали»¹.

Ввиду болезни Я. Генса в экспедиции остались Иван Федоров, Михаил Гвоздев и опытный мореход Кондратий Мошков, плававший с Берингом в первой его экспедиции. Подштурман Федоров, несмотря на тяжелую болезнь, все-таки пошел в плавание. Кроме них, в плавание отправилась три матроса, толмач и 32 служилых-морехода.

Из Нижнекамчатска вышли 23 июля 1732 года. Плыли вдоль берегов Камчатки, а затем Чукотки. 27 июля обошли Камчатский нос, а 3 августа «Гавриил» оказался в устье реки Анадырь. Отсюда следовали по указаниям морехода Мошкова, так как он здесь уже бывал. Сначала перешли к Чукотскому носу, до которого пути было двое суток, где и стали на якорь. Гвоздев с несколькими служилыми отправился на берег. В устье небольшой речки наполнили пресной водой две бочки. На берегу служилые видели олени стада. Моряку Ефиму Пермякову удалось застрелить двух оленей, и их привезли на «Гавриил». Свежая пища была весьма кстати.

На другой день к «Гавриилу» приблизились две байдары, но, несмотря на призывы толмача Егора Буслаева, чукчи побоялись подойти к боту. Тогда было решено на следующий день сходить на шлюпке к тому месту, откуда показались байдары. Гвоздев, матрос Леонтий Петров со служилыми ходили туда и «осмотрели две юрты пустые деланы в земле китовыми костями старе и разрыты и возвратились от того места к боту и отошли от того места и увидели на берегу два человека, которые

¹ Рапорт М. Гвоздева М. Шпанбергу от 1 сентября 1743 года. В книге: А. В. Ефимов. Из истории русских экспедиций на Тихом океане. Воениздат, М., 1948, стр. 245.

увидели нас побежали на камень»¹. В юртах видели только китовое да моржовое мясо. Так и не удалось мореплавателям вступить в переговоры с жителями тех азиатских мест.

Все это время «Гавриил» стоял на якоре, ожидая попутного ветра. Наконец восьмого числа мореход Мошков направил бот на восток, к виденным им при плавании с Берингом островам. Но это удалось не сразу. Шли под берегом, а 13-го опять пришлось стать на якорь. Неутомимый Гвоздев, воспользовавшись штилевой погодой, отправился вместе с матросом Петровым снова на берег. Увидев, что чукчи ушли из селения на байдарках, Гвоздев со служилыми побывал в шести юртах-землянках. В это время они заметили, что одна из байдар возвращается к селению. Боясь нападения, Гвоздев поспешил на бот с тем, чтобы возвратиться на берег, но уже с двадцатью служилыми. Для переговоров с чукчами Гвоздев послал служилого Петра Куклина с толмачом. На уговоры Куклина перейти в подданство русского царя и платить ясак чукчи ответили отказом: «мы де ясаку не знаем и не платим и не промышляем»².

С этого места 15-го числа отправились через пролив. И 17 августа увидели остров, но близко к нему подойти, а тем более высадиться мешал сильный противный ветер. Пришлось повернуть обратно, и уже ночью «Гавриил» был у Чукотского носа. Тут в затишье Гвоздев с Петровым и десятью служилыми опять отправился на берег. Как и прежде, чукчи ушли из селения за утес. Тогда Гвоздев поплыл туда и увидел, что чукчи «поют согласно и один у них прыгает и скачет»³. По-видимому, шаман вызывал духов, чтобы обрушить на головы пришельцев всю кару божью.

Но вскоре к шлюпке стали приближаться две чукотские байдары. В каждой было человек по двадцать. Гвоздев приказал толмачу спросить у них, чтобы они рассказали о себе и о Большой Земле. Чукчи ответили, что они де чукчи зубатые и живут на самом Чукотском носу. Гвоздев возвратился к «Гавриилу» и, пользуясь установившейся погодой, бот снова направился к острову.

Вскоре мореплаватели оказались около северной оконечности его. Вероятнее всего, это был остров Ратманова, самый большой из группы островов Гвоздева, или Диомидовых⁴. Спустили шлюпку, и Гвоздев снова направился к берегу. Но едва путешественники приблизились к нему, как из-за утеса, а затем и из-за юрт их встретили стрелы. Для устраше-

¹ Рапорт М. Гвоздева М. Шпанбергу от 1 сентября 1743 года. В книге: А. В. Ефимов. Из истории русских экспедиций на Тихом океане. Воениздат, М., 1948, стр. 245.

² Промемория А. Зыбина от 20 апреля 1743 года М. П. Шпанбергу. В книге: А. В. Ефимов. Из истории русских экспедиций на Тихом океане. Воениздат, М., 1948, стр. 239.

³ Там же, стр. 240.

⁴ Второе название дано Берингом, а первое — Г. Ф. Миллером.

ния Гвоздев приказал выстрелить из трех фузей¹, после чего стрельба из луков прекратилась.

На вопросы толмача жители острова ответили, что они чукчи и что их родственники пошли драться с капитаном Павлуцким. Отсюда стало ясно, почему они так неприветливо встретили Гвоздева и его товарищей. Про Большую Землю они ничего Гвоздеву не рассказали, только сообщили, что там тоже живут чукчи (на самом деле эскимосы.—А. А.): Когда Гвоздев высадился, чукчи ушли из юрт, оставив их совершенно пустыми. Юрт всего было две. Это были по существу землянки, стены которых обложены деревом. На острове росли ель и сосна. В восточном направлении Гвоздев разглядел на горизонте очертания Большой Земли.

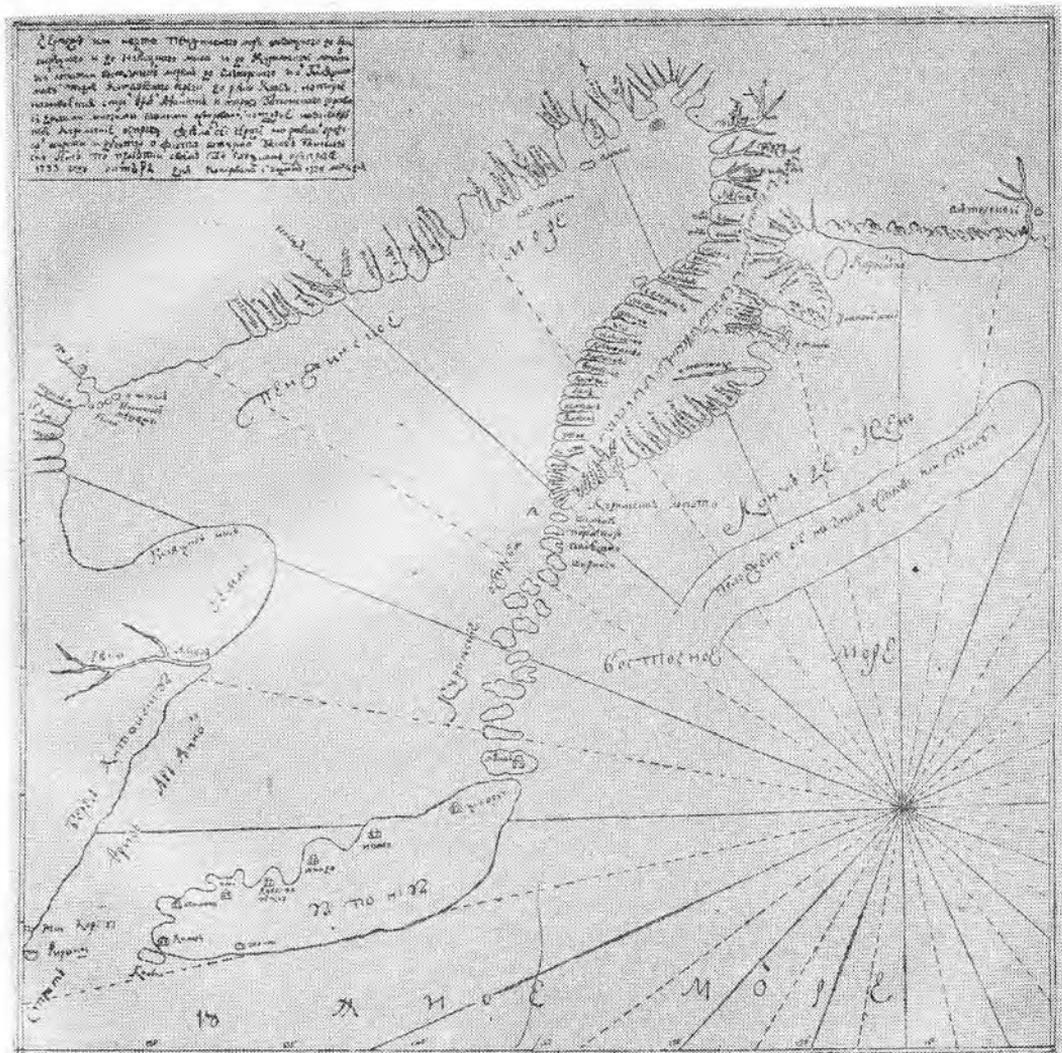
Возвратившись на бот, Гвоздев рассказал обо всем Федорову, и они решили идти вдоль берега острова к южному его мысу. Переход совершили вполне успешно, и вскоре «Гавриил» стоял на якоре с южной стороны острова. Гвоздев и Петров с большим числом служителей снова пошли к берегу по направлению к большому селению, в котором можно было насчитать до двадцати юрт. Берег был совсем близко, когда услышали громкие крики: чукчи были настроены воинственно и не подпускали пришельцев. Тогда на берег вышел только один толмач. К нему подошел один чукча, который ничего не сказал ни про Большую Землю, ни про них самих. Отказался он также и ясак платить («мы де ясаку не знаем и не плачивали»). Гвоздеву ничего не оставалось делать, как возвращаться на «Гавриил». По счислению пути судна Гвоздев определил примерные размеры острова: 2,5 версты на одну.

20 августа в час пополудни снялись с якоря и в ту же ночь в седьмом часу подошли ко второму острову и встали на якорь. Расчеты показали, что от первого острова до второго версты полторы. Второй остров поменьше размерами. Ездивший на берег служилый Ефим Пермьяков вскоре возвратился ни с чем. Ему не дали даже ступить на землю — встретили стрелами.

В три часа пополудни 21 августа снялись с якоря и пошли от неприветливого острова дальше на восток, к Большой Земле. Приблизившись к ней версты на четыре, встали на якорь. Вероятно, предполагалось по примеру прошлых стоянок посещение Большой Земли Гвоздевым. Но тут случилось непредвиденное, чему нет объяснений в сохранившихся архивных документах. Вскоре находившийся на вахте подштурман Иван Федоров «поднял якорь на своей вахте без общего согласия и пошел подле земли к южному концу»². А от этого мыса Федоров направил бот к западу, высматривая подходящее место для стоянки. На протяжении полутора верст были видны на берегу юрты, но подойти к земле не удавалось:

¹ Фузья — кремневое ручное ружье.

² Промемория А. Зыбина от 20 апреля 1743 года М. П. Шпанбергу. В книге: А. В. Ефимов. Из истории русских экспедиций на Тихом океане. Воениздат, М., 1948, стр. 241.

Карта Камчатки и Курильских островов, сочиненная штурманом экспедиции Федорова — Гвоздева Я. Я. Генсом.

мешал противный ветер. Тогда повернули снова к южному мысу (имеется в виду мыс Принца Уэльского.— А. А.), измеряя глубины. Они оказались малыми — шесть-семь сажений. А северо-северо-западный ветер все усиливался. Держаться вблизи берега не удавалось. Сильный ветер заставил переменить курс и продвигаться на юго-запад. Судно понесло

в этом направлении, и «Гавриил» оказался у другого острова, который Гвоздев называет в своих докладах четвертым островом. Здесь нет никаких неясностей. Вполне правильно объяснил это А. В. Ефимов, убедительно доказавший, что Большая Земля в представлении Гвоздева и была третьим островом¹. К острову подойти не удалось, ветер становился все жестче, все порывистее. Но зато с острова к боту сумел на одноместной байдаре-кухте добраться местный житель. Он подплыл на шесть саженей к «Гавриилу», и Гвоздев через толмача довольно обстоятельно спрашивал его о Большой Земле, ее жителях, природе, животных. Приплывший отвечал, что на Большой Земле живут также чукчи (то есть эскимосы), на ней растет большой лес, текут реки, а из зверей водятся олени, лисицы, куницы, бобры. Чукча сообщил, что остров, с которого он приплыл, также большой. Выяснилось, что величиной он версты четыре на четыре.

От этого, четвертого острова «Гавриил» неумолимо относилось все дальше и дальше на юг, в неизвестность. А с провизией было плохо, пресная вода кончалась, команда устала. Служилые стали заводить разговоры о возвращении. А затем представитель команды Лаврентий Сметанин подошел к Гвоздеву и, выражая общее ее мнение, предложил возвращаться на Камчатку. Михаил Спиридонович отвечал им, что он самостоятельно такого дела решить не может, так как «имеется подштурман, с которым с ним поступать по ордеру обще понеже он в морском хождении один имеет власть и ему предлагайте, а мне без его согласия возвратиться нельзя»². Спустя некоторое время к Гвоздеву снова пришли служилые. Ефим Пермьяков, Федор Паранчин, Лаврентий Поляков, Алексей Малышев и другие заявили, что еле успевают откачивать воду с бота, да и продовольствия осталось совсем немного, поэтому надо мол возвращаться на Камчатку. Гвоздев повторил им, что он один ничего не может делать. Тогда служилые во главе с мореходом Мошковым подали Гвоздеву и Федорову прошение, «которым объявля многие свои нужды просили, чтоб для тех их нужд и поздности времени из того вояжа возвратиться на Камчатку»³. Посоветовавшись, Гвоздев и Федоров направились к Камчатке, куда и прибыли благополучно 28 сентября.

К сожалению, подробности беспримерного, выдающегося плавания остались неизвестными. И мало надежды разыскать другие документы об этом плавании. Известно только совершенно точно, что во время плавания велся журнал, или «лагбух». По прибытии в Нижнекамчатск Гвоздев доложил о плавании рапортом, который Павлуцкий получил 23 де-

¹ А. В. Ефимов. Из истории русских экспедиций на Тихом океане. М., Воениздат, 1948, стр. 168.

² Рапорт М. С. Гвоздева М. П. Шпанбергу от 1 сентября 1743 года. В книге: А. В. Ефимов. Из истории русских экспедиций на Тихом океане. Воениздат., М., 1948, стр. 248.

³ Там же.

кабря 1733 года. Ранее, 19 декабря, Гвоздев вместе с рапортом отослал Павлуцкому и «лагбух». Ни один из этих документов до нас не дошел. Сохранились лишь поздние, 1740-х годов документы, написанные по памяти или с черновиков: это рапорт М. С. Гвоздева М. Шпанбергу от 1 сентября 1743 года, промемория командира Охотского порта А. Зыбина от 20 апреля 1743 года, челобитная М. С. Гвоздева от августа 1743 года, показания М. С. Гвоздева от 13 июня 1738 года и доношения Ф. И. Соимонова от 23 декабря 1758 года. Интересно, что сказку Ильи Скурихина, участника плавания на «Гаврииле», видел еще в 1775 году Т. И. Шмалев. В письме Г. Ф. Миллеру 12 декабря 1775 года из Охотска он сообщал, что после 30 ноября «нашел я из архивы Охоцкой канцелярии о следовании в 732 году к Америке и о найденни против Чукоцкого носа земли геодезиста Гвоздева взятую 741 годов якоб з бывшего с ним казака Скурихина получил я со скаски копию»¹. И послал эту копию Миллеру. Так это известие стало достоянием центральных архивов. Перечисленными документами автор и пользовался, излагая обстоятельства плавания Гвоздева и Федорова к берегам Америки.

Руководящая роль М. С. Гвоздева в этой экспедиции очевидна. Несмотря на то, что командиром «Гавриила» был Иван Федоров, Гвоздев обладал, видимо, неменьшими правами. Не случайно Илья Скурихин назвал Гвоздева командиром: «а на том де боте был командиром геодезист Михайло Гвоздев»². Можно также смело предполагать, что отношения между Гвоздевым и Федоровым сложились плохие. Если Федоров лишь выполнял приказание, идя в плавание, то Гвоздев, человек еще молодой, с большой охотой отправлялся к берегам Америки. Он не упускал случая осмотреть места, у которых останавливался «Гавриил». Если бы отношения между руководителями были нормальными, то вряд ли потребовалось бы, находясь на одном небольшом судне, писать друг другу письма, как это было сделано 9 августа³, — вполне можно было бы обойтись беседой. О плохих отношениях свидетельствует и тот факт, что Федоров при отправлении с Камчатки двое суток не допускал Гвоздева к ведению судового журнала. Он же не допустил Гвоздева к составлению ланд-карты, несмотря на письмо последнего к Федорову, отправленное вскоре по прибытии на Камчатку, 10 ноября 1732 года, «в котором писано, чтоб ему обще со мною объявленной журнал и лан-карту в каких местах были и что видели исправить»⁴.

По всей вероятности, воспитанник петровской академии Михаил Гвоздев считал своим долгом вмешиваться во все дела экспедиции, чем и за-

¹ ЦГАДА, ф. 199, тетр. 539, ч. I, д. 1-а, л. 40.

² Рапорт М. С. Гвоздева от 1 сентября 1743 года М. П. Шпанбергу. В книге: А. В. Ефимов. Из истории русских экспедиций на Тихом океане. М., Воениздат, 1948, стр. 236.

³ Там же, стр. 245.

⁴ Там же, стр. 249.

служил такое недоверие Федорова, а впоследствии по ложному доносу матроса Леонтия Петрова и более тяжкое незаслуженное наказание. Нельзя забывать, что Федоров был, видимо, значительно старше Гвоздева, был болен, страдал «ножною болезнию» и во время плавания не мог быть таким активным, как Гвоздев. Вскоре по прибытии в Нижнекамчатск, где оба вместе с командой «жили при том камчацком устье в юртах, для примирения достальных иноземцев», Федоров в 1733 году умер¹.

В том же 1733 году от командира Охотского порта Г. Г. Скорнякова-Писарева пришел приказ: всем участникам плавания возвратиться в Охотск, а Гвоздеву оставаться на устье Камчатки и строить новый Нижнекамчатский острог, сожженный камчадалами. Этим делом Гвоздев занимался до 1735 года, когда в Нижнекамчатск прибыл Д. И. Павлуцкий производить следствие по делу «изменников»-камчадалов. Именно в это время матрос Леонтий Петров подал Павлуцкому донос на Гвоздева. Документы, из которых можно выяснить суть доноса, должны сохраниться в Тобольском архиве, но пока не обнаружены. В результате доноса Гвоздев был выслан в Тобольск «и по тому делу содержался в Сибирской губернской канцелярии 738 году по июль месяц и по решении от того дела явился прав»².

После того как обвиненный по ложному доносу Гвоздев был оправдан, он в 1738 году снова отправился в Иркутск, а оттуда в Охотск, где некоторое время находился в составе команды Охотского порта под начальством Г. Г. Скорнякова-Писарева. Летом 1741 года Гвоздев выполнял очень интересную работу: по поручению лейтенанта В. Вальтона, участника экспедиции В. Беринга, он произвел опись побережья Охотского моря от Охотского порта к югу на двести верст. Обычно эта работа Гвоздева нигде не упоминается.

Вслед за тем Гвоздев принимал самое деятельное участие в плаваниях отряда М. П. Шпанберга на судне «Надежда» под командованием мичмана А. Е. Шельтинга. В 1741 году «Надежда» должна была выполнить опись западного побережья Охотского моря вплоть до устья Амура. С 4 сентября по 9 октября, когда «Надежда» пришла в Большерецк, Шельтинг, Гвоздев и Ртищев произвели опись устья реки Уды и части Шантарских островов.

Во время плавания Шельтинг и Гвоздев побывали в Удском остроге, а Ртищев описал устье реки Уды.

В навигацию 1742 года после зимней подготовки в Большерецке команда «Надежды» участвовала в походе отряда Шпанберга к берегам Японии. Сначала под командованием боцманмата Козина, а затем мич-

¹ В. А. Дивин. К берегам Америки. М., 1956, стр. 46.

² Центральный Государственный архив Военно-Морского Флота (в дальнейшем ЦГА ВМФ), ф. 216, оп. I, д. 56, л. 996.

мана Шельтинга при участии Гвоздева и Ртищева дубель-шлюпка «Надежда» побывала у Курильских островов, в результате чего Ртищевым и Гвоздевым была составлена карта от Большерецка до Курильских островов¹, достигла острова Сахалин в широте 50°10' северной и на обратном пути описала восточное побережье этого острова. Немалая заслуга в успехах исследований принадлежит геодезисту Гвоздеву, который производил вместе со Ртищевым съемку берегов, вел судовой журнал, нес наравне с другими офицерами корабельную вахту.

В 1743 году Михаил Гвоздев находился по-прежнему в составе отряда Шпанберга, возглавлявшего в это время всю Камчатскую экспедицию, и выполнил ряд его поручений по геодезическим (топографическим) работам. Командование Охотским портом не раз требовало отпустить Гвоздева, но Шпанберг пропускал все эти реляции мимо глаз своих. Гвоздев на долгие годы остался связанным с Камчатской экспедицией.

Когда снова встал вопрос о переносе Охотского порта на другое место, в частности на Мальчикан, то туда были посланы на разведку Гвоздев и Ртищев. Они пришли к выводу, что от устья Охоты до Мальчикана проводить морские суда «никак невозможно за течением разных и мелководным местам»². В результате этих исследований появились «два плана удобных к поселению местам при Охоцке», составленные Гвоздевым и Ртищевым³.

Вероятно, что во время этих работ Гвоздев серьезно заболел, так как со второй половины 1743 года и по 14 марта 1744 года он находился в госпитале⁴. К августу 1743 года относится и челобитная М. С. Гвоздева императрице Елизавете, из которой становятся ясными многие моменты его биографии, а также и тот факт, что ему было на долгое время задержано присвоение звания подпоручика. С горечью пишет Гвоздев, что его товарищам Петру Скобельцыну, Дмитрию Баскакову, Ивану Свищунову и Василию Шатилову даны «ранги подпоруческие», а он Гвоздев, «нижайший раб ваш, в таком отдаленном и беспокойном месте и поныне против вышеописанных своей братии геодезистов повышением чина не пожалован, о чем и прошлого 740 году, в июле месяце в.и.в. я бил челом»⁵. Видимо, донос Леонтия Петрова и высылка Гвоздева в Тобольск с передачей дела в розыскную канцелярию возымели свое действие.

К этому же времени относится и сбор Шпанбергом материалов о планировании Федорова и Гвоздева к берегам Северной Америки в 1732 году на «Гаврииле». Иркутская провинциальная канцелярия предполагала направить к Большой Земле экспедицию, и канцелярия Охотского порта

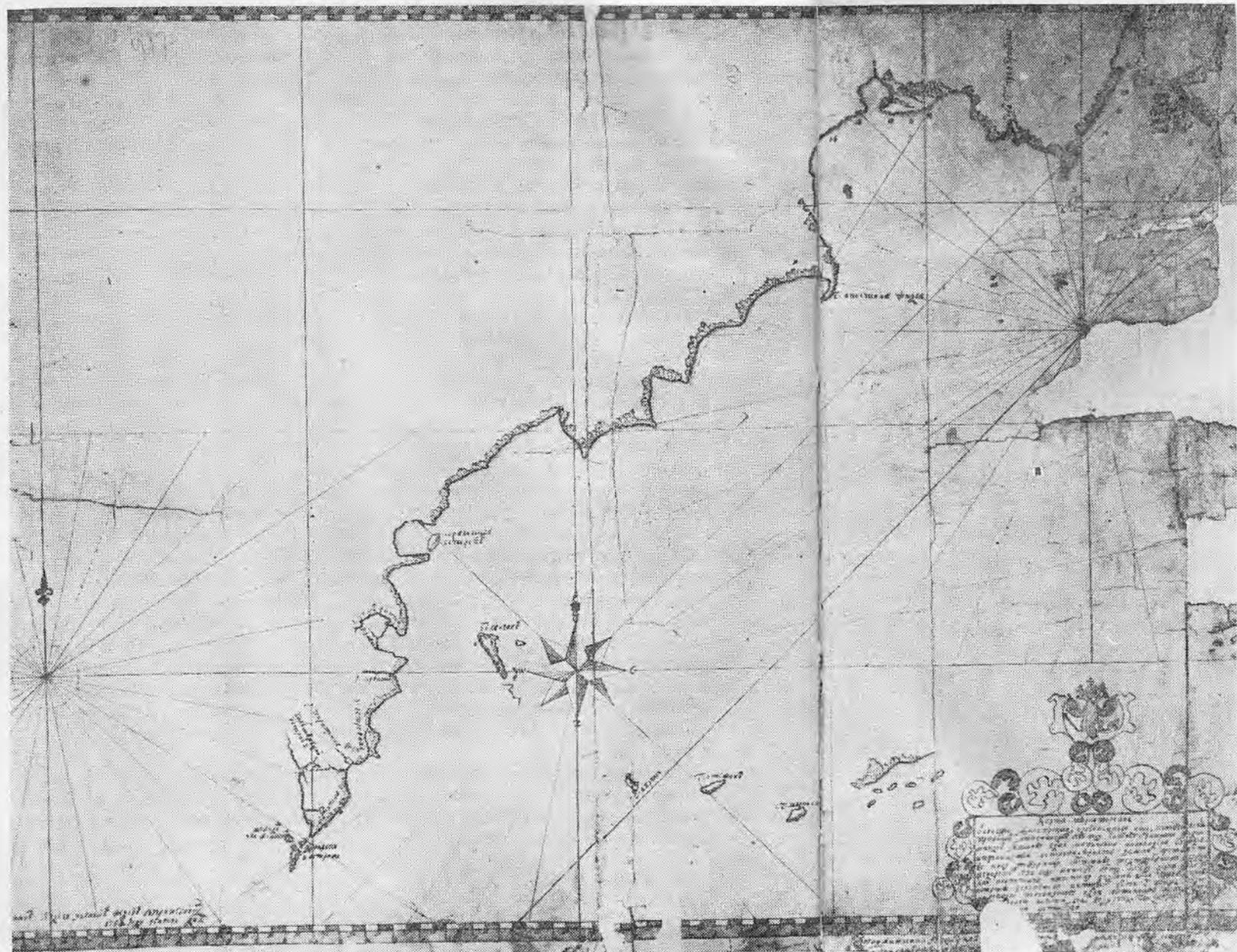
¹ ЦГАВМФ, ф. 216, д. 73, л. 114.

² Там же, оп. I, д. 56, лл. 60—61.

³ Там же, д. 73, л. 115.

⁴ Там же, д. 57, л. 560.

⁵ Там же, д. 56, л. 967.

Карта, составленная М. П. Шпанбергом по материалам экспедиции Гвоздева—Федорова, с указанием, что у берега Аляски был Гвоздев.

рекомендовала послать Гвоздева, «понеже он... на помянутых островах у Большой Земли был и ежели впредь туда посылать будем, надлежит послать его, Гвоздева»¹. И хотя экспедиция не состоялась (стало известно о плаваниях Беринга и Чирикова), но в процессе подготовки были собраны документы о плавании Федорова и Гвоздева в 1732 году, составлена М. Гвоздевым, В. Ртищевым и Х. Юшиным карта, известная как карта М. Шпанберга 1743 года². На этой карте, хотя и не нанесен маршрут плавания «Гавриила», но зато довольно верно нанесена береговая черта от Камчатки до Чукотки, а у берегов Северной Америки проставлена надпись: «Здесь был геодезист Гвоздев 1732 года». Вот легенда к данной карте: «Карта мелкоторская (меркаторская.— А. А.) от Охоцка до Лопатки и до Чукоцкаго носу положениям прежним описанием 1725 году на боту Гаврииле под команду бывшего господина капитана командора Беринга, а приобщенныя острова, и часть Земли против того носу по журналу бывшего подштурмана Ивана Федорова в 1732 году на том же боту, а между рекой Камчаткой и Лопаткой к востоку до длины 35 00 приобщенное с карты сочиненной на пакет боте С. Петра под команду помянутого г-дина капитана (Беринга.— А. А.) видимы места 1741 м году Подлинной за рукою капитана Шпанберха»³.

После того как в 1744 году действия Камчатской экспедиции были прекращены, большая часть ее личного состава отправилась в Томск. С отрядом А. И. Чирикова в Томск уехал и М. С. Гвоздев. На 1 сентября 1749 года он числился в команде, которая должна была направиться в Петербург⁴. Мы не знаем, побывал ли Гвоздев в Петербурге или нет, но уже в делах за 1 декабря 1753 года он значится снова в Томске в составе Камчатской экспедиции под командой своего товарища В. А. Ртищева⁵.

12 января 1754 года последовало решение Адмиралтейств-коллегии о том, чтобы «бывших в Камчатской экспедиции офицеров и служителей, которые ныне в Сибири имеютца» передать Сибирскому губернатору, адмиралу В. А. Мятлеву⁶. В июле Ртищев передал команду над остатками Камчатской экспедиции известному гидрографу и государственно-му деятелю, пережившему во времена бироновщины страшную опалу, ссылку на каторгу, а теперь полностью реабилитированному Федору Ивановичу Соймонову⁷. Вместе с Гвоздевым были Никифор Чекин, ходивший с С. И. Челюскиным на опись Таймыра, И. Синдт, В. А. Хметев-

¹ В. А. Дивин. К берегам Америки. М., 1956, стр. 38.

² А. В. Ефимов. Из истории русских экспедиций на Тихом океане. М., Воениздат, 1948, стр. 168.

³ Центральный Государственный Военно-Исторический архив (в дальнейшем — ЦГИВИА), ф. ВУА, № 23431. Впервые изучена А. В. Ефимовым.

⁴ ЦГАВМФ, ф. 214, оп. I, д. 67, л. 569.

⁵ Там же, д. 73, л. 4.

⁶ Там же, лл. 17—18.

⁷ О нем: Л. А. Гольденберг. Федор Иванович Соймонов. М., 1966.

ский, сыновья Соймонова Михаил и Афанасий, штурманы Михаил Тартинов и Василий Карпов, геодезисты Иван Барашов и Василий Сойнов и другие.

Вскоре Гвоздев и Чекин были посланы «из Томска декабря 9 числа 1754 года для некоторой надобности в Иркутск к его превосходительству господину генерал маэру тамошнему вице губернатору Вулфу»¹. Обстоятельства этой командировки хорошо видны из донесения Ф. И. Соймонова от 23 декабря 1758 года. Соймонов в это время был уже сибирским губернатором, сменив на посту своего товарища по флоту В. А. Мятлева. Гвоздев вместе с другими геодезистами принял непосредственное участие в определении пахотных и сенокосных угодий Иркутской губернии, «а именно от Иркутска по Московской дороге в учрежденных станциях. Також в Уриковской, Кудинской и Оецкой слободах учинено за ево болезнями с крайним изнеможением, а сочинение планов за глазной болезнью и слабостию его остановились и впредь он Гвоздев, от тех болезней болше к геодезическим делам безнадёжен»². Далее в донесении Соймонов просит в соответствии с челобитной Гвоздева, которую он препровождает в сенат, «не соизволено ль будет оного Гвоздева, что он за его болезнями, старостию и за долговременною службою более уже той геодезической должности снести не может, отставить вовсе и по отставке определить в Сибири к делам к каким он по здешнему усмотрению еще способен явитца»³.

Это последнее упоминание о Гвоздеве, найденное в архивах. Мы не знаем точных дат его рождения и смерти, не знаем подробностей его жизни, но нам хорошо известна его выдающаяся роль во время первого плавания русских к берегам Америки, его исследования в составе Камчатской экспедиции. И по праву именем одного из первых петровских геодезистов, одного из двух первооткрывателей Северной Америки со стороны Тихого океана называются острова в Беринговом проливе.

К БЕРЕГАМ АМЕРИКИ

Наступление русских на востоке России продолжалось. Великая Сибирско-Тихоокеанская экспедиция, организованная по повелению Петра I, явилась логическим завершением многочисленных путешествий мореходов и землепроходцев в XVII веке. За кратчайший исторический срок, менее чем за одно столетие, русские

¹ ЦГА ВМФ, ф. 214, оп. I, д. 73, л. 227 об.

² В. А. Дивин. К берегам Америки. М., 1956, стр. 47.

³ Там же. Кроме того: ЦГА ВМФ, ф. 216, оп. I, д. 73, лл. 227—227-об.

В. И. Беринг.

землепроходцы сумели пройти всю Сибирь, выйти к берегам Восточного, или Тихого, океана, обосноваться на севере Сибири и завершить свои походы крупнейшим географическим открытием Ф. А. Попова Холмогорца и С. И. Дежнева, подтвердившим предположение, что Азия отделена от Америки проливом.

Офицер русского флота Витус Ионссен Беринг возглавил величайшую географическую экспедицию. Грандиозная по масштабам Великая Сибирско-Тихоокеанская экспедиция охватила огромные пространства севера Сибири и Дальнего Востока. Многочисленные отдельные отряды под начальством опытных морских офицеров в течение десяти лет описывали, наносили на карты береговую черту севера и северо-востока Азии.

Экспедиция эта была призвана завершить и научно обосновать все открытия землепроходцев. Кроме того, существовала еще одна причина, которую особо подчеркивал Петр I в инструкции руководителям экспедиции. Сведения о великом географическом открытии Дежнева и Попова в течение длительного времени были похоронены в сибирских архивах. Ученые в России и в Европе не имели ясного представления о том, соединяется ли Азия с Америкой или между ними есть пролив и, следовательно, возможно ли плавание из Северного Ледовитого океана в Восточный, или Тихий, океан. Слухи о Японии, Курильских, Шантарских островах,

о близком соседстве Америки с российскими владениями доходили до Европы и требовали подтверждения. Россия была жизненно заинтересована в этом. И Петр I незадолго до своей смерти, 23 декабря 1724 года, подписал указ о снаряжении экспедиции. В написанной лично им инструкции начальнику экспедиции капитан-командору В. И. Берингу говорилось:

«1) Надлежит на Камчатке или в другом там месте сделать один или два бота с палубами.

2) На оных ботах возле земли, которая идет на Норд, а по чаянню (понеже оной конца не знают) кажется, что та земля часть Америки.

3) И для того искать, где она сошлась с Америкой: и чтоб доехать до какого города Европейских владений, или ежели увидят какой корабль Европейской, проведать от него, как оной кюст (берег.— А. А.) называют и взять на письме и самим побывать на берегу и взять подлинную ведомость и поставя на карту приезжать сюды»¹.

Витус Ионссен Беринг родился в 1681 году в Дании в городе Хорсенсе. О детских и юношеских годах его сохранилось мало сведений. Известно, что на голландском корабле он плавал в Ост-Индию. Возвратившись оттуда в 1703 году в Амстердам, В. И. Беринг был приглашен Петром I на службу в Балтийский флот с чином подпоручика. С этого времени и до конца своих дней он жил в России, честно и беззаветно служа новой родине. Здесь его называли Иваном Ивановичем.

В 1704 году Беринг был участником Азовского похода Петра I. В 1705 году командовал шхуной и участвовал в строительстве крепости на острове Котлин (будущий Кронштадт), доставляя туда строевой лес. В 1710 году в чине капитан-лейтенанта (капитан-поручика) Беринг был переведен в Азовский флот, а в 1711 году участвовал в русско-турецкой войне, командуя шнявой² в Прутском походе Петра I. Везде он обнаруживал отличное знание морского дела, был исполнительным, добросовестным и честным офицером.

Переведенный в 1712 году снова в Балтийский флот, Беринг принял активное участие в длительной войне России со Швецией, известной в истории под названием Северной. По личному поручению Петра провел он из Копенгагена в Кронштадт корабль «Перл», а из Архангельска вокруг Скандинавии в Ревель (Таллин) — новый корабль «Селафаил».

В 1717 году он был произведен в капитаны 3-го ранга, в 1720-м — в капитаны 2-го ранга, а на следующий год командовал шестидесятипушечным кораблем «Марльбург». В 1724 году Беринг по неизвестным причинам вышел в отставку, но вскоре специальным указанием Петра был возвращен на флот с чином капитана 1-го ранга. Этому опытному и способному моряку Петр I и поручил возглавить экспедицию 1725—

¹ Цит. по кн. А. И. Алексеева «Охотск — колыбель русского Тихоокеанского флота». Хабаровск, 1958, стр. 38.

² Шнява — двухмачтовое морское судно.

1730 годов, которая получила затем название Первой Камчатской экспедиции. Помощниками Беринга были назначены лейтенанты М. П. Шпанберг и А. И. Чириков. В составе экспедиции кроме офицеров было свыше 60 нижних чинов.

Экспедиция отправилась из Петербурга в Охотск в начале 1725 года, а прибыла туда только в январе 1727 года. Надо сказать, что из Охотска после походов Соколова—Трески и Евреинова—Лужина уже регулярно плавали суда на Камчатку. В Охотске, по рекам Охоте и Кухтую, а также неподалеку от Охотска, в Ураке, строились мореходные суда.

Летом 1727 года спустили на воду построенный в Охотске шитик «Фортуна», и на нем перевезли все грузы и личный состав экспедиции в Большерецк. Оттуда с невероятными трудностями на собаках все снаряжение экспедиции переправили в Нижнекамчатск, где в апреле заложили судно для предстоящего похода. Оно было спущено на воду 8 июня 1728 года и названо «Св. Гавриилом».

13 июля 1728 года экспедиция вышла в море и направилась к устью Анадыря. 1 августа был открыт залив Св. Креста. Все вновь открываемые места Беринг называл по церковному календарю и никогда не давал им имен участников экспедиции и даже лиц царской фамилии (только один остров Шумагина был назван в честь погибшего матроса). Так, в данном случае «поелику в сие число празднует церковь наша происхождение древ честного и животворящего Креста, то и назвал он губу, в коей находился, губою Св. Креста», — отметил В. Н. Берх¹. На том же основании был назван и открытый 10 августа остров именем Св. Лаврентия.

Войдя в пролив, называемый теперь Беринговым, и достигнув широты 65°30', Беринг 13 августа собрал совет офицеров, чтобы обсудить, что делать дальше. Из-за густого тумана при прохождении пролива с судна не был замечен американский берег, поэтому нужно было принять решение о дальнейших планах экспедиции.

На совете М. П. Шпанберг предложил плыть на восток до 16 августа и затем повернуть обратно, считая, что если и дальше нигде не будет видно американской земли, то, следовательно, она не соединяется с азиатской.

Другого мнения придерживался А. И. Чириков, который настаивал на плавании вблизи берега до тех пор, пока судно не подойдет к устью Колымы. В этом случае было бы совершенно точно доказано существование пролива между Азией и Америкой. Но начальник экспедиции послушался совета Шпанберга, и «Св. Гавриил», добравшись до широты 67°18', то есть находясь уже в Чукотском море, повернул обратно.

В проливе между Азией и Америкой судно снова застиг густой туман, и увидеть берега Америки на этот раз тоже не удалось. В проливе был

¹ В. Н. Берх. Первое морское путешествие россиян. СПб, 1823, стр. 44.

открыт остров Дионида (на самом деле там два острова и скала: другое их название — острова Гвоздева).

1 сентября экспедиция возвратилась в Нижнекамчатск, где и зазимовала. В следующем году Беринг предпринял еще одну попытку пройти на восток в поисках земли, о которой он слышал от Козыревского, когда был на Камчатке, но помешали сильный ветер и туман. Беринг дошел морем до Большерецка, а оттуда 23 июля 1729 года прибыл в Охотск. В марте 1730 года после пятилетнего отсутствия экспедиция возвратилась в Петербург.

Несмотря на то, что экспедиция не разрешила окончательно вопроса о существовании пролива между Азией и Америкой, значение ее в связи с географическими открытиями было велико. Кроме того, Беринг представил много очень интересных этнографических сведений о якутах, чукчах, камчадалах, коряках. Экспедиция произвела несколько точных астрономических наблюдений и составила карту Чукотки на основе достоверных данных.

Опыт этой экспедиции показал, что корабли, построенные на самом краю Восточной Сибири, на Охотском побережье, отличались хорошими мореходными качествами и могли совершать дальние плавания. В то время, когда «Св. Гавриил» и «Фортуна» в 1729 году возвращались в Охотск, там уже снаряжалась следующая экспедиция под начальством казачьего головы Афанасия Федотовича Шестакова. Шестаков представил правительству проект своей экспедиции и карту, на которой была нанесена Америка и множество островов. Он обязался проверить и исследовать эти сведения, а также покорить чукчей и коряков. Благодаря последнему поручению экспедиция носила несколько военный характер. Разрешение на экспедицию последовало 27 марта 1727 года. В составе ее были: 400 назначенных казаков под начальством капитана Дмитрия Ивановича Павлущкого, штурман Яков Генс, подштурман Иван Федоров, геодезист Михаил Спиридонович Гвоздев, матросы, корабельные мастера, люди разных специальностей.

На охотских верфях-плотбищах опять застучали топоры: началась постройка новых кораблей для экспедиции. В течение 1729 года были выстроены два бота — «Восточный Гавриил» и «Лев». К экспедиции присоединились и суда Беринга — «Св. Гавриил» и «Фортуна». Участниками ее были опытейшие мореходы Мошков и Треска, но в целом она оказалась крайне неудачной, хотя и была отмечена одним великим событием.

Начальник экспедиции Шестаков был убит в схватке с чукчами, а бот «Лев» сожжен ими во время зимовки. Возглавлявший экспедицию Д. И. Павлущкий отправил оставшиеся корабли по разным маршрутам. Наиболее примечательно плавание «Св. Гавриила». Летом 1732 года совершенно дряхлый штурман Яков Генс передал в Нижнекамчатске подштурману Ивану Федорову судно, на котором находились Гвоздев

и Мошков. Впоследствии М. С. Гвоздев писал, что задачи экспедиции были поставлены Д. И. Павлуцким обширные. В своем рапорте от 1 сентября 1733 года Гвоздев сообщал: «Велено нам обще со штурманом и подштурманом иттить на боте «Гавриил» кругом Камчатского носу к Анадырскому устью и против Анадырского носу, которая называется Большая Земля», и проведать, какие там живут люди, «осмотреть и вновь прискивать и ясак збирать с таких, с которых ясаку и зборе не бывало, и том мне иметь крепкое старание»¹.

23 июля 1732 года бот вышел из Нижнекамчатска. 3 августа «Св. Гавриил» оказался в устье реки Анадырь. Отсюда решили идти к тому острову, у которого был в 1728 году Беринг и который видел Мошков. И «через одного морехода пошли того острова искать и пришли к Чюкоцкому носу к южной стороне 5 августа»².

И так двигаясь от мыса к мысу вдоль берега, бот приближался к заветной цели. По пути не забывали и о делах насущных: собирали ясак там, где это удавалось. 13 августа была штилевая погода, и Федоров отдал якорь у мыса Дежнева. С группой матросов на берег ходил Гвоздев. Он видел чукотское селение, чукчей. На просьбу служилого Пермякова дать ясак они ответили категорическим отказом.

Переждав штиль, 15-го снялись с якоря и следующие два дня осматривали остров — один из островов Гвоздева, или Диомида (вероятно, это был остров Ратманова), а Гвоздев опять ходил на берег. Бот снова оказался у мыса Дежнева, а затем у острова. Только 20 августа путешествие на восток было продолжено. Бот подошел ко второму острову — острову Крузенштерна. Отсюда увидели берега Америки. Это случилось 21 августа 1732 года. «Св. Гавриил» направился к этим берегам и вскоре подошел к американской земле в районе теперешнего мыса Принца Уэльского.

Велико было желание экипажа высадиться на неизведанный берег. Предприняли несколько попыток, но мешал штормовой ветер. Бот пошел на юг и на следующий день подошел к острову (Кинга), с которого к боту приезжал чукча. От него Федоров и Гвоздев много узнали о Большой земле. Продолжать поход было трудно, так как кончились продукты и свежая вода, да и судно было в плохом состоянии. Матросы обратились к Гвоздеву и «просили о возврате, чтобы возвратиться на Камчатку без обчего согласия, понеже де кормов у них малое число, також де и не могут из судна воды уливать»³. 28 сентября бот с трудом добрался до устья Камчатки.

Так русские люди впервые подошли к берегам Америки. Они пересекли Берингов пролив по всей его ширине и побывали на островах Гвоздева.

¹ В. А. Дивин. К берегам Америки. М., 1956, стр. 20.

² Там же, стр. 21.

³ Там же, стр. 26.

Иван Федоров умер в 1733 году. Михаил Гвоздев долго еще пробыл в Сибири и на Дальнем Востоке. Он участвовал в плавании Шпанберга к берегам Японии, служил в Иркутске у Ф. И. Соймонова. В 1758 году просился в отставку по старости, а о дальнейшей его судьбе ничего пока неизвестно.

Первая экспедиция Беринга была разведкой, прологом к дальнейшим исследованиям Северо-Востока Азии. Сам Беринг хорошо это понимал и писал по возвращении, что «Америка, или иныя, между оной лежащая земли, не очень далеко от Камчатки...

Не без пользы было, чтоб Охотской или Камчатской водяной проход, до устья реки Амура и далее, до Японских островов, выведывать...

Ежели за благо рассуждено будет, северные земли или берег от Сибири, а именно от реки Оби до Енисея, а оттуда до реки Лены, к устьям оных рек можно свободно и на ботах или сухим путем выведывать»¹.

В этих словах Беринга заключается суть его проекта, поданного по прибытии в Петербург в Адмиралтейств-коллегию и озаглавленного «О мерах к устройству Охотского края и Камчатки, о проведывании пути к Америке и Японии для учреждения с оными странами торговли и о проведывании северного берега Российской империи между Обью и Леной».

В проекте Беринг предусматривал многие мероприятия по устройству Охотско-Камчатского края и Чукотки и выдвигал требование о создании сильного военного и торгового тихоокеанского флота, предполагал устройство в Охотске порта. Большинство из пунктов программы Беринга вошло затем в инструкцию, данную Адмиралтейств-коллегией первому командиру Охотского порта Г. Г. Скорнякову-Писареву. Правительство приняло предложения Беринга, но они были существенно дополнены и расширены после обсуждения.

16 марта 1733 года последовал именно указ об организации экспедиции, которая теперь по праву называется Великой Сибирско-Тихоокеанской экспедицией. Начальником ее был назначен Беринг, помощниками — прекрасно себя зарекомендовавший А. И. Чириков и М. П. Шпанберг. Началась длительная подготовка к экспедиции. Были написаны самые подробные инструкции для семи ее отрядов, которые должны были действовать на северном побережье от Оби до Амура. Северными отрядами экспедиции в разное время командовали доблестные русские морские офицеры, воспитанники петровской Морской академии — Степан Малыгин, Дмитрий Овцын, Дмитрий и Харитон Лаптевы, Петр Ласинус, Василий Прончищев, Семен Челюскин, Федор Минин, Дмитрий Стерлегов.

Самостоятельную группу, так называемую «академическую экспедицию», составлял отряд профессоров, адъюнктов и студентов Академии

¹ Цит. по статье А. И. Алексеева «Витус Беринг» в кн.: Люди русской науки. М., 1962, стр. 293.

наук. В этом отряде находился будущий известный исследователь Камчатки С. П. Крашенинников.

Главный отряд, называемый иногда Второй Камчатской экспедицией, под непосредственным руководством Беринга и Чирикова должен был отправиться к берегам Америки и исследовать северную часть Тихого океана, отряд, руководимый Шпанбергом, — описать Курильские и Шантарские острова и Японию.

Первые отряды небывалой по масштабам экспедиции начали выезжать из Петербурга в феврале 1733 года. Естественно, что руководить такой экспедицией было сложно. Большой частью отряды действовали самостоятельно в соответствии с данными им инструкциями, но систематически посылались Берингу отчеты, и он, особенно вначале, до отправления в историческое плавание, деятельно руководил всей работой.

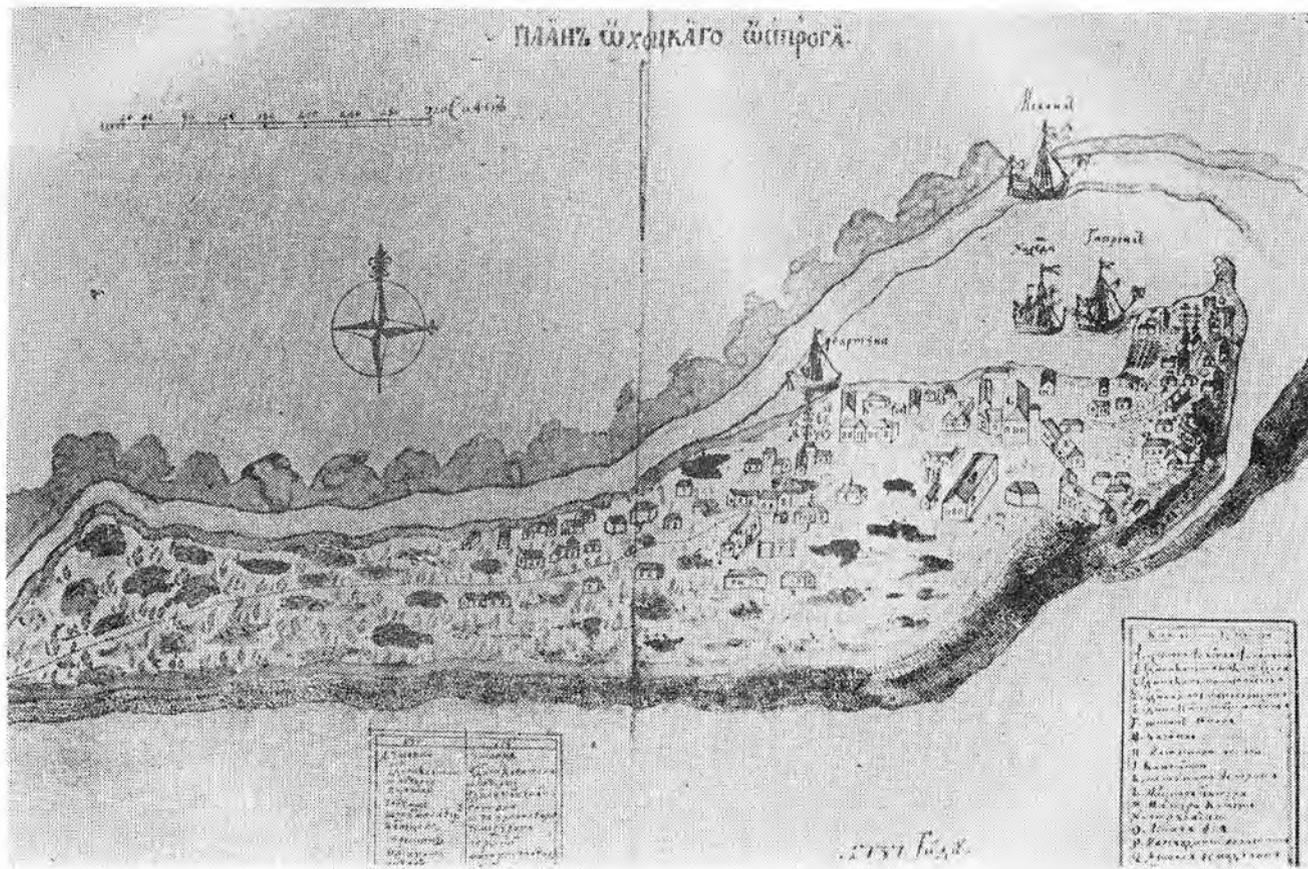
Беринг прибыл в Якутск в октябре 1734 года. Еще раньше туда прибыл Шпанберг, вскоре отправившийся в Охотск подготавливать суда. Три года продолжалась в Якутске подготовка к отправлению в Охотск всего необходимого. Причиной кажущейся медлительности были трудности, которыми сопровождался этот сложнейший этап экспедиции. Достаточно сказать, что для пропитания участников экспедиции требовалось в год 16 000 пудов различных продуктов. Доставляли их сначала в Якутск, а оттуда в Охотск. Такие тяжелые предметы, как, например, железные якоря и бухты каната для кораблей, приходилось распиливать или рубить на части, перевозить в таком виде в Охотск и там снова соединять или сращивать. Тысячеверстный путь от Якутска до Охотска таил на каждом шагу опасность. Дорога проходила горными тропами, и пробираться по ним можно было только верхом на лошадях. Таким путем перевозили все грузы. Многочисленные горные речки и реки приходилось переходить вброд. Метеорологические условия тоже были очень сложными.

Все участники Тихоокеанской экспедиции собрались в Охотске к осени 1737 года. Там под наблюдением Шпанберга были выстроены два новых судна: бригантина «Архангел Михаил» и дубель-шлюпка «Надежда» и отремонтированы старые боты «Гавриил» и «Фортуна». С первыми тремя Шпанберг вышел в плавание к Курильским островам и берегам Японии 18 июня 1738 года.

На охотских верфях для главного отряда экспедиции строились суда: двухмачтовые пакетботы «Св. Петр» и «Св. Павел» длиной по 80 футов, поднимавшие по 6 000 пудов груза. В июне 1740 года суда были спущены на воду, но смогли выйти в море только 8 сентября. Пакетботом «Св. Петр» командовал Беринг, а пакетботом «Св. Павел» — Чириков.

О детских годах Чирикова известно очень мало. Родился Алексей Ильич Чириков в 1703 году. В 1715 году он был определен в Навигацкую

План Охотска времен экспедиции Беринга.

школу в Москве. На следующий год Чирикова перевели в Морскую академию в Петербург, которую он успешно закончил в 1721 году, получив чин унтер-лейтенанта. Как один из лучших офицеров, он был оставлен в академии преподавателем навигации. В 1724 году был зачислен в состав первой экспедиции Беринга, а в 1730 году по возвращении произведен в капитан-лейтенанты.

Но отдыхать долго капитан-лейтенанту Чирикову не пришлось: он снова должен был отправиться на Восток, на этот раз помощником начальника экспедиции.

В Авачинской губе, куда уже ранее были посланы штурман Иван Фомич Елагин и подштурман Василий Андреевич Хметевский, все было готово для зимовки. Прошла она благополучно, и весной пакетботы собрались в путь.

4 июня 1741 года суда вышли в море. У Беринга было 77 человек команды, у Чирикова — 75. С Берингом шли лейтенант Свен Ваксель, мастер Софрон Хитрово, натуралист Георг Стеллер и разжалованный в матросы лейтенант Дмитрий Овцын.

Суда следовали на юго-восток, чтобы выяснить, существует ли мифическая Земля да Гамы. Совместное плавание продолжалось до 20 июня. Убедившись за это время в том, что такой земли в показанном на карте районе не существует, суда повернули на северо-восток. 20 июня во время сильного шторма пакетботы потеряли друг друга из виду.

Некоторое время Беринг оставался на месте, надеясь вновь встретиться с Чириковым, а затем направился на юг. Беринг решил еще раз посетить те места, где можно было искать Землю да Гамы. 25 июня судно повернуло на северо-восток и двигалось этим курсом. После двадцатидневного перехода, 16 июля, находясь в широте $58^{\circ}14'$, моряки увидели на горизонте высокие горы. Это была Америка. Среди гор выделялась одна, названная Берингом горой Св. Ильи. 18 июля приблизились к берегу настолько, что видели великолепный лес у самого моря. Дальнейшее плавание проходило медленно: боялись наскочить на прибрежные камни.

20 июля подошли к острову Каяк (Беринг назвал его островом Св. Ильи). На берег был послан «для сыскания гавани» Софрон Хитрово с командой из 15 человек. На другой шлюпке на остров был высажен натуралист Г. Стеллер в сопровождении казака Фомы Лепихина. В течение шести часов Стеллер сумел произвести многочисленные наблюдения, собрать богатые коллекции, сделать ценные находки.

Беринг торопился с выходом. Его беспокоил обратный путь. В ответ на нападки Стеллера он с горечью заметил:

«...Мы воображаем, что все открыли, и строим воздушные замки; а никто не думает о том, где мы нашли этот берег? Как еще далеко нам до дому? Что еще может с нами случиться? А берег нам незнакомый, чужой, провианта на прозимовку не хватит...».

На рассвете 21 июля пакетбот «Св. Петр» снялся с якоря и взял курс на юго-запад, придерживаясь берегов Америки. 26 июля прошли близко от острова Кадьяк, который был виден с судна. 2 августа открыли остров Укамок. Условия плавания ухудшились. Из-за недостатка свежей пищи появились большие, начался цинга. В конце августа умер матрос 2-й статьи Никита Шумагин. Его похоронили на одном из островов, названных Шумагинскими. Во время стоянки у этого острова впервые встретились с жителями Алеутских островов — алеутами, которые подъезжали к судну на байдарках. Несмотря на то, что времени было мало, Стеллер, Ваксель и Хитрово сумели и здесь произвести достаточно точные и подробные наблюдения.

Путь от Шумагинских островов к Камчатке становился все более трудным. Начался сентябрь, а с ним и штормовая погода. С 8 сентября штормы почти не прекращались, а 23 сентября разразился шторм такой силы, что старый штурман Эзельберг, избородивший все моря и океаны, признавался, что не видывал в своей жизни ничего подобного. Положение судна было тяжелым. Большая часть команды болела, не хватало воды и продуктов, члены экипажа, даже не больные цингой, были до того измучены качкой, что не могли ничего делать. С каждой новой волной ожидали гибели судна.

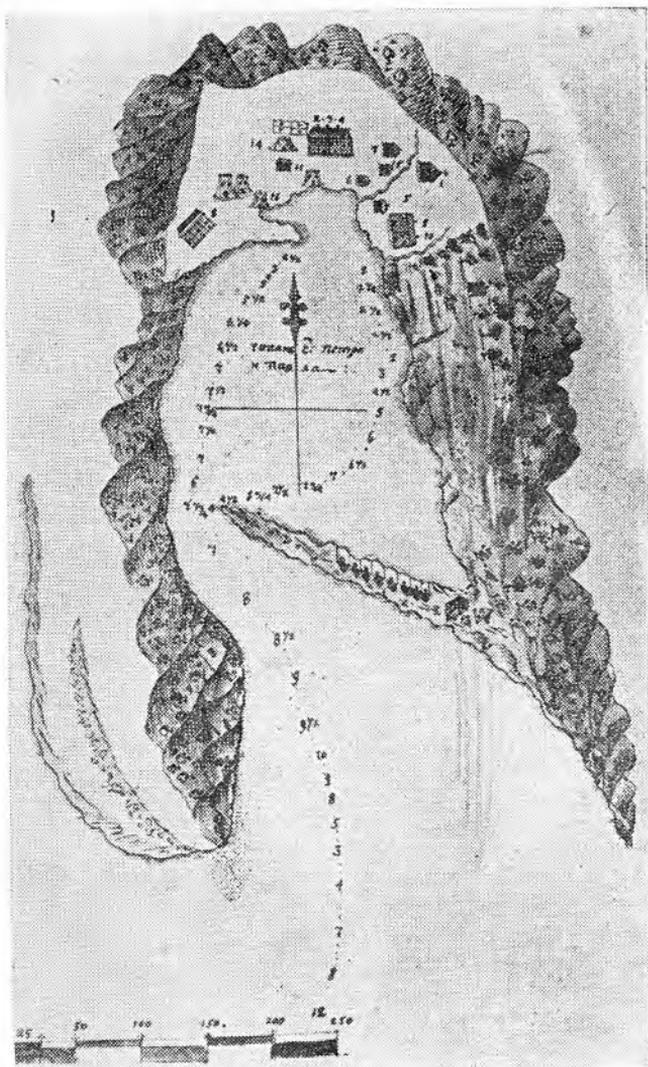
Наступил октябрь. Бури не утихали, люди умирали один за другим. К концу месяца скончались от цинги и голода двенадцать человек. Тяжело заболел капитан Беринг. Он не мог подниматься, и управляли судном Ваксель и Хитрово.

Два месяца бесперывных мучений, когда не было возможности ни лежать, ни сидеть, ни стоять, смерть товарищей угнетали оставшихся в живых. Мало кто надеялся возвратиться на Камчатку. Понятна была поэтому радость, когда 4 ноября увидели перед собой прямо по курсу на расстоянии около 15 миль высокую землю. Всем хотелось, чтобы это была Камчатка. Многие даже узнавали очертания берегов.

Вечером 5 ноября пакетбот «Св. Петр» выбросило на берег. Это был остров — теперь остров Беринга в группе Командорских островов. Стали готовиться к зимовке: нарыли землянок, запасались топливом. Остров был богат морским зверем. Больше всего пришлось по вкусу морская корова, описанная Стеллером (теперь она вымерла).

Такие тяжелые испытания были уже не под силу больному шестидесятилетнему капитан-командору Берингу, и 19 декабря 1741 года он скончался.

«В яме (землянке.— А. А.), в которой он больной лежал, песок со сторон всегда осыпался, заваливая у него ноги, коего он напоследок больше огревать не велел, сказывая, что ему от того тепло, а впрочем де он согреться не может. И так песку на него навалилось по пояс; а как скончался, то надлежало его из песку вырывать, чтоб тело пристойным образом предать земле», — вспоминал Г. Ф. Миллер.

План Петропавловской гавани 1741 года.

Сорок шесть человек благополучно перезимовали, а весной 1742 года из остатков пакетбота и из плавника начали строить новое судно, которое летом было готово. 13 августа вышли к берегам Камчатки, а 26 августа почти на веслах вошли в Петропавловскую гавань, где все считали их погибшими.

Разлучившись с Берингом 20 июня, Чириков продолжал путь самостоятельно сначала на восток, а потом на восток-северо-восток. 15 июля

увидели землю. В журнале Чирикова есть запись: «В 2 часа пополудни впереди себя увидели землю, на которой горы высокие, а тогда еще не очень было светло, того ради легли на дрейф; в 3-м часу стало быть землю свободнее видеть»¹.

Это была Америка. Пакетбот находился вблизи мыса Аддингтона острова Бейкер в широте 55°20'. Чириков послал к берегу шлюпку с штурманом А. М. Дементьевым. Она не вернулась. Искали ее неделю и затем послали вторую — с боцманом Сидором Савельевым. Но не возвратилась и вторая шлюпка. Гибель посланных так и осталась загадкой.

Чириков долго еще был у берегов Америки, но продовольствие кончалось, и 6 августа пакетбот пошел к Камчатке. На обратном пути открыли несколько островов Алеутской гряды: Умнак, Уналашку и другие. 20 сентября с острова Адак в группе Андреяновских островов приезжали на байдарках «американцы». В начале октября был открыт остров Агатту из группы Ближних островов. Чириков, как и многие из команды, был болен. Пакетбот вел штурман Иван Фомич Елагин. Вскоре умерли офицеры И. Чихачев и М. Плаутин. Лишь 22 октября удалось войти в Петропавловскую гавань. Из 75 человек возвратились 51, а из офицеров только двое — Чириков и Елагин.

После смерти Беринга экспедицию возглавил Чириков, который ходил на поиски пакетбота «Св. Петр», был рядом с островом Беринга и не знал, что там лихорадочно готовятся, строят суденышко, чтобы добраться до Камчатки. Так ему и не удалось найти товарищей — они добрались сами.

Недолго прожил Чириков. Отправившись на Камчатку, в Сибирь 22-летним офицером, вернулся он в Петербург через 20 лет больным, измученным лишениями, морскими походами и несправедливостями. В 1746 году Чирикова произвели в капитан-командоры, а в 1748 году он скончался в возрасте всего 45 лет. Недавно в Ленинграде обнаружили место, где похоронен этот замечательный путешественник и труженик науки.

Героическое плавание русских моряков завершилось открытием Северной Америки со стороны Тихого океана и открытием Алеутских островов, а отряды Великой Сибирско-Тихоокеанской экспедиции в это время заканчивали свои работы по описи всего северного побережья Сибири. Инициатор, организатор и руководитель экспедиции Витус Ионссен Беринг до конца исполнил свой долг перед Родиной. На всех картах мира море, по которому он плавал, носит имя Беринга; пролив между Азией и Америкой назван Беринговым, острова, куда выбросило пакетбот «Св. Петр», называются Командорскими, а остров, где отважный капитан-командор нашел вечный покой, именуется островом Беринга.

¹ В. А. Дивин. Великий русский мореплаватель А. И. Чириков. М., 1953, стр. 159.

Великая Северная, или Великая Сибирско-Тихоокеанская, экспедиция, называвшаяся в далекие времена просто Камчатской, действовала на огромном протяжении Сибири и Дальнего Востока. Если устремления Тихоокеанского отряда экспедиции (собственно Камчатской экспедиции) были направлены к достижению Америки, Японии, исследованию Алеутских, Курильских и Шантарских островов, то в задачи северных ее отрядов входило описание и нанесение на карту всего севера Сибири, изучение возможностей плавания вдоль берегов и по рекам Сибири, впадающим в Северный Ледовитый океан.

На восточном участке, громадном по размерам даже для Сибири, от Лены до Берингова пролива, выпала участь руководить работами одному из лучших офицеров морского флота России Дмитрию Яковлевичу Лаптеву. Вначале начальником отряда был назначен лейтенант Петр Ласиниус. Но судьба его сложилась печально... Для отряда в Якутске был построен бот «Иркутск», который уплыл из Якутска 29 июня 1735 года, имея на борту 52 человека. Спустившись по Лене, бот 6 августа вышел в море и через несколько дней встретил сплошные льды. Выход представлялся один — зимовать. 14 августа Ласиниус повел бот в устье реки Хараулах. Там из плавника выстроили большую казарму, где поместились все участники плавания, сложили печи. Зимовка закончилась трагически: умерло 38 человек, и первой жертвой цинги стал сам Ласиниус. Командование отрядом принял В. А. Ртищев, который на протяжении многих лет сотрудничал с Гвоздевым. Ртищеву удалось сообщить о печальном исходе зимовки Берингу в Якутск. Последовало распоряжение вывезти оставшихся в живых, а затем формировать новый отряд.

Начальствование отрядом Беринг поручил лейтенанту Дмитрию Яковлевичу Лаптеву. Об этом Беринг доложил Адмиралтейств-коллегии, и 15 октября 1736 года она утвердила решение (№ 3326)¹. Лаптев был в составе экспедиции с 1735 года и выполнял различные поручения Беринга. Он происходил из дворян бывшей Псковской губернии Великолукского уезда. Можно предположить, что у него был родной брат Семен, учившийся вместе с ним в Морской академии и вместе произведенный в гардемарины и мичманы. До 1733 года их служба и продвижение по службе шли одинаково. Но в 1741 году Семен заболел, и в 1744 году он уволился в чине капитан-командора. Можно также предположить, сопоставляя послужные списки, что у Д. Лаптева был и еще один родной брат — унтер-лейтенант Данила Лаптев, о котором известно очень мало.

Дмитрий Лаптев, как и многие офицеры того времени, получил образование в Морской академии. В 1718 году он был уже гардемаринном,

¹ Материалы для истории русского флота. Т. VIII, СПб, 1880, стр. 258.

а еще через три года 2 марта 1721 года стал офицером-мичманом. До назначения в экспедицию он служил на Балтийском флоте: был адъютантом контр-адмирала Сандерса, затем обучал гардемарингов. Произведенный 10 января 1724 года в унтер-лейтенанты, Д. Лаптев командовал шнявой «Фаворитка», на которой плавал в 1725—1726 годах в Финском заливе. В 1727 году принял фрегат «Св. Яков» и ходил в Данциг; в 1728 году, командуя пакетботом «Флигельде-Фам», плавал в Любек. Затем до 1734 года служба Лаптева проходила на берегу (строительство каменной стенки Кронштадта). 19 марта 1731 года он стал лейтенантом, а по новому штату 18 января 1733 года — лейтенантом майорского ранга. В 1734—1735 годах командовал пакетботом «Меркуриус», крейсеровал в Балтийском море до Любека. А затем оказался в экспедиции Беринга.

Лаптев начал с того, что послал к месту зимовки Ласиннуса отряд из 14 человек под начальством подштурмана Михаила Щербинина, чтобы помочь оставшимся в живых и приготовить бот «Иркутск» к последующим работам в Северном Ледовитом океане. А когда вскрылась Лена, то Лаптев с основным отрядом и всеми запасами, погруженными на три дощаника, 30 мая 1736 года отправился в путь. Залив Буорхая, куда дощаники прибыли 25 июня, оказался забитым льдами. Плыть дальше было нельзя. Пришлось до зимовки Ласиннуса добираться пешком, а дощаники оставить в Севастьяновой губе (теперь залив Неелова).

Только 29 июля льды разошлись и позволили готовому к плаванию «Иркутску» покинуть печальное место зимовки, но к дощаникам подойти было не легче: и лед и ветер мешали морякам. Когда же это удалось сделать и перегрузку завершили, то кончалась уже первая половина августа. И вот 11 августа «Иркутск» взял курс в море. Лаптев намеревался не вблизи берега, а морем пройти как можно дальше на восток, но надежды его не сбылись. Два дня бот шел удачно, а на третий встретил непреодолимые льды. Что оставалось делать? Выход был один — возвращаться и готовиться к зимовке. 22 августа «Иркутск» вошел в Быковскую протоку реки Лены и в устье речки Борисовой встал на зиму.

Принятые Лаптевым противоцинготные меры оказались очень действенными: во время зимовки умер только один человек. Между тем Лаптев, учтя опыт Ласиннуса и своего плавания, приняв во внимание рассказы местных жителей о постоянной тяжелой ледовой обстановке в этом районе и не зная правильного географического положения северо-востока Азии, пришел к твердому убеждению о невозможности плавания между Леной и Колымой. Об этом он написал Берингу и просил его распоряжений. Беринг не решил такого вопроса сам, а направил рапорт Лаптева и мнение Миллера со своим рапортом в Адмиралтейств-коллегию.

Вслед за донесением Берингу и сам Лаптев прибыл в Якутск, откуда отправился в Петербург. Когда он появился в начале 1738 года в столи-

це, то Адмиралтейств-коллегия уже 20 декабря 1737 года рассмотрела представление Беринга с рапортом Лаптева и приняла решение продолжать исследования. Теперь же, заслушав Дмитрия Яковлевича, она убедилась в правильности принятого решения и подтвердила его Лаптеву. Для исследований отводилось четыре года. Конечная цель формулировалась так: любой ценой связать описью северные и восточные моря. Лаптеву было приказано экспедицию проводить со всевозможным старанием. «А имянно поход морем начинать, как бы только ото лдов крайнее препятствие миновало, не упуская ни мало летняго благополучного времени, а ежели где крайняя невозможность к походу постигнет, например ото лдов, в таком случае, как прежняя инструкция гласит, ожидать перемены и к походу возможности, а ежели де такой способной случай придет, то без потеряния времени во определенной вояж следовать; и буде конечное препятствие постигнет в такое уже время, как по тамошнему климату становитца и вода мерзнет, пред тем временем возвращатца не в прежняя дальняя места, но искать способу, где б ближе зимовать можно было, дабы далным назад возвращением в действии той экспедиции медления не иметь и времени не потерять и по усмотрению, где б по способности и безопасности, ближе зимовать и приводить те экспедиции во окончание в другое или в третье лето; а буде ж какая невозможность и в третье лето во окончание привести не допустит, то и в четвертое лето и всемерно, что б та экспедиция во окончание приведена была»¹.

Из приведенной цитаты видно, что экспедиции Д. Я. Лаптева придавалось большое значение. Главная задача состояла в том, чтобы от Анадыря или от Камчатки доплыть до Колымы. В приказе Адмиралтейств-коллегии говорилось, что если в одно лето Лаптев и не дойдет от Камчатки до Чукотского носа, то надлежит ему перезимовать в Анадырском остроге, «а на другое лето по надлежащем к походу удовольствии идти на оном судне во показанный вояж как возможно ранее и стараться без упущений летняго благополучнаго времени к Чукотскому носу дойти и тот нос обойти и к Колыме реке следовать»². Во время путешествия по Чукотке или вдоль ее берегов Лаптеву строго предписывалось быть особенно осторожным, «ничем тех народов не озлоблять, но показывать им приласкание» и принимать в подданство, «ежели пожелают»³.

В марте 1738 года Дмитрий Лаптев вместе с назначенными в экспедицию Беринга своим двоюродным братом лейтенантом Харитоном Прокофьевичем Лаптевым, лейтенантом Иваном Львовичем Чихачевым и геодезистом Иваном Киндяковым отправился из Петербурга. К весне сле-

¹ Экспедиция Беринга. Сборник документов. Подготовил А. Покровский (в дальнейшем — Сб. док. Подг. А. Покровский). М., 1941, стр. 159. Об этом же: Материалы для истории русского флота, том VIII, СПб, 1880, стр. 389—390.

² Материалы для истории русского флота, т. VIII, СПб, 1880, стр. 429.

³ Г. В. Яников. Великая Северная экспедиция. М., 1949, стр. 116.

дующего года он был в Якутске, откуда на том же боте «Иркутск» 7 июня 1739 года поплыл по Лене навстречу новым испытаниям.

Еще ранее Лаптев послал матроса Алексея Лошкина описать побережье к востоку от устья Лены, а геодезиста Ивана Киндякова — реку Индигирку. Уже в Севастьяновой губе, куда «Иркутск» пришел 5 июля, к Лаптеву явился Лошкин и доложил, что задание выполнено. Он же рассказал о характере береговой черты.

В конце июля «Иркутск» вышел в плавание. На нем было 35 человек. Всех остальных Лаптев отправил в Якутск, а 10 человек оставил охранять грузы экспедиции в Севастьяновой губе. Выбравшись из ледового плена берегового припая, бот как бы вздохнул полной грудью и легко продвигался на восток. 7 августа добрались до устья реки Яны. А затем опять встретился сплошной лед. Лишь небольшой проход оставался между ним и берегом. В него-то и повел Лаптев «Иркутск». Был уже обойден Святой нос, о котором Дмитрий Яковлевич думал, как о непреодолимой для бота преграде. Были открыты по пути два маленьких островка. В середине августа погода резко изменилась, начали дуть встречные ветры, приносявшие битый, торосистый лед, который тормозил продвижение бота.

По расчетам и предположениям, «Иркутск» должен был быть где-то вблизи устья реки Индигирки, и Лаптев послал к берегу шлюпку, чтобы отыскать вход в устье. Но попытка эта оказалась безуспешной. За ней последовали еще две — тоже безрезультатные. Отправлялся к берегу штурман Михаил Щербинин, был близко от устья, обнаружил совсем мелкие места, да и вода вокруг была пресной, но входа так и не нашел. Помог геодезист Иван Киндяков, который, благополучно завершив опись, давно находился здесь и с конца августа ждал прихода Лаптева на устье реки. Ему удалось найти очередную партию моряков, а с ней и бот. Киндяков указал проход в устье, но теперь уже Лаптев не решился действовать: время было позднее — половина сентября, и всякое передвижение связывалось с большим риском. Поэтому он распорядился поставить судно на зимовку там, где оно было, а всех людей отправить на берег, к месту лагеря Киндякова, в 14 верстах от бота. Так было и сделано.

Чтобы не терять времени, Лаптев приказал Лошкину описывать побережье до реки Алазеи, а Щербинину и Киндякову тщательно нанести на карту устье Индигирки. И когда все это было выполнено, Дмитрий Яковлевич отправил в Адмиралтейств-коллегию 30 ноября 1739 года с нарочным Лошкиным обстоятельный доклад о проделанной работе. В частном письме графу Н. Ф. Головину, направленному с этой же оказией, Лаптев описал свои впечатления о местах, где приходилось работать: «Берег, как у Яны, так и от Святого носу до Индигирки самой низкой и мокрой и на берегу, как в болоте, сухой земли сыскать не можно, и весь берег от Лены до Ковымы пустой и входа с моря ни в одну реку

за мелкостью нет, и дров ничего нет, и в реках в ретких — наносной, с нуждою, и к плаванию на море — один август месяц (а в июле все море полно льда), и в том во вся дни от льдов и мелей безпокойство было. И часто бродили во льдах, как в густом лесу, и, когда ветер умеренной, с нуждой пробавлялись, а в крепкой и в шторм — близь конечного отчаяния были, но тем спасались, что отмелой берег большие льдины останавливал, и до самых заморозков так было»¹.

Лаптев надеялся сохранить «Иркутск» при весенней подвижке льда и перейти в следующем году на нем к устью Колымы. С этой целью он отправил Ивана Киндякова на Колыму, чтобы описать побережье от Индигирки до нее и устье реки. Кроме того, Лаптев наладил доставку продовольственных запасов на Колыму. Он считал, что будет лучше, если удастся продолжить плавание вдоль берега до Анадырь-реки и до Камчатки, чем к устью Анадыря по Чукотке, а затем оттуда плыть морем на Колыму. В том же письме к Головину Лаптев писал, что «ежели бот сохранится, то на нем буду следовать к Ковыме и Чукоцкой нос обходить и к Камчатке, сколько случай даст и силы нашей будет. А ежели не сохранится, то из Ковымы к Чуюкоцкому носу, сколько возможно, осмотреть же и описать и, возвратясь в Ковымской, будем следовать в Анадырской и Анадыром рекою вниз до устья описать и осмотреть, чтоб карту северного берега с прежнему от Камчатки картою связать»². А в рапорте Адмиралтейств-коллегии он сообщил о своем намерении обойти Чукотский нос, но оговорил, что «ежели бот сохранится, то будет следовать морем по инструкции, а ежели не сохранится, то сухим путем» пойдет³.

К весне 1740 года, 6 апреля, возвратился Киндяков и доложил, что он описал устье Колымы, что никаких селений по пути туда и на устье он не встретил, что на собаках туда езды восемь суток. Обо всем этом Лаптев 1 мая написал в Адмиралтейств-коллегию и, между прочим, привел любопытную деталь: «Берег от устья Колымскаго к западу во владении подданных ея императорскаго величества, а к востоку — во владении чуюкоцком»⁴. Он сообщил также, что за зиму на устье Колымы удалось перебросить 300 пудов продовольствия и что на Индигирке строится четыре судна, каждое из которых сможет поднять до 300 пудов.

Чтобы увеличить сроки навигации, Лаптев решил как можно раньше вырваться из ледового берегового припая. С этой целью с начала июня весь экипаж и местные жители начали пробивать во льду канал. К концу июня канал протяженностью около 400 саженьей был готов. Но северный ветер спутал все планы. Внезапная подвижка льда свела всю работу на нет: канал снова забило льдами, и в довершение всех

¹ Экспедиция Беринга. Сб. док. Подг. А. Покровский. М., 1941, стр. 319.

² Там же, стр. 320.

³ Материалы для истории русского флота, т. VIII, СПб, 1880, стр. 692.

⁴ Экспедиция Беринга. Сб. док. Подг. А. Покровский. М., 1941, стр. 233.

бед «Иркутск» вытащило теми же льдами на мель. Было от чего повесить голову. Но Лаптев не сдавался. Нечеловеческими усилиями всей команды, а также местных жителей бот удалось снять с мели, хотя для этого потребовалось целиком разгрузить его. Стаскивали бот вагами, заведенными в ледяной воде под его днище. Когда бот сошел на чистую воду, его снова загрузили, приготовили к плаванию, и 31 апреля отправились дальше, на восток. Переход был легким. 4 августа «Иркутск» встал на якорь в устье реки Колымы.

Лаптев послал рапорт о своих действиях в Нижнеколымск, а сам, воспользовавшись хорошими условиями плавания, решил идти дальше на восток. У Большого Баранова камня сплошное ледяное поле преградило ему путь. Даже узкой полоски чистой воды у берега и то не было, лед теснился на отмели. Ждать и надеяться на что-то было бессмысленно. Скрепя сердце, Лаптев повернул к устью реки Колымы, поднялся по ней до Нижнеколымска и встал там на якорь 23 августа.

Сразу же после разгрузки приступили к постройке казарм для зимовки, заложили два гребных судна для плавания по Колыме. Киндяков отправился описывать верховья Колымы, а штурман Щербинин с наступлением зимнего пути на собаках вышел в путь к Анадырскому острогу. На него возложили задачу приготовить в остроге все необходимое к приходу всей команды и построить суда для плавания по Анадырю.

Лаптев тщательно готовился к последнему этапу действий своего отряда. Или морем или по суше он должен был выйти к Тихому океану. Основные сведения о Чукотке, ее жителях и условиях путешествия Лаптев получал только от местных жителей. В частности, он сообщал в письме к Головину, что при его команде «обретается чюкоцкая баба, которая имела жителство меж Ковымою и Чюкоцким носом и неоднократно чрез нос оной землею на анадырской стороне бывала»¹. Эта старая женщина, несомненно, много рассказала Лаптеву. На случай, если в следующем году не удастся обойти Чукотку морем и придется идти на Анадырь посуху, Лаптев затребовал «из Анадырского острога двух человек из служилых, которые в 730-м году с моэром (майором.— А. А.) Павлупким в Чюкоцкой земле с некоторыми коряками вожами были, оные ж и толмачи чюкоцкова языка»².

И вот наступила весна 1741 года. Лаптев снова пытался пробиться морем на восток от Колымы. 29 июня «Иркутск» в сопровождении двух больших лодок, построенных зимой, в каждую из которых помещалось по 12 казаков, отправился из Нижнеколымска. Как тщательно ни готовился Лаптев, все же и на сей раз дальше Большого Баранова камня уйти не удалось. Море встретило их, как и в прежние годы, льдами.

¹ Экспедиция Бернинга. Сб. док. Подг. А. Покровский. М., 1941, стр. 328.

² Там же.

Выждав некоторое время, Лаптев решил пробиваться сквозь плавающие льды и с этой целью отправил две шлюпки под начальством Щербинина впереди бота. Они отталкивали льдины, отыскивали проходы, делали промеры глубин — показывали чистый путь «Иркутску».

Когда 25 июля бот дошел до Большого Баранова камня и снова увидели мореплаватели льды, преграждавшие путь по всем направлениям, то сразу стало ясно, что влезать в них и думать нечего. Ожидая смены ледовой обстановки, отошли назад. Затем опять вперед. 4 августа бот был вторично у Большого Баранова камня. И снова повсюду были льды. Внезапно льдины начали смыкаться, редкие разводья — исчезать. Пришлось бросить во льдах шлюпки, а люди с них с трудом добрались до бота.

Лаптев созвал «консилиум» начальствующего состава, на котором пришли к единодушному мнению, что «за вышеобъявленными препятствиями прибыть на Камчатку невозможно»¹. Бот тронулся в обратный путь. Прошел в эту зиму построенный на правом берегу реки Колымы большой маяк и возвратился 10 августа в Нижнеколымск.

Теперь оставалось готовиться к походу по Чукотке. Не случайно в решении «консилиума» было также записано, чтобы «впредь на оное море ботом не выходить»². Несомненно, Лаптев предусматривал такую возможность еще ранее и совершенно резонно в письме Головину 30 октября 1740 года сообщал, что и от Камчатки к Колыме вряд ли удастся пройти: «на Камчатку следовать кажется не будет резону, понеже ис Камчатки к Ковыме тем же путем проходить, а чтоб Северного моря берег с берегом Восточного моря описью связать, кажется, конечная нужда, чрез что до Камчатки обстоятельная карта будет; и тем надеюсь о порученной мне экспедиции совершенное исполнение может быть»³.

Между тем Адмиралтейств-коллегия послала Берингу 23 февраля 1741 года приказ об отправлении к Лаптеву на Камчатку дубель-шлюпки «Надежда», и «при том определенному на ней мастеру Хитрову накрепчайше подтвердить, чтобы он с тою дубель-шлюпкою к тому месту, где оный Лаптев имеется, прибыл в надлежайшее время, дабы, за неприбытием его, оному Лаптеву не учинилось в походе остановки и упушения времени»⁴.

Лаптев стал готовиться к походу по Чукотке. С бота были сняты пушки, ядра, провиант. Все это грузили на нарты. 27 ноября 1741 года, когда установился хороший зимний путь, караван из 45 собачьих нарт вышел из Нижнеколымска. Впереди была далекая и трудная дорога. Нарты легко скользили по плотному снегу. Проводники прекрасно знали мест-

¹ Г. В. Яников. Великая Северная экспедиция. М., 1949, стр. 127.

² Там же.

³ Экспедиция Беринга. Сб. док. Подг. А. Покровский. М., 1941, стр. 329.

⁴ Материалы для истории русского флота, т. IX, СПб, 1882, стр. 64.

ность, только им одним известные приметы, и собачьи нарты одна за одной мчались в глубь Чукотской страны.

Наслышанные о воинственности «немирных чукочь» участники похода были готовы ко всяким неожиданностям. Ведь именно в эти годы происходили известные в истории Чукотки военные походы майора Д. И. Павлуцкого, но на этот раз все было благополучно. Дорога шла вдоль Большого Анюя. Ночевали там, где заставала ночь, иногда устраивали остановку около стойбищ чукочей, юкагиров. До реки Ангарки путешественники миновали много речек, впадающих с обеих сторон в реку Анюй: Баскова, Синицына, Пенжинка, Банокова. Прошли мимо зимовья Над двумя висками, зимовья Ермолаева, урочища Бани, Юкагирских юрт, урочища Лобазникова. А на реке Ангарке отряд ожидали олени, приготовленные чуками по распоряжению Лаптева. Здесь отпустили собачьи нарты в Нижнеколымск и дальше передвигались на оленях.

Перейдя водораздел рек Анюя и Яблонной, отряд вступил в бассейн реки Анадырь, которая вытекает из небольшого озерка Иоанко. Приняв в себя справа два небольших притока — речки Юкагирскую и Розсошину, река Анадырь соединяется далее с рекой Яблонной. Эта речка течет

Чукоча Бани

Как ездили чуки на оленях.

из водораздельного хребта. По обе стороны Яблонной путешественники видели высокие горы, а по берегам ее рос тальник и тополь. В этих местах обитали юкагиры. Это была их земля.

Вскоре вышли и на самую реку Анадырь. Справа и слева попадались небольшие речки-притоки. Путешественники встречали приметные камни, проходили горы. Сначала справа показался лиственничный лес на небольших горах, из которых вытекает речка Ераполь. Затем проехали Караульный камень — он в двух днях пути от речки Ераполь. За Караульным камнем речка Травиниха, а в 15 верстах от нее мыс Толстый. Отсюда уже недалеко и до Анадырского острога. У Гребень-камня река Анадырь поворачивает на восток. Здесь же в Анадырь впадает речка Гребенная. А от Гребень-камня рукой подать и до Анадырского острога. Он «построен на острове деревянной из талого лесу с пятью башнями ворота одни. Да за острогом одна церковь да сто тридцать изб жилых солдатских и казачьих и прочих чинов. А остров длиною два, а шириною одна верста»¹. Это было 17 ноября 1741 года. Жители острога радушно встретили моряков. Команда отдыхала после трехнедельного пути. 21 ноября 1741 года Д. Я. Лаптев послал в Адмиралтейств-коллегию рапорт о прибытии и о том, что благополучно доставлены ядра, пушки и провиант и произведена опись от Нижнеколымска до Анадырского острога².

Оставалось описать реку Анадырь и таким образом связать съемку Северного Ледовитого океана со съемкой Тихого океана. Вскоре из острога для переговоров с чукчами отправился отряд под командованием казачьего пятидесятника Шипицына. Лаптев воспользовался этим обстоятельством и командировал для описи местности от острога до устья реки Пенжины, куда направлялся пятидесятник Шипицын, квартирмейстера Романова и бывшего поручика артиллерии Новицкого. Зима прошла в повседневных заботах, приготовлениях к летнему походу по Анадырю. Лаптева одолевали думы о плавании вокруг Чукотки, предписанном Адмиралтейств-коллегией. Придет или не придет весной обещанная дубель-шлюпка «Надежда»?

Но вот наступила весна. Речные суда спущены на воду, и 9 июня 1742 года Лаптев и Киндяков отправились с отрядом описывать реку Анадырь. Были взяты проводники — местные казаки, уже не один раз плававшие до самого моря по Анадырю. Они безошибочно указывали наиболее глубокие протоки, удобные места для стоянок, стойбища чукчей, места оленнего плава и так далее. Один за другим на планшет Киндякова ложились Приколова виска, Шучья виска, Круглая виска, Убойная речка, Иголкина, Волокитина. Давать названия не приходилось: места здесь были все обжитые, хорошо известные казакам, жителям Анадырского острога, уже столетие почти существующего. Спускались по

¹ ЦГВИА, коллекция 414, д. 417, л. 10.

² Материалы для истории русского флота, т. IX, СПб, 1882, стр. 346.

Майне-протоке, в которую с левой стороны из черной вершины хребта текла Орлова речка, за ней протока Прорва, текущая из Майны в Анадырь, затем Вакорная виска. Много их было, этих висок, речек, урочищ.

А когда вышли снова на Анадырь-реку, то попали прежде всего к Родионову урочищу, отстоящему от Анадырского острога на триста верст; от него Анадырь на протяжении семидесяти верст до Чекаева урочища течет на юго-восток. В тридцати верстах от Чекаева в Анадырь впадает тремя рукавами с правой стороны река Красная. Анадырь-река разлилась здесь шириной до пятнадцати верст. От устья Красной Анадырь резко поворачивает на северо-восток и течет так до Копейкина урочища, а затем до самой губы имеет течение на юго-восток. Наибольшие глубины под правым берегом.

Дальше уже начиналось море-океан. Вглядывались вдаль моряки, не видно ли где дубель-шлюпки с мастером Хитрово. Да только нигде не было заметно никакого морского судна. Тщательно промеряли фарватеры, ведущие из залива в реку, обстоятельно наносили на карту берега залива, все реки, в него впадающие, подождали несколько дней и тронулись в обратный путь. 3 августа все благополучно возвратились в Анадырский острог.

В ожидании зимнего пути Лаптев работал над докладами, Киндяков вычерчивал карту похода и писал, что река Анадырь имеет песчаное дно, много островов и проток, что она широка, но зато и мелка, так что едва-едва мелкосидящие дощаники-шитики плавать по ней везде могут, по крайней мере до реки Красной, а оттуда уж глубины совсем большие, впору и морским судам заходить. Впоследствии Лаптевым на основании путешествия по Чукотке была составлена карта. В составлении ее большое участие принимали Иван Киндяков и Михаил Щербинин, хотя их имен на карте и не сохранилось. Называлась она так: «Карта рекам Большаго и Сухаго Анюев и Амолона, текущим в реку Колыму и с Анадырю, впадающего в Тихо-Восточный океан, с трактом от Анадырского острога до Пенжинской губы и на Камчатку. Сочинена из журнала содержания в команде капитана Дмитрия Лаптева 1741 и 1742 годов, который из Нижне-Ковымскаго острога с командою бота Иркутца зимою ехал нартами на собаках и оленях до Анадырскаго острога, а летом 742 года на новопостроенных тамо судах, до взморья. Анадырь река описана по инструменту. Сочинена Государственной Адмиралтейской коллегии в Чертежной 1778 года. По северную сторону реки Анадыря никаких лесов, окроме оленьяго корму великих мхов нет. Где летним временем оленей ходит великим стадами, а к зиме переходят на южную сторону Анадыря в леса, весною паки переплывают в холодные мхи, и во время их плава анадырския жители и чюкчи на лодках вдруг выехавши колют себе для пропитания до несколько тысяч»¹. Это первая карта

¹ ЦГА ВМФ, ф. 1331, оп. 4, д. 30.

Карта похода
 Д. Я. Лаптева по Чукотке.

Чукотки, исполненная по материалам инструментальной съемки. На долгие годы она стала основой всех карт, на которых наносилась Чукотка, и атласов мира.

Наступило время завершать дела экспедиции. Обещанная дубель-шлюпка, как и следовало ожидать, не пришла. Надо было возвращаться к боту и на нем плыть в Якутск, 19 октября 1742 года весь отряд начал обратный путь по Чукотке к Нижнеколымскому острогу. Теперь он казался легче, так как дорога была знакомой, да и груза было меньше. Все тяжести, ядра, пушки, часть снаряжения Лаптев оставил в Анадырском остроге, где они лежали многие десятилетия, как свидетельство первой экспедиции, связавшей инструментальной съемкой Колыму с Анадырем.

В Нижнеколымске Лаптев не стал дожидаться вскрытия реки и по зимнему пути продолжил путешествие до Якутска, где и появился 8 марта 1743 года. В Якутске он застал А. И. Чирикова, возвращавшегося после плавания в Северную Америку, а в декабре того же года Лаптев уже был в столице и докладывал Адмиралтейств-коллегии о действиях своего отряда. Они были одобрены, работа признана выполненной. Лаптев получил повышение по службе и очередной чин.

В 1750 году Лаптев, плавая на Балтийском море, командовал кораблем «Св. Иоанн Златоуст», 25 декабря 1755 года он стал капитан-командором и в 1756 году командовал кораблем «Св. Николай». 5 мая 1757 года ему присвоили чин контр-адмирала. Лаптев стал заместителем командующего Кронштадтской эскадрой адмирала З. И. Мишукова. 30 апреля 1762 года Д. Я. Лаптев был уволен в отставку с чином вице-адмирала и с половинным жалованьем. Как он жил дальше, когда скончался, выяснить пока не удалось, но имя его и его двоюродного брата навеки запечатлено на карте мира: это море Лаптевых. Есть еще два мыса и пролив, носящие имя Д. Я. Лаптева: мыс в дельте Лены и в устье Колымы, а пролив — между материком и Большим Ляховским островом.

ОПИСАНИЕ ЗЕМЛИ КАМЧАТКИ

Наступление Великой Северной экспедиции на восток продолжалось. Беринг и Чириков поплыли к берегам Америки, Шпанберг, Шельтинг и Вальтон устремились на юг, к Курильским островам и к Японии, Лаптев пробивался к Колыме и на Чукотку, пытаясь обойти Чукотский нос, а Крашенинников все свои помыслы связал с чудесной страной Камчаткой, которая была так же неизвестна в Европе, как Чукотка и Аляска.

Нелегким был путь солдатского сына Крашенинникова в науку. Он родился 29 октября 1713 года в Москве, учился в Московской славяно-греко-латинской академии (в той же, что и Ломоносов), а в 1732 году был направлен в Петербургскую академию. После курса лекций по географии, ботанике и другим наукам у профессоров И. Г. Гмелина и Г. Ф. Миллера и экзаменов в августе 1733 года он был отправлен в числе пяти студентов в Великую Северную экспедицию, или, как тогда говорили, в Камчатскую экспедицию.

Выявленные и опубликованные в последнее время материалы свидетельствуют, что до прибытия в Охотск и на Камчатку Степан Петрович Крашенинников написал много работ, содержащих интересные сведения по истории, географии и этнографии Сибири. Стал постоянным читателем дневник путешествия ученого в 1734—1736 годах, так называемый «Дорожный журнал». В дневнике подробно и четко описаны главные путешествия, рассказано о тех местах, по которым проезжали путешественники Миллер, Гмелин и Крашенинников.

Дневник начинается 27 сентября в Кузнецке. 5 октября путешественники прибыли в Томск, и Крашенинников записал: «В сем городе есть крепость деревянная, а в ней соборная церковь деревянная ж во имя Троицы и воеводской двор, а приходских церквей во всем городе пять деревянных и два монастыря, мужской и женской, в них такожде церкви деревянные»¹. Он отметил, что в городе много лавок, написал, чем торгуют, и не забыл упомянуть, что через город течет в Томь речка Ушайка. Отметил он также, что в Томске, несмотря на приказ бриться и носить немецкое платье, «всякого чину дворяне, дети боярские, конные и пешие казаки и торговые, кроме солдат и приезжих, почти все з бородами и русское платье носят. Жители здешнего города пиво варят и вино про себя сидят невозбранно»².

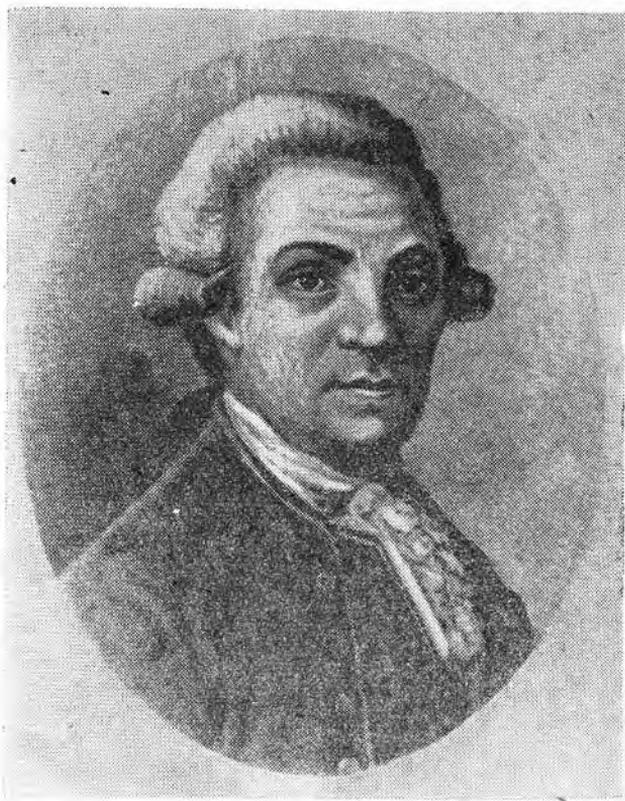
В Енисейске были такие морозы, «что иногда за пылью, которая от жестоких морозов бывает, в 10 сажнях человека видеть невозможно»³. Рассказал он и о сибирских обрядах, связанных с празднованием рождения. В Красноярске Крашенинников имел возможность наблюдать и описать быт качинских татар (живших на реке Каче). От Красноярска путь лежал на Удинский острог и на Иркутск, «который стоит над рекою Ангарою, а звание имеет от реки Иркуты, которая с другой стороны немного повыше города в Ангару впала»⁴. Затем проехали Селенгинск, Кяхтинский форпост, Нерчинск, Читы. Много узнал Крашенинников о Байкале и, между прочим, приписал, что «из него по всяк год вверх

¹ С. П. Крашенинников в Сибири. Неопубликованные материалы. «Наука», М.—Л., 1966, стр. 53.

² Там же, стр. 55.

³ Там же, стр. 57.

⁴ Там же, стр. 69.

С. П. Крашенинников.

по реке Селенге ходит рыба, называемая омули, которая так густо ходит, что неводом в один раз по 20 000 рыб добывают»¹.

Уже во время этого путешествия, по пути на Камчатку в 1734—1736 годах Крашенинников совместно с Гmeliным или один с геодезистом совершил несколько поездок по отдаленным местам Сибири: в августе 1734 года на Кольванские заводы, в начале 1735 года в верховья Енисея, в июле—августе того же года на реку Онон для знакомства с теплыми водами, в январе—феврале 1736 года в Баргузинский острог и в августе того же года — в верховья реки Витим. Уже тогда он показал свои недюжинные способности к ботанике и географии и доказал, что может успешно вести самостоятельные исследования.

В результате таких поездок появились в виде рапортов Миллеру и Гмелину обстоятельные сочинения: рапорт от 11 августа 1735 года о поездке на «Теплые воды» реки Онона, к которому прилагается «Описание пути от Аргунских серебряных заводов до имеющихся вверх по Онону

¹ С. П. Крашенинников в Сибири. Неопубликованные материалы. «Наука», М.—Л., 1966, стр. 82.

реке теплых вод и оттуду до Читинского острогу», рапорт от 25 мая 1736 года о поездке на «Теплые воды» реки Баргузина также с соответствующим описанием пути; рапорт от 5 сентября 1736 года по поездке из Олекминского острога к Соляным ключам реки Каптендея с описанием пути и другие. К этому нужно добавить, что маршруты были нанесены на карту геодезистом Александром Ивановым. Самостоятельный интерес представляет статья о соболином промысле.

От Иркутска до Якутска путешественники добирались зимним путем, после того как 1 января 1736 года встала река Ангара. А из Якутска Крашенинников 5 июля 1737 года отправился уже один в Охотск. По реке Лене он на следующий день добрался до так называемой Ярмонки. Сопровождавший его один «пищик» (писец.— А. А.) Осип Аргунов и двое «служивых людей» перетащили весь багаж на подводы, так как отсюда весь долгий путь до Охотска предстояло совершить на лошадях. Десять дней затратил Крашенинников, добраясь до Бельской переправы через Алдан. У самой переправы произошла непредвиденная задержка: убежал проводник, и пришлось искать другого.

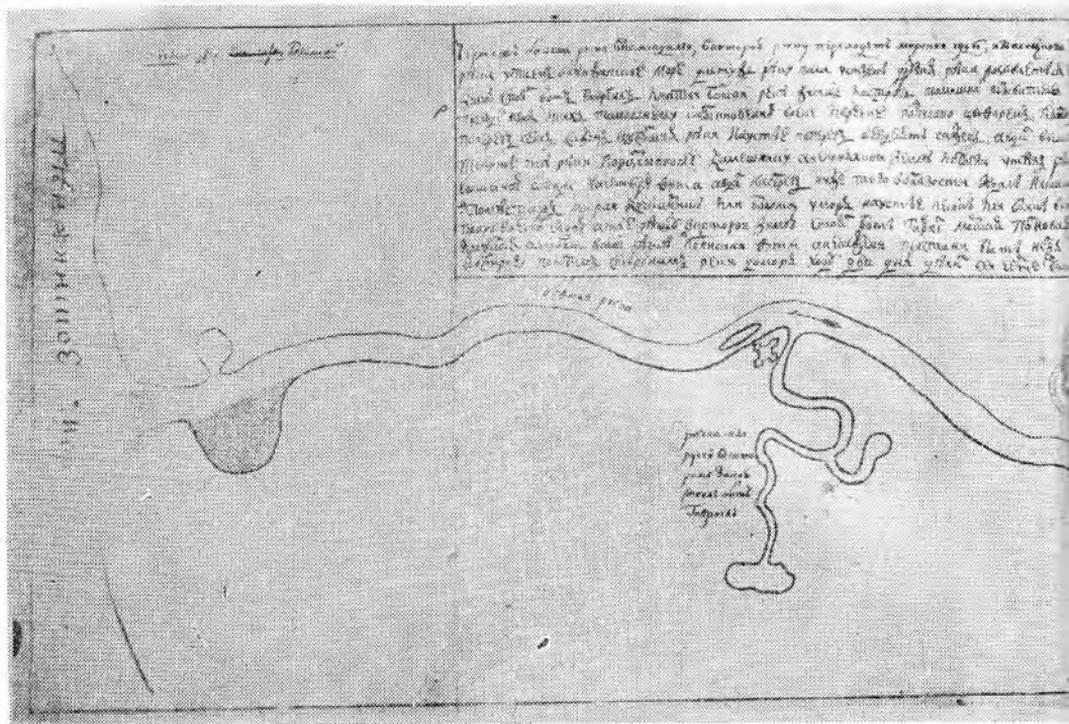
22 июля Крашенинников сумел двинуться в дальнейший путь и преодолеть в течение месяца все трудности Охотского тракта. Привыкшему путешествовать Степану Петровичу они не показались такими уж тягостными, хотя порой бывало и нелегко. 19 августа он появился в первом русском Тихоокеанском порту — Охотске. «От города Якуцка до Охоцкого острогу сочинил я описание пути, также вел особый журнал, в котором записывал на каждый день ветер и премену воздуха и погоды, которой продолжать буду, пока метеорологические наблюдения начнутся, а начать их намерен сентября с 1 дня»¹.

И действительно, он начал наблюдения. И не только метеорологические, но и наблюдения за приливами, для чего поставил в устье реки Охоты по совету А. И. Чирикова двадцатифутовый футшток. Собираясь на Камчатку, Крашенинников добивался того, чтобы вместо него в Охотске метеонаблюдения продолжал кто-нибудь другой. Он побывал у Чирикова, Шпанберга, Беринга, начальника Охотского порта Скорнякова-Писарева и сумел настоять на своем. Был выделен для этой цели Михайло Попов, которому Крашенинников и передал инструменты и журналы.

Уже в Охотске Крашенинников начал свои этнографические наблюдения. Миллеру он послал для Кунсткамеры ламутское мужское и женское платье, написал краткий словарь ламутского языка, сочинил «резстр» проживающим при Охотском и Тауйском острогах, и «резстр зверям, птицам, рыбам, морским зверям и выбрасывающимся из моря вещам»².

¹ Письмо профессорам Гмелину и Миллеру от 28 августа 1737 года. В кн.: С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки. М., 1949, АН СССР, стр. 550.

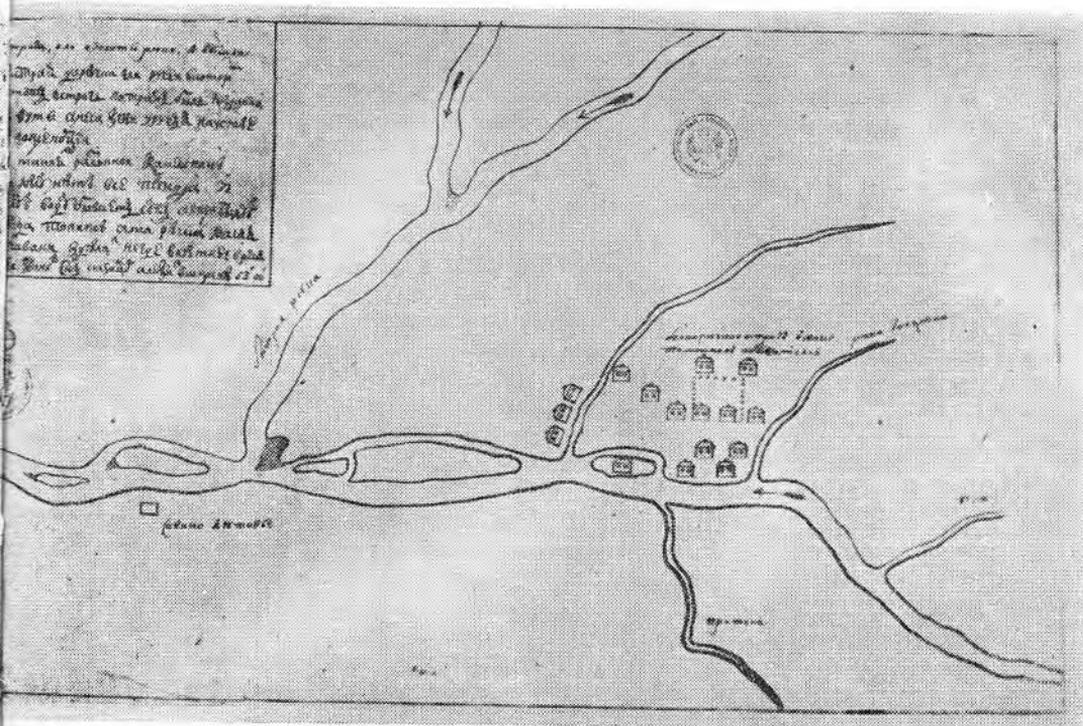
² Там же, стр. 554.

Чертеж Большерецка, составленный В. И. Казанцевым.

30 сентября Крашенинников получил приказание погрузиться на судно «Фортуна», которое должно было отправиться на Камчатку. И уже 4 октября в 2 часа Крашенинников качался в зыбком суденышке на осенних волнах беспокойного Охотского моря. Вскоре такое «учинилось нещастие, что судно вода одолела». Крашенинников и Аргунов слегли от морской болезни. Волны заливали палубу, работали все, кто мог, и еле успевали откачивать воду, затем стали выбрасывать груз и сбросили около четырехсот пудов в море. В это число попало большинство багажа Крашенинникова: бумага, семена, термометр, одиннадцать сум провианта, чемодан с бельем и многие другие вещи.

Вряд ли и это спасло бы «Фортуну», если бы ветер не стих и шторм не сменился штилем. Когда утром 14 октября подошли к Камчатке, то в устье реки Большой прибрежным буруном на мелководье судно едва не затопило. Был отлив, и в ожидании прилива отдали якорь. Но только это не помогло, и вскоре «Фортуну» выбросило на песчаную кошку саженьях в ста от устья реки.

Только 22-го удалось на ботах-однодеревках перебраться в Больше-рецкий острог. Крашенинников представился начальнику подполковнику Василию Федоровичу Мерлину, изложил ему свои нужды. Нужно было помочь наладить метеонаблюдения, организовать постройку дома для профессоров Гмелина и Миллера, которые должны были со временем прибыть на Камчатку, выделить служилых для караула и толмача-переводчика камчатского, курильского и коряцкого языков. В основном эти нужды были вскоре удовлетворены. Для метеонаблюдения прислали служилого Ивана Шангина, для присмотра за казенными вещами — Никифора Салматова и еще трех человек, а в качестве толмача был выделен Михайло Лепихин. Вот с постройкой дома оказалось сложнее. Не было леса, и заготовить его быстро местное начальство не обещало. Крашенинников в одном из своих писем советует Миллеру и Гмелину обратиться по этому поводу к охотским властям.

Сам Степан Петрович находился в очень трудном положении. После крушения он остался совершенно ни с чем. 14 ноября 1737 года он обра-

тился с просьбой к профессорам: «Понеже я от случившегося мне на море нещастия пришел в крайнюю скудность, так что я больше одной рубахи, в которой на море был, не имею, того ради писал я к Илье Петровичу (вероятно, к брату.— А. А.), чтоб он мне купил фанзы и холста на рубахи, и ежели на покупку оной фанзы и холста будет просить денег у вашего благородия, то всенижайше прошу, чтоб ваше благородие деньгами, сколько на оную покупку понадобится, одолжить меня изволили»¹.

Трудности не мешали Крашенинникову уже с первых дней заняться исследовательскими работами. Он организовал производство метеорологических наблюдений, собирал сведения о землетрясениях на Курильских островах и Южной Камчатке, происходившем 6 октября и вызвавшем три большие приливные волны — цунами, готовился к предстоящим поездкам по полуострову, записывал «слова иноземческих языков и спрашивал о вере их иноземческой и о прочих поведениях»². Уже в первые месяцы он сумел собрать «известия, кто с самого начала бывал на Камчатке, и кем она и в котором месте сперва завоевана и отчего она Камчаткою называется»³, написал сочинение о вере, праздниках, свадьбах камчадал. Ему пришлось сменить Матвея Шангина, оказавшегося неграмотным, и поставить на его место расторопного и грамотного служилого Степана Плишкина.

К первому путешествию по Камчатке Степан Крашенинников готовился тщательно. Он разослал письма приказчикам, чтобы повсюду были готовы подводы, изучил расположение и состояние населенных пунктов и прочее. Первую поездку он сделал к теплым ключам, которые расположены по течению реки Большой, и к «горящей горе». Путешествие продолжалось с 17 января по 2 февраля 1738 года. В нем принимали участие Осип Аргунов, двое служилых и толмач. По дороге разбился один из двух термометров. Пришлось Крашенинникову послать в Большерецк человека за термометром.

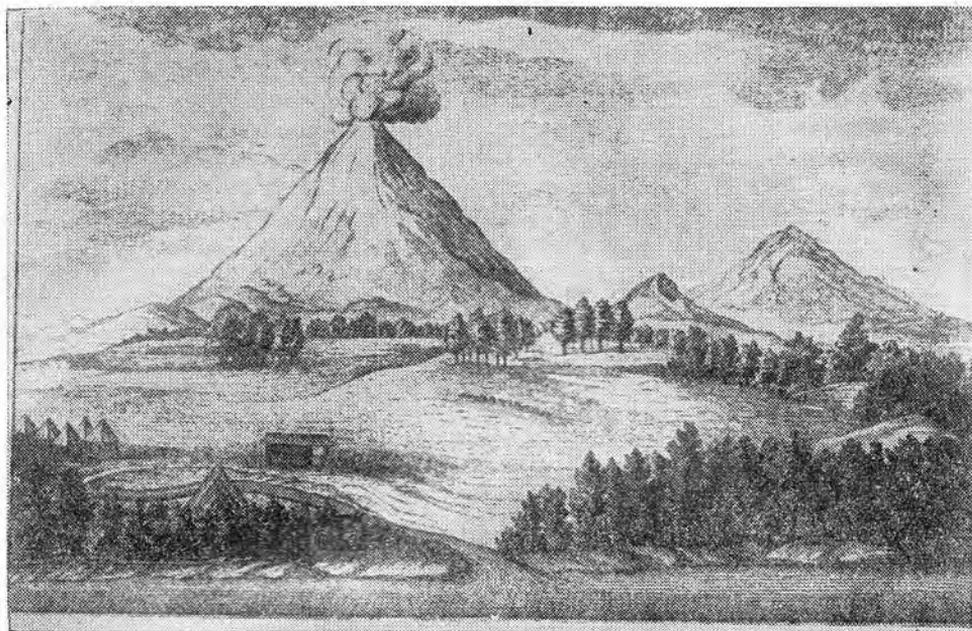
21 января Степан Петрович был уже у горячих ключей, которые тщательно описал, произвел наблюдения, составил план расположения их. В заключение он сочинил на латинском языке обстоятельное описание этих ключей и выслал его начальникам-профессорам. 23 января он был у горячей речки, где проделал то же, что и на ключах, а затем из острожка Мыхшу отправил в Большерецк со всеми предосторожностями единственный термометр.

Сам же он держал путь к горячей горе, находящейся недалеко от реки Авачи против Паратунского острожка. Вот что он писал по этому поводу: «Горящая гора очень крута, востроверхая. Из середины самой ее верхушки беспрестанно дым идет, она гора вышиною всех около ле-

¹ ЦГАДА, ф. 199, портф. 28, тетр. 8, л. 260.

² Письмо к профессорам Гмелину и Миллеру 29 августа 1738 года. В. кн.: С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки. М., АН СССР, 1949, стр. 561.

³ Там же.

Камчатская огнедышащая гора.

жащих гор превосходит, кроме одной горы, подле ее находящейся, вышиною ей подобной, из которой сказывают, что в давние годы дым шол. Подножье горящей горы состоит до половины из гор, на которых лес растет кедровник, а с половины она гора голая. От подножья до $\frac{3}{4}$ вышины ее, по объявлению бывалых на ней за промыслом баранов русских людей, можно взойти летним днем, а выше идти невозможно, потому что очень круто. Они же сказывали, что в той вышине, до которой они доходили, никакого особенного духу не чувствовали»¹.

Осмотрев Авачинскую сопку, Крашенинников съездил к сопке Жупановой, а уж оттуда возвратился в Большерецкий острог, совершив первое пересечение полуострова. Во время переездов он купил у местных жителей костяной топор, деревянное огниво да каменную иглу с разбившегося у берегов Камчатки японского судна. С того же судна к Крашенинникову попал медный компас, «у которого стрелочка наверху, закрыт стеклом, утвержденным медным оботом, на оботу написаны неизвестные слова, и зделан на нем гномон медной же; крышка у оногo компаса мед-

¹ Письмо к профессорам Гмелину и Митлеру от 29 августа 1738 года. В кн.: С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки. М., АН, 1949, стр. 563.

ная же, а в ней утверждено зеркало, оной компас внешним видом зделан на подобие карманных часов»¹.

С 19 марта по 1 апреля Крашенинников совершил поездку на юг, к реке Озерной, где также осмотрел и описал горячие ключи и маршрут путешествия. А в Большерецке он начал готовить огород, собираясь высадить там часть привезенных семян. Много времени он уделял историко-географическим и этнографическим занятиям: расспрашивал морехода Нагибина об Олюторском острожке и о пути оттуда до Камчатки, о первых мореплавателях камчатских, о беспримерном плавании Федота Алексеева Попова и Семена Иванова Дежнева, собирал коллекции животных и птиц Камчатки, записывал коряцкие слова и выражения, изучал предметы домашнего обихода, одежду жителей и прочее.

С началом навигации Крашенинников организовал наблюдения за приливами и отливами, причем отметил, что вода здесь «также (как и в Охотске.— А. А.) дважды в сутки прибывает, но первая, которую большею водою называют, вся убывает, а другая (манихою называют) только до половины, а не до суха збегает, потом прибывать начинает»².

Степана Плишкина он отправил 19 марта в «Курильскую землицу». Возвратился Плишкин 19 июля, привезя много зверей, рыб, птиц, побывав на реке Озерной, на мысе Лопатка и на первых двух Курильских островах. Он привез Крашенинникову двух жителей Курильских островов. Этим же летом Крашенинников сочинил «описание сладкой травы и описал способ сидения вина из помянутой травы с доказательством, как и от кого оной способ найден»³.

А в конце частного письма, посланного в тот же день благодаря приходу «Гавриила» в Большерецк, Степан Петрович снова напоминает Гмелину и Миллеру о бедственном своем положении. «Хотя о учинившемся мне несчастии вашему благородию из пятого моего рапорта и известно, однакож при сем еще смелость приемлю низжайше донести вашему благородию, что я ныне в самую крайнюю бедность прихожу, оставшей провиант весь издержался, а вновь купить негде, а где и есть, то ниже пяти рублей пуда не продают, а у меня деньги все вышли, что осталось после помянутого несчастия, и то употребил на нужные вещи, вместо тех, которые утонули, а одною рыбою хотя здесь и в долг кормить могут, однакож к ней никак привыкнуть по сие время не мог»⁴.

«Гавриил», с которым прибыл в Большерецкий острог капитан Шпанберг, ушел обратно в Охотск 4 сентября. Шпанберг же остался зимовать в Большерецке. Крашенинников отправил с ботом три ящика собранных

¹ Письмо профессорам Гмелину и Миллеру от 29 августа 1738 года. В кн.: С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки, М., АН, 1949, стр. 564.

² Там же, стр. 572—573.

³ Там же, стр. 578.

⁴ ЦГАДА, ф. 199, портф. 248, тетр. 8, л. 264.

материалов. Но 22 сентября «Гавриил» выкинуло на берег у реки Крутогоровой, и все грузы были возвращены в Большерецк.

С наступлением зимнего пути, 19 ноября, предпринял Крашенинников поездку в Верхнекамчатский острог. По дороге заехал в Нижнекыкчинский острожек, где пробыл до 23-го, присутствовал на празднике местных жителей и «что у них на празднике делалось, то все, ничего не опуская, описал»¹. Отсюда он проехал на реку Воровскую, где записал диалекты здешнего языка, а 28 ноября был уже у подполковника В. Ф. Мерлина, который жил на реке Конпаковой. Послав отсюда очередные рапорты своему начальству — Миллеру и Гмелину, Крашенинников на следующий день уехал в Верхнекамчатский острог, куда и прибыл 8 декабря. Здесь он прожил до 2 января 1739 года, просматривая старинные архивные материалы, разговаривая со старожилами о заселении Камчатки, сочиняя «резстры обретающимся около Верхнего Камчатского острога зверям, птицам, рыбам, деревьям и ягодам с русскими и камчатскими именами»², заботился о строении дома для Гмелина и Миллера, так как предполагался наконец-то летом их приезд на Камчатку.

2 января Крашенинников поехал в Нижнекамчатский острог, как и всегда, записывая по пути все реки и речки и вообще, все «примечания достойное». В Нижнекамчатском остроге Степан Петрович прожил с 15 января по 18 марта. За это время он завел метеорологические наблюдения, собрал сведения о впадающих в море реках от устья Камчатки до устья реки Олюторы и далее до Чукотского носа, а также от реки Хариузовой до реки Пенжины, собрал сведения о населении острога, а также о зверях, птицах, рыбах и о прочем. За это время побывал он на устье реки Камчатки, где наблюдал в острожке у Нерпичьего озера, «как иноземцы гостей подчивают»³. Побывал также у подножия Ключевской горелой сопки, которую описал, и на ключах по реке Камчатке.

Обратный путь Крашенинников проделал дорогой нехоженой. На семи нартах он отправился 18 марта вдоль берега до Авачи, а оттуда — в Большерецк. По дороге описал «впадающие в Восточное море и имеющиеся на вершинах Шемячина реки горячие ключи и сочинил описание пути от Нижнего до Большерецка, в котором все урочища, реки и речки записывал»⁴.

В Большерецкий острог Степан Петрович приехал 13 апреля. Степан Плишкин, начавший так хорошо помогать Крашенинникову, теперь

¹ Рапорт профессорам от 29 ноября 1738 года. В кн.: С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки. М., АН, 1949, стр. 581.

² Рапорт профессорам от 5 августа 1739 года. В кн.: С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки. М., АН, 1949, стр. 587.

³ Там же, стр. 590.

⁴ Там же, стр. 593.

за время его отсутствия не оправдал его надежд, запустил метеорологические наблюдения. По словам Крашенинникова, он «означенные обсервации с великим нерадением чинил, но все почти пил и в карты играл»¹. Пришлось с ним расстаться. Его место занял служивый Иван Пройдошин.

С наступлением весны Крашенинников возобновил наблюдения за приливами, посадил в огороде в начале июня редьку, морковь, бобы, горох, репу, посеял ячмень. Кроме того, он посадил в огороде рябину, ольху, боярышник, кедровник, смородину, малину, черемуху, шиповник, жимолостник. И почти все у него прижилось, принялось, лишь не заколосился ячмень.

25 марта Шпанберг спустил на воду судно, названное «Большерецк», и весь его отряд вышел в путь 22 мая. Крашенинникову довелось быть свидетелем отправления отряда к берегам Японии и Сахалина и прибытия в Большерецк. Конечно, встречался он и с Гвоздевым. Беседуя с лейтенантом Вальтоном, командиром бота «Гавриил», возвратившимся в Большерецк 23 июля, Крашенинников выяснил некоторые любопытные подробности плавания, которые и сообщил Миллеру и Гмелину.

«Чрез означенного г-на лейтенанта о их походе слышал следующее. Июня около половины отстал он от г-на капитана Шпанберга затем, что некоторые снасти у него испортились, и как де снасти исправляли, а он де между тем с двумя судами из виду ушел, и после того де он его найти не мог.

Июля 16 или 17 чисел увидел он г-н лейтенант 39 японских торговых судов, и следовав между ними полтары сутки пришел к одному местечку, в котором жилья было около полуторы тысячи. Строение в линию каменное и деревянное низменное, камышем по шатровому крытое. Люди в нем живут японские. Платье носят подобно китайскому, головы бритые, только на затылке оставлены волосы и перевиты белым шнуром и неведомо каким маслом мазаны. Шляпы носят камышковые. Подобны китайским. Подлые (простые.— А. А.) люди ходят наги, только срам полотном или пестредью закрыт.

Пришед ко оному местечку стал он на якорь, и приехали к нему в лодках японцы и звали к себе. Г-н лейтенант отправил на берег в ельботе (вельботе.— А. А.) штурмана Казимерова с квартирмейстером да с шестью человеками солдат для воды, которых японцы на берегу честно приняли и кланялись им. Штурман входил в два дома и хозяева тех домов потчивали его ренским и ставили перед него закуски редис и сорочинское пшено вареное. Будучи там видели они скота, коней, коров и кур.

¹ Рапорт профессорам от 5 августа 1739 года. В кн.: С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки. М., АН, 1949, стр. 593.

Как штурман к боту поехал, то его от самого берега до судна буксировали японцы и с ним приехал на судно японской начальной человек, а при нем лодок великое множество. Г-н лейтенант подчивал его водкою, а японец ренским, которое с собою привез.

Ради великаго множества людей он г-н лейтенант долго стоять опасаясь, и выняв якорь пошел далее в путь. После вышеписаннаго местечка видел еще в двух местах людей не дошед до японской столицы верст за 300 воротился он на Камчатку. Чрез него г-на лейтенанта получил я одну японскую рыбку да ветку одного дерева с плодом.

Июля 26 дня прибыл сюда бот Большерецк, которой отстал от г-на капитана Шпанберга идучи из Японии. Они також де японцев видели и многие из японцев на капитанском судне были, чрез которых достали некоторые служители японских золотых и медных денег¹.

Вальтон не отправлялся в Охотск, ожидая Шпанберга. Тот на дубель-шлюпке «Надежда» появился в Большерецке 16 августа. Крашенинников немедленно направился к морю, передал рапорты и почту для перевозки в Охотск и 23 августа с двумя служивыми, толмачом и кузнецом выехал на трех долбленных лодках-однодеревках — батах в очередное путешествие по полуострову. Теперь их путь лежал в Верхнекамчатский острог. Здесь он отпустил толмача и служивых и нанял в остроге на их место других (служивых Федора Соболева, Ивана Помошнова и переводчика Андрея Чюркина). Степан Петрович решил во что бы то ни стало дожидаться закладки в Верхнекамчатском остроге дома, амбара и бани для Миллера и Гмелина, которых все еще ожидал увидеть на Камчатке. И только после этого он 19 сентября поплыл в Нижнекамчатский острог. По пути описал реку и долину Камчатки, положил реку на карту. А когда прибыл в острог, то первым делом отправил сюда в Верхний острог необходимое для строительства дома железо, клещи, молоток, наковальню. Затем описал реку Ратугу, на которой стоит острог, описал также и всю реку Камчатку до самого устья. Во время своих поездок он побывал на камчадальской свадьбе и на празднике камчадалов в острожке Шваннолом. Не рассчитывая побывать у коряков, он послал двух служителей — одного к корякам, другого на остров Карагинский для покупки у местных жителей предметов домашнего обихода и одежды.

4 января 1740 года Крашенинников получил от Миллера и Гмелина сразу несколько писем и посылок, которые посылались в разное время, с 1737 года начиная. Профессора требовали от Крашенинникова, чтобы он описал все народности Камчатки. Гораздо меньше они заботились о том, как успевает все это делать студент и какие трудности ему приходится претерпевать.

¹ ЦГАДА, ф. 199, портф. 248, тетр. 8, лл.7—8.

Но приказ есть приказ, и исполнительный Крашенинников, влюбленный в свое дело, отвечает профессорам, что поскольку ему велено «всех здешних народов нравы и поведения описать, а коряк в близости около Камчатки не имеется, и чтоб оной народ без описания не остался, а притом бы и берег Восточного моря от Камчатки на Север описан был, намерение воспринял я ехать из Нижнего до реки Караги, а оттуда вверх по ней до ее вершины и на Лесную реку, где, сказано мне, что часто оленные коряки прикочевывают»¹.

С таким намерением Степан Петрович 11 января выехал на шести нартах в сопровождении Федора Соболева и Ефима Сысоева да переводчика в северное путешествие. На реке Какеичь их застала пурга, и пришлось пять суток прожить с местными жителями. Крашенинникову удалось наблюдать «шаманство после нерпичьего промыслу», он выменял у тойона лук со стрелами, собрал словарь коряцких слов.

В то время как путешественники в конце месяца плыли по реке Караге, между чукчами и коряками шла междоусобная война, и поэтому Крашенинникову не довелось встретить оленных коряков ни на Караге, ни на Лесной реке, ни на реке Кинкиль. Может, это было и к лучшему. Ездить здесь сейчас было небезопасно, так как коряки часто нападали на русских служивых и сборщиков ясака. Пришлось ограничиться сбором сведений только от сидячих коряков.

Путешествие продолжалось успешно и быстро: 9 февраля были на реке Тигиль, а 14 возвратились в Нижнекамчатский острог. Здесь Степан Петрович привел в порядок накопившиеся записи и материалы, составил описание маршрута и 24 февраля выехал в Верхнекамчатский острог, в котором прожил с 3-го по 8 марта. В Большерецк вернулся 21 марта. В остроге его ожидали обычные дела: очередная смена служивых, строительство, работа на огороде, наблюдения за приливами. Предметом особой его заботы были метеонаблюдения, которые из-за отсутствия термометра пришлось сократить: термометр был разбит. Обо всем этом написал Крашенинников Миллеру, подготовил много коллекций и отправил их с Шельтингом на дубель-шлюпке «Надежда» 24 июня в Охотск. В письме сообщал он Миллеру и камчатские новости: Беринг для организации своей экспедиции в Северную Америку собирается базироваться на Авачинскую губу и что туда для строительства светлиц и казарм послан штурман Иван Фомич Елагин.

После отправления «Надежды» Крашенинников предпринял плавание по реке Начиловой «для сыскания раковин, в которых жемчуг находится». И действительно, он нашел их верстах в тринадцати от устья этой речки, в илистом месте. Встречались раковины, в которых находилось по пять, семь и даже по девять жемчужин.

¹ Письмо профессорам Гмелину и Миллеру от 7 июня 1740 года. В кн.: С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки. М., АН, 1949, стр. 608—609.

20 сентября в большерецкое устье вошел галиот «Охотск», на котором прибыли профессор Людвиг Делиль де ла Кройер и адъютант Георг Вильгельм Стеллер (Штеллер). 27-го они были в Большерецке. Крашенинникову, проводшему огромную научно-исследовательскую работу и организационно много потрудившемуся, пришлось передавать все результаты своих трудов Стеллеру, а самому оставаться у него в подчинении. Да и дом, построенный Крашенинниковым на собственные средства, пришлось уступить де ла Кройеру. Сохранился документ, из которого следует, что Кройер потребовал, чтобы Большерецкий острог заплатил Крашенинникову по его реестру 82 рубля 70 копеек за дом, а сам платить не стал. «Господин профессор де ла Кройер,— писал Крашенинников Гмелину и Миллеру,— по прибытии своем в Большерецкой острог стал в моей избе, которую я своим коштом (за свой счет.— А. А.) строил, и за оную по его требованию выданы мне из казны деньги, во что она мне стала, причем и казенной анбар, строенной для поставления гиетометра и эксатмоскопа, под себя занял, который в ту пору, еще не совсем отделан был»¹.

Правда, с приездом знатных иностранцев Крашенинникову удалось получить жалованье за 1739 и 1740 годы. Это обстоятельство оказалось весьма кстати: провианту путешественнику не было привезено, так как по указу велено «академической свите на своем коште провиант ставить».

28 октября Крашенинников передал Стеллеру все результаты, все казенные вещи. Перешли к нему в подчинение и переписчик Аргунов, и служивые люди. А сам Крашенинников в одиночестве продолжал научно-исследовательскую деятельность, надеялся еще раз съездить к корякам («ежели бог даст здоровье, то какой ни приму труд, а до них доеду и описание их сочиню»²). И как только Стеллер уехал в Авачу, Крашенинников сразу же направился по намеченному пути.

И опять ему не повезло. Дальше Нижнекамчатского острога он не уехал, потому что в стране коряков было снова беспокойно. 8 марта он возвратился в Большерецк, где через два дня получил от Стеллера приказание готовиться этим летом в Иркутск. Казенные вещи, числившиеся за ним, Крашенинников передал студенту Алексею Горланову, прибывшему со Стеллером и оставшемуся в Большерецке. Официально Степан Петрович отправлялся в Иркутск по приказу де ла Кройера и Стеллера «за жалованьем на 1742 и 1743 годы и для покупки потребных на них господ и свиту припасов»³. Перед отъездом Крашенинников

¹ Письмо профессорам Гмелину и Миллеру от 9 ноября 1740 года. В кн.: С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки. М., АН, 1949, стр. 619.

² Письмо Миллеру от 23 ноября 1740 года. В кн.: С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки, М., АН, 1949, стр. 621.

³ Письмо Миллеру из Охотска от 27 июня 1741 года. В кн.: С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки. М., АН, 1949, стр. 627.

побывал в Авачинской губе и видел подготовку к походу в Америку. Тогда было неизвестно, чем кончится этот поход, и поэтому командировка Крашенинникова была вполне оправдана. Вместе с тем стало ясно, что центр действий экспедиции на Камчатке переносится в Авачинскую губу. Туда и переехал Алексей Горланов после возвращения Крашенинникова. В Большерецке же оставались геодезист Ушаков, живописец Беркган и студент Красильников.

Проведя на полуострове безвыездно четыре года, Степан Петрович Крашенинников отправился с Камчатки. 28 мая 1741 года он перебрался на галиот «Охотск», где командиром был подштурман Шаганов. Но еще целых полмесяца галиот находился у берегов Камчатки: мешали противные ветры, и выйти в море было невозможно. Только 12 июня представилась такая возможность. Ветер подул с берега, и галиот заскользил к Охотскому порту. Погода стояла все время пасмурная, но ветер большей частью дул попутный и, как пишет Крашенинников, «бежали на час по шести и по семи узлов».

В Охотск галиот пришел 26 июня, и 5 июля, выслав вперед сопровождавшего его солдата Зеленцова для приготовления лодки на Юдомском перевале, Степан Крашенинников выехал в Сибирь. Он так привык к походной жизни, что теперь путешествие от Охотска до Якутска не показалось ему таким трудным, как четыре года назад. Приехал он туда 24 июня, а уехал в Иркутск 23 августа.

Проведенные без забот и трудов два месяца ознаменовались важным событием в жизни Степана Крашенинникова. Здесь он «женился, взяв за себя родную племянницу жены мазора и якуцкого воеводы г-на Павлуцкого¹, а дочь тобольского дворянина Ивана Цыбульского именем Степаниду»².

6 ноября Степан Петрович был в Иркутске и докладывал губернатору Л. Л. Лангу о делах камчатских. Губернатор распорядился, чтобы Крашенинников со всеми материалами ехал в Тобольск к Миллеру, но предварительно исполнил приказание Стеллера: получил на три года — 1741, 1742, 1743-й жалование, купил провиант и отправил все это на Камчатку.

С казной и провиантом в сопровождении солдата Ивана Зеленцова Крашенинников 18 марта отправился в Верхоленск, где ждал вскрытия реки. На дырявом казенном суденышке он еле добрался до деревни Томшиных, откуда на своей лодке поплыл с казной в Якутск, куда и прибыл 26 мая. Здесь он сдал все ценности в Якутскую воеводскую канцелярию для отсылки на Камчатку. И пока улаживались финансовые вопросы, в Якутск 8 июня прибыл А. И. Чириков, рассказавший о перипетиях плавания в Америку, о смерти де ла Кройера. Поскольку

¹ Воеводой был Андрей Павлуцкий. Не нужно путать с Д. И. Павлуцким.

² ЦГАДА, ф. 199, портф. 248, тетр. 8, л. 15.

деньги на него должны были отправляться на Камчатку, пришлось производить перерасчет.

Только когда все это было сделано, Степан Петрович, написав письмо Стеллеру и Гмелину, смог 12 июня 1742 года выехать с женой в Тобольск к Миллеру. В конце сентября Крашенинников наконец-то встретился с Миллером. Дальнейший путь до Петербурга он проделал в составе Академического отряда экспедиции. По подсчетам Степана Петровича, за время пребывания в Сибири и на Камчатке он проехал 25 773 версты.

В Петербург Академический отряд возвратился в феврале 1743 года. Много времени заняло составление отчетов. Отчетные материалы Крашенинникова воспринимались весьма благожелательно в Академии наук. 22 июня 1745 года конференция академии избрала Степана Петровича Крашенинникова (одновременно с избранием М. В. Ломоносова профессором) адъюнктом академии с окладом 360 рублей в год. В этом же году он начал работать в Ботаническом саду, а с 1747 по 1749 год заведовал им. Одновременно Крашенинников готовил свою книгу, переводил с латыни на русский язык «Флору Сибири» Гмелина, приводил в порядок материалы умершего Г. Стеллера.

Осенью 1749 года Крашенинников назначается секретарем «чрезвычайного собрания» академии, на котором обсуждалась речь Миллера «О начале и происхождении имени российского народа». Во время обсуждения произошли серьезные стычки между М. В. Ломоносовым и С. П. Крашенинниковым, с одной стороны, и Г. Ф. Миллером и И. Г. Гмелиным, — с другой, по вопросу о норманской теории Миллера.

11 апреля 1750 года С. П. Крашенинников стал профессором натуральной истории и ботаники и членом Академического и Исторического собраний Академии наук с жалованием 660 рублей в год. Наряду с новыми большими обязанностями Степан Петрович не забывал об описании Камчатки. Он сумел подготовить два тома к изданию. Печатание «Описания земли Камчатки» было закончено к февралю 1755 года, но «пространного предызвещения» к своему труду Крашенинников так и не написал. Сделал это за него Миллер. В семь часов утра 25 февраля 1755 года Степан Петрович Крашенинников скончался. Вдова его Степанида Ивановна осталась с шестью малолетними детьми.

В четырех частях «Описания земли Камчатки» впервые подробно и точно повествуется о географическом положении Камчатки и соседних стран: здесь исчерпывающие сведения о реках Камчатки, о Курильских островах, об Америке, о путях сообщения и так далее. Много места отводится этнографическим наблюдениям. Даже приливные явления Пенжинского (Охотского) моря и Восточного (Тихого) океана получили некоторый анализ на страницах книги. Крашенинников собрал на островах Камчатки редчайшие архивные материалы, использовал сказания старейших жителей и написал замечательный исторический труд

(IV часть книги) «О покорении Камчатки, о бывших в разные времена бунтах и изменах и о нынешнем состоянии российских острогов».

Совершенно справедливо крупный этнограф Л. Я. Штернберг назвал С. П. Крашенинникова Нестором русской этнографии, а его труд — классическим памятником Второй Камчатской экспедиции. Исследователи истории, географии и этнографии и сейчас пользуются трудами С. П. Крашенинникова, находят в архивах новые материалы, рассказывающие о неутомимом труженике науки — солдатском сыне, профессоре Степане Петровиче Крашенинникове. Именем этого славного ученого названы мыс на Новой Земле и мыс на острове Карагинском вблизи Камчатки.

В 1963 году стало известно место захоронения С. П. Крашенинникова. Во время строительных работ в Ленинграде на территории церкви Благовещения была обнаружена надгробная плита с надписью: «На сем месте погребен Академии наук профессор Степан Петров сын Крашенинников, который... показал» (далее плита оказалась обломанной, излом старый)¹. Плита-надгробие передана в музей им М. В. Ломоносова.

Раскопки на месте находки плиты позволили установить могилу Крашенинникова, вскрытие которой показало принадлежность останков известному путешественнику. В месте погребения были найдены пуговицы от кафтана, зеленая ткань от камзола и нательный крест. Череп передан известному ученому профессору М. М. Герасимову для создания портретной реконструкции. Приводим часть заключения М. М. Герасимова: «При рассмотрении черепа нами были отмечены некоторые индивидуальные особенности, дающие возможность говорить о специфических портретных чертах лица. Так, например, прежде всего бросается в глаза величина и форма носа — нос был массивный, горбатый. Латеральная часть орбит давала возможность думать, что данный субъект обладал небольшой складкою мягкого века (верхнего) во внешней его части. Характер прикуса, величина зубов, их форма дали возможность говорить, что данный человек имел небольшой, энергично очерченный, прохейличный рот красивого рисунка с чуть заметным выступанием вперед нижней губы. В общем лицо было высокое, с сильными, энергичными чертами»².

Так, через 218 лет после погребения первого исследователя Камчатки была обнаружена его могила.

Теперь рядом с могилой великого М. В. Ломоносова в некрополе Александро-Невской лавры будет могила его славного современника С. П. Крашенинникова.

¹ А. Д. Грач. Открытие погребения С. П. Крашенинникова в Ленинграде. «Советская этнография», 1966, № 4, стр. 108.

² Там же, Приложение № 2. «Советская этнография», 1966, № 4, стр. 116.

АНДРЕЯНОВСКИЕ ОСТРОВА

Сибирский генерал-губернатор Д. И. Чичерин в день имени Екатерины II в качестве подарка преподнес ей вновь открытые острова Алеутской гряды: Аяг, Канага, Чахтина, Тагалак, Атха, Амля. В реляции от 24 ноября 1765 года он приносил императрице поздравление «приведенными в подданство вашего императорского величества и в платеж ясака, неизвестными донные шестью Алеутскими островами. Что учинено селенгинским купцом Андреем Толстым и камчатскими казаками Петром Васютинским и Максимом Лазаревым бывшими на собственном ево Толстых судне, святых Андреяна и Наталии в морском вояже, которые в прошлом 1764 году благополучно возвратились»¹.

После того как Берингом и Чириковым были открыты Командорские и Алеутские острова, туда устремились русские мореходцы, купцы, промышленные люди, казаки. Басов, Трапезников, Неводчиков и многие другие удачно пробовали свои силы в промысле морского и пушного зверя, в «приискании» новых островов. Среди этих многих появился на Камчатке и молодой селенгинский купец Андреем Толстым.

Где-нибудь лежат в архивах Нерчинска или Иркутска, а может быть и Якутска, материалы о ранних годах морехода Толстых, который, по словам историка В. Н. Берха, «в истории первых путешествий к Алеутским островам заслуживает предпочтительное внимание»². Пока не удалось разыскать его послужного списка. Автор не может сообщить читателям даже отчества Андреяна Толстых, не знает точно, когда он родился. Зато хорошо известны обстоятельства его походов и открытий.

Для плаваний к Алеутским островам в Охотске и на Камчатке организовывались компании купцов, на средства которых строились суда, нанимались мореходы и промышленные люди. Суда строили в Охотске, в Ураке, а чаще всего на реке Камчатке верстах в ста от ее устья «из листовиничного лесу наподобие корабельных палубных ботов. И оснастка вся такая ж длиною по килю семь сажень трех аршинных»³. Такие суда очень хорошо приспособлены для подхода к неизвестным местам. Когда требуется поставить судно на зимовку, то оно под парусами входит на мель, затягивается как можно дальше и так стоит с подпорами всю зиму. А весной с помощью завоза якорей и шпилья (вóрота) на катках его спускают на воду.

Лодки, или шлюпки, мореходы делали также не совсем обычно. Они обходились без обшивочных досок. Заготавливался набор шлюпки:

¹ ЦГАДА, Госархив, разряд 24, д. 34, л. 48.

² В. Н. Берх. Хронологическая история открытия Алеутских островов, или подвиги российского купечества. С присовокуплением Исторического известия о меховой торговле. СПб, 1823, стр. 12.

³ ЦГАДА, Госархив, разряд 24, д. 34, л. 86.

к килю прикрепляли продольные и поперечные доски, вплоть до бортового бруска и кормы. А затем все это обтягивали кожами морских животных. Получалась удобная легкая шлюпка, которую могли тащить четверо и которая поднимала двадцать человек. Такая лодка не боится прибрежных бурунов на отмели, с нее легко высаживаться на берег.

Строили такие суда и лодки «от прежних бывших тамо казенных строений (имеются в виду судоверфи — плотбища экспедиции Беринга.— А. А.) оставшиеся работники, и вновь пришедшие и приходящие от города Архангелского и с Олонца и из протчих мест такая ж люди, которые при судовом строении в работах бывали»¹. Профессии плотников, конопатчиков, кузнецов, канатчиков успешно осваивали камчадалы. Все вооружение для таких судов привозили из Охотска.

Для похода из Охотска давали якоря с канатами, парусное снаряжение, некоторые мелочи в запас. Из мореходных инструментов — только компас и лот (для измерения глубин при подходе к берегу). Провиант, выдаваемый от казны, включал сушеное, соленое мясо и рыбу на два-три месяца; муку по два пуда на человека, и все. Поэтому промышленники, остающиеся на островах на зимовку, прежде всего начинали готовить себе провизию, «которая по большей части состоит в том, чтоб больше получить морских коров, которых мясо сколь сыты, но не меньше и здоровая пища высушенная, служит и вместо хлеба. А как много в такой скотине жиру, то оной так же заготавливают в боченки и употребляется в пищу вместо хорошего масла, что и пить его можно, как бы лучшее деревянное масло без вреда; да и для зажжения огня в лампадах, вместо свечь служит. А кожи таковых коров употребляют вместо досок на обшивку лодок»². Вот почему так быстро были истреблены прервосходные животные — морские коровы, описанные Г. Стеллером впервые. Для промысла зимовщикам давали охотничьи ружья и другое.

Теперь несколько слов о том, как набиралась команда судна. Существовало два вида найма. Первый — в зависимости от успеха промысла. В этом случае договаривались, что половина добычи идет на уплату промышленникам, а другая половина составляет собственность купцов-предпринимателей. Причем мореход и передовщик получали по два пая. Второй — оплата деньгами по договоренности. Промышленные работники получали от 50 до 200 рублей в год, независимо от продовольствия и прочих издержек. Передовщик и мореход договаривались особо. На неизвестные острова шли по общему согласию, но приносили клятву слушаться во всем передовщика или морехода.

Повышенные требования предъявляли к мореходам и передовщикам. Мореход должен был знать судовождение, а также места, в которых придется плавать, передовщик — уметь организовать правильно

¹ ЦГАДА, Госархив, разряд 24, д. 34, л. 84 об.

² Там же, л. 89 об.

промысел. В старом документе требования к мореходу и передовщику сформулированы так: «Управителей же (то есть морехода, или кормщика, и передовщика, или носовщика.— А. А.) нанимают такова, о котором узнают, что уже в море и на известных островах бывал и ход до нем и многия на море приключения, и компас знает, и на неизвестных иттить пожелает»¹.

Всем этим качествам вполне удовлетворял Андреян Толстых. Он появился на Камчатке сразу же, наверное, после окончания экспедиции Беринга. Во всяком случае в 1746 году он состоял уже в компании, в которую, кроме него, входили: тотемский купец Федор Холодилов, камчатский купец Никифор Трапезников, иркутский купец Василий Балли и ярославский купец Федор Жуков. Сам Андреян Толстых был селенгинским купцом².

В 1747 году компания построила и спустила на воду судно-шитик «Св. Иоанн» на реке Камчатке. В этом же году судно вышло в море к Командорским островам, имея на борту 46 промышленников и 6 казаков. Передовщиком был Андреян Толстых, а мореходом — Евтифей Санников. Промышленники благополучно провели зиму на островах, добыли 300 бобров и 1500 песцов и выручили за них 50 020 рублей. После зимовки Толстых и Санников ходили к югу от острова Медного, рассчитывая отыскать новые земли, но ничего не нашли и возвратились в августе 1748 года в Нижнекамчатск.

Лиха беда — начало! И на следующий год Толстых и Санников снова в пути. На том же судне, почти той же командой, но только теперь курс был на Ближние Алеутские острова, открытые Михаилом Васильевичем Неводчиковым. Были они и на Командорских островах. 20 ноября 1749 года судно ушло в плавание, а вернулось в Нижнекамчатск только в 1752 году, промыслив 1700 морских бобров и 700 песцов. В этом походе команда лишилась двух своих товарищей — камчадалов, которые были убиты островитянами.

Только год передышки потребовался Толстых для приведения в порядок своих дел и для организации следующей промысловой экспедиции. На том же судне он выходит 17 августа 1753 года к Алеутским островам с командой из 34 человек. Мореходом на сей раз был Федор Жуков — также один из компаньонов. Вернулись они в сентябре 1755 года. О подробностях этого похода автор не нашел известий. Но, видимо, он не был таким же удачным, как и первые два, да и судно пришло уже в негодность. По приходе в Нижнекамчатск «Св. Иоанн» вышел из строя.

Вместо него удачливый, молодой, но уже опытный мореход и богатый теперь купец Андреян Толстых все с той же компанией построил

¹ ЦГАДА, Госархив, разряд 24, д. 34, л. 87 об.

² Архив внешней политики России (в дальнейшем — АВПР), ф. РАК, оп. I, д. 5, л. 8.

другое судно «Св. Андреян и Наталия». Как и прежнее судно, оно строилось на реке Камчатке, было спущено на воду в 1756 году и в этом же году ушло в море. Команды на нем было 38 человек, передовщиком шел Толстых, а мореходом Жуков. Мореходы направили судно прямо к Командорским островам, где встали на зимовку. По примеру прошлых лет Толстых собирался заготовить здесь впрок провизию для будущих промыслов, а также промыслять бобров. Если в первом мореходы преуспевали, то бобры даже и не показывались в ту зиму у берегов Командорских островов. Ни одного зверя не довелось убить промышленникам.

Тогда 13 июля 1757 года пошел Толстых к острову Атту в группе Алеутских островов. На подходе к острову мореходы-промышленники повстречали бот «Св. Николай», направлявшийся на Камчатку. От встречных узнали все подробности промысловых дел на острове. Кроме того, Толстых добросовестно исполнял обязанности, возложенные на него камчатскими властями, о приведении в подданство России алеутов и собирал с них ясак. Когда в 1759 году он собрался с богатой добычей уходить в Камчатку, то настойчиво приглашал тойона острова Атту отправиться вместе с ним, но тойон никак и ни за что не соглашался. Во время плавания и промыслов на островах из числа команды погибло 8 человек. В трюме «Андреяна и Наталии» на Камчатку было доставлено 5 360 бобров и 1 190 песцов.

Совсем окреп Андреян Толстых, стал одним из самых богатых людей не только на Камчатке, но и во всем Охотско-Камчатско-Чукотском крае. Теперь он уж сам и передовщик и мореход. Перезимовав в Нижнекамчатске, вышел Толстых на собственном судне «Андреян и Наталия» 27 сентября 1760 года в очередное плавание. Провожал мореходов в далекий поход прапорщик Василий Шмалев¹, начальник Нижнекамчатского острога. Он же утвердил выбор здешних казаков отправить в качестве представителя власти в «товарищество» Толстых казака Максима Лазарева.

Толстых готовил свою экспедицию не только для промысла, но и «ко изысканию в море состоящих знаемых и незнаемых островов и призыве не состоящих (кроме довольно и уже объясаченных и в знаемость от части находящихся Российского народа и обычая по обхождению дружества на Алеутских островах ясашных алеут) таковых же по обысканию морских островов и на них живущих неясашных народов в подданство под высокую самодержавную ея императорского величества приведению»².

Как и всегда, первоначальный курс судна был проложен к Командорским островам, где Толстых намеревался хорошо подготовиться к дальнейшему плаванию, заготовить провизию, сшить обувь, а при

¹ О Шмалевых см.: А. И. Алексеев. Братья Шмалевы. Магадан, 1958.

² ЦГАДА, Госархив, разряд 24, д. 34, л. 63 об.

удаче и добыть бобров. Судно 29 сентября благополучно подошло к острову Беринга и встало в привычной бухте на два якоря. Однако усилившийся ветер выбросил судно на берег, правда, без всякого ущерба, если не считать, что у одного якоря оторвало лапу. «Андреян и Наталия» поставлен был на зимовку на балках, а команда перебралась в землянки и начала заниматься знакомым делом.

На этот раз, как и всегда, морского зверя было вдоволь. Были наполнены жиром все бочки, заготовлено мяса на две-три зимовки, выдублено множество кож, пригодных на одежду, обувь и на обтяжку байдар. Сумели мореходы исправить и небольшие повреждения, которые получило судно. Даже лапу к якорю сумели сделать новую. Одним словом, зимовка прошла великолепно.

24 июня 1761 года, закончив все приготовления и исправления, судно покинуло остров Беринга, миновало остров Медный и после продолжительного плавания по океану, затруднявшегося то штилевой погодой, то противным ветром, подошло к одному из Ближних островов — острову Атту, на котором Андреян Толстых уже бывал и где хорошо знал тойона и некоторых жителей.

Обстановка для Толстых сложилась не совсем благоприятная. На острове уже оказались три судна: лальского купца Афанасия Чебаевского, шуйского купца Степана Постникова и иркутского посадского Никифора Трапезникова. На каждом судне, как и на «Андреяне и Наталии», находилось от Камчатского острога по казаку для сбора ясака. Каждый казак был снабжен шнуровой книгой для этой цели. Разумеется, экипажи этих трех судов уже постарались сделать все, от них зависящее: ясак собрали, в подданство привели кого можно было, да и промышляли порядочно. Но и в этих условиях Толстых не забывал об обязанностях русского купца и морехода, облеченного властью. Оказалось, правда, что старый его знакомый, тойон Ближних островов Тунунгасин, умер. Тогда Толстых в знак дружбы с алеутами одарил «тамошнего лутчего мужика», замещавшего умершего Тунунгасина, тойона Бакутана «с ево командою алеутами, которых довольно знает он Толстых, одаря ево Бакутана с командою до семи человек, как компанейски так и собственными вещами, аднем котлом заводским фунтов в восемь, на всю ему Бакутану с теми людьми артель правянтном арженным пятнадцатью фунтами всем с тоеном восьми человеком, каждому по одной дабинной и холшовой рубашке, холстом и иглами, четырьмя камзолами теплыми подбой мерлушечьи, каждому по аднем перчаткам замшевым теплыми и холодными, да по кушаку краноборским, да тоену Бакутану адне сапоги козловые без всякаго от них истребования»¹.

Посоветовавшись, Толстых, Лазарев и еще один казак Петр Васютинский решили отправиться далее на восток для приискания новых остро-

¹ ЦГАДА, Госархив, разряд 24, д. 34, л. 65.

вов и земель. Бакутан выделил на судно двух алеутов, немного знающих русский язык. 19 августа «Андреян и Наталия» взяло курс норд-ост, навстречу неизвестному, навстречу открытиям. Сразу же с погодой не повезло: дул встречный ветер, а затем разразился «великий шторм». И так носило мореходов до 28 августа, когда «тем хождением нашли на остров незнаемой, к которому приближившись встали на якорь»¹.

День шел на убыль. И, переночевав на якоре, утром 29-го байдара с Толстых, Лазаревым, Васютинским и семью промышленниками отправилась к острову. До позднего вечера промышленники обследовали остров, разыскивая удобное место для стоянки и зимовки. Это также нужно было предусмотреть, так как время было уже осеннее. При осмотре с моря и на суше выяснилось, что на этом острове уже ранее бывал Лазарев, плававший с мореходом Петром Башмаковым на судне московского купца Андрея Серебренникова. Он опознал одну из бухт, в которую впадала небольшая речка. Здесь Толстых и решил заночевать. Наутро 30 августа к берегу подошла еще байдара с кормщиком кяхтинским цеховым Семеном Новоселовым за пресной водой. Все вместе, посоветовавшись, постановили, «что во усмотренную ими способную к заведению и в отстой постановлению судна бухту можно судно ввезть»². В тот же день судно было поставлено в бухте на два якоря и простояло так до 1 октября.

За это время произошли важные события. Началось с того, что Толстых снарядил две байдары для осмотра побережья и поисков выкидного леса, годного для подъема судна на берег и установки его там. Одна байдара шла к северному побережью с кормщиком Новоселовым, у которого был переводчик алеут с Ближних островов Ишака Кининин, или по-русски Никита. Во второй байдаре кормщиком был назначен Нижнекамчатского острога ясашный новокрещеный камчадал Андреян Евдокимов Колегов. На каждой байдаре, помимо них, было по восемь человек гребцов — камчадалов и русских.

Некоторое время спустя Толстых для этих же целей и для разведки промысла отправил вдоль берега острова еще две байдары с кормщиками казаком Лазаревым и Паратунского острожка ясашным новокрещеным камчадалом Федором Левашевым. У Лазарева толмачом шел сын тойюна Ближних островов Бакутана — Угуятак Бакутаев.

Поход байдар был удачным. Правда, наносного леса сумели обнаружить немного, зато на западной стороне острова нашли туши двух выброшенных китов, «с которых две байдары нарезав ко употреблению всем будущим при судне людям пристойнаго числа без недостатка мяса и жиру»³. Нарезали мяса столько, сколько хотели, создав значитель-

¹ ЦГАДА, Госархив, разряд 24, д. 34, л. 66 об.

² Там же, л. 67 об.

³ Там же, л. 68.

ный запас. Лазарев с двумя полными мясом и жиром байдарами возвратился к судну, а Новоселов с оставшимися двумя байдарами также запасся провиантом и продолжал осмотр острова.

На обратном пути Лазарев увидел в проливе между островом Аяг, на котором находились промышленники, и другим островом, лежащим от первого верст на двадцать, две малых байдары. Когда они подошли ближе; то выяснилось, что один из находящихся в байдаре алеутов был знаком Лазареву. Да и алеут вскоре узнал казака-морехода. Алеут оказался Угасином Китека Ачишевым, зятем тойона соседнего острова. Лазарев угостил своего знакомого китовым мясом и жиром. Выяснилось, что Лазарев бывал и на этом острове — Канаге все во время того же плавания в 1754 году вместе с Петром Башмаковым. Лазарев пообещал еще приплыть на остров.

Когда он возвратился к судну, Толстых одобрил его замысел. Лазарев на одной байдаре поплыл к острову Канаге, повстречался там с тойоном Аягитнином Каюсунковым, обменялся подарками и пригласил тойона побывать на острове Аяг в гостях у мореходов. Тот согласился. С такими добрыми вестями Лазарев возвратился на судно.

Толстых же не терял времени и готовил запасы на зиму. Он отправил байдару во главе с тотемским посадским Алексеем Чулошниковым¹ на реку для ловли рыбы. Лазарев плавал к нему и привез полные байдары свежей рыбы. Теперь мореплаватели-промышленники хорошо изучили свой небольшой остров Аяг. По их описаниям и подсчетам, он в окружности имеет примерно сто пятьдесят верст. На острове есть высокие горы, каменистые, без растительности. На низинах — тундра. Передвигаться по острову плохо, лучше всего — по побережью. Растительность такая же, как на Камчатке: высокая трава, много голубики, кутагарнику. В небольшой реке в изобилии водились различные породы рыб. В августе больше всего было камчатского кижуча, а весной — красного гольца и морской камбалы. Сама река выходит из небольшого озера, окружностью в две или три версты, «от вершины течение имеет устьем в море на полдень, а вершиною лежит на ветер, оной речки длинна состоит по примеру с вершины даже до устья в семь или восемь верст, а шириною в десять—пятнадцать, а местами и в двадцать сажен, глубины ее во время убыли в море морской воды в полтора, а в прибыли в два с половиною аршина»². По берегам реки никакого леса нет — одна высокая трава. О жителях острова говорить и судить промышленникам было очень трудно, так как «они из острова на остров со всеми домами в больших байдарках переезжая за морския проливы, где похотят по намерениям своим тут и живут»³.

¹ В дальнейшем участник побега с Камчатки М. А. Беньовского.

² ЦГАДА, Госархив, разряд 24, д. 34, л. 69 об.

³ Там же, л. 74 об.

Еще когда Лазарев был на реке и с Чулошниковым грузил рыбу, к судну уже подплыла целая флотилия алеутов во главе с тойоном Аигитнином, которого пригласил Лазарев. Пятнадцать малых байдар пригребли к судну «Андреян и Наталия» и встречены были Толстых с отменным радушием и гостеприимством. Умный купец и мореход прекрасно понимал, что лаской и добротой сделать можно все. И он в полной мере использовал лучшие человеческие побуждения. Никто не остался неодаренным: все получили по рубашке, по мотку ниток и игле, байдары были набиты китовым мясом, да сверх того алеуты получили двадцать кож для обтягивания байдар. Поистине бесценные подарки! Не были забыты и жены: им дали материи белой.

Все алеуты выразили полнейшую готовность быть в подданстве Российского государства и поклялись в этом. Здесь же они заплатили ясак и обязались «познавать Российскаго государства людей совершенными себе приятелями»¹. Толстых и Аигитнин договорились также о том, чтобы часть промышленников зимовала на острове Канаге. Тойон рассказал, как они сами промышляют рыбу и что больше всего употребляют в пищу треску и палтуса морского, а из морских зверей предпочитают отдавать нерпе, используя ее мясо, жир и кожу. Занимаются они также промыслом морской капусты, из которой делают пряжу, употребляемую при ловле рыбы.

Перед самым отъездом Толстых еще раз одарил алеутов китайскими и немецкими камлеями. А вслед за ними на Канагу стали собираться и промышленники. Как раз к этому времени подошли байдары Новоселова, Колегова, Чулошникова с лесом, собранным по крохам. Его все же хватило, чтобы поднять «Андреяна и Наталию» на киль-блоки и подпереть судно с бортов. После этого на Канагу под предводительством Лазарева и Васютинского отплыли четыре байдары. Казакам наказано было разведать и дальше о всех незнаваемых островах и, если возможно будет, то попытаться и туда перебросить промышленников-мореплавателей. Вскоре от Лазарева пришло письмо, в котором тот сообщал Толстых, что с острова Канаги он плывал к небольшому острову Танакину. Там он встретил такой же благожелательный прием и готовность быть в подданстве России и платить ясак. Слышал он также и о других островах, где живут алеуты и где, по рассказам, водится немало морского зверя: бобров, котов, сивучей.

Тогда Андреян Толстых отписал Лазареву, чтобы все четыре байдары возвращались к Аягу и, когда они прибыли, распорядился очень умело. Были выделены на каждый остров зимовщики «для увещеваний жителствующих народов, к платежу в казну е. и. в. ясаков и промыслу зверей»². На острове Тагалаке главным выделялся Алексей Чулошни-

¹ ЦГАДА, Госархив, разряд 24, д. 34, л. 71.

² Там же, л. 73.

ков, на Атхе — суздальский крестьянин Иван Кокин и камчадал Федор Левашев, а сами казаки Лазарев и Васютинский, высадив с байдар на этих островах «пристойное число» промышленников, отправились от Атхи к острову Амля. Так на этих островах и образовались отдельные промысловые группы, которые, кстати, не ограничивались только данным островом, а бывали и на других близлежащих. Они же оставили первые описания вновь приобретенных островов.

На острове Канаге, например, примечательна «сопка горелая, с той сопки в летнее время берут тамошния народы серу горючую, на подножие тое сопки имеются ключи горячия, в которых тамошния народы рыбу и мясо парят». Остров имеет около двухсот верст в окружности и на нем постоянно проживает до двухсот человек.

Остров Чахтина — небольшой, около восьмидесяти верст в окружности, весь каменный с горячими ключами, рек нет. Еще меньше — остров Тагалак — до сорока верст в окружности, на нем условия жизни очень трудные, он весь каменный.

Наибольшие из всей этой группы островов — острова Атха и Амля. Оба они размером, по определению промышленников, до трехсот верст в окружности. На них высокие горы, с которых в море вытекает много речек, богатых рыбой, с берегами, поросшими травой. У островов можно найти хорошие пристани. На обоих островах живут семьи алеутов.

Кроме морского и пушного зверя (песцы, лисицы), острова богаты птицами. Здесь в большом количестве встречали промышленники орлов белохвостых, урилл («перье имеет черное, несколько по бокам белое, а нос долгой, ноги подобно гагарьим, лапы косые») ¹, чаек, глупышей, тонорков, у которых «спины черные, брюхо белое, головы белые, носы красные широкии» ².

Толстых в описании своего путешествия приводит довольно подробный рассказ о жителях всех островов, об образе их жизни. Он сообщает, что живут они в землянках зимой и летом, которые не протапливают, одеваются в кожи морских зверей и птиц, питаются рыбой в сыром виде, а при голоде — морской капустой. Алеуты, по наблюдениям Толстых, «не толко в летнее, но и в зимнее самое студеное время кроме вышеописанной птичьей парки и камлей кишошных (из кишок морского зверя. — А. А.): чулков и торбасов шапок и рукавиц никаких не носят, и выезжая зимою на тех малых своих байдарах на море для промысла палтусины и трески, а согрев, что возчувствуя себе от стужи холод, то наклав травы и зажжет впустит ис под ног под парку малой жар, и тем согреваются» ³.

В делах, заботах и хлопотах прошло три года. За это долгое время промышленники отлично освоили все острова. Хотели, очень хотели

¹ ЦГАДА, Госархив, разряд 24, д. 34, л. 52.

² Там же.

³ Там же, стр. 76 об.

мореходы побывать и на других видимых к востоку островах, но это было отложено на другой раз. «На оных всех шести островах,— писал Андреян Толстых,— жителствующие народы под власть е. и. в. и в ясашный платеж приведены, с которых в казну е. и. в. и ясаки взяты. Но и сверх оных шести островов в виду были многия лежащая под восток морския острова, остров от острова не весьма в далних за проливами разстояниях, точию на те уже более судном и байдарами не касались»¹.

Промышленниками был собран значительный груз: они увозили на Камчатку 3 036 бобров, кошлоков и медведков, 2 220 бобровых хвостов, 200 бобровых лоскутков, 532 белых и голубых песца. Это — не считая ясака. По подсчетам современных историков, за все это ценное имущество на Камчатке было выручено 120 000 рублей².

Перед отъездом Толстых собрал тойонов всех шести островов, подарил им оставшиеся компанейские вещи, а также отдал часть провиантских запасов и попросил алеутов высказать свои претензии к промышленникам: «на то все единогласно объявили, что им, как тоенам, так и протчим никакой обиды, кроме одного оказуемого им всем всякого благосклонного благодеяния и приязни, чинено не было»³. Толстых просил тойонов в случае приезда к ним тойонов с других восточных островов рассказать им о Российском государстве и о себе, о дружбе с русскими. «А особливо им тоенам сказано, естли впредь на море Российскаго государства купецких людей таковыя ж суда предусмотрят, чтоб они от тех не отбегали, колми паче выезжали б на море в байдарках, и в приязни б с теми Российскими людьми находились»⁴.

Проводить русское судно, уже спущенное общими усилиями на воду, до Ближних островов вызвались два алеута: один, прозванный русскими Фомой, был в отряде Ивана Кокина и хорошо обучился русскому языку, а второй — десятилетний мальчик, нареченный по-русски Софроном. Он попал в плен к жителям этих островов и нашел приют у Алексея Чулошникова. На прощание тойоны насыпали Толстых сухой тресковой юколы.

14 июня 1764 года судно «Андреян и Наталия», три года простоявшее на острове Аяг, снова резало носом волны Тихого океана. Неприятливо встретил океан промышленников-мореходов. Долго носило их, пока они не очутились у небольшого островка Саммии. На нем переночевали, отдохнули, запаслись пресной водой и снова пустились по воле волн. Но судно сразу же прибило сильным буруном к лайде, оно получило серьезные повреждения. Пришлось при малой воде всю кладь

¹ ЦГАДА, Госархив, разряд 24, д. 34, л. 76.

² Р. В. Макарова. Экспедиции русских промышленных людей в Тихом океане в XVIII веке. «Вопросы географии», 1950, сб. № 17, стр. 35—42.

³ ЦГАДА, Госархив, разряд 24, д. 34, л. 77 об.

⁴ Там же, л. 78.

сгружать на берег и вытягивать судно. Двое суток длилась починка. И когда все было готово, отправились 19 августа дальше.

Назавтра благополучно подошли к острову Атту в группе Ближних островов. Пришлось и тут еще раз заниматься ремонтом, так как во время перехода обнаружилась в судне сильная течь. На этом острове остались Фома и Софрон, которые собирались ожидать следующего прихода русских. Но зато здесь же мореплавателям пришлось взять на борт своих камчатских же промышленников: тотемского посадского Ивана Шошева, устюжского посадского Стахея Кладовникова, крестьянина Соли Вычегодской Никифора Шебалина и устюжского крестьянина Кирилла Жезлова, высаженных для промысла Петром Башмаковым с судна «Св. Петр и Павел», потерпевшего затем крушение.

Погрузив их со всем имуществом и окончательно залечив нанесенные океаном судну раны, судно «Андреян и Наталия» на всех парусах пошло к берегам Камчатки. Это было 24 августа. А 4 сентября увидели берега Камчатки. Выходило, что судно было напротив Чамшинского острожка. Однако подойти к устью реки Камчатки, как ни стремился к этому Толстых, судно не могло. На судне вышла пресная вода, и тогда Толстых отправил к берегу за водой и для доклада в Нижнекамчатский острог Васютинского и Чулошникова с командой. Они благополучно добрались до берега. Васютинский и Чулошников направились в острог, а гребцы, наполнив бочку водой, стали возвращаться на судно «Андреян и Наталия».

Целых две недели Толстых из-за сильных противных ветров не мог ввести в устье реки Камчатки свое судно. Приходилось лавировать на виду камчатских берегов. И как это часто бывает, отжимной сильный ветер сменился не менее сильным прижимным. Судно с утра 18 сентября неумолимо тянуло на берег. Якоря не спасали, а, наоборот, могли повредить — повалить судно. Поэтому Толстых приказал обрубить якорные канаты. Судно выбросилось на берег недалеко от устья реки Камчатки.

При таком ответственном маневре, как выброс на берег, не погиб ни один человек. Немедленно приступили к выгрузке имущества. Все спешили, так как сильным волнением и бурунами наветренный правый борт разломало, одна за другой вылетали обшивочные доски. Уже два часа продолжалась выгрузка. Сумели спасти весь основной груз: тюки с бобрами и песцами, ясак, казенные разные вещи и в их числе ясачную книгу. Не удалось, к сожалению, спасти небольшой ящичек с судовыми документами и с описанием всей экспедиции, островов, жителей и прочим. Ящичек этот находился в каюте и был унесен в море, сразу как разбило правый борт бурунами.

Эта утрата значительна для истории. Вероятно, что там были очень интересные материалы. Об этом можно судить хотя бы по тому, что Толстых принимал все меры к исследованию островов и даже успел спасти вывезенные им оттуда «к знанию об них Российским народом

одну малую оболоченную голою кожею байдарку, на которых они в море выезжают з двумя малыми выкрашенными деревянными веселками, и деревянной их гребень и поводок с костяными удами»¹.

Несмотря на такой неудачный финал, это плавание Андреяна Толстых имело важное значение. Были открыты и, главное, освоены шесть островов Алеутской гряды. Большую роль в таком успешном исходе многолетней промышленной экспедиции сыграли личные качества Андреяна Толстых, категорически исключившего из своего обихода и обихода участников экспедиции грубое обращение с местными жителями. Уже по памяти и по некоторым сохранившимся материалам Толстых сумел описать свое плавание и дать довольно подробное описание шести островов Алеутской гряды. Он страстно хотел побывать на других дальних Алеутских островах, которые были нанесены уже на карту и о которых алеуты с посещенных им островов рассказывали, что «где на тех есть людей много и имеют стрелы с луками, а огненного ружья не сказывают и далее положенного на карте острова Аляски есть великая земля, а какая о том болше в разговорах не объявляли»².

Неудача не обескуражила Толстых, хотя он и потерял судно. Он был награжден Екатериной II, а казаки Васютинский и Лазарев получили звание сибирского дворянина³. Вероятно, для того, чтобы поправить свои финансовые дела, а может быть, и желая как можно скорее попасть снова на Алеутские острова, Андреян Толстых принял участие в качестве морехода в плавании судов «Петр» и «Павел». Они были построены в Охотске компанией тульского оружейника Афанасия Орехова, соликамского купца Ивана Лапина и устюжского Василия Шилова.

Суда вышли в море из Охотска 1 сентября 1765 года. На «Петре» мореходом шел казак Иван Березкин, который умер в Охотском море, и судно привел в Большерецк Василий Шилов. «Павел» же под водительством морехода Афанасия Очередина благополучно пришел туда же. Во время зимовки Шилов сговорился с Толстых, чтобы тот стал мореходом на «Петре». Толстых согласился⁴.

На «Петре» находилось 63 человека, из которых было 49 русских, 12 камчадалов и 2 алеута. Совершенно непредвиденные обстоятельства задержали выход судна в море до начала августа.

2-го числа судно было в море и пошло на юг в поисках новых земель. Кажется, прав В. Н. Берх, который передает, что Толстых хотел славы,

¹ ЦГАДА, Госархив, разряд 24, д. 34, л. 81 об.

² Там же, л. 98 об.

³ Екатерина одобрила представленное губернатором Сибири Д. И. Чичериным награждение А. Толстых деньгами 2 марта 1766 года. Вполне возможно, что указ пришел на Камчатку после выхода Толстых в море.

Звание сибирский дворянин присваивалось сибирским губернатором за заслуги и не являлось потомственным. Дети сибирского дворянина должны были дослуживаться до него самостоятельно.

⁴ АВПР, ф. РАК, оп. I, д. 5, лл. 44 об.—45.

искал настоятельно новых земель и островов¹. Но не следует забывать и того, что он находился долгое время вместе с купцом В. Шиловым, также известным ревнителем географических открытий, тем самым Шиловым, который вскоре составил «Карту плоскую островам, находящимся по Восточному акеану»². Шилов, один из компаньонов, конечно, настаивал на поисках новых земель, и, в частности, земель к югу от Алеутских островов, так называемой таинственной земли да Гама (ее искал еще Беринг при плавании к Америке).

Проплавав в поисках новых островов два месяца, Толстых не рискнул в начале октября идти к Алеутским островам и направил судно к Петропавловской гавани. 2 октября разразился страшный шторм. Находившийся у Шипунского носа «Петр» был сорван с двух якорей и выброшен на каменную скалу. Из 63 человек осталось в живых только три. Погиб и Андреян Толстых.

Если бы не преждевременная смерть, то, может быть, место Григория Шелихова в истории занял бы на много лет раньше селенгинский купец и мореход Андреян Толстых. Вот почему его именем называются острова в гряде Алеутских островов.

ДВОЕ ИЗ МНОГИХ

Вести о новых исследованиях в Тихом океане, о Командорских и Алеутских островах, открытых Берингом и Чириковым, быстро распространились среди жителей Сибири. Многим захотелось попытать счастья в неведомых краях. Одним из таких смельчаков был крестьянский сын, уроженец деревни Ярковой Тобольского уезда Емельян Софронович Басов.

Известно, что в службу он вступил в 1726 году, когда был записан в казаки, в партию казачьего головы А. Ф. Шестакова, ходившего к чукчам. Намереваясь организовать исследование Охотско-Чукотского края и Камчатки, Шестаков из Якутска отправил вниз по Лене судно «Эверс» к морю «для проведывания пути в Камчатку», тот самый «Эверс», на котором пытал счастье неугомонный монах Игнатий Козыревский. Вот с ним-то судьба и свела Емельяна Басова.

После того как судно во время плавания было разбито, пришлось построить три шитика и продолжать путь на них. До моря не дошли и плыть

¹ В. Н. Берх. Хронологическая история открытия Алеутских островов, или подвиги российского купечества. СПб, 1823, стр. 77.

² Атлас географических открытий в Сибири и в Северо-Западной Америке XVII—XVIII вв., под ред. А. В. Ефимова. М., «Наука», 1964, № 153.

дальше не решились. «Остановившись, не доходя устьев Лены, при урочище Быков мыс, они проводывали оттуда,— передает А. Полонский,— куда возможно впредь большими морскими судами иметь плавание»¹.

Басов возвратился в Якутск и был назначен в 1733 году в строящийся Охотский порт, где первым командиром был сподвижник Петра I Г. Г. Скорняков-Писарев, сосланный в Сибирь за ссоры с всеильным Меншиковым. При Скорнякове-Писареве «Басов находился постоянно, пять лет, для разных поручений и произведен им в сержанты»².

В 1737 году Басов совершил переход морем на Камчатку, где занимался сбором ясака и основательно познакомился с полуостровом, побывав там во многих населенных пунктах. В 1738 году сержант охотской нерегулярной команды Емельян Басов был послан в Якутск для наблюдения за доставкой оттуда в Охотск провианта.

Якутские власти в этом же году отправили Басова «с соболями и лисицами» в Москву в Сибирский приказ. Басов поехал с твердым намерением добиться разрешения на экспедицию на «Курильские и прочие неизвестные острова». Пребывание на Камчатке, где не прекращались разговоры о Курильских островах, встречи с Игнатием Козыревским и, наконец, договоренность с якутскими служивыми Суховым и Хабаровым помогли созреть такому решению.

И в Москве, после того как были улажены ясачные дела, Басов подал челобитную о разрешении ему с компанией ходить на острова «для привода в подданство живущих там». Такое разрешение последовало от Сибирского приказа 5 февраля 1739 года. Указ был послан и в Иркутск, и Басов, прибыв туда, принял от иркутских властей «для подарков неясачным 20 медных котлов, 3 половинки сукна, 2 тюня китайки и 2 пуда шары (китайский табак.— А. А.), бисер, корольки, иглы и для обережи (охраны.— А. А.) 15-ть ружей и 1 п. пороху»³.

Новый начальник Охотского порта, бывший петербургский полицеймейстер, так же как и Скорняков-Писарев, отбывавший здесь ссылку, Антон Эммануилович Девиер, не одобрил затеи Басова, помощи ему не оказывал, но все-таки отпустил с расчетом, чтобы тот все делал за свой счет, а не за счет государства.

Осенью 1741 года из Охотска в Большерецк на казенном галиоте «Охотск» были доставлены важные государственные преступники (в числе их был и князь Александр Долгорукий). Конвоировал их сержант Басов. Сдав арестантов, он вплотную занялся своими делами.

В 1742 году в Большерецке находился М. П. Шпанберг. К нему и обратился Басов с просьбой дать байдару для плавания к Курильским островам. Видимо, много интересного наговорил ему Козыревский, если

¹ Архив Всесоюзного Географического общества, разряд 60, оп. I, д. 2, л. 2.

² Там же.

³ Там же, л. 2 об.

Басов решил начать именно с Курильских островов. Шпанберг дал одну такую байдару, но плыть Басову на ней дальше первого острова не пришлось. Шпанберг распорядился возвратить байдару в Большерецкий острог.

Тогда Басов отправился в Нижнекамчатск, где уже было хорошо известно от участников экспедиции Беринга и Чирикова о существовании к востоку от Камчатки большой гряды неизвестных ранее островов, богатых звериными промыслами. На них-то и задумал побывать Емельян Басов.

В Нижнекамчатске он сумел заинтересовать своим планом богатого камчатского купца Никифора Трапезникова и московского купца Андрея Серебренникова. На свои сбережения и на капиталы купцов Басов построил шитик «Петр» с «гребями (веслами.— А. А.) и парусами длиною по килю, от корга (носа судна.— А. А.) до корга, в сажень, шириною внутри 7 аршин и вышиною внутри же 3 аршина»¹. На таком утлом суденышке Басов, сам за морехода, отправился летом 1743 года из Нижнекамчатска на восток.

На пятые сутки шитик выбросило на остров. По свидетельству одного из участников экспедиции Беринга Петра Верхотурова, участвовавшего в плавании Басова, шитик оказался недалеко от того места, где потерпел крушение Беринг, то есть на острове Беринга. Во время зимовки промышленники добывали котиков и бобров, которых повсюду было множество. Промысел был удачным, и «Петр» возвратился на следующий год в Нижнекамчатск, имея на борту 1 200 бобров и 4 000 котиков. По тогдашним ценам добыча была реализована на 64 тысячи рублей².

Басов не оставался без дела. Едва закончив расчеты по первому плаванию, он собрался во второе (1745—1746 годы). По-прежнему компаньоном Басова оставался Трапезников. Только мореходом на этот раз был Евтихий Санников. Во время промысла шитик Басова побывал у острова Беринга. Был открыт остров Медный, названный так потому, что на нем были найдены месторождения меди.

В следующую кампанию (1747—1748 годы) Басов снова был на Командорских островах, сосредоточив все внимание на острове Медном. С ним были Н. Трапезников и недавно появившийся в Нижнекамчатске купец Андреян Толстых, будущий первооткрыватель группы островов Алеутской гряды, названных по его имени Андреяновскими. Мореходом шел Дмитрий Наквасин. Как и первые два, этот поход увенчался большим успехом: на шитике было привезено в Нижнекамчатск драгоценных звериных шкур на 50 тысяч рублей.

Серьезно увлекся Басов идеей добывания медной руды на острове Медном и использовал треть путешествия для тщательного осмотра ме-

¹ Архив Всесоюзного Географического общества, разряд 60, оп. I, д. 2, л. 4.

² Р. В. Макарова. Экспедиции русских промышленных людей в Тихом океане в XVIII веке. «Вопросы географии», сб. 17, 1950, стр. 35.

сторождений. А в четвертое плавание он сам не пошел. В 1749—1750 годах шитик «Петр» возглавил мореход Д. Наквасин. И это плавание закончилось благополучно.

Басов не думал больше о промыслах. Он стал добиваться организации специальной экспедиции по разведке и добыче меди: обивал пороги камчатских властей, писал челобитные в Иркутск и Петербург, не жалел своих денег. Но вышло так, что показания Басова о богатстве медных месторождений на острове Медном не подтвердились. Затраченные на исследования деньги были взысканы с Басова, и вскоре он, один из богатейших людей Камчатки, превратился в нищего.

Басов по-прежнему был уверен, что на острове много меди, и пошел на преступление. Чтобы раздобыть денег, он занялся изготовлением фальшивых монет, но вскоре же был на этом пойман. 11 февраля 1756 года его арестовали и отправили в Иркутск. После долгого следствия и суда Басов был приговорен к публичному наказанию — битью кнутом и вечной каторге.

22 июля 1763 года он был отправлен на Нерчинские заводы, где 4 сентября над ним учинили публичное наказание. По некоторым данным, умер он в 1765 году.

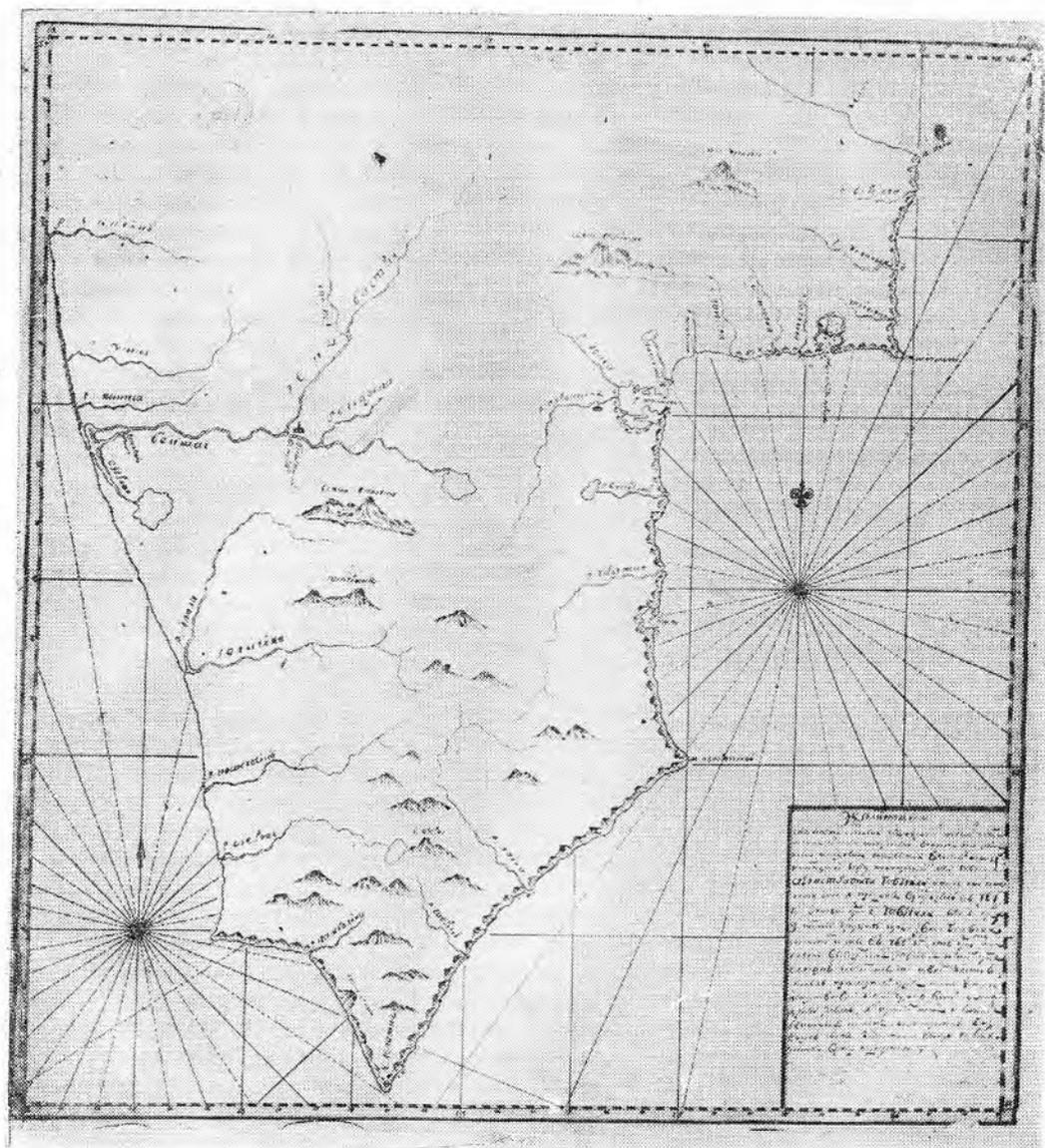
Значение плаваний Басова велико и состоит в том, что они положили начало исследованию островов к востоку от Камчатки, их освоению и присоединению к России. Из небольшой компании Басова выросла впоследствии знаменитая Российско-Американская компания.

А теперь несколько слов о другом смельчаке, открывшем путь промышленным людям к Алеутским островам. В Архиве внешней политики России хранится документ о Михаиле Васильевиче Неводчикове. На документе размашистым почерком известного деятеля Охотско-Чукотско-Камчатского края Тимофея Ивановича Шмалева написано: «От роду 67 лет уроженец города Тоболска в штрафах и наказаниях не бывал»¹. Этот документ, оказавшийся послужным списком Неводчикова, а также другие документы, встреченные в различных хранилищах страны, дали возможность более полно рассказать о его жизни и деятельности. Приписка Т. И. Шмалева, относящаяся к 1775 году, позволила считать годом рождения М. В. Неводчикова — 1708-й.

Богатая добыча, привезенная Е. Басовым с островов, растревожила охотских и особенно камчатских купцов. Чтобы легче было осуществить далекое плавание на шитиках, купцы, мореходы и все желающие принять в нем участие объединялись в компании. Каждый вносил свой пай, в соответствии с которым распределяли потом добычу.

В 1745 году купцы Никифор Трапезников и Афанасий Чебаевский попытались организовать такой поход на Алеутские острова, где еще не бывал Басов. Для этого на реке Камчатке построили судно «Св. Евдо-

¹ АВПР, ф. 339, оп. 888, д. 7, л. 282 об.

Карта Камчатки, составленная М. В. Неводчиковым.

ким» и набрали 45 добровольцев. Передовщиком, то есть ответственным за промыслы, был поставлен Яков Чупров, а мореходом — тобольский посадский, один из опытнейших мореходов Охотской флотилии Михаил Неводчиков. С. Н. Марков без ссылок на источники пишет, что Неводчиков пришел в Сибирь из Великого Устюга, где «был сначала мастером чернения по серебру»¹. Не имея возможности ни подтвердить, ни опровергнуть последнее утверждение автора, можно с уверенностью сказать, что в Сибирь приходит Неводчикову не нужно было, так как родился он в Тобольске, и, следовательно, утверждение С. Н. Маркова ошибочно.

В 30—40-е годы XVIII века — годы камчатских экспедиций и организации порта на Тихом океане — многие из жителей Тобольска и в числе их Михаил Неводчиков попали на берега Тихого океана. Неводчикову довелось участвовать в работе, проводимой Берингом. Известно, что Шпанберг взял его в 1742 году в экспедицию. Там он занимался гидрографическими работами, снимал побережье Охотского моря вместе с Хметевским, рисовал карты.

А в 1743 году «по знанию моему, — пишет сам Неводчиков, — взят был из Большерецка бывшим тогда мичманом, а ныне капитан-лейтенантом Хметевским, вместо умершего штурмана Шаганова для таковой же описи Пензинской (Пенжинской. — А. А.) губы от Харьюзовой к Тигилю и Камтану; и от толь до Большой реки (Большерецка. — А. А.) устьев»². Здесь речь идет о гидрографических работах В. А. Хметевского в 1743—1744 годах.

Когда встал вопрос о плавании к Алеутским островам, то вполне естественно оказалось, что мореходом должен в такой ответственный путь идти опытный моряк и весьма искусный картосоставитель Михаил Неводчиков. 19 сентября 1745 года «Св. Евдоким» ушел в море из Нижнекамчатска и, довольно быстро двигаясь в юго-восточном направлении, достиг Ближних островов Алеутской гряды. Это были острова Атту и Агатту. На Агатту Неводчиков высадился и затем перешел на Атту, где промышляли морского зверя до осени 1746 года. Первая зимовка русских на Алеутских островах унесла несколько человек, но промысел был удачен и обещал по возвращении на Камчатку всем пайщикам богатый выдел, или пай. Промыслом больше занимался Яков Чупров, а Неводчиков трудился над географическими картами и описанием островов.

Именно он составил первую карту островов Агатту, Атту и Семичи, впоследствии представленную в сенат, поэтому он считается первооткрывателем этой группы островов. С его именем связано начало колонизации русскими Алеутских островов и Северной Америки, колонизации, получившей полную поддержку правительства при Шелихове и Баранове в конце XVIII века.

¹ С. Н. Марков. Летопись Аляски. М., 1948, стр. 30.

² АВПР, ф. 339, оп. 888, л. 6, л. 15.

Возвращение «Св. Евдокима» на Камчатку было неудачным. Осенью 1746 года более полутора месяцев носило его по бурному морю, а потом судно было выброшено на берег Карагинского острова. Погибло все с таким трудом приобретенное на Алеутах богатство. Зимовали на острове. Во время зимовки часть промышленников погибла от цинги и голода. Оставшиеся в живых на самодельных байдарках возвратились 20 июля 1747 года в Нижнекамчатск.

Началось массовое паломничество русских мореходов, казаков, промышленников на Алеутские острова. По пути Неводчикова отправлялись в разные годы Алексей Воробьев, Тимофей Перевалов, Степан Глотов, Потап Зайков, Андреян Толстых, Петр Башмаков и другие.

А Неводчиков возвратился в Охотский порт и по 1770 год, не пропуская ни одной навигации, плывал из Охотска в Большерецк и обратно. Дубель-шлюпка «Елизавета», бригантна «Михаил», пакетбот «Св. Иоанн», галлиот «Св. Павел», бот «Св. Гавриил» и многие другие суда Охотской флотилии прошли через руки Михаила Васильевича Неводчикова. Неводчиков был штурманом на боте «Св. Гавриил», одном из четырех судов экспедиции Петра Кузьмича Креницына, и находился в это время в подчинении у прапорщика Афанасия Дудина Большого. В 1767 году он сдал в Большерецке бот П. К. Креницыну, а сам на боте купца Засыпкина возвратился в Охотск.

В 1768 году Неводчиков строил суда на Охотских верфях, а на следующий год ему пришлось совершить еще один рейс на Камчатку. На галлиоте «Св. Павел» он доставил в Большерецк комиссию, возглавляемую полковником Зубрицким, и через год возвратился в Охотск. Это было его последнее плавание.

С 1771 года Неводчиков был определен в Охотскую навигацкую школу, где «обучал школьников рисованию карт»¹. Ему также была поручена проверка журналов плаваний судов. К голосу опытного штурмана флотилии прислушивались все мореходы. Не случайно Т. И. Шмалев в одном из своих «примечаний» сообщал, что при написании его пользовался различными сведениями, а «особливо от подштурмана Михаила Неводчикова и начального компанейщика Камчацкого купца Никифора Трапезникова»².

В 1775 году Неводчиков участвовал в работе по проектированию переноса Охотского порта на устье реки Ульи: сделал промер устьевой части реки и составил ее план. Ему же принадлежит и план Охотского порта, подписанный Т. И. Шмалевым в 1775 году, и многие другие карты и планы Охотского моря и Камчатки³.

Михаил Неводчиков прожил большую и трудную жизнь, отдав всю ее развитию мореплавания на Тихом океане, делу освоения Дальневос-

¹ АВПР, ф. 339, оп. 888, д. 538, л. 288.

² Там же, д. 5, л. 1 об.

³ А. И. Алексеев. Братья Шмалевы. Магадан, 1958, стр. 54, 55.

точного края. Походы мореходов в XVIII веке на Алеутские острова и в Северную Америку — это славный период истории русского народа, период массовых открытий, за которым последовало изучение, освоение и заселение далеких островов.

НАЧАЛО ИССЛЕДОВАНИЙ

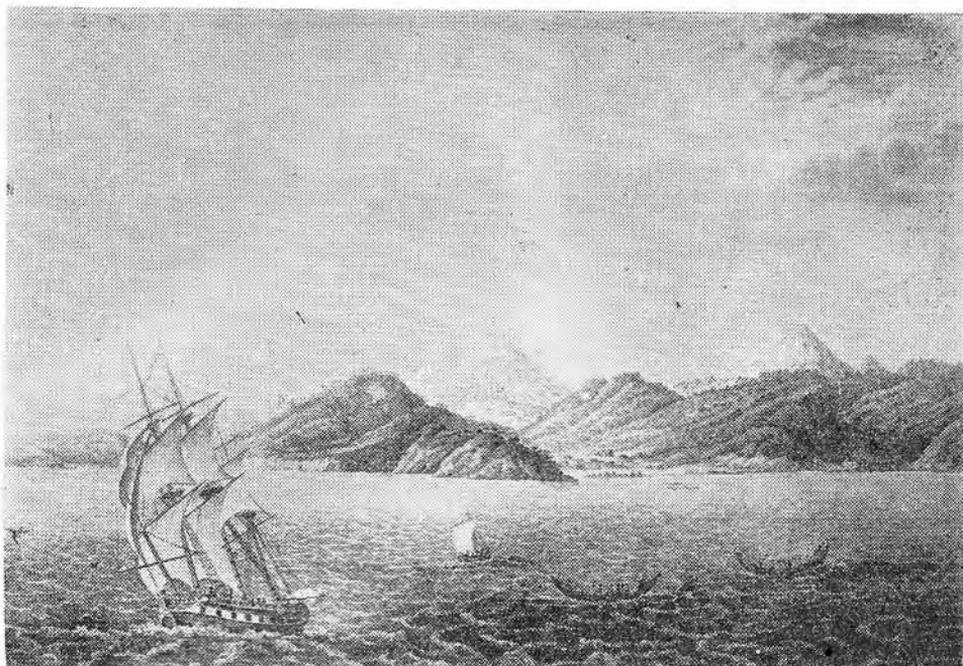
В результате плаваний В. И. Беринга и А. И. Чирикова стало известно, как писал М. В. Ломоносов, что «Америка против Камчатки лежащая начинается островами, каков есть Берингов и его соседственные, и потому не без основания утвердить можно, что виденные места, мимо коих шли помянутые мореплаватели, суть острова и составляют Архипелаг»¹.

Вслед за Берингом и Чириковым к неведомым землям устремились многие русские землепроходцы, мореходы, купцы. Сибирские губернаторы всячески поощряли такую инициативу. Один из них, известный ученый, моряк, гидрограф Ф. И. Соимонов организовал специальную экспедицию в район Берингова пролива под руководством лейтенанта И. Б. Синдта.

Заинтересовался Алеутскими островами и М. В. Ломоносов. В 1763 году он обратился к наследнику царского престола Павлу, занимавшему должность генерал-адмирала, с «Письмом о северном ходу в Ост-Индию Сибирским океаном». По мысли Ломоносова, можно было в высоких широтах пройти Северным морским путем к Камчатке. Морская комиссия, рассматривавшая проект Ломоносова, согласилась с его доводами, и 14 мая 1764 года последовал указ о снаряжении экспедиции под начальством В. Я. Чичагова. Одновременно пришло распоряжение об организации экспедиции П. К. Креницына, который должен был встретиться с В. Я. Чичаговым в районе Берингова пролива и нанести на карту Алеутские острова. Все это содержалось в строжайшей тайне, и указ об экспедиции не передавался даже сенату.

Как известно, в результате двух попыток Чичагову не удалось пройти к востоку от Шпицбергена, и на этом плавание закончилось. Судьба же экспедиции Креницына была иной. Выехав 1 июля 1764 года из Петербурга, только в октябре 1765 года Креницын со своим помощником М. Д. Левашевым и основным составом экспедиции прибыл в Охотск. По пути, в Тобольске, от нового сибирского губернатора Д. И. Чичерина

¹ М. В. Ломоносов. Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию. — В кн.: Проект Ломоносова и экспедиция Чичагова. СПб, 1854, стр. 65.

Вид на вход в Петропавловскую гавань.

Креницын получил инструкцию, десять штурманских учеников навигацкой школы, команду и припасы. В инструкции Чичерин писал: «За главнейшее основание порученной вам экспедиции поставляю несколько уже известных, сысканных купцами Алеутских островов, основательное описание и положение оных на карту сделать, а особливо большого и многолюдного острова Кадьяк; приложив всевозможное старание, обходя его вокруг описать весьма нужно: остров то или матерая земля, ибо на показании бывших на том острове наших людей, утвердиться не можно»¹.

Охотские власти предоставили в распоряжение экспедиции все средства порта. Было снаряжено четыре судна: бригантина «Св. Екатерина» (72 человека) под командой П. К. Креницына, гукор «Св. Павел» (52 человека) под командой М. Д. Левашева, галиот «Св. Павел» (43 человека) во главе со штурманом Афанасием Дудиным-вторым и бот «Св. Гавриил» (21 человек) — командир штурман Афанасий Дудин-первый.

10 октября суда вышли и через несколько дней потеряли друг друга из виду. Всем им не удалось благополучно подойти к Камчатке: осенние охотские штормы сделали свое дело. «Св. Екатерину» в ночь на 25 ок-

¹ А. П. Соколов. Экспедиция к Алеутским островам капитанов Креницына и Левашева. Записки Гидрографического департамента, ч. X, 1852, стр. 78—79.

Видъ нижнекамчатскаго острога, сниманъ съ Z^ю берега на камчатини 1767го года октября 10. дня;

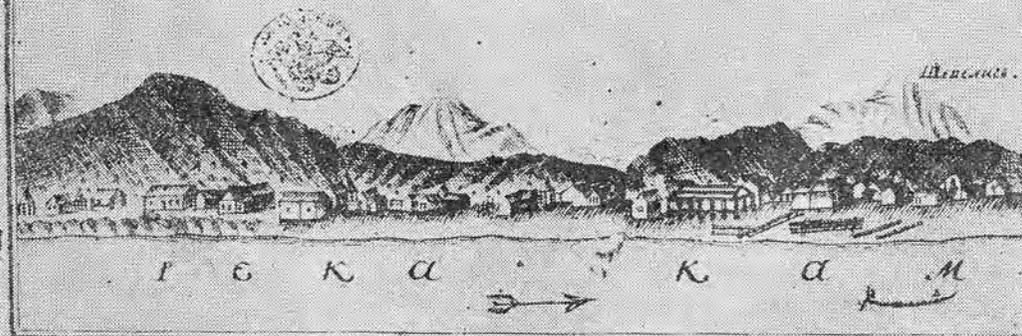
П. С. Е. И.

от острожного жилища Аш. 05. 00: епохъ ш. а. Аш. 08. 00: чертожная колокольня 33. 30: сопка шепелии Аш. 18. 15: горелая сопка плоскостная 2ш. 69. 00: Уреки
на камчатини вблизи цыганской сопки Аш. 07. 00: Житье реки риджен Аш. 11. 00: сопка об. острожного жилища отдаленная изба Аш. 07. 00:

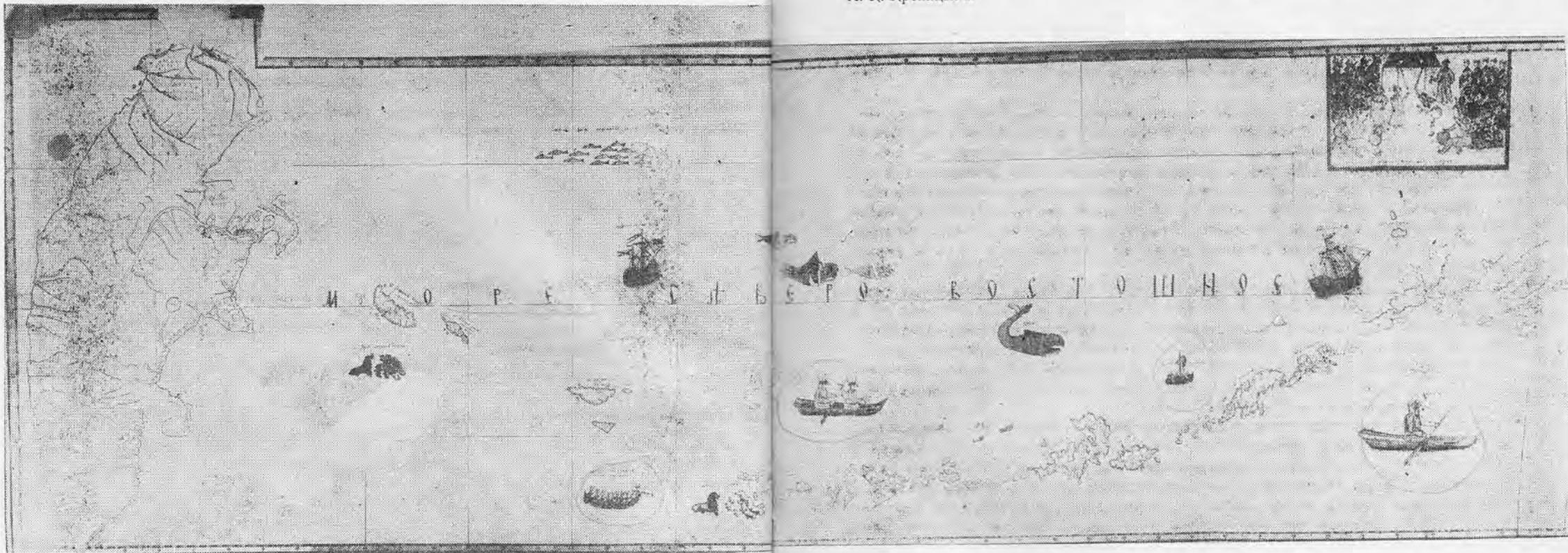
нижне камчатской

строгъ.

изъ журнала флота Капитана Креницына.

Вид Нижнекамчатского острога 1767 года. Взят из журнала экспедиции П. К. Креницына.

тября море выбросило в 25 верстах выше Большерецка. Команда с большим трудом перебралась на берег. Гукор «Св. Павел» сумел войти в устье реки Большой, но вынужден был также выброситься на берег, так как оба каната лопнули. «Св. Гавриила» постигла та же участь, что и гукор «Св. Павел». Самая же интересная судьба у галиота «Св. Павел». Он был вынесен в Тихий океан через Первый Курильский пролив, и его около месяца носило по океану. 21 ноября галиот сумел подойти к Авачинской губе, но льдом был снова отнесен в море, «странствовал еще целый месяц, потерял бушприт, рею, все паруса и канаты и, уже не имея ни воды ни дров, пустился прямо к берегу, и выскочил на седьмой Курильский остров»¹. При крушении погибло 30 человек, спаслось только 13, в том числе командир. Зиму провели на острове и на следующий год добрались до Большерецка.

¹ А. П. Соколов. Летопись крушений и пожаров судов русского флота (1713—1853). СПб, 1855, стр. 14.

Неудачи не сломили воли руководителей экспедиции. В Большерецке приготовили к дальнейшему плаванию гукор «Св. Павел» и бот «Св. Гавриил». Креницын вызвал из Нижнекамчатска известных камчатских мореходов Степана Глотова и Ивана Соловьева. 17 августа 1767 года суда вышли из Большерецка и, обогнув Камчатку, 6 сентября прибыли в Нижнекамчатск. По пути выяснилось, что бот «Св. Гавриил» дал течь и для дальнейшего плавания непригоден. Креницын воспользовался галиотом «Св. Екатерина», остававшимся здесь после плаваний к Берингову проливу И. Б. Сидта. Зима ушла на ремонт судов, подготовку экспедиции, расспросы мореходов в Нижнекамчатске.

23 июля 1768 года галиот «Св. Екатерина» и гукор «Св. Павел» из устья реки Камчатки отправились к Алеутским островам. 30 июля они прошли проливом между островами Беринга и Медным, 11 августа суда разошлись. Креницын опознал и описал острова Сигуам и Амухту, а Левашев — остров Акутан. У Уналашки они встретились, подошли к остро-

ву Унимак, нанесли его на карту. 1 и 2 сентября оба судна описывали побережье полуострова Аляски, а 5-го вновь разошлись, на этот раз уже надолго. Некоторое время они продолжали свою работу, а затем стали на зимовку.

* Креницын зимовал в заливе своего имени на восточном побережье острова Унимак, а Левашев — на Уналашке, в Капитанском заливе. Зимовка была тяжелой, особенно для Креницына. С местным населением очень долго не удавалось наладить дружественных отношений, и это сказывалось на состоянии экипажа. Во время зимовки от цинги погибло 60 человек, а оставшиеся в живых 12 человек были настолько слабы, «что ежели бы капитан-лейтенант Левашев не пришел к нему (Креницыну.— А. А.) со своими людьми, то бы не с кем было и судном управлять»¹.

Левашеву, зимовавшему в таком месте, где было постоянное селение, удалось договориться с алеутами и через них 10 мая 1769 года установить связь с начальником экспедиции, а затем и прийти ему на помощь. Это произошло 6 июня 1769 года, а 23 июня суда покинули печальное место зимовки Креницына. В числе многих там остались лежать навечно Афанасий Дудин-первый и известный мореход, первооткрыватель островов Кадьяк и Умнак Степан Глотов.

Через три дня суда вновь разошлись. 29 июня Креницын уже пришел в Нижнекамчатск, а Левашев все лето проплавал южнее Уналашки и Умнака, положил на карту Четырехсопочные острова и прибыл в устье Камчатки только 24 августа. Зиму экспедиция провела в Нижнекамчатске. Местные власти не проявили к ней должного внимания, и, для того чтобы найти себе пропитание, члены экспедиции организовали рыбный промысел. Денег они не получали, а провианта им не выдавали. И все-таки уже к лету 1770 года суда были готовы отправиться в Охотск. 4 июля 1770 года П. К. Креницын (теперь уже капитан 1-го ранга, произведен 4 июня 1769 года) выехал в исходе первого часа на лодке-однодеревке из Нижнекамчатска по реке Камчатке к тому месту, где стояла «Св. Екатерина», для окончательного осмотра судна перед выходом в море. Вместе с ним были казаки Семен Каюков — на носу лодки, Василий Сизов — на корме, Иван Черепанов, алеут, стоял сзади Креницына и греб. Четвертый казак, Михаил Замятин, был послан за травой, но что-то замешкался и остался на берегу. Возвращаясь назад, он видел, что лодка перевернулась, «а его высокоблагородия (Креницын.— А. А.) только одну голову по бровей и руками раза з два кверху бултыхающего и потом опустился вниз»². Вместе с Креницыным утонул и Иван Черепанов. Каюков и Сизов сумели выбраться на берег. Так неожиданно погиб руководитель экспедиции.

¹ Цит. по И. П. Магидовичу «П. К. Креницын и М. Д. Левашев». — В кн.: Русские мореплаватели. М., 1953, стр. 121.

² ЦГАВМФ, ф. 214, д. 86, л. 157.

М. Д. Левашев принял командование, и суда 8 июля вышли в море, а 4 августа прибыли в Охотск. Здесь они были сданы, команда отправлена к местам своих служб, а Левашев вернулся в Петербург 22 октября 1771 года. К этому времени он был уже капитан 2-го ранга, а 22 ноября 1771 года был произведен в капитаны 1-го ранга. Левашев прослужил на флоте до 1773 года, когда был по болезни уволен в отставку в чине капитан-командора. Умер он предположительно в 1774—1776 году.

Экспедиция П. К. Креницына имела огромное научное и политическое значение. Русское правительство продемонстрировало перед всем миром свою решимость закрепить за Россией завоевания русских мореходов. Достоверные сведения о природе, жителях, расположении Алеутских островов и части Аляски возбудили еще больший интерес к ним и послужили толчком к организации других русских экспедиций. Вскоре на Кадьяке появился Шелихов, а в конце XVIII века Алеутские острова и вся северная часть Тихого океана, Берингово море и Чукотка были обстоятельно описаны русской правительственной экспедицией под начальством И. И. Биллингса.

К МОХНАТЫМ КУРИЛЬЦАМ

После того как Курильские острова были открыты Д. Я. Анциферовым и И. П. Козыревским, нанесены на карту петровскими геодезистами И. М. Евреиновым и Ф. Ф. Лукинским, а затем обследованы М. П. Шпанбергом, В. Вальтоном и А. Е. Шельтингом¹, на них все чаще и чаще стали появляться русские промышленники. Местные мореходы хорошо освоили морские пути через Охотское море. Например, в письме В. И. Беринга М. П. Шпанбергу 15 апреля 1738 года относительно известного охотского морехода, одного из первооткрывателей морского пути из Охотска на Камчатку Никифора Монсеева Трески, говорилось, в частности, что тот «бывал немалое время здесь мореплаванием до Камчатки и даже до осмаго на десять японского (т. е. восемнадцатого Курильского.— А. А.) острова, и между земли, губы и гавани, лежащая при море около Камчатки, может де быть не безызвестен»².

Мореходы, промышленники, купцы доходили до самого последнего, 22-го острова, налаживали торговлю с Японией. От острова к острову плавали на байдарках, которые строили здесь из елового или лиственнич-

¹ См., например, карту похода М. П. Шпанберга к берегам Японии. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 23745.

² Экспедиция Беринга. Сб. док. Подг. А. Покровский. М., 1941, стр. 217—218.

ного леса. Большие байдары делали наборными, доски пришивали одну к другой китовым усом, пазы проконопачивали мохом и покрывали рейком, затем все просмаливали. На байдаре было от 18 до 22 весел, вместо руля — длинное кормовое весло. Если ветер дул попутный, то ставили четырехугольный парус. Малые байдары имели от 4 до 8 весел, обтягивали их кожей морских зверей.

Понемногу русские распространили свое влияние на большую часть Курильских островов, жителей которых приводили в русское подданство и обращали в христианскую веру. За ясаком на первые Курильские острова каждый год плавали казаки. Почти ежегодно навещали курильцев священники из Большерецкого и Авачинского камчатских островов.

Но вот в 1744 году сборщик ясака Матвей Новограбленный привез с острова Маканруши известие. Получил он его от курильца (айна) Камуарюпи, возвратившегося с острова Симушира и сообщившего о том, «что живущий на острове Кунашире, на мысе, обращенном к о. Матмаю (Матцмай, Матсмай — остров Хоккайдо), знатный японец с Матмая желает, чтобы русские привозили свои товары прямо на Кунашир, а не позволяли бы ближним курильцам торговать ими по мелочам»¹. Затем на Онекотане был найден Сысоем Слободчиковым японец Юсанчей — один из десяти оставшихся в живых с выброшенного японского судна. Он рассказал об Японии, ее жителях, порте Нагасаки, об островах Кунашире и Аткисе, где живут курильцы и куда приходят торговать японцы.

В 1752 году несколько курильцев, боясь разорения от ясака, под водительством Якрупа ушли со 2-го острова² на дальние Курильские острова. Там они вели торговлю с мохнатыми курильцами, выменивали у них все необходимые товары, получаемые ими от японцев. Этот род курильцев русские стали называть сошлыми (то есть они сошли со своего места). Так это название и закрепилось в истории Курильских островов. Тойон 2-го острова дважды ездил к сошлым курильцам, но оба раза безуспешно — те не захотели возвращаться. Зато были привезены первые описания мохнатых курильцев с 16-го и далее островов и с северной стороны острова Матцмая: «Они природою весьма мохнаты; губы, руки и ноги, для красы, черною краскою расписывают; платье у них японские азямы и из птичьих кож; в житии весьма необходимы; язык их мало походит на язык ближних, так что без толмача не понять; к приезжим весьма благосклонны; хвосты орловые покупают весьма дорого; владелец их (тойон.— А. А.), которому они оказывают честь и покорство, живет на 21-м острове»³.

¹ А. С. Полонский. Курилы. СПб, 1871, стр. 31.

² Приводим названия основных островов согласно принятой в XVIII веке нумерации: 1 — Шумшу, 2 — Парамушир, 3 — Ширинки, 4 — Маканруши, 5 — Онекотан, 7 — Шнашкотан, 12 — Матуа, 13 — Расшуа, 15 — Кетой, 16 — Симушир, 18 — Уруп, 19 — Итуруп, 20 — Кунашир, 21 — видимо, остров Шикотан, 22 — Зеленый.

³ А. С. Полонский. Курилы. СПб, 1871, стр. 35—36.

Тойон 2-го острова Сторожев, привезший эти сведения, вступил с мохнатыми курильцами в переговоры, но те, напуганные рассказами сошлых и боясь правила русских людей брать аманатов (заложников), отвечали так: «если б русские не брали аманатов, то можно бы было иметь с ними дружбу; детей и родственников хотя и не жаль, но надобно больше дружбы, нежели аманатов, ибо и наш владелец держит подчиненных в великом озлоблении и тяжком житии»¹.

Попыткой Сторожева завязать отношения с мохнатыми курильцами и открыть торговлю с Японией весьма заинтересовался сибирский губернатор Федор Иванович Соймонов. Он приказал главному командиру Охотско-Чукотско-Камчатского края подполковнику Федору Христиановичу Плениснеру подробнее узнать о Курильских островах и его жителях. Некоторое время выполнение этого распоряжения зависело от камчатского командира Ивана Степановича Извекова, которому поручил его Плениснер. Извеков несколько раз снаряжал тойонов 1-го и 2-го островов к «мохнатым... для замечания всех подробностей о тамошних народах»².

В 1766 году на Курильские острова был послан сотник Иван Черный. В течение трех лет он приводил в русское подданство мохнатых курильцев, возвратил многих сошлых. Но в его обращении с местными жителями было столько самовластия, грубости, заносчивости и обмана, что мохнатые курильцы только вначале поверили ему, а затем связали его и повезли с собой. Черному удалось бежать и возвратиться в Большерецк, где он подробно рассказал о своих делах, не упоминая, разумеется, о многочисленных неблагоприятных поступках.

Мохнатые курильцы со своей стороны просили переводчиков «объявить секретно в Камчатке, чтобы впредь присылали к ним людей хороших, обходительных, но отнюдь не Черного или подобных ему, которого они высмотрели весь нрав сердитый и во многих случаях непостоянство»³. Черный был приговорен к смертной казни, и только смерть его от оспы помешала привести приговор в исполнение⁴. Но, к сожалению, возмутительные случаи своеволия посылавшихся туда мореходов продолжались.

Представленный Черным журнал, или записка, — это первое обстоятельное географическое описание Курильских островов. Черный побывал почти на всех из них и был даже на 19-м острове. Карты Курильских островов он не успел составить, но то, что он сделал, стало основой для всех последующих описаний этого интересного района земного шара. Черный дал местные названия островов, сохранившиеся в основном до

¹ А. С. Полонский. Курилы. СПб, 1871, стр. 36.

² Там же, стр. 41.

³ Там же, стр. 51.

⁴ По другим сведениям, И. Черный погиб во время землетрясения 1778 года при переезде с 12-го острова на 11-й, где он остановился ночевать.

настоящего времени. В описании рассказывается о географическом положении островов, о растительности и животном мире, о жителях, об их охоте, реках, озерах, постройках, о пристанях, полезных травах, рыбной ловле, морских промыслах. Со слов тойонов островов, Черный записал следующее: «Имеют де они на 18-м острове ловлю морских бобров гоня-бою в летнее время, и с упромышленными бобрами в другое лето пере-гребают на байдарах на 20-й о. Кунасир и даже до 22 Аткиса, куда приходят два судна японския; а ныне, в недавних годах, и на 20-й остров стало одно судно японское ходить. Суда против российских промышлен-ных, кои они видали, не весьма велики, а на судне у них бывает человек по 16 работных, да кроме их первый главный над всем хозяин судна или командир, называемый тоно, по нем другой — тонтойно, третий — шендо (штурман), четвертый толмач-тунчи и того 20 человек, а на иных судах бывает людей и более. Живут японцы (в смысле находятся.— А. А.) на тех островах судами месяца по два и ожидают мохнатых курильцев с разных островов и когда, по приходе их, поторгуются, тогда и отходят обратно; а покупают японцы у мохнатых жиры, тресковую юколу, бобров, орловые хвосты, молодых нерп черных, а продают им от себя вино, табак листовой, хлебные припасы, азямы, тумикамен серебряные и зеле-ной меди, котлы чугунные на ножках, сабли, ножи, топоры; а из других зверей никаких не покупают и для того курильцы кроме бобров и хвостов орловых никаких больше зверей и не промышляют. По объявлению ж тех князцов (тойонов островов.— А. А.) по прочим островам уже бобров, кроме 18-го острова нигде не имеется, а только соболи, лисицы бур-ья, красная, сиводущатая, медведи, олени, бараны, волки, горностаи на 20 и 22 островах ловятся довольно; на 22 же острове есть и лес стоя-чий большой: бук, лиственъ, ель, также и прочаго довольно; в речках находится рыбы разных родов в безчисленном множестве, а при том для пищи коренья и трав немало»¹. Подобные описания приводятся Черным по каждому острову.

Русское правительство, заинтересованное в налаживании торговли с Японией, в закреплении за Россией всех Курильских островов, поручило вновь назначенному Сибирскому губернатору А. И. Брилю предпринять более действенные меры. Бриль возложил это на главного командира Камчатки премьер-майора Карла Магнуса фон Бема, которому поруча-лось «отправить секретно одно партикулярное небольшое судно. На нем идти, под видом промыслов, до последнего Курильского жилья Аткис, а если возможно, и до Матмая, японского города и других берегов сосед-них Курильских; на судно определить одного знающего навигацию и тол-мачей, бывших с Черным; в инструкции им написать — описывать нравы жителей, положение островов, реки, леса и звериные и рыбные промы-слы на них и составить карту островов; а при сношении с японцами

¹ А. С. Полонский й. Курилы. СПб, 1871, стр. 71.

узнать — какие им нужны российские товары и вещи и какие можно получать от них; не возможно ли сделать договора об обоюдном торге и установлении цен товаров, чрез что бы возыметь дружеское с ними сношение; мохнатых и других приводить в подданство и не согласятся ли они отпустить одного в Россию для узнания российских обычаев, которого держать в призрении»¹.

Долго пришлось камчатскому командиру подыскивать охотников для такого плавания. Немногие мореходы знали путь на дальние Курильские острова, еще меньше находилось охотников-купцов, готовых вложить свои капиталы в такое рискованное дело. И все же нашелся один — известный якутский купец Павел Сергеевич Лебедев-Ласточкин. Уже в 1774 году он снарядил в Охотске транспорт «Екатерина» и отправил его на Камчатку. У берегов ее судно потерпело крушение, грузы утонули, а с ними пропали и десять тысяч рублей купца.

Но Лебедев-Ласточкин не пал духом. Он пригласил в компаньоны молодого рыльского купца Григория Ивановича Шелихова и снарядил новое судно — «Св. Николай», на котором было 45 человек рабочих (из которых 21 камчадал и 1 алеут), боцман и 3 матроса. Во главе экспедиции был поставлен Иван Михайлович Антипин, сибирский дворянин, знавший японский язык. В помощь ему для перевода шел Иван Очердин, мореходом был штурманский ученик Федор Путинцов, да от Большерецкой канцелярии Бем выделил трезвого, грамотного и рассудительного капрала Ивана Осколкова с казаками.

Антипину строжайше наказывалось «под смертной казнию не обижать диких», «обходиться с ними ласково, ничего не требовать, не отнимать», встретившись же с японцами, «поступать учтиво, ласково, благопристойно», «если мохнатые и другие никому не подвластны, то приглашать их в подданство, обнадеживая защитой от соседей»². Антипину вменялось в обязанность, чтобы «он по приезде на Дальния Курильские острова обошелся с курильцами ласково и дружески». Он должен был «через посредство их стараться есть ли возможно увидясь с японцами, переговорить благопристойным образом, и завести выгодной для короны и общества торг»³.

24 июня 1775 года из Петропавловска ушел в плавание «Св. Николай». Антипин захватил с собой семена ржи, пшеницы, ячменя для посева на дальних островах. Решено было попытаться определить места для русского поселения. В конце июля бот подошел к 18-му острову и после долгого лавирования 9 августа вошел в небольшую песчаную бухту на северной стороне острова. Здесь решили зазимовать. Начали возводить разные постройки и несколько раз пытались вытащить судно на берег, но безуспешно. А потом пришла беда: начались сильные ветры, а с ними

¹ А. С. Полонский. Курилы. СПб, 1871, стр. 73—74.

² Там же, стр. 76, 77, 79.

³ ЦГАДА, Госархив, разряд 7, д. 2539, лл. 7 об—8.

и штормы. Штормом у берега в бухте разбило судно, «однако люди и товары даже до последней снасти спасены, и ничего более не пропало»¹.

С наступлением зимы промышленники занялись промыслом морского зверя и рыбы. Среди зимовавших камчадалов были люди с любопытными фамилиями, полученными при крещении: Антон Трапезников, Андрей Панов, Никита Мухоплев, Василий Шелковников и даже Никита Шпанбергов-Красильников. Зимовали там купец Василий Шилов и родственник Григория Шелихова — Василий Шелихов. Среди зимовщиков не было толмача «мохнатского» языка: его послали позже, но байдары в пути затонули. Это обстоятельство значительно затрудняло плавание промышленников на другие острова.

Затем группа промышленников из 20 человек во главе с Слободчиковым и Шпанберговым-Красильниковым бежала на байдарках с места зимовки в Большерецк. От них Лебедев-Ласточкин и его компаньон, расчетливый и осторожный Григорий Шелихов, узнали о новом несчастье. Шелихов, хотя и принял участие в организации помощи зимовщикам, но, видя, что пока все начинания на Курилах приносят одни только убытки, вскоре вышел из компании и занялся Алеутскими островами и Северной Америкой, которые сулили больше выгод.

А пока Лебедев-Ласточкин и Шелихов не мешкая снарядили под командованием Федора Яковлевича Шабалина две большие байдары со всем необходимым и отправили их из Петропавловской гавани. Одновременно Лебедев-Ласточкин с помощью Сибирского губернатора Немцова снарядил в Охотском порту бригантину «Св. Наталия». Идти на ней вызвался мореход Михаил Петушков. На бригантине шли новые промышленные. Среди них были илимский мещанин Алексей Иванов Курбатов, Соли Вычегодской крестьянин Василий Корнилов Звездочетов. Переводчиком японского и курильского языков назначался Михайло Туголуков. Для порядка шли пять казаков под командой фурьера Ивана Осколкова. Бригантина загружена была до предела новыми товарами и большими запасами провiantа.

Выйдя из Охотска 10 сентября 1777 года, «Св. Наталия» благополучно достигла 25 сентября 16-го острова, где в заливе Креста прождала до 13 октября Шабалина. Когда тот прибыл, то перебрались на 18-й остров. «Разгрузив судно и соединив всех промышленных в одну компанию, остались на том острове зимовать»². Весной 1778 года (31 мая) Шабалин на трех байдарках пошел на острова «для приведения мохнатых в подданство, разведывания неизвестных земель и живущих на них, определения числа народа и жилищ их и для свидания с японцами»³.

Он перебрался на Итуруп, где встречался с мохнатыми курильцами, и привел 47 человек в подданство. Затем Шабалин продолжил плавание

¹ ЦГАДА, Госархив, разряд 7, д. 2539, л. 10.

² Там же, л. 13 об.

³ А. С. Полонский. Курилы. СПб, 1871, стр. 85.

и побывал на всех островах до 22-го включительно. Везде он приводил в подданство курильцев, расспрашивал их и подробно записывал, с кем они торгуют, какие вокруг есть еще земли, какое у жителей оружие, чем они питаются, откуда получают необходимые товары. Находясь на северном мысе острова Кунашир, Шабалин увидел однажды вдали землю и спросил о ней у курильцев. Те отвечали, что «де эта страна именуется по нашему мохнатому разговору Короска Коимца (Корофта, Карапто, Карафуту и прочие названия Сахалина. Как видим, они совсем не японского происхождения.—А. А.). Мы ей неизвестны. А жительство имеют таковые ж мохнатые коим числа за многолюдством не знаем»¹.

19 июня 1778 года Шабалин появился на острове Аткис, где застал японское судно, и «вышед на берег дал знать японцам, что он и товарищи его россиане, пришли к ним для свидания и заведения дружества; напротив чего японцы отвечали, что они тому радуются и просили жить с ними без всякой опасности, и быть дружестве»². Вместе с Очерединым Шабалин побывал на японском судне, обменялся любезностями и подарками и условился с японцами быть на определенном месте в одной из гаваней Кунашира для торговли и продолжения переговоров через год, к 20 июля 1779 года.

Затем Шабалин возвратился на Уруп, откуда бригантина «Св. Наталия» сразу взяла курс на Охотский порт. И 29 августа благополучно втянулась в устье рек Охоты и Кухтуя. Антипин и Шабалин доложили о приведении в подданство курильцев, о благоприятном исходе переговоров с японцами, о дне, назначенном для возобновления переговоров, и о торговле с японцами. Лебедев-Ласточкин, рассчитывая поправить свои дела, заметно пошатнувшиеся в результате гибели судов и байдар, решил сразу же снова готовить «Св. Наталию» в путь.

Команда и «работные люди» еще не отдохнули на берегу, как 7 сентября того же года опять отправились в плавание. Бригантина была нагружена «разными российскими и немецкими товарами, как то голландския сукна, бархаты, атласы, тафты, гарнитур, съестных припасов на 18 000 рублей»³. Начальником шел теперь Шабалин, переводчиком Антипин, а мореходом штурманский ученик Федор Путинцов.

Пока «Св. Наталия» совершала плавание на Курильские острова и находилась там, П. С. Лебедев-Ласточкин зимой 1779 года направился в Иркутск, а оттуда в Петербург, чтобы лично представить обер-прокурору А. А. Вяземскому все материалы плавания, передать японские подарки, сообщить о приведении в подданство мохнатых курильцев. Вяземский доложил обо всем Екатерине II. В результате появилось ее повеление, в первом пункте которого говорилось, что «приведенных в под-

¹ ЦГАДА. Госархив, разряд 7, д. 2539, л. 135.

² Там же, л. 15.

³ Там же, л. 16 об.

данство мохнатых курильцев оставить свободными и никакого сбора с них не требовать, да и впредь обитающих там народов к тому не принуждать; но стараться дружественным обхождением и ласковостию, для чаемых выгод в промыслах и торговле, продолжать заведенное уже с ними знакомство»¹. Была одобрена также и торговля с японцами. А Павлу Сергеевичу вручили золотую медаль стоимостью в десять червонцев с изображением на одной стороне Екатерины II и с надписью на другой: «За полезныя обществу труды. 1779-го года апреля 18-го»².

«Св. Наталия» в сентябре 1778 года снова прибыла на Уруп. Судно было поставлено на отстой в устье речки. Здесь и зимовали, занимались промыслом. С наступлением весны Антипин и Шабалин снарядили 3 байдары и с 43 спутниками 24 июня пришли на остров Аткис в гавань Ноткоме, где уговорились встретиться с японцами. Здесь уже были курильцы. Вскоре получили от японцев известие, что они задерживаются из-за непогоды, но обязательно будут. И вот наступил август, а японцы не приходили. Тогда Шабалин решил сам идти к тому месту, где стояли японские суда, в Аткисскую бухту, и прибыл туда 25 августа.

Торжественно встретили русских японцы. На их судне был поднят флаг. Шабалин в ответ произвел салют тремя пушечными выстрелами. Антипину, Шабалину и другим отвели на берегу место для отдыха. На другой день начались переговоры, предваряемые взаимными угощениями и подарками. Переговоры шли успешно. Когда прибыл главный чиновник с Матцмая, он принял Шабалина и Антипина и подтвердил то, что уже он писал русским и что передавал командир японского судна Шабалину и Антипину: «есть ли хотите торговаться, то есть место Нагасаки их же государства, где со всех сторон собираются и торги производят, куда можете ходить и вы»³. На этом переговоры и кончились.

13 октября русское судно ушло с Аткиса, 29 октября прибыло на Уруп, и встало на зимовку. Прошла она на редкость плохо. Но представим слово Ивану Антипину. В донесении своем, которое никогда никем не публиковалось, он писал, что «зимовку паки имели толко с крайнею нуждою по неупромыслице оставшимися от нас людьми для пищи и разных кормов и за неустройством Шабалина. А в зимнее время по начатии сего 1780 года генваря от первого числа мореход штюрманский ученик Федор Путинцов заболев горячкою и колотьем 6-е число волею божею помре. После чего в том же генваре восьмаго числа зделалось около двенадцатого часу по власти божей великое землетрясение и продолжалось с четверть часа, и по утишении того немного погода паки трясение было земли, и в тот день разов до шти (шести.— А. А.) треслас толко менее против прежних все были и ночью часто трясении были, а девятое и десятое числа в день разов по пяти и по ночам то ж часто трясении

¹ А. С. Полонский. Курилы. СПб, 1871, стр. 89.

² ЦГАДА, Госархив, разряд 7, д. 2539, л. 193.

³ Там же, л. 25.

были и во весь тот январь м-ц трясения частые были, а в феврале второе число то ж по утру трясение немалое было и с тех времен реткой день проходил, чтоб не было днем и ночью трясения раза два или три. Весной же сего года апреля 13 число компании нашей полупаившик (то есть вступивший в полпая.— А. А.). Большерецкой мещанин Василей Островской болен быв чрез годичное время волею божею помре.

А потом прошедшей весны изготавляяся к следованию судном в Охоцк, как уже можно стало промышлять кормов, и начали приготавлять и несколько приготовив, передовщик Шабалин работными и июня во первых чисел начали судно исправлять, и по исправлении состояло оно в малой речке в бухте. Запорами воду взводя выводил (то есть подымая уровень воды в реке.— А. А.) и помощью божию зделавшимися тогда от частых дождей наводнению вскоре накапливалась в речке вода и выведено было на усье (устье.— А. А.) речки и якорь был уже завезен в бухту, чтоб на прибылых морских водах вывезть в бухту, пожидали полновых вод, а промежду тем запасали разные кормовые припасы.

И вдруг сего лета прошедшаго на осмое на десять (то есть 18 июня.— А. А.) число ночью перед утром почти на разсвете зделалось по власти божией земли великое трясения, которая продолжалась с четверть часа, и все бывшия у нас люди от сну пробудившись ходили и которые на море смотрели, видели в море вдали огни, как молнии блистали, и несколько помешкав, после трясения вдруг зделался как гром сильной. То услышав люди вышед все ходили и не знали, что будет. Промежду тем уже светало (и оказалось, что.— А. А.) бывшей гром — то была убыль необычайно скорая в море воды, и каменя подле берег в море бывшия обсушило. И с таким же с шумом в первы (то есть как в первый раз.— А. А.) вдруг вода моря валом набежала и берег весь покрыв, толко на яр не залившись, скоро с таким же с шумом возвратилась в море, и зделалось еще более против первого убыли. И люди видя кидались, кто судно тянул, кто в байдаре метались. И вскоре с моря вода шла валом возвышившись выше всех малых кекуров саженей в пять или в шесть, и в бухте вдруг разлилась так сильным и жестоким ударом, что на яру состоявшееся все жило (жилье.— А. А.) наше — юрты и притом балаганы, что есть до последнего столба и з землею вырвав снесло по речке в пать (падь.— А. А.) блиско версты (около версты.— А. А.). И попадя в тундру всех людей и экипажи, одним словом сказать, чтоб не было даже и каменя в усье речки бывшия выворочало и снесло, что есть. Пушка была чугунная на яру, которую за речкой саженях в пятидесяти нашли, и были водой потоплены пади з горы до горы, а судно бригадин Святыя Наталию и с якорем со всем прямо чрез речку по тундре в пать унесло, от моря сто девяносто саженей и посадило на сухое место близ речушки, а поперег против судна пади широты ниского места сажен со сто с прибавою.

И в том потоплении из людей работных нашли мертвых после убыли воды четырех человек и видно их убило на воде лесом, имелись на их раны, коих имена под сим реэстром показано быть имеется. После того большого с моря наводнения убывши паки с моря прибыли и убыли частые были толко уже невпротив первых все менее час от часу, и так море до вечера вплоть ходило, а после избавившись тут бывшие люди собирали всю унесенную клать (кладь, имущество.— А. А.) и сушили, а корм, который был там припасенной, разнесло, кое испортило росолом (то есть просолило.— А. А.), однако уже тогда опричь сушеного мяса снучьего ничего не было, и которую на пищу употребляли.

И после того спустя несколько дней ездили на другие места смотреть и проведать наших в отлучке бывших людей байдарой, то востонная и полуденная (то есть восточная и южная.— А. А.) сторона острова была наводнением потоплена, и по разным местам состояли мохнатые курилцы, то оных человек до восьми утонуло сказывали, а другия, которыя пригодились на niskих же местах, едва спаслися. А по северной стороне острова к потопу онаго не было нисколко, вода не возвышалась на западном и на северном носах. Тож возвышению воды хватило. А далее нас на деветнадцатом и дватцатом островах велико или мало было возвышение воды, неизвестно, а по видимости в той стороне надо более быть»¹.

В ликвидации последствий цунами прошло все время до наступления лета. Собирали, считали оставшееся, строили байдары. Шабалин понимал, что нужно как можно скорее сообщить Лебедеву-Ласточкину о случившемся. Многочисленные попытки снять судно с берега не давали никакого результата. Тогда решили, что Антипин на байдарках отправится на Камчатку докладывать о случившемся и просить помощи, а Шабалин останется на Урупe продолжать промыслы. С Антипиным отправилось 30 июня 14 человек, на островах осталось 52.

Проплывая на байдарках мимо островов и высаживаясь на них, Антипин видел следы огромного разрушения, произведенного исключительно по силе моретрясения и вызванным им цунами. Когда Антипин со спутниками прибыл на байдаре на остров Райкоку (11-й остров), то он не узнал его. «Тогда на нем довольно по косогорам травы бывало всякой и утесы были отпрядные, на которых и птиц всяких морских довольно плодилось, а niskих и пещаных мест не было. И где для пристани проезжающих байдарами на востонной стороне был промежд утесами булунок, и над тем булунком в косогоре было место ж травенистое, где люди вышед ставили для ночевья палатками, а курилцы барабарами (род шалашей.— А. А.), а ныне, в проезде моем случилось видеть, что остров совсем переменился и стал быть небольшой прямо собкою (сопкой,

¹ Описание разрушительного моретрясения 1780 года приводится по подлинному донесению И. М. Антипина без сокращений и изменений, проставлена лишь по возможности современная пунктуация. ЦГАДА, Госархив, разряд 7, д. 2539, лл. 204 об.—205.

горой.—А. А.). Одна гора, которая с северной стороны половина горы,— не имеется (то есть северная половина горы пропала.—А. А.), а на нем вплоть до низу сделалась как пропасть яма великая во всю гору, и с которой пропасти дым прегустой идет, и тем жаром сорвав половина горы с утесами и каменьями превеликими разметало и осыпало песком и землю весь остров вокруг, что подле моря везде сделало пески, и к полуденной стороне на версту сделало пещаной берег, что прежде в тех местах глубины сажень на тридцать или на сорок бывало, и по всему острову нигде травы прежние не видно, и где прежде приставали люди байдарами, оной булунок весь засыпало и сделался тут песок, и люди где полатками ставили, того места совсем незатно. Где в то самое время как ее сорвало и разметывало, в 778-м году прислучившихся тут людей отправленного из Большерецка (то есть отправленного из Камчатки в 1778 году.—А. А.) казачья сотника Черного в шестнацати чело- веках засыпало, о коих я известился сего лета на островах»¹.

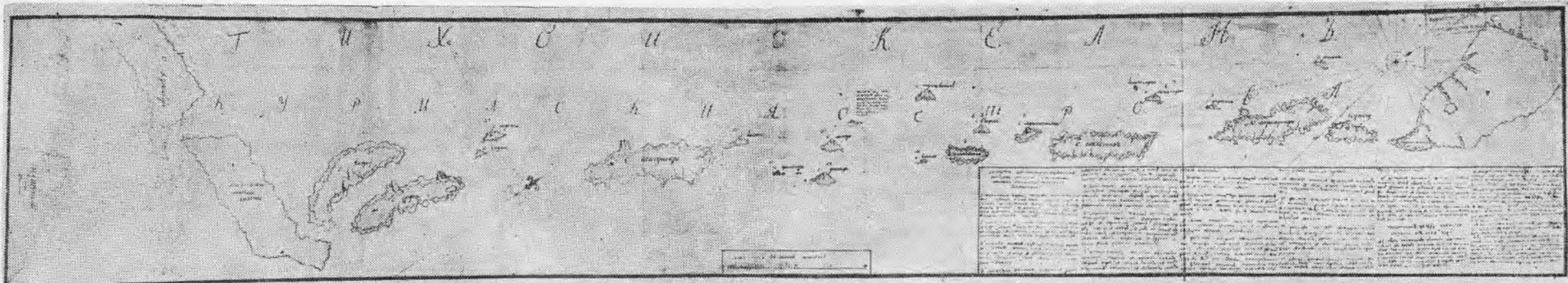
Появившийся в Большерецке в половине сентября Антипин был отправлен в Иркутск, куда в скором времени приехал и Лебедев-Ласточкин. Генерал Ф. Н. Кличка распорядился, чтобы Охотский порт дал Павлу Сергеевичу казенное судно в рассрочку на три года. 3 сентября 1781 года галиот «Св. Георгий» вышел из Охотска, благополучно подошел к Урупу, но ничего не сделал с бригантиной, не помог промышленникам и ушел на промыслы на Алеутские острова. Когда об этом узнал Лебедев-Ласточкин, он стал готовить новое судно в Охотске — «Св. Павел» с передовщиком Коломиным.

Шабалин, видя, что помощи ждать придется долго, по-прежнему не один раз пробовал снять «Св. Наталию» с острова. Он даже прокопал канал от судна до берега, но стащить судно так и не удалось. Промышленники неоднократно пытались бежать. Тогда Шабалин решил покинуть Уруп. Он оставил бригантину под присмотром наиболее благонадежного курильца и 28 мая 1782 года на четырех байдарах отправился со всеми промышленниками (52 человека), припасами и добычей в Большерецк. Прибыли они туда благополучно.

Уже в 1783 году Шабалин попал в Охотск, где и застал готовый к отплытию галиот «Св. Павел». Набрав снова рабочих (11 человек), Шабалин пошел со «Св. Павлом» на Уруп, но попал туда только в 1784 году, так как галиот зазимовал в Большерецке. Однако и на сей раз снять бригантину не удалось. Галиот ушел на промыслы на Алеутские острова, а Шабалин со своими «работными» еще раз остался зимовать на Уруп и уже в 1785 году возвратился в Большерецк.

Удивительные похождения отважного Шабалина на этом не кончились. Долговременная и полезная деятельность Ивана Антипина и Дмитрия Шабалина создала все предпосылки для заселения Курильских

¹ ЦГАДА, Госархив, разряд 7, д. 2539, лл. 283 об — 284 об.

Карта Курильских островов Антипина и Очередина.

**Описание шеснацати Курильских островов сибирским дворянином
Иваном Антипиным примерным разстоянием**

1. Называется Соумшу, на коем жителство имеют курилцы и около онаго морских нерп и земных лисиц немало. А лес кедровник, олховник, тальник и ребинник мелкой; речки рыбныя имеются, то ж ягод — шикши и брусницы времянно бывает довольно.

2. Поромушир, на коем живут курилцы. Промысел имеют морских нерп и земных лисиц; бобров не имеется, речки рыбны, лес писанной же, ягоды шикша и брусница рождаются же.

3. Ширинка. На оном курилцы времянно промысел имеют разных родов птиц и морских сиучей. А лесов и рыбных речек не имеется, земнаго от лип коренья и сараны есть довольно.

4. Маканруши, на коем промысел имеют морских бобров, и нерп, и лисиц; а леса олховник и кедровник, также кореньев сараны и слаткой травы имеется немало.

5. Онекотан, на коем времянно жителствуют со второго острова курилцы. Промысел имеют бобров, нерп и лисиц, а лес на оном олховник, кедровник и ребинник, а рек рыбных не имеется.

6. Харамакатон, на коем времянно же жителствуют со второго острова курилцы ж и промысел имеют бобров, нерп тако ж и лисиц, а лес на оном тотже, как и на протчих островах, тож земнаго от лип кореньев и сараны довольно, рек рыбных не имеется.

7. Шияшкотан, на коем жителство имеют курилцы и промышленяют бобров, нерп и лисиц, а лес на оном кедровник, олховник и ребинник, рек рыбных не имеется.

8. Екарма, на коем жителствующих курилцев и лесов не имеется, а около онаго морских бобров и нерп бывает мало.

9. Чиренкотан, на коем люди жителства не имеют, лесов на оном не имеется ж, а птиц разных родов плодится не мало, около онаго морских бобров и нерп мало, речек рыбных не имеется ж.

10. Еганто, на коем морских сиучей плодится довольно, а лесов, речек и жителствующих народов не имеется.

11. Райкоче, на коем живущих народов, также лесов, лисиц не имеется. А на оном плодится морских сиучей и разных родов птиц довольно. А по извесному в 1778 году что горел соотрвавшими великим шумом каменьями, отчего погибла байдара, на которой был для збору есаку казачей сотник Черный.

12. Мотоуа, на коем живущих народов не бывает, а бобры, нерпы, лисицы, также лес кедровник, олховник и ребинник имеются.

13. Рошауа. Живущих народов не имеется, лес на оном родится березняк, олховник и кедровник. Звери лисицы, морския бобры и нерпы по малу имеются, также сараны и кореньев довольно.

14. Ушишир, на коем живущих народов не имеется, а морских бобров и нерп мало. Толко плодятся разных родов морския птицы, которых и бывает до самой поздней осени множество, также и кореньев и сараны довольно.

15. Кетой, на коем живущих народов не имеется, а лес на оном березник, камышник, а также и протчий, а звери бобры и нерпы имеются, речек рыбных нет.

16. Шигушир, на коем живущих народов не имеется, а лес березник, камышник, олховник, кедровник и ребинник родится. Звери морски бобры, нерпы и земныя лисицы есть довольно, также кореньев и сараны не мало. А речек рыбных не имеется, и на оном же есть осока горелая.

17. Чирпой, на коем по известию жителствуют сошлыя з ближних островов курилцы, и около онаго есть бобры и нерпы, тож сараны и кореньев имеется не мало ж.

По описанию ундер афицера Очередина в 1778 году

18. Уруп, на котором бывают мохнатя курилцы с других островов, с 19 и 20 в апреле месяце для промыслу бобров, нерп, китов, а иногда и зимуют. Лес березник, олховник, камышник, кедровник, сланец и прочей мелкой лес на оном бывает. Горящая горы и два озера. Остров длинной до 150 верст, шириной до 25 верст.

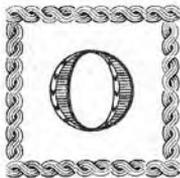
19. Иторуп. На оном острове живут мохнатя курилцы, лес такой же как и на 18 острову, а изредка есть и лиственницы. Морского зверя всякого довольно. В длину остров до 300 верст, в ширину до 25 верст.

20. Кунашир. На оном острову живут мохнатя курилцы. Лес такой же кроме лиственницы. Морского зверя всякого довольно, по берегам устрицы боле фута. Кругом есть озера рыбны. В длину до 130 верст в ширину до 30 верст. На оной остров со временем приезжают в морских судах именуемых бусах японцы для торговли с курилцами и меняют всякого зверя на японския мелочи.

21. Чикота, положен со сказок, длинной 130 верст, шириной 50 верст, на котором есть живущие мохнатя курилцы.

22. Назван островом Аткисом, а точно ж находится, что остров Матмай, а Аткис сим то место именуемое, где был ундер афицер и японский ученик Иван Очередин тогда, где видел японцев на бусах у мохнатых курилцов для торгу японских мелочей напитокное нерпичье и вялокое сало.

островов. Они были обстоятельно изучены в той мере, на какую были способны эти замечательные мореплаватели, а также штурманы Михаил Петушков и Федор Путинцов, и положены на карту. На все острова Курильской гряды имелось географическое описание¹. Жители островов на юге — мохнатые курильцы, или айны, приведены были в подданство Российского государства. Антипин и Шабалин приложили все свое умение и старание, чтобы закрепить за Россией искони ей принадлежавшие Курильские острова, и создали все предпосылки для налаживания дружественных отношений с соседним японским государством. История показала, что их усилия не пропали даром. Курильские острова и Сахалин навечно вошли в состав великого государства.

КОЛУМБЫ РОССКІЕ

Отважные мореходы в погоне за богатой добычей все дальше уходили от берегов Камчатки, открывали все новые и новые острова и иногда проводили на них по нескольку лет. Одним из них улыбалось счастье, и их суда возвращались в Нижнекамчатск, груженные сотнями и тысячами бобровых, котиковых и собольих шкур. Другие находили вечный покой в водах Восточного океана.

Среди этих равных по доблести людей выделился Григорий Иванович Шелихов². Он родился в 1747 году в городе Рыльске Курской губернии в зажиточной купеческой семье. Впервые приехал в Сибирь 28 лет после смерти родителей. Грамотный и способный рыльский купец служил сначала приказчиком, письмоводителем, пробовал другие профессии, но на следующий, 1776 год он появился на Камчатке. Там, вступив в компанию с купцом Лукой Алиным, он построил судно «Св. Павел», которое в 1780 году привезло «грузу 936 шкур бобров морских, 1580 пес-

¹ «Описание шестнадцати Курильских островов Сибирским дворянином Иваном Антипиным примерным разстоянием» (1773—1778). С 18-го острова описание дано унтер-офицером Очерединым в 1778 году.

На меркаторской карте, составленной в 1779 году и отражающей открытия русских на Тихом океане к этому времени, «положены к Японии 18 островов званием Урупа с журнала находящегося там в 778 бывшего Камчатскаго сотника Чернова, а с 18 острова Урупа на котором был в зимовке компании судно Якутскаго купца Лебедева-Ласточкина в 777 году с котораго весной 778 ходил передовщик якутский купец Шабалин до 22 острова Аткиса...».

«Описание старинных атласов, карт и планов XVI, XVII, XVIII веков и половины XIX века, хранящихся в архиве Центрального картографического производства ВМФ». Л., 1958, № 104 и № 106, стр. 34—35.

² Деятельность Г. И. Шелихова описана в научной и художественной литературе. Широко известен роман В. С. Григорьева «Григорий Шелихов» и другие.

Г. И. Шелихов.

цов голубых и 34 000 морских котов, по тогдашним ценам на 74 240 рублей»¹.

А тем временем Шелихов вступил в компанию с известным на Камчатке и в Охотске купцом П. П. Лебедевым-Ласточкиным, организовавшим промышленные экспедиции на Курильские острова. В 1777 году они снарядили гукор «Николай», на котором штурман-мореход Михаил Петушков плывал к 18-му острову, там зимовал и привез 970 бобров, 135 лисиц и 195 голубых песцов. В 1778 году Шелихов с Лебедевым-Ласточкиным отправили то же судно во главе с Иваном Антипиным. Оно 8 января 1780 года было выкинуто на 18-м острове во время моретрясения.

Вместе с тем Шелихов не переставал интересоваться Алеутскими островами. Еще в Иркутске Шелихов сблизился с купцами М. С. и И. П. Голиковыми, державшими питейные откупа в Иркутской губернии, и со старейшим камчатским компанейщиком Н. А. Трапезниковым, на дочери которого Григорий Иванович женился в 1775 году. Вместе

¹ К. Хлебников. Григорий Иванович Шелихов. «Сын Отечества», том 2, часть 1., СПб, 1838, раздел «Наука и искусство», стр. 66.

с Голиковыми он в 1777 году отправил на Алеуты построенное ими же судно «Андрей Первозванный». На обратном пути оно погибло, но груз на 133 450 рублей удалось спасти. В 1778 году Шелихов отправил вместе с купцом Козициным бот «Николай», в 1779 году с Голиковыми судно «Св. Иоанн Предтеча» из Петропавловской гавани. Это судно шесть лет провело на островах и в плаваниях и возвратилось в Охотск только в 1784 году, привезя с собой 1 074 морских бобра, 927 голубых песцов и 440 морских котиков.

После гибели на Курилах «Николая» Шелихов окончательно основался на промыслах на Алеутских островах. В 1781 году он с Лебедевым-Ласточкиным снарядил судно «Св. Георгий» во главе со штурманом Г. Л. Прибыловым. Тот плавал до 1790 года, открыл острова, носящие теперь его имя. К. Т. Хлебников «имел собственноручное письмо Шелихова к Баранову, в котором он пишет, что груз, вывезенный Прибыловым с новооткрытых островов, состоял из 2 000 бобров, 40 000 котиков, 6 000 песцов голубых, 1 000 пудов моржовых клыков и 500 пуд. усов китовых, которые добыты сорока человеками русских в течение двух годов»¹.

В отличие от других купцов и мореходов Шелихов не хотел ограничиться временными успехами. Целью его экспедиции было основать постоянное поселение в новых русских владениях. Ему хотелось закрепить многолетние успехи промышленников и мореходов, утвердить постоянное владычество там России. «С умом, свойственным государственному человеку, он поставил главнейшею целью упрочить для отечества занятые острова, привести обитателей их в подданство России, завести оседлости, где только возможно, и потом уже заботиться о собственных выгодах и приобретениях новых сокровищ в странах отдаленных»².

Шелихов решил отправиться сам на Алеутские острова и в Северную Америку. На Уракском плотбище вблизи Охотска были построены три галиота: «Три святителя», «Св. Симеон Богоприимец и Анна Пророчица» и «Архистратиг Михаил». 16 августа на этих трех галиотах вышли из устья реки Урак в далекое плавание 192 человека. На первом шел Шелихов со своей женой Натальей Алексеевной. На случай, если суда разойдутся, первым местом встречи был назначен остров Беринга. Два первых галиота пришли туда вместе 24 сентября после тяжелого плавания через Охотское море, во время которого они разлучились с «Михаилом» и претерпели в начале сентября в районе Курильских островов страшную бурю. «Михаил» так туда и не пришел. На острове во время зимовки добывали песцов, которых было уже мало. Чтобы не было цинги, Шелихов распорядился всем ежедневно делать переходы на лыжах, питаться свежим мясом.

¹ К. Хлебников. Григорий Иванович Шелихов. «Сын Отечества», том 2, часть 1, СПб, 1838, раздел «Наука и искусство», стр. 69—70.

² Там же.

Не дождавшись прихода «Михаила», Шелихов с двумя галиотами 16 июня 1784 года ушел к Алеутским островам, направляясь к берегам Аляски, куда еще не отважились плавать мореходы. На третий день в тумане суда разошлись, и Шелихов решил подойти к Медному острову в надежде, что туда же подойдет и «Симеон». Прождав там до 26-го и не дождавшись, Шелихов взял курс к Алеутам. Плавание проходило благополучно: 6 июля прошли остров Атха, затем Амля, Сопочные острова. 12 июля сошлись с «Симеоном» и вместе на следующий день пришли к Уналашке. 14-го завели галиоты в Капитанскую гавань, где стояли больше недели, пополняя запасы свежей воды и провизии, ремонтируя потрепанные на переходах суда. Шелихов взял здесь с собой двух толмачей и десять алеутов с байдарами.

22 июля галиоты отправились к острову Кадьяк, где появились 3 августа. Начались исследования острова и близлежащих окрестностей с байдар. На третий день пришли местные жители острова — «коняги», которые встретили пришельцев сначала неприветливо. Шелихов предпринимал мирные переговоры, но безуспешно. «Они, не внимая тому, писал он, с угрозением приказывали, чтоб мы отдалились от берегов их, ежели желаем остаться живыми»¹. Шелихов сам поехал к ним для переговоров, но уговорить не смог. В ночь на 12 августа коняги напали с такою жестокостию, что можно было помыслить, что совершенно достигнут они своего намерения, что и действительно бы им учинить то было не трудно, ежели бы мы меньше были осторожны и больше боязливны»². 130 человек русских выдержали напор, а затем перешли в наступление, взяли в плен тысячу человек, остальные разбежались.

Шелихов привел в крепость около четырехсот человек, назначил среди них главного и поселил в 15 верстах от крепости. На всякий случай держал 20 человек заложников — аманатов. Постепенно отношения приняла самый дружественный характер. Разослав по всем направлениям «артели» для промысла, Шелихов сам занялся устройством селения: организовал школу для детей, приводил желающих в русское подданство, поощрял принятие христианства, вербовал на службу в компанию. «Должно отдать народу сему справедливость в остроте ума,— писал Шелихов,— ибо дети их весьма скоро понимали свои уроки, и некоторые до отъезду моего столько выучились по российской говорить, что без нужды можно было их разуместь»³.

Одновременно Шелихов посылал корабли для исследования близлежащих мест. Посланцы побывали в Кенайском заливе, у острова Афогнак, прошли проливом между островом Кадьяк и Аляской. На по-

¹ Г. И. Шелихов. Путешествие Г. Шелехова с 1783 по 1790 год из Охотска по Восточному океану к Американским берегам... СПб, 1812, стр. 12.

² Там же, стр. 14.

³ Г. И. Шелихов. Путешествие Г. Шелехова с 1783 по 1790 год. СПб, 1812, стр. 39—40.

бережье строились крепости. На северном берегу Кадьяка, ближайшем к Аляске, в Павловской гавани, было выбрано место для строительства нового селения, откуда легче было бы плавать к берегам Аляски. Шелихов шаг за шагом расширял сферу интересов России на Тихом океане. И когда после двухлетнего пребывания на Кадьяке он собрался уходить оттуда, то наказывал своим преемникам, а первым из них был енисейский купец Самойлов, «поступать расселением российских артелей для примирения американцев и прославления российского государства по изъясненной земле Америке и Калифорнии до 40 градусов»¹.

Когда 22 мая 1786 года «Три святителя» покидали Кадьяк, как раз появился наконец-то «Св. Михаил», претерпевший много невзгод, но все же через два года прибывший к цели. Шелихов распорядился, чтобы одному из остающихся судов «плавать по длине (долготе.— А. А.) от 40 до 75 градусов, считая от Охотского меридиана, который я первым поставил в своем изчислении, а по широте от 60 до 40 градусов в открытом море; другому же к северу при сближении там двух частей света, для сыскания неизвестных мест и островов»². Судно «Три святителя» должно было остаться транспортным для связей с Охотском и Камчаткой.

На галиоте «Три святителя» Шелихов вез 40 местных жителей, которые должны были в Сибири обучиться различным ремеслам. Плавание было очень трудным, и к Курильским островам пришли только 30 июля. К тому же и здесь пришлось выдержать сильный шторм. С трудом подошли 8 августа к Большерецкому устью и стали на якорь. Шелихов сошел на берег, а в это время галиот сорвало с якоря. Командир не решился снова подходить к берегу, опасаясь, что судно будет разбито, выкинуто на берег, и пошел в Охотск.

Шелихов же съездил в Петропавловск, где купил у англичан, прибывших с товарами на Камчатку, всю партию товара, а затем перепродал ее тотемским купцам Пановым в Большерецке из расчета прибыли 50 копеек на рубль. В Охотск он возвращался берегом. В этом сухопутном путешествии ему оказали существенную помощь известные деятели Охотско-Чукотско-Камчатского края братья Т. И. и В. И. Шмалевы. «Но за долг почитаю благодарность мою пред всеми изъявить двум достопочтенным мужам, государству и отечеству несколько уже лет беспорочно служащим, капитанам родным братьям, Тимофею и Василью Шмалевым, за охранение меня от всяких опасностей в разсуждении тамошних диких жителей, которые тогда один в Тигильской крепости, а другой между Тигилем и Инжигинским (Гижига.— А. А.) городом, у коряк для усмирения в Каменском селении Корятских и Чукотских орд пребывание имели»³.

¹ Г. И. Шелихов. Путешествие Г. Шелехова с 1783 по 1790... стр. 54.

² Там же, стр. 55.

³ Там же, стр. 66—67.

В Охотск Шелихов прибыл 27 января 1787 года. Здесь его ждала жена, оставшаяся на галиоте, и товары, которыми необходимо было распорядиться. На долю самого Шелихова пришлось 1111 бобров и 1060 лисиц. Наконец 8 февраля Шелиховы на собаках и оленях выбрались из Охотска и 6 апреля появились в родном уже теперь Иркутске.

Здесь он написал отчет о своем путешествии — «Записку Шелихова странствованию его в Восточном море» и убеждал генерал-губернатора Якобия довести до сведения правительства предложения о заселении Русской Америки, о постройке там крепостей, об организации монопольной Российско-Американской компании. Вместе с тем он послал на Кадык управляющего своего Евстрата Деларова, который сменил Самойлова в начале 1788 года и отправил в том же году штурманов Герасима Измайлова и Дмитрия Бочарова в плавание «как для открытия новых морских островов и приведения под власть Российской Империи разных островных народов, так равно и для утверждения всей новообретенной Американской части знаками величеству и названию Российскому свойственными»¹.

Интересны заметки Екатерины II, которые она делала при чтении записки Шелихова. Шелихов просил 20 тысяч рублей правительственной ссуды и некоторого количества войск для службы в американских владениях и в компании вообще. Екатерина ответила так: «Военные люди в Сибирь равно нужно, сто человек тамо то что тысени здесь»². А когда Шелихов настаивал на утверждении России на берегах Америки, то императрица соизволила начертать: «Многое распространение в Тихом море не принесет твердых полз. Торговать дело иное, а владеть дело другое»³.

Долго пришлось Шелихову добиваться разрешения правительства, пришлось для этого самому в 1788 году побывать в Петербурге, но там пока что ограничились награждением Григория Ивановича медалью на Андреевской ленте, золотой шпагой и грамотой, позволяющей продолжать начатое дело.

Созданная Шелиховым компания успешно вела торговлю, селение на Кадыке из года в год росло. Корабли Шелихова плавали повсюду в северной части Тихого океана. Старейшие и опытнейшие шелиховские мореходы Герасим Алексеевич Измайлов и Дмитрий Иванович Бочаров (оба — участники нашумевшего похода-побега М. Бенъовского) на галиоте «Три святителя» в 1788 году исследовали берег залива Аляски от Кенайского полуострова до бухты Льюа, открыв здесь удобные

¹ Путешествие Г. Шелихова. «Отряженного галиота называемаго «Трех Святителей» под предводительством двух штурманов Измайлова и Бочарова, в 1788 году», часть II, СПб, 1812, стр. 2.

² ЦГАДА, Госархив, разряд X, д. 225, л. 1.

³ Там же, л. 2-об.

и обширные заливы Якутат и Нучек, в 1789 году было основано селение в Кенайской губе.

Между тем Е. Деларов, согласно договоренности с Шелиховым, требовал себе замены на посту управляющего или правителя компании на месте. И Шелихов заключил договор с А. А. Барановым.

Александр Андреевич Баранов родился в Каргополе в 1746 году. Он занимался сначала торговлей в Москве и Петербурге, затем оказался в Иркутске. Это был человек недюжинных способностей и знаний. За заметки, посланные в Вольное экономическое общество, он в 1787 году был избран его почетным членом. Баранов в 1790 году вышел из Охотска, но из-за аварии судна смог прийти туда только в 1791 году.

В 1791 году в Петербурге вышла в свет книга Шелихова «Российского купца именитого рыльского гражданина Григория Ивановича Шелихова первое странствование с 1783 по 1787 г. из Охотска по Восточному океану к Американским берегам». Выход ее, а также и второй книги в 1792 году о плавании Измайлова и Бочарова под названием «Российского купца Григория Шелихова продолжение странствований отряженного галиота «Трех святителей» под водительством двух штурманов Измайлова и Бочарова в 1788 году»¹ имел огромное значение. Современники зачитывались ими, о Шелихове узнали во всем мире. Баранов приступил к осуществлению его мечты — к строительству на берегах Нового Света русской столицы Славороссии.

Но Григорию Шелихову не пришлось больше там побывать: 20 июля 1795 года он скоропостижно скончался в Иркутске в расцвете сил на 49-м году жизни. Похоронен он в Знаменском женском монастыре за Ангарой. В 1800 году вдова Шелихова поставила ему там памятник, на всех четырех сторонах которого имеются надписи, прославляющие жизнь и деятельность этого славного мореплавателя и деятеля. На одной из сторон слова Г. Р. Державина:

Колумб здесь Русский погребен!
 Преплыл моря, открыл страны безвестны,
 И зря, что все на свете глеч,
 Направил парус свой
 Во океан небесный,
 Искать сокровищ горних, не земных,
 Сокровище благих!
 Его ты душу, Боже, упокой!

На противоположной грани высечены слова И. Дмитриева:

Как царства падали к стопам Екатерины,
 Росс Шелехов, без войск, без громоносных сил,
 Притек в Америку чрез бурные пучины,
 И нову область ей и Богу покорил.

¹ Второе издание 1812 года, которым пользовался автор, объединило одним названием две эти книги. Книга имеет две части, соответствующие этим книгам, но в обеих частях названия изменены.

Не забывай, потомок,
Что Росс твой предок был и на Востоке громок!

Деятельность Шелихова отличается от морских походов других купцов тем, что он первый поднял вопрос о закреплении за Русским государством земель и островов, где многие неоднократно побывали. Шелихов не только сказал об этом — он сам основал первое русское поселение на Кадьяке. Он был и государственным деятелем, хотя и не состоял на службе, путешественником и мореплавателем. Как свидетельствует К. Т. Хлебников, «Шелихов, как видно по некоторым его отзывам, двадцать раз посещал Охотск и несколько раз Камчатку не из любопытства, но по побуждению своего деятельного ума, а в Америке, сколько для чести себе, а более для пользы государственной трудился неутомимо, и следовательно, работал преимущественно умом»¹

Его преемник А. А. Баранов удержал старые места и занял новые в Кенайском и Чугацком заливах. В 1796 году он основал в Якутате новое поселение. В 1799 году основал столицу Русской Америки на острове Ситха — Ново-Архангельск и с этого года жил там постоянно. В этом же году была официально образована Российско-Американская компания, директорами которой стали зятья Шелихова Михаил Булдаков и Николай Резанов. Главная контора компании находилась в Петербурге, а на месте ею управлял Баранов. Очень много сделал он за годы своего управления в Русской Америке. Все побережье Тихого океана до Калифорнийского залива было освоено русскими людьми. Он на верфях в Ново-Архангельске построил первые в Америке русские корабли «Феникс», «Дельфин» и «Ольга», завел школы, детский приют, строил русские дома, посылал наиболее способных учиться в Петербург.

Баранов торговал с Кантоном, Бостоном, Манилой, Нью-Йорком, Калифорнией и Сандвичевыми островами. За заслуги он был в 1804 году произведен в коллежские советники, а в 1807 году получил орден св. Анны 2-й степени.

На протяжении всех 28 лет пребывания Баранова в Америке верным его помощником во всех делах и начинаниях был Иван Александрович Кусков. На острове Кадьяк он помогал переселенцам осваиваться на новых местах, а затем основал поселение в Чугацком заливе, начальствовал в Нучеке. В 1802 году Баранов послал Кускова исследовать Медную реку, и тот отлично справился с поручением.

У создателей Русской Америки было много врагов. Английский морской пират Барбер организовал провокационное выступление местных жителей на Ситхе против Баранова. Индейцы не ограничились резней на Ситхе, а подстрекаемые Барбером, напали на промысловую партию Урбанова в Кенайском заливе. Иван Кусков, пробиравшийся к Ситхе

¹ К. Хлебников. Григорий Иванович Шелихов. «Сын Отечества», том 2, часть 1, СПб, 1838, раздел «Наука и искусство», стр. 82.

А. А. Баранов.

от реки Медной, около Якутата встретился с индейцами и «несколько дней бился с окружившими его индейцами-колошами, палил из пушек скрываясь от пуль и стрел индейцев за завалами из срубленного леса»¹.

В 1803—1804 годах посланные Барановым на юг на байдарках мореходы Швецов и Тараканов достигли бухты Сан-Диего (33° с. ш.), а в 1808 году открыли у 38° с. ш. бухту Румянцева (Бодега), расположенную к северу от входа в залив Сан-Франциско.

Осенью 1808 года И. А. Кусков на двух судах — «Кадьяк» и «Николай» отправился на юг для осмотра берегов. «Николай» во время крушения погиб, а «Кадьяк», на котором был сам Кусков, добрался до залива Бодега. Здесь он обратил внимание на пригодные к заселению места, удобные, как ему казалось, для сельского хозяйства. Самым трудным делом было снабжение русских поселений в Северной Америке продовольствием, в частности хлебом, и Баранов принимал все меры к тому, чтобы выращивать рожь и пшеницу на месте. Кускову понравилось место на берегу солнечной Калифорнии, и он решил там закрепиться. С такой мыслью он возвращался в Ново-Архангельск. На обратном пути он тщательно осмотрел острова Шарлотты.

Походы Кускова к заливу Бодега продолжались и в 1809—1812 годах. В 1810 году у одного из островов Шарлотты, острова Дундас, эки-

¹ С. Н. Марков. Летопись Аляски. М., 1948, стр. 72.

И. А. Кусков.

пажу судна «Юнона», на котором шел Кусков, пришлось выдержать бой с индейцами, натравливаемыми на русских преемником Барбера морским пиратом Гелем. Кусков вынужден был возвратиться.

В 1811 году путешествие закончилось благополучно. Судно Кускова зазимовало в заливе Бodega. Отважный мореход сумел во время зимовки установить связи с вождями местных племен и договорился о выделении земли для русского поселения. А в 1812 году Кусков сходил на Ситху и привез необходимые материалы. Вместе с ним был и Баранов.

Скоро в заливе Румянцева, у самого входа в лучшую гавань мира Сан-Франциско, в Калифорнии вырос русский форт Росс, укрепленный поначалу десятком орудий. «Его бастионы возвышались над краем берегового утеса. Жилища Росса были сложены из бревен красной сосны — чаги. С утеса можно было видеть долину реки Славянки, вход в которую сторожили камни, известные под названием Славянских ворот. На островах при входе в залив Сан-Франциско, на знаменитых Ферлонских камнях, выросли русские избы»¹. Форт Росс существовал с 1812 по 1841 год. Кусков управлял им без перерыва до 1821 года.

Несмотря на энергию и предприимчивость Кускова, на завоз в форт домашних животных и семян, превратить форт Росс в житницу Русской

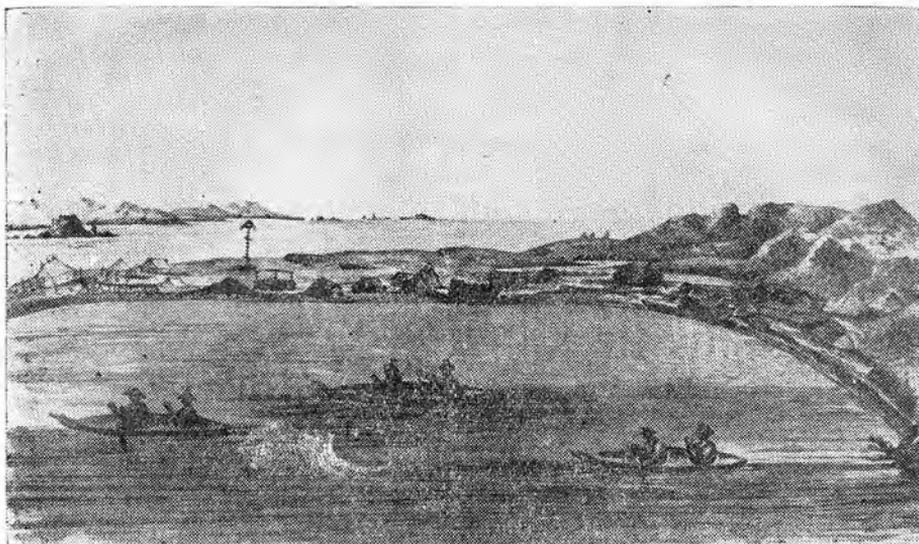
¹ С. Н. Марков. Летопись Аляски. М., 1948, стр. 82.

Америки не удалось. Местные жители и промышленники не хотели заниматься трудоемким и непривычным делом. Мешали испанцы, жившие в Сан-Франциско и боявшиеся укрепления русского форта. Не вполне подходящим оказался и участок земли на берегу моря, выделенный Кусковым для земледелия. Почва была засоленена постоянными ветрами с моря, не было у селения хорошей естественной гавани, суда могли стоять на якоре на рейде только при северо-западных ветрах. Чтобы выйти из затруднительного положения, И. А. Кусков построил искусственную гавань и даже судостроительную верфь, с которой в 1818 и 1819 годах были спущены два судна, но это не решало дела. Снабжение Русской Америки продовольствием по-прежнему шло морем — из Кронштадта.

Тем не менее разносторонняя деятельность Кускова в Калифорнии принесла большую пользу Российско-Американской компании. Форт Росс стал форпостом компании на Тихом океане. Сюда приходили корабли, здесь совершались выгодные сделки. Однажды Кусков на судне «Мария» доставил в Охотск двадцать тысяч испанских пиастров, которые он выручил от торговли в Россе. Форт рос не по дням, а по часам. Поселенцы исследовали окрестности залива Румянцева, залива Сан-Франциско, осматривали реки на побережье. Сам Кусков обследовал залив Св. Троицы (Тринидад), открыл на побережье вулканы.

В 1812 году, например, в форту проживало постоянно 25 русских и 100 алеутов-звероловов. Жили с индейцами дружно, ходили друг к другу в гости. Есть сведения, что только за шесть лет звероловы Росса добыли около 9 000 котиков. Занимались и земледелием: сеяли пшеницу и ячмень, выращивали виноград, редьку. В форту были у поселенцев коровы, овцы, лошади, свиньи.

Вот свидетельство французского мореплавателя А. С. Дюго-Силли, относящееся к 1828 году, когда фортом Росс управлял родственник Шелихова Павел Шелихов. Этот мореплаватель, совершавший кругосветное плавание, стал на якорь у форта и направился к берегу. «В одиннадцать часов утра достигли селения Росс; оно расположено на большом четырехугольном пространстве, огороженном столбами в двадцать футов высоты, связанными поперечными бревнами. На северо-западном и северо-восточном угле две шестиугольные башни, в которых прорублены порты; на каждой из четырех сторон палисады или заборы; соответственно главным четырем румбам вырублены ворота и обороняемы корронадою, которая выходит в порт как на корабле. В сем укреплении прекрасный дом для начальника, хорошие жилища для других чиновников, большие магазейны и строения для работ (мастерския), в юго-восточном углу ныне построена церковь. Все селение стоит на равнине, на 200 футов выше поверхности моря; от нападения с северной и южной стороны ограждено рвами, которые соединены с двумя небольшими за-водьями, служащими убежищем и пристанью судам селения...».

В гавани Трех Святителей.

Далее: «Строения в Россе деревянные, но построены и содержимы хорошо. В покоях начальника мы нашли все удобства, которые приятны для европейцев и еще неизвестны в Калифорнии; около укрепления расположены шестьдесят хороших малых домов русских поселенцев с плоскими крышами, жилища осьмидесяти кодыяков и столько же конусообразных шалашей природных жителей сих берегов». Дальше к востоку от селения на скатах возвышенности «поля для посева хлеба, овса, картофеля, бобов и других овощей».

«В Россе большое устройство и повиновение. Поселяне заняты работами и содержат караулы; с некоторого времени особенно занимаются хлебопашеством так успешно, что разными онаго произведениями, которые получали из Калифорнии, ныне снабжают Ситху. Почтенный начальник от шести сот коров имеет масла и сыра более, нежели во всей Северной Калифорнии»¹.

В 1818 году в семидесятидвухлетнем возрасте А. А. Баранов покинул Аляску. Как раз в это время, когда Баранов уже сдал дела, но еще не отправился на родину, в Ситхе был шлюп «Камчатка» под командованием В. М. Головнина. Один из лейтенантов шлюпа, будущий известный мореплаватель Ф. П. Литке, так описал внешность Баранова: «Когда

¹ Путешествие вокруг земного шара, в Калифорнию и в Сандвичевы острова капитана А. С. Дюго-Силли, кавалера Почетного легиона. Париж, 1836. Цитируется по переводу, помещенному в «Записках Ученого Комитета Морского министерства», часть XIII, СПб, 1837, стр. 202, 203, 204 соответственно.

мы сидели за обедом, то возвестили нам прибытие г-на Баранова. Необыкновенная жизнь и дела сего необыкновенного человека появились во мне великое любопытство его видеть. Он — более малого, нежели средняго роста. Старость и понесенныя труды оставили в нем все же мало следов того огня, который его в прежние годы одушевлял. Лицо его покрывают морщины, он лишился совершенно волос, поступь его колеблющаяся, но со всем тем нельзя ему сказать 80-ти»¹.

Баранов сдал дела правителя Российско-Американской компании военному моряку Л. А. Гагемейстеру и отправился на корабле «Кутузов» в Петербург. «При сдаче дел, — как свидетельствуют историки, — все компанейское имущество, считавшееся на лицо, найдено не только в совершенном порядке, но даже в количестве, превышавшем значущееся по описям, хотя счетная часть и не производилась с должной отчетливостью. При смене его уже видны были зачатки просвещения в тех местах, где он нашел и природу и людей равно дикими, равно недоступными». Несмотря на то, что он получал от компании 20 паев, он ничего не имел. В 1822 году директор компании сказал о нем: «один Баранов мог справедливо похвалиться созданием новых капиталов компании»².

Баранову не суждено было возвратиться в Петербург и повидать свою семью. 16 апреля 1819 года в Зондском проливе он скончался. По морскому обычаю Александр Баранов был похоронен в море.

Недолго после Баранова пробыл в Русской Америке и Кусков. В 1821 году он сдал дела другому начальнику, а в 1822 году возвратился на родину, где хотел провести остаток своих дней. Но они уже были сочтены. В 1823 году Иван Александрович Кусков умер в городе Тотьме и там же был похоронен.

Так прошли свой жизненный путь три главных деятеля Российско-Американской компании, твердой ногой ставшие на берег Нового Света.

ПО РУССКОЙ АМЕРИКЕ

организацией Российско-Американской компании усилились исследовательские работы в районах Северной Америки — на Алеутских островах, на Аляске, по всему Тихоокеанскому побережью Северной Америки. Большую роль в этом сыграли морские офицеры, право нанимать которых к себе на службу

¹ Дневник Ф. П. Литке. ЦГА ВМФ, ф. 15, оп. 1, д. 8, л. 175 об. Баранов родился в 1746 году, следовательно, в 1818 году ему было 72 года.

² Русский биографический словарь. С. Огородников. Баранов А. А., том II, СПб, 1900, стр. 480—481.

получило правление компании. Первыми офицерами на службе у компании были Н. А. Хвостов и Г. И. Давыдов, прославившиеся впоследствии своим рейсом в Японию и на Курильские острова. Другим офицером компании, известным своими исследованиями внутренних районов Аляски, был Л. А. Загоскин.

Но мало кому известно, что до Загоскина огромную работу по исследованию Аляски провел офицер корпуса флотских штурманов Иван Филиппович Васильев, — его непосредственный предшественник. В Русскую Америку Васильев попал на шлюпе «Нева», которым командовал Леонтий Андрианович Гагемейстер. Шлюп вышел из Кронштадта 20 октября 1806 года, направляясь на службу в Российско-Американскую компанию. Гагемейстер повел шлюп вокруг мыса Доброй Надежды, а оттуда — к Южному мысу Тасмании. 13 сентября 1807 года «Нева» стала на якорь на рейде Ново-Архангельска. Чуть меньше года потребовалось морякам, чтобы из пасмурного Кронштадта перейти через три океана и очутиться в далекой Русской Америке.

Молодому штурману Васильеву пришлось много поплавать на «Неве», оберегая интересы компании. Остров Кадьяк, Гавайские острова, Командоры, Камчатка — почти не осталось такого места, где не останавливались бы суда компании и где не побывал бы Иван Филиппович. Он неплохо зарекомендовал себя как пытливый исследователь. Именно ему Гагемейстер поручал описные работы. В 1809 году Васильев составил «Карту залива Ситха со всеми лежащими в нем островами и частию промером на малую воду в сажнях»¹. Это удивительно подробная и точная карта залива, вошедшая затем во все пособия для плавания в этом районе. Помимо основных морских сведений, на ней помещен план Ново-Архангельской крепости. Он в правом нижнем углу карты, а в левом — зарисовка этой крепости. На высоком камне огороженный высоким же забором стоит центральный дом крепости, на котором развевается русский флаг. Рядом, внизу, несколько строений также за заборами, вдаль — лес и горы. А в проливе стоят на якорях морские суда. Именно таким предстал перед штурманским помощником 14-го класса Васильевым знаменитый Ново-Архангельск, построенный трудами и неусыпным старанием не менее знаменитого правителя Российско-Американской компании Александра Андреевича Баранова.

То, что увидел Васильев, было восстановлено Барановым с помощью матросов «Невы», той самой «Невы», на которой пришел сюда Иван Филиппович, но только во время ее первого кругосветного плавания, когда ею командовал Юрий Федорович Лисянский. Основанный в 1799 году Ново-Архангельск через три года сожгли местные индейцы, подстрекаемые пиратами всех мастей. И тогда в 1804 году Баранов восстановил с помощью Лисянского крепость. Теперь сюда был перенесен

¹ ЦГА ВМФ, ф. 1331, оп. 4, д. 133.

с Кадьяка центр русских владений в Америке. Отсюда во все уголки Тихого океана рассылал Баранов корабли. Вскоре, в 1812 году, его помощник И. А. Кусков основал в Калифорнии русский форт Росс.

Когда кончился первый пятилетний срок службы Васильева в компании, он остался на второй, а затем и на третий. Долгие годы жизни в Русской Америке, частые плавания на Камчатку, на юг, к берегам Калифорнии, сделали далекие места родным домом штурмана. Он не только выполнял задания компании по доставке грузов, оборудования и продовольствия, но все больше и больше занимался гидрографическими работами, составлением карт посещенных районов.

Иван Филиппович Васильев родился в 1776 году в семье матроса. Служить начал в 12-летнем возрасте юнгой на галерах Балтийского флота, через год стал учеником Штурманского училища. Очень много плавал на Балтике, участвовал в трех сражениях против шведов: Ревельском, Роченсальмском и Выборгском. 1 мая 1797 года произведен в подштурманы. На следующий год командирован в Архангельск для участия в съемке Белого моря под руководством Л. И. Голенищева-Кутузова. По окончании гидрографических работ он снова оказался на Балтике, откуда и попросился на службу в недавно созданную Российско-Американскую компанию¹.

Еще до отправления на Дальний Восток Васильеву, как преуспевающему в гидрографических исследованиях, директор штурманского училища поручил составить план прохода к порту Хапсалу в Моонзундском проливе на Балтике. И Васильев в 1806 году, плавая на лоц-гукоре «Св. Григорий», успешно выполнил задание, составив «План прохода с моря к городу Гапсалу (Хапсалу.—А. А.) с промером глубины на ординарную в футах, и со внесением береговой ситуации и плана всего города»².

Попав в Русскую Америку, Васильев не оставлял не описанным почти ни одного места, где представлялась возможность провести исследования. Кроме упомянутого уже плана Ситхи, сохранился также и «План Павловской гавани, с промером, означением зданий и видом селения»³, на котором показаны берег гавани, постройки, глубины, камни, отмели, плавающее ограждение, грунты. Здесь же приводится рисунок поселения. Но приходилось ему выполнять и иные задания.

В 1809 году в Охотске был спущен на воду для Российско-Американской компании бриг «Финляндия», водоизмещением 250 тонн. В 1812 году бригам командовал Иван Филиппович Васильев. Именно в этот год он вывез в Охотск из Америки 1001 бобра, 988 бобровых хвостов,

¹ ЦГА ВМФ, ф. 406, оп. 7, № 261, лл. 317—318.

² Описание старинных атласов, карт и планов XVI, XVII, XVIII веков и половины XIX века, хранящихся в архиве Центрального картографического производства ВМФ. Л., 1958, № 341, стр. 83.

³ Там же, № 647, стр. 146.

Карта залива Ситха, составленная И. Ф. Васильевым.

17 781 морского котика, 96 белых и 2 635 голубых песцов, принадлежавших компании. И именно в этот же год он спас тихоокеанских робинзонов. В 1805 году мореход Потап Кузьмич Зайков доставил группу промышленников на остров Медный. Остается неясным, почему их своевременно не сняли суда компании, так как Зайков находился на службе компании. Так или иначе, но только в 1812 году Васильев на «Финляндии» проходил мимо острова и снял с него одиннадцать промышленников, потерявших надежду добраться до Ново-Архангельска или до Камчатки.

Вот рассказ Васильева об этом событии: «При тихом восточном ветре подошел я (в мае 1812 года.— А. А.) к юго-восточной оконечности острова Медного, намереваясь начать отсюда поиски высаженных в 1805 году штурманом Потаповым (ошибка — нужно Потапом Зайковым.— А. А.) 11 человек русских. Я пошел в параллель берега и беспрестанно смотрел в зрительную трубу; уже под вечер, к величайшей радости, увидел в одном заливе строение, велел выпалить из пушки и поднять флаг, а сам продолжал идти к берегу. Скоро усмотрел я лодку, которая плыла из того залива прямо к судну. На лодке находился промышленный Шипицын и еще шестеро русских. Лишь только они взошли к нам на судно, то, перекрестясь, со слезами вскричали: «слава богу! есть еще на свете люди». Невозможно описать их восторга, когда они увидели своих знакомых: обнимались, целовались, плакали, крестились! Потом стали упрекать, что их бросили на острове, и целые семь лет о них забыли. Сперва они никак не хотели оставаться долее на острове, а требовали, чтобы отвести их в Охотск; но после, когда первый ропот прошел, и они посоветовались между собою, то один за другим и все решились остаться здесь еще на год; один только из них за болезнью просил меня взять его с собою в Охотск, на место же его выискался охотник из наших промышленных»¹.

Зиму с 1812 на 1813 год И. Ф. Васильев провел на острове Атхе и перенес там землетрясение. Высокая сопка «горела и такое производила трясение земли, что жители боялись, чтобы их не задавило в юртах»².

Когда в 1818 году В. М. Головин на шлюпе «Камчатка» описывал Павловскую гавань и Чинниатский залив, то он не знал, что уже существует карта этих районов, «но когда приступили к составлению карты, тогда я узнал, пишет Головин, что в компанейской здешней конторе находится карта, сочиненная штурманом Васильевым, весьма искусным и прилежным к своему делу человеком, который, находясь на службе компании, жил здесь около года и имел случай и время сделать хорошую опись. Положа наши пеленга и расстояния на его карту, мы нашли

¹ Путешествие вокруг света по повелению государя императора совершенное, на военном шлюпе «Камчатке» в 1817, 1818 и 1819 годах, флота капитаном Головинным. Часть I, СПб, 1822, стр. 161—162.

² Там же, стр. 173.

совершенное сходство; промеры также сходствовали. Это избавило нас от труда делать новую опись»¹.

Сохранилось также свидетельство того, что Васильев совершил геройский поступок. Приведем просьбу его о внесении в послужной список этого подвига: «В бытность мою в Старой Калифорнии в порте Сан-Диего, на бриге Байкал, принадлежащем Российско-Американской компании, в 1827 году имел случай спасти жизнь упавшим девяти человекам солдат Мексиканской Республики, с опасностью в своей жизни, о чем имею честь Вашему Превосходительству (инспектору корпуса флотских штурманов генерал-майору М. Г. Степовому — рапорт от 24 февраля 1835 года.— А. А.) при сем представить свидетельство от Калифорнийского правительства, вытребованное мною через господина Главного правителя Российских колоний в Америке капитана 1-го ранга барона Врангеля и всепокорнейше прошу о исходатайствовании мне позволения занести таковой подвиг в послужной список. Ранее же сего времени я не имел случая по причине сухопутных экспедиций во внутрь Америки донести об оном своему начальству»².

Пока не выяснено³, что делал Васильев до 1829 года. Но в 1829 году, по распоряжению главного правителя Российско-Американской компании в Северной Америке капитана 1-го ранга Петра Егоровича Чистякова, И. Ф. Васильев предпринял путешествие по внутренним частям Аляски «для обозрения местности между редутом и заливом Нортон и собрания топографических и этнографических сведений о том крае, равно как и для распространения сношений компании с туземцами»⁴.

До Васильева служащий компании Петр Корсаковский в зиму 1817/18 года на собаках совершил путешествие от острова Кадьяк до юго-западного берега Кенайского залива. Оттуда он перебрался на озеро Илиамна и дальше по реке в Бристольский залив. Здесь он с мореходом Устюговым описал северный берег Бристольского залива, а затем уже в 1819 году один описал залив Кускоквим и побережье Берингова моря до устья реки Юкона.

Все исследования в Северной Америке сводились главным образом к обозрению береговой полосы, к составлению морских карт. Васильев впервые принялся за исследование внутренних частей Аляски. В экспедиции участвовало 15 человек, в основном местные жители.

¹ Путешествие вокруг света по повелению государя императора совершенное, на военном шлюпе «Камчатке» в 1817, 1818 и 1819 годах, флота капитаном Головинным. Часть I, СПб, 1822, стр. 189.

² ЦГА ВМФ, ф. 402, оп. 1, д. 652, лл. 2—2 об.

³ Нам не удалось пока найти послужной список И. Ф. Васильева, поэтому не представляется возможным сообщить читателям подробности жизни этого замечательного человека. Вероятно, в 1820—1825 годах он совершал путешествия вместе с В. С. Хромченко по Аляске.

⁴ П. Тихменев. Историческое обозрение образования Российско-Американской компании и действия ее до настоящего времени. Часть I, СПб, 1861, стр. 281.

Васильеву предписано было пойти сначала на остров Кадьяк. Оттуда на боте «Карлук» отправились 31 марта 1829 года и после продолжительного плавания 9 апреля подошли к проливу Шелихова¹. Не дожидаясь, пока бот придет в Катмай, Васильев на байдаре поплыл туда. «Карлук» же появился там на другой день. Здесь Васильев сделал продолжительную остановку, готовясь к длительному путешествию. Он намеревался начать свои исследования с реки Нушагак. Помощником у прапорщика корпуса флотских штурманов Васильева был штурманский ученик Петр Федорович Колмаков, сын известного путешественника компании. По стопам отца пошел и сын Петр. Из русских в экспедиции участвовали Алексей Батурин и Иван Андреев да креол Семен Лукин — неизменный спутник Васильева, а затем Загоскина. С Кадьяка пошли в экспедицию отличные стрелки Алексей Агучик и Петр Талькваяк. Остальные участники экспедиции определились позже.

18 апреля Васильев в сопровождении семи человек пошел внутрь страны и к вечеру добрал до подошвы гор. Погода резко испортилась, пришлось переждать. Только 23 апреля удалось подняться в горы. Шли на лыжах, снег был очень плотный, как лед, но речки, встречавшиеся в пути, вскрылись, и их приходилось переходить вброд. К вечеру были примерно верстах в пятидесяти от Катмая. Заночевали в охотничьей избушке-одиночке.

Продолжая путь на лыжах, Васильев и Колмаков описывали встречавшиеся озера и реки: озера Напуан-иллюк и Накнек, а также реку Игьяк, вытекающую из озера в море. Первое озеро вытянуто с северо-востока на юго-запад на 30 верст, второе — на 35. Ширина озер доходила до полутора верст. Озера соединяются протокой в полверсты. Там, где из них вытекает река Игьяк, путешественники снова присидели из-за непогоды двое суток.

На одиннадцатый день встретили на реке прибывшие из Александровского редута три байдарки, на которых и поплыли вниз. Течение было такое сильное, что через несколько часов путешественники оказались на побережье у аглегмютского селения Паугвик. После ночевки там пошли напрямик через Бристольский залив, держа курс по компасу, плывя вдали от берегов. 1 мая в три часа дня путешественники появились в Александровском редуте.

Река Нушагак еще была покрыта льдом, часто дули сильные переменные ветры, иногда с дождем. Мороз был небольшим, но местные жители говорили, что в этом году зима очень жестокая и продолжитель-

¹ Только об этих путешествиях (1829—1830 гг.) И. Ф. Васильева найдены пока некоторые материалы. Это сохранившееся в Государственном архиве Пермской области (ГАПО) «Извлечение из путешествий г. Васильева», ф. 445, оп. 1, д. 15. Данный документ и лег в основу очерка о Васильеве. Он широко используется ниже без дополнительных ссылок на архивные выходные данные. Существенным подспорьем служила автору также публикуемая здесь карта, составленная Васильевым.

ная. Даже старые люди не помнили ничего подобного. Река, хотя и вскрылась 7 мая, но местами еще стоял толстый лед.

Васильев усиленно готовился к предстоящему походу. Были приготовлены пять больших (трехлючных) байдар и десять малых (однолючных), наняты гребцы и проводники — жители с реки Кускоквим и с реки Нушагак. 13 и 14 мая начальник экспедиции совершил экскурсию на реку Алегнагак. Правый берег реки возвышенный, левый — низменный. На возвышенном растет ель, ольха, березняк, верба, а на левом — один тальник. Ширина реки от 50 до 150 саженей, а в верховьях и на байдарках пробираться трудно. Река эта вытекает из озера того же названия. Оно было замерзшим. На реке в селении проживало около пятидесяти кускоквимцев, переселившихся сюда с реки Кускоквим во время междоусобных войн.

Только 31 мая экспедиция на пяти больших и восемнадцати малых байдарках направилась вверх по реке. У редута река очень широкая, более двух миль, но затем резко сужается и доходит до 3—4 кабельтовых¹. Ночевать остановились в излучине реки, на том самом месте, где в 1816 году произошла битва между аглегмютами и киятайглютами. Последних было убито 200 человек. На месте побоища путешественники и сейчас видели множество костей и черепов.

По берегам Нушагака лежало еще много снега и льда, но это не мешало рыбной ловле. Рыбу ловили сетями и в ночь, например, на 2 июня поймали 18 щук. Река становилась мелкой, раздробленной на множество протоков, ориентироваться в них и описывать их становилось все труднее. Днем 2 июня встретили 30 байдар киятайглютов и с ними приплыли в селение. По дороге видели частые следы работы бобров, встречались и их заботливо устроенные дома-убежища.

Сильные дожди задержали путешественников в этом селении на целую неделю. Занимались они преимущественно рыбной ловлей, заготовкой оленины, покупая ее у жителей. Иван Филиппович описывал внешний вид здешних обитателей, их нравы, быт, одежду. Медленно начинало пригревать солнце. Если ночью термометр опускался до нуля, то днем становилось теплее — до 13 и один раз даже до 18 градусов. Но легче не стало, так как вместе с теплом появились в несметных количествах комары, гнус, всякие мошки, от которых не было спасенья.

Перед отправлением в дальнейший путь Васильев рассчитался с проводниками и гребцами, взятыми в редуте, и отпустил их домой. Вместо них он нанял жителей селения. 10 июня стало возможно плыть дальше. В полдень Васильев определил местонахождение байдар: 59°25'15" с. ш. и 157°17' з. д. В этот же день миновали селение Кахатуляк. А плыть становилось все труднее: путь преграждали каменные перекаты, многочисленные мели. Сильное течение также затрудняло плавание.

¹ Одна морская миля равна 1852 метрам, кабельтов — 0,1 мили — 185,2 метра.

Через день подошли к месту, где река Нушагак сливается из двух протоков: собственно Нушагака и Ильгаяка. Васильев решил осмотреть приток Ильгаяк, который течет с северо-востока на юго-запад, а затем уж продолжить путешествие по основному руслу. Налегке, оставив весь груз на развилке, он поднялся до того места, где Ильгаяк сливается из двух горных речек. Васильев определил координаты места слияния: $60^{\circ}29'16''$ с. ш. и $156^{\circ}10'30''$ з. д. Через три дня он возвратился на стоянку.

На следующий день продолжали путь по основному руслу с большим трудом. Ночевали там, где застанет ночь. Начались пороги, пришлось байдары с грузом переносить по берегу на несколько верст. А пороги здесь каменистые, покрыты мохом, обманчивы. По берегам растет ель, береза, тополь. Часто встречали оленей, соболей, а однажды встретили даже дикобраза. По-прежнему много было бобров.

19 июня подошли к водопаду Тукунагли (или Месту Смерти). Зрелище было великолепное. Вода падает здесь в трех местах с высоты 18 футов (свыше 5 метров) узкими, но сильными водопадами между скал. Долго любовались, как бурлящая стихия перемалывает здесь деревья.

В этот же день обошли еще один трудный водопад и уже к вечеру прибыли на озеро Нушагак, где и остановились в селении. От жителей его Васильев узнал, что с Нушагака можно перебраться на реку Кускоквим: нужно плыть байдарами до озера Чавыкахтули, затем перенести байдары на второе, третье и четвертое озера. И уже оттуда по притоку — небольшой речке спуститься к реке Кускоквим.

За время этого путешествия Васильев установил, что киятайглюты — это те же кускоквимцы, переселившиеся сюда для промысла оленей с Кускоквима и здесь осевшие. Само слово киятайглют — означает «живущий при вершине». Такое название и дали переселенцам с верховьев Кускоквима приморские жители. Сначала они приходили только для промысла, а затем поселились на вершине реки Ильгаяк. А уж с приходом русских на реку Нушагак они спустились сюда для торговли с ними. Киятайглюты выступают посредниками в торговле русских с жителями внутренних частей Аляски. Купленные у русских вещи они выменивают у квихпакцев на бобров, которых в свою очередь сбывают русским. Поэтому они, естественно, не были заинтересованы в продвижении русских внутрь полуострова.

Отсюда у Васильева сбежали два аглегмюта. А между тем стало совсем тепло и ясно. В тени термометр показывал выше 20 градусов. Во время стоянки запаслись оленьиной и рыбой. Иван Филиппович убеждал жителей проводить его на реку Кускоквим и поэтому задержался в селении на два дня. В конце концов ему это удалось.

23 июня экспедиция поплыла по озеру Нушагак. Колмаков и Васильев начали опись. Озеро Нушагак оказалось длиной 33 мили, а ши-

риной — до 8 миль. Но примерно в средней своей части берега его близко сходятся, образуя узкий и мелкий пролив. В средней части глубина озера доходит до 60 саженей, да и у берегов редко где можно взять лотом глубину. В озеро впадает две речки: Тыкею, текущая из озера того же названия, и Капулагак, несущая свои воды с гор.

Озеро Нушагак соединяется проливом Акулигак с озером Чавыкахтули. Пролив этот всего полторы версты длиной и около сорока саженной шириной. Оба озера окружены высокими горами, на склонах которых растет мелкая ель, ольха, тальник и тополь. На вершинах гор еще лежал снег. Озера были полны сига́ми, нельмой, щуками, налимами.

Озеро Чавыкахтули меньше Нушагака. По определениям Васильева и Колмакова, оно в длину составляет 23 мили, а наибольшая ширина доходит до пяти миль. А вот по глубине озера не уступают друг другу. Чавыкахтули имеет примерно такие же глубины, как и Нушагак.

Пока Иван Филиппович и Петр Федорович описывали озера, сопровождавшие их киятайглюты сбежали. Васильев срочно послал в реду́т нарочного, чтобы выслали людей, так как остались только те, которые пошли с ним из реду́та. Не ожидая подмоги, Васильев все-таки пошел дальше и поднялся по речке Тыкаю к озеру Тыкаю, которое находится у подошвы высокого хребта.

Погода стояла прекрасная — до 26 градусов жары, но зато донимали комары. Стреляли оленей, ловили рыбу, производили опись озера. Здесь Васильев остановился и стал ждать вестей из реду́та. Но случилось непредвиденное. В ночь на 7 июля сбежали четыре человека. Это были, казалось бы, преданные аглегмюты, бывшие в экспедиции с самого реду́та. Остался только один. Он и рассказал Васильеву, что они узнали, услышали следующее. Оказывается, кускоквимцы, к которым собирался направиться Васильев, хотели убить его со всей командой. Поэтому они уговорили сначала бежать киятайглютов, что те и сделали. А с оставшимися русскими и аглегмютцами кускоквимцы должны были по замыслу расправиться без труда. Вот аглегмютцы и испугались, оставив Васильева на произвол судьбы.

Продолжать путешествие стало невозможно, некому было даже помогать при переездах, переходах. Оставаться же на месте было далеко небезопасно. Пришлось возвращаться назад. С большим трудом Васильев уговорил нескольких местных жителей за высокую плату проводить экспедицию до реду́та. 9 июля отправились в обратный путь и по быстрому течению через двое суток возвратились в Александровский реду́т.

Васильев не намерен был долго отдыхать. Задерживала погода. Шли непрерывные дожди. Время использовали для подготовки к следующей экспедиции, во время которой предполагалось подробнее описать озера. Дожливый сезон прекратился в начале августа, и с 5-го числа наступила ясная солнечная погода. Подготовка к путешествию была в полном

разгаре. Изредка привычный ритм жизни редута нарушался неожиданными событиями. Так, 11 августа в редут приехали с реки Квихпака местные жители. У них удалось выменять несколько русских монет и медную медаль с изображением Екатерины II.

Наконец все было готово, и 18 августа И. Ф. Васильев в сопровождении двух русских, переводчика и двух жителей Кадьяка на четырех байдарках отправился в очередное свое путешествие. К вечеру того же дня благополучно прибыли по реке Алекнагак к озеру Алекнагак, остановившись в селении Игьяк. А на следующий день Васильев начал опись озера.

Он определил координаты места стоянки у озера: $59^{\circ}19'50''$ с. ш. и $159^{\circ}5'30''$ з. д. Наибольшая его длина составила 21 милю, а ширина — 8 миль. На озере находится много небольших островов. Так же, как и многие озера Аляски, оно окружено горами, глубина его превышает 50 саженей. В него впадают четыре речки, в которых обнаружили много налимов, харьюзов, щук, максунов и прочей рыбы. Чавыча же, поднимаясь во время нереста по Нушагаку, заходит во все ручьи, за исключением крупного — Алекнагака. По берегам растет тополь, ель, береза, а в низинах мелкий ольховник.

Закончив опись, Васильев по одной из речек — Акулюкамаку — поднялся к озеру Памьек. Течение этой речки было настолько сильным, что пришлось тянуть байдары бечевой. Озеро размерами 17,5 на 8,5 мили изобилует рыбой, а берега его поросли лесом, где привольно чувствуют себя многочисленные бобровые семейства. Озеро это соединяется с озерами Амакагагьяк и Унгакталык мелкими проливами.

Для обзора местности Иван Филиппович поднялся на высокую гору, которая показалась ему выше других, и его взору представилась изумительная картина. Вокруг, насколько хватало глаз, видны были горы, перемежающиеся лентами рек, ручьев и речек, а рядом, как исполинские чаши, лежали все озера: Амакагагьяк, Памьек, Унгакталык и Чуллин. Это в значительной мере помогло Васильеву правильно сориентироваться и описать озеро. На озере Унгакталык оказалось множество гусей и уток. В зимнее время, как рассказали местные жители, здесь бывает так много красных лисиц, что их промышляют сетями.

Между тем начинало холодать, температура стала опускаться ниже нуля. На горах выпал снег. А Васильев все шел вперед. Встретившиеся по пути кускоквимцы помогли ему перенести байдары через горы, а затем 25-го числа путешественники по равнинам дошли до ручьев, а уж по ним добрались до небольшого озера Кынга, из которого текла река Анванык. И путешественники поплыли по ней.

Вокруг на протяжении более 80 верст по течению встречалось много бобровых жилищ. Васильев насчитал их более ста. В путевом журнале штурман заполнил новые страницы. Берега реки низкие, песчаные или глинистые, покрыты травой, мохом, ольхой, тополем, тальником,

ивняком; кое-где встречали и березу. Ширина реки от 20 до 60 саженей, течет она со скоростью 5—6 узлов (миль в час). Но она не глубокая. Как заметил Васильев, ее почти везде можно было перейти вброд.

26 июля доплыли до того места, где река впадала в другую реку — Тугияк. Васильев поплыл вверх по ней и вскоре добрался до озера такого же названия. По берегам преобладала ольха, кору которой так любят бобры. Васильев приметил, что бобры валят молодой ольховник не для постройки своих жилищ, а только для того, чтобы достать с ветвей молодые побеги.

Описав озеро, Васильев вышел к речке Анчагуктули, на которой расположено селение кускоквимцев. У многих жителей этого селения Васильев видел медные крестики, а у одного старика был большой медный крест. Иван Филиппович предположил, что это, вероятно, остатки имущества миссионера Ювеналия, убитого ими близ селения Квингы в 1796 году.

Отсюда Васильев хотел перевалить на реку Кускоквим, но, как и в первый раз, проводники отказались проводить его туда, ссылаясь на трудности пути. Произведя опись реки Анчагуктули и озера Тугияк, Васильев решил плыть обратно, к морю. 29 августа путешественники удобно расположились в байдарках и по спокойной реке Тугияк со скоростью шести узлов поплыли вниз, к морю.

Берега реки были низкими, на них не рос никакой лес. Он виднелся дальше. Только многочисленные бобры да вблизи устья нерпы, зашедшие сюда с моря, нарушали однообразие плавания. На другой день были на устье реки, в селении, расположившемся на песчаной кошке. Население его занималось морским делом — промыслом нерпы, белуги, моржей и рыбы — летом; оленей — весной и осенью. Бобров они никогда не бьют. За кожи и жир они выменивают себе табак и бисер.

31 августа путешественники вышли в море и, плывя вдоль берега, добрались к вечеру до устья речки Канак. Поднимаясь по ней, они дошли до озера Кулюк, а оттуда по небольшой протоке пришли к озеру Кагати, окруженному невысокими горами. Оба эти озера и протока были описаны и нанесены на карту.

Из озера Кагати вытекает извилистая речка Июым и впадает в реку Нушагак ниже Александровского редута. Берега ее низки, поросли травой. Если в верховьях она неглубокая, то ближе к устью позволяет в полную воду заход парусных судов и стоянку на якорь. По ней-то и добрались путешественники до Александровского редута. Это было 5 сентября.

Их прибытие совпало с сильным наводнением. 6-го задул большой восточный ветер, солнце едва виднелось сквозь густую мглу. Все предвещало бурю, которая вскоре и разразилась. Ветер дул навстречу течению, вода стала стремительно подниматься, и уже через полтора часа поднялась на 13 футов выше обычного. Водная стихия обрушилась на

огороды, с которых еще не был снят урожай, унесла заготовленный лес, смыла все строения — частные дома, сарай, амбары. Уцелел только один сарай, в котором лежал годовой запас рыбы и продуктов.

Закончив дела по экспедиции, рассчитавшись с ее участниками и произведя предварительную обработку наблюдений, И. Ф. Васильев 26 ноября в сопровождении одного человека своей команды пошел пешком через полуостров Аляску. Маршрут его, вычерченный на карте¹, позволяет говорить о том, что он шел сначала к вершине Бристольского залива, затем по его восточному берегу, до устья реки Игьяк. Затем он пошел по этой реке, а когда она кончилась, по озеру и по суше к Кенайскому проливу. О том, как он шел, не осталось записей, только сухо сказано, что «на переходе чрез Аляску претерпел множество трудностей от жестокости морозов и недостатка пищи»². В Павловской гавани на Кадьяке Васильев появился 15 января 1830 года.

Существуют еще указания, что Васильев в 1830 году производил опись берега Аляски, а Загоскин говорит, что Васильев описал и реку Кускоквим. «Васильев успел сделать только половину того, что ему было поручено Чистяковым (обзор страны между Александровским редутом и заливом Нортон): в первое лето он описал астрономически реку и озеро Нушагак и другая ближайшая к Александровскому редуту; во второе, перейдя с вершины Ильгаяка на Хулитну, вышел по ней на Кускоквим, которым спустился до устья и возвратился в редут по Приморью»³.

Васильев очень стремился перебраться на Кускоквим, но в первое лето сделать это ему не удалось. Из слов Загоскина следует, что на следующее лето, то есть в 1830 году, он снова путешествовал и достиг своей цели — Кускоквима. На упомянутой уже карте Васильева проложен береговой маршрут от залива Добрых Вестей вдоль берега до мыса Ванкувера и далее с заходом в устье Кускоквима.

Значение путешествий Васильева (даже только этих) огромно. Изучавший и продолжавший их Загоскин дал критическую, но справедливую оценку деятельности Ивана Филипповича. Эти замечания проливают некоторый свет на то, что, видимо, к началу 40-х годов, когда Загоскин собирался в свое путешествие по Аляске и тщательно изучал материалы своего предшественника, Васильева уже не было в живых. Иначе Загоскин не ограничился бы только разбором одних его материалов, а обязательно встретился бы с ним и рассказал бы об этом на страницах

¹ Эта упоминавшаяся уже карта называется: «Карта, показывающая течение рек и озер, лежащих к NW от Бристольского залива. Приморские берега положены с карты Г. Хромченко. Соч. корп. штурм. прапорщ. Васильевым». ЦГА ВМФ, ф. 1331, оп. 4, д. 243.

² ГАПО, ф. 445, оп. 1, д. 15.

³ Л. А. Загоскин. Пешеходная опись части русских владений в Америке. Часть I, СПб, 1847, стр. 2.

своей «Пешеходной описи». Вот что писал Загоскин: «Обозрение Васильевым Кукоквима не точно: по журналу его видно, что постоянные дожди не позволяли ему определить ни одного пункта астрономически. Будучи часто в опасности быть убитым туземцами, он плыл по Кукоквиму как на почтовых, не означая даже главнейшего ее направления. Сведения, собранные им о быте и обычаях жителей, поверхностны, смешанны и во многом не верны, но в ту пору они были достаточны. Описание некоторых местностей в топографическом отношении весьма определенно, а собранные им данные о богатстве страны пушными промыслами и торговых сношениях туземцев послужили колониальному начальству краеугольным камнем для основания других заселений. Васильев первый предложил мысль об основании редута в заливе Нортон, близ острова Стюарт»¹.

После этих путешествий Васильев получил чин подпоручика и продолжал служить в Русской Америке, плавая по Тихому океану, описывая реки, берега, озера. В частности, в 1831 году он описал пролив Шелихова. На острове Атка есть бухта Васильева, названная в честь штурмана, подпоручика Васильева. В этой бухте он зимовал. Судя по найденному документу о подвиге в Калифорнии, Иван Филиппович к 1835 году был уже в Петербурге. К сожалению, найти новые материалы о жизни и делах этого славного русского Колумба — верного сподвижника А. А. Баранова и И. А. Кукова пока не удалось. Но и то, что собрано, яркими штрихами рисует необыкновенную жизнь скромного штурманского офицера.

НЕУТОМИМЫЙ ПРЕПАРАТОР

Об этом замечательном человеке, подлинном труженике, подвижнике науки, неутомимом путешественнике и большом ученом, к сожалению, написано очень мало. Имя его известно преимущественно специалистам — зоологам, этнографам, антропологам и мало что говорит неискушенному читателю.

Многочисленные промышленные экспедиции русских мореходов и купцов привели к образованию Российско-Американской компании, наделенной исключительными правами, в частности правом нанимать на службу офицеров военно-морского флота. В Русскую Америку началось паломничество: офицеры бредили кругосветными плаваниями, службой в Америке. Туда собирался великий Гоголь, о ней мечтал Пушкин, писал Некрасов.

¹ Л. А. Загоскин. Пешеходная опись части русских владений в Америке. Часть I, СПб, 1847, стр. 3.

Естественно, что и ученые учреждения России заинтересовались огромными территориями, совершенно неизученными в естественно-научном отношении. Гидрографическими исследованиями занимался преимущественно Гидрографический департамент. Российско-Американскую компанию интересовала наряду с изучением морей и морских подходов к Русской Америке еще и география внутренних частей Аляски, куда она одного за другим посылала своих чиновников и офицеров. Физико-географическими исследованиями, изучением животного и растительного мира, полезных ископаемых призвана была заниматься Академия наук. Она посылала своих представителей, крупных ученых в кругосветные и полукругосветные плавания, во время которых можно было увидеть природу Русской Америки.

Такие посещения учеными русских владений в Америке были полезны в научном отношении, но кратковременность их не позволяла накопить достаточно большое число наблюдений и материалов, нужных для научных обобщений.

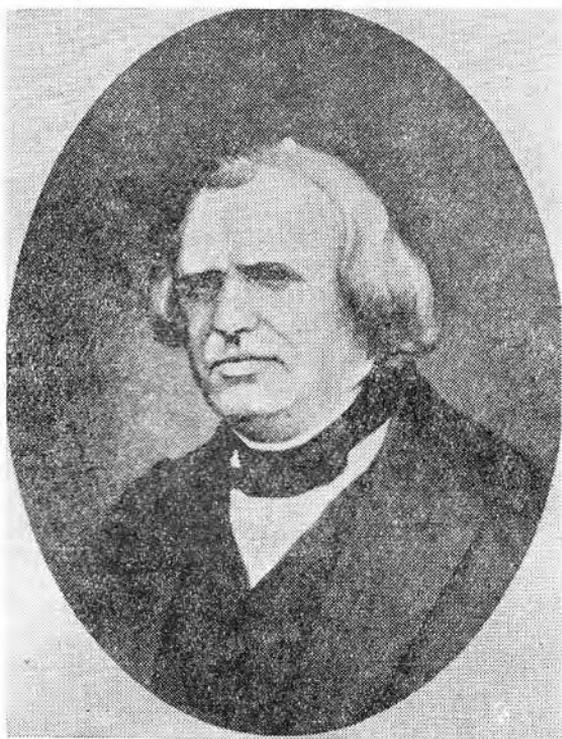
В мае 1840 года в Русской Америке появился препаратор Зоологического музея Академии наук Илья Гаврилович Вознесенский и пробыл там безвыездно целых восемь лет. Годом раньше на Аляску прибыл прославленный «Юконский Ворон» — Лаврентий Алексеевич Загоскин. Пути их не раз перекрещивались на просторах Тихого океана, в ленте Алеутских островов и на побережье Северной Америки.

И. Г. Вознесенский родился 19 июля 1816 года в Петербурге, в семье отставного унтер-офицера, инвалида. По словам академика А. А. Штрауха, «он получил, соответственно общественному положению своих родителей, самое элементарное образование»¹. Пятилетним ребенком его определили в типографию Академии наук для обучения наборному делу, а когда мальчику исполнилось одиннадцать лет, то, учитывая его рано проявившиеся склонности к естественным наукам, перевели его учеником в Зоологический музей. Вознесенский попал к известному зоологу Э. П. Менетрие, незадолго перед тем возвратившемуся из Бразилии, где он участвовал в экспедиции Г. И. Лангсдорфа.

Отличные способности и трудолюбие мальчик проявил во время экспедиции на Кавказ (1829—1830 гг.) под руководством А. Купфера, в которой сопровождал сначала одного Менетрие, а затем — в поездке к берегам Каспийского моря — К. А. Мейера и Э. П. Менетрие.

Успехи и усердие его были замечены, и в 1831 году он стал получать жалование, а в 1834 году юношу назначили первым в истории музея помощником препаратора. Работал он у известного тогда консерватора Шрадера. Оклад ему положили 400 рублей в год. Когда в Академии наук в 1839 году встал вопрос о сборе коллекций животных и растений,

¹ А. А. Штраух. Зоологический музей Императорской Академии наук, СПб, 1889. Приложение к LXI тому «Записок АН», № 3, стр. 46.

И. Г. Вознесенский.

то единодушно было принято предложение академика Ф. Ф. Брандта направить для этой цели в Русскую Америку Вознесенского. 2 августа это решение было утверждено конференцией Академии наук. Вознесенский отправлялся на три года с двойным окладом жалования, и на приобретение коллекций ему выделялось 1 200 рублей в год. Все расходы по доставке Вознесенского в Русскую Америку, а также по перевозке грузов, переездам правление Российско-Американской компании взяло на себя. По ботанике его инструктировал академик Ф. Фишер, обративший особое внимание на флору Ситхи. «Флора самого острова Ситхи не совершенно известна... Флора Калифорнии в окрестности колонии Росс чрезвычайно богата и любопытна во всех отношениях»,— писал он и наказывал «собирать флору Российско-американских владений, и каждый вид, сколько возможно в многочисленных экземплярах»¹. По этнографии Вознесенский получил указания от Шрадера. Директор Зоологического музея АН Ф. Ф. Брандт в первом пункте инструкции обязанности Вознесенского изложил так: «1) Собирать и приобретать покупкою для музея Академии наук предметы естественной истории, как животно-

¹ Архив АН СССР, ф. 53, оп. 1, д. 7, л. 1.

го, так и растительного царства, кои имеет надлежащим образом приготавливать и сохранять и 2) научать способных в колонии людей собиранию, приуготовлению и сохранению животных и растений, дабы можно было отправлять таковых в разные места колонии, так как Вознесенскому не удастся самому на всех быть»¹. Подчиняться он должен был непосредственно главному правителю Русской Америки.

20 августа 1839 года на транспорте «Николай», принадлежавшем Российско-Американской компании, которым командовал капитан-лейтенант Николай Кондратьевич Кадников, Вознесенский направился в далекое плавание. На транспорте шел также новый главный правитель Русской Америки капитан 2-го ранга Адольф Карлович Этолин.

Во время плавания судно посетило Копенгаген и Плимут. Затем со 2 октября по 29 ноября длился безостановочный переход по Атлантическому океану до берегов Бразилии. Здесь Вознесенскому просто повезло. Этолин и Кадников были заняты переговорами с бразильскими судостроителями о приобретении судна для компании. Непредвиденную трехнедельную остановку успешно использовал Вознесенский. Как раз прошли дожди и распутившаяся пышная растительность на каждом шагу поражала воображение молодого натуралиста. Все эти быстро пролетевшие недели Вознесенский проводил на берегу, собирая коллекции растений и животных в окрестностях Рио-де-Жанейро. А тем временем было куплено второе судно — бриг «Константин» для компании. Оно также направлялось в Русскую Америку.

24 декабря «Николай» вышел в дальнейший путь. Моряки испытали все трудности перехода вокруг мыса Горн, и 16 января 1840 года прибыли в порт Вальпараисо. Здесь Вознесенский также воспользовался стоянкой и совершил десятидневную поездку по окрестностям города.

Затем снова переход, большой переход через весь Тихий океан. Начался он 22 февраля, а окончился 1 мая, когда «Николай» отдал якорь на Ситхинском рейде, в столице Русской Америки — Ново-Архангельске. Иван Антонович Куприянов, правитель колоний, капитан 1-го ранга радушно встретил Вознесенского и обещал ему всяческое содействие.

Илья Гаврилович начал с того, что обучил нескольких молодых местных жителей — креолов препарированию животных и птиц. Лучшим из них оказался креол Филат Дружинин, сопровождавший Вознесенского почти во всех его поездках по стране, по просторам Русской Америки. 7 июля он отправился на корабле «Елена» к берегам Калифорнии и 20-го числа высадился в форте Росс, основанном сподвижником А. А. Баранова Иваном Александровичем Куковым.

В Северной Калифорнии Вознесенский провел больше года. Он уехал отсюда 5 сентября 1841 года в связи с ликвидацией русских поселений

¹ Архив АН СССР, ф. 53, оп. 1, д. 8, л. 1.

в Калифорнии, свидетелем которой он стал, и вернулся в Ново-Архангельск 4 октября.

Даже только перечень маршрутов натуралиста дает наглядное представление о той поистине титанической работе, о том величайшем служении науке, которой проникнута была вся деятельность Вознесенского во время длительных путешествий.

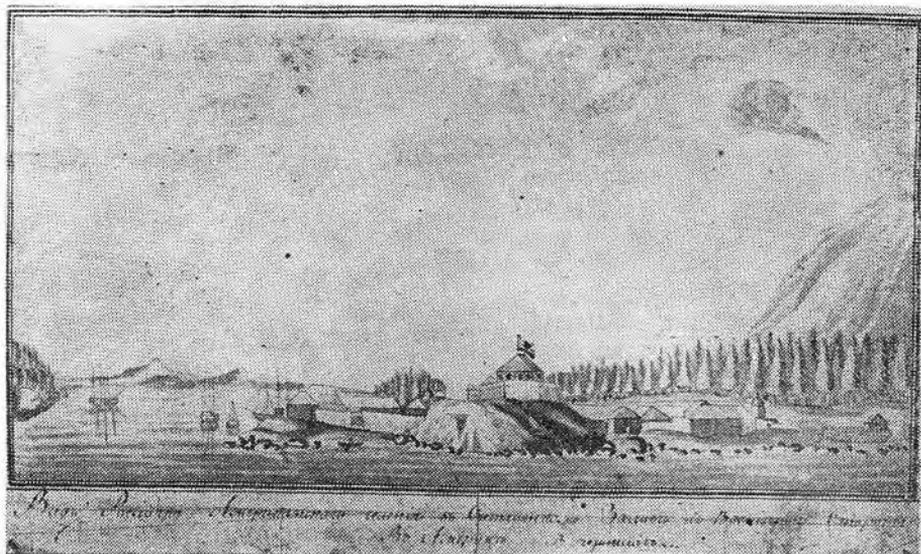
С 23 ноября 1841 года в течение почти четырех месяцев Вознесенский плывал на судне, направлявшемся в Южную Калифорнию за солью. Он посетил окрестности Лоретто, порт Эскондадо и остров Кармел. «Из беспрестанных частых поездок, которых я сделал много до отъезда моего в порт С. Франциско, заслуживает быть упомянуто та, которая простиралась от Росса на север к мысу Мендосино; там в горах провел я несколько дней между дремучих лесов, исполинских сосен, чаг и величественных кедров. Таковые-то леса укрывают дикие племена индейцев Нового Альбиона, которые скрываются подобно зверям за защитой непроницаемых трущоб, удаляясь от порабощения испанцев»¹.

Возвратившись 19 марта 1842 года в Ново-Архангельск, он стал сразу же собираться в новое путешествие. С наступлением лета он отправился на остров Кадьяк, откуда совершил плавание в Кенайский залив. Всю зиму 1842/43 года он провел в Павловской гавани на Кадьяке, а в марте возвратился в Ново-Архангельск, но ненадолго. Результатом этой зимовки была посылка в Академию наук, в которой был 21 вид растений с острова Ситхи и 71 вид — с Кадьяка. Несколько ранее он отправил посылку, в которой было 113 видов в 360 образцах растений из Калифорнии. Последнюю посылку доставлял в Охотск Л. А. Загоскин, с которым Вознесенскому приходилось часто плавать и которого он научил искусству препарирования.

Уже в начале мая 1843 года Вознесенский снова в пути. Теперь предметом его исследований были растения и животные бассейна Берингова и Чукотского морей и Алеутских островов. Сначала он побывал на островах Унге и Уналашке, затем перебрался на острова Прибылова и на остров Св. Лаврентия. Илья Гаврилович использовал малейшую возможность для того, чтобы как можно дольше пробыть на берегу и посетить как можно больше мест.

С острова Св. Лаврентия Вознесенский попал в залив Нортон, в Михайловский редут. Из редута ему удалось совершить плавание через Берингов пролив до залива Коцебу. Сплошные льды помешали натуралисту высадиться здесь. Он ограничился осмотром мыса Эспенберга и отправился в Мечигменскую губу на Чукотке, где с удовольствием знакомился со скудной, но редкостной флорой и фауной Крайнего Севера.

¹ Архив АН СССР, ф. 2, оп. 1839, № 9, лл. 91—91 об.

Вид селения Ново-Архангельска.

На обратном пути Вознесенский вторично побывал в заливе Нортона, куда нужно было зайти капитану, и на островах Прибылова и Уналашке в селении Иллюлюк. Только 11 октября Вознесенский прибыл на свою базу, где всю зиму приводил в порядок коллекции, готовил их к отправке, обучал местных жителей препарированию и строил планы на 1844 год.

Академик Ф. Ф. Брандт, которому отправлял свои краткие отчеты и письма Вознесенский, на одном из заседаний конференции Академии наук в 1843 году сообщил, что срок командировки Вознесенского истек в 1842 году. Он рассказал, что от путешественника поступают в огромном количестве исключительно ценные материалы. Поэтому он предложил продлить срок командировки Вознесенскому еще на три года, с тем чтобы натуралист мог посетить Камчатку и Курильские острова. Возражений не последовало.

Ранней весной, 25 апреля 1844 года, Вознесенский на попутном корабле вышел в плавание к Курильским островам. Более двух месяцев он потратил на исследование островов Уруп, Симушир, Парамушир и Шумшу. Охота была исключительно успешной, и натуралист вывез богатейшие коллекции животного мира. А уезжая оттуда, он оставил на Урупе ученика Филата Дружнина до следующего года.

Через неделю Вознесенский уже перебрался на другое судно, отправлявшееся в Русскую Америку с заходом на ряд островов Алеутской гряды. Таким образом, Илье Гавриловичу представилась возможность пополнить свои коллекции материалами с острова Беринга и с островов Атту и Атхи. 11 сентября 1946 года Ф. Ф. Брандт сообщил в Академию наук, что от Вознесенского получено 27 ящиков с зоологическими предметами. Наиболее ценными приобретениями для музея оказались найденные Вознесенским на острове Беринга остатки морской коровы (целый череп, первый позвонок, куски ребер и другие кости). В этом же рейсе он снова побывал на островах Прибылова. 29 сентября Вознесенский возвратился в Ситху. Всю осень он бродил по побережью проливов архипелага Александра и только с наступлением зимы возвратился в Ново-Архангельск.

Как писал Илья Гаврилович в докладной записке академику Ф. Ф. Брандту, «с 16 мая 1845 г. кончилось мое путешествие по Северо-Американским колониям»¹. Этого числа он отправился в Охотск, куда и прибыл без всяких заходов в другие места 29 июня. Отсюда Вознесенский перебрался в порт Аян, где Василий Степанович Завойко и Дмитрий Иванович Орлов оборудовали порт и факторию Российско-Американской компании. Избрав это место своей базой, Вознесенский в течение года совершал многочисленные путешествия по побережью Охотского моря, как писал он, «с 13 июля 1845 по 31 июня 1846 г. прокочевал я на берегах Восточной Сибири». Вознесенский в 1846 году отправил из Охотска 160 видов растений с островов Павла, Ситхи, Уналашки, Кадьяка и из окрестностей Охотска — всего 550 экземпляров. К этому прибавились 220 образцов полезных ископаемых и пород из Америки.

Пришло разрешение и на второе продление трехгодичного срока загнувшейся командировки. В письме от Академии наук было выражено пожелание предпринять исследование Камчатки. Исполнением этого пожелания-распоряжения Вознесенский и занялся. 14 августа он был уже в Петропавловске-Камчатском, а 30-го начал свои экскурсии. На боте «Камчадал» он перешел в Нижнекамчатск и далее вдоль восточного побережья на север Камчатки до Караги², откуда перебрался снова в Нижнекамчатск. В конце марта 1847 года Вознесенский возвратился в Петропавловск, пересек полуостров и из Большерецка начал обследовать западное побережье Камчатки.

Он поехал сначала на север до реки Облуковины, затем вернулся в Большерецк и оттуда в Петропавловск. Но уже через месяц он снова покинул Петропавловск и отправился в Большерецк, чтобы предпринять еще одну поездку на юг, до мыса Лопатка. Это ему удалось осу-

¹ К. К. Гильзен. И. Г. Вознесенский. «Сборник музея антропологии и этнографии им. П. Великого», том III, Пгр., 1916, стр. 7.

² ЦГА РСФСР ДВ, ф. 1007, оп. 4, д. 15, лл. 17—19.

шествить без особого труда. С южной оконечности полуострова Илья Гаврилович возвратился уже глубокой осенью.

Вознесенский перебрался в верховья реки Камчатки, откуда приехал в Ключевское селение. С этого места он пересек полуостров через горы и вышел к Тигильской крепости. После краткого в ней пребывания Илья Гаврилович направился в верховья Пенжинской губы и к устью реки Лесной. Здесь в юртах кочующих коряков он собрал большой и ценный этнографический материал, здесь же он встретил 1848 год. Перебравшись снова через горы и следуя вдоль восточного берега Камчатки, Вознесенский прибыл в Нижнекамчатск, откуда продолжал свои экскурсии вплоть до 15 августа, когда он возвратился в Петропавловск и решил наконец-то закончить свои путешествия. Помимо зоологических, ботанических и этнографических коллекций Илья Гаврилович собрал на Камчатке 350 названий горных пород¹. Но не только этнография, зоология и ботаника интересовали Вознесенского. Он оставил много интересных физико-географических описаний, геологических характеристик, произвел перепись населения посещенных им на Камчатке 53 острожков и селений².

Еще весной начальник Камчатки капитан 1-го ранга Ростислав Григорьевич Машин рекомендовал Вознесенскому возвращаться обратно через Сибирь, гарантируя сохранность всех коллекций и доставку их в Петербург. Илья Гаврилович ответил ему 10 июня письмом (приводится здесь полностью), которое характеризует его как истинного ученого: «Разстроенное мое здоровье долголетним путешествием, которое в последнее время еще более ослабло от зимних странствований в северной части Камчатки, лишает меня теперь способности приготовиться к отходу отсюда на транспорте в Охотск для следования оттуда в Санктпетербург. По советам врачей для поправления здоровья мне нужно воспользоваться покойным состоянием на берегу некоторое время лета. Тяжелый и неблагоприятный климат Охотска нисколько не представляет выгод моему здоровью, а трудной верховой путь от Охотска до Якутска должен еще усугубить мой недуг. Вследствие чего, я решился пробыть здесь в Камчатке до прихода колониального судна из Аянского порта, на котором желательно мне отправиться в Ново-Архангельск с тем, чтобы на корабле, принадлежащем Российско-Американской компании, достигнуть до Петербурга водою, т. е. вокруг света. Между тем, имея ввиду, что такое обратное мое путешествие будет выгодно Академии и полезно для ея Музеумов: выгодно потому что на издержки этаго путешествия, по соображению моему, требуется меньше денег, чем на береговой путь от Петропавловского порта через Охотск до Санктпетербурга; в разсуждении пользы для Музеумов — какия могу я еще сделать

¹ Очерк истории музеев Императорской Академии наук. СПб, 1865, стр. 67.

² Архив АН СССР, ф. 53, д. 18, лл. 1—1 об., д. 24, лл. 8—19.

в кругосветное плавание это состоит в приобретении тех естественных предметов, которыми тропические страны так разнообразны в своих произведениях — что обещают... (оборван лист документа.— А. А.). К этому следует присоединить и то... (оборван лист документа.— А. А.) даст случай взять с собою почти все многочисленные коллекции, собранные в Камчатке,— хранить их во время пути под личным надзором и доставить Академии без всякой за провоз платы,— в надежде на это, потому что в шестилетнее мое пребывание в владениях Российско-Американской компании, Главное правление, приняв меня, по просьбе Академии, под особое свое покровительство — оказывало все пособия и средства.

Изложив причины и последствия, я обращаюсь к Вашему Высокоблагородию с всепокорнейшею просьбою — оказать мне содействие Ваше в исполнении предпринятого мною намерения поправить свое весьма разстроенное здоровье и принести посильные труды той цели, для которой Академия сделала мне честь своим избранием и поручением»¹.

Такое содействие было, конечно, оказано Вознесенскому. Он был снабжен деньгами на проезд и определен со всем багажом на судно компании «Атха», которое заходило в Ново-Архангельск. Там Илья Гаврилович окончательно попрощался с многочисленными друзьями и учениками, попрощался с краем, который стал ему родным. В октябре «Атха» покинула Ситхинский рейд. И снова Тихий океан. Судно побывало на Сандвичевых островах, островах Оаху, обогнуло мыс Горн, стояло на якоре в прекрасном Рио-де-Жанейро, плыло Атлантическим океаном и 21 июня 1849 года доставило И. Г. Вознесенского с большим багажом коллекций совершенно благополучно на Родину, в Кронштадт².

Исключительное по своему героизму, замыслам и исполнению десятилетнее путешествие Ильи Гавриловича Вознесенского — подлинно научный подвиг. Обзорение маршрутов путешественника позволяет судить о большом размахе его деятельности, о напряженной работе, связанной с невероятными трудностями и беспрерывными лишениями. Академия наук, представляя его к награде, дала такой отзыв о его деятельности во время этой выдающейся экспедиции:

«Ученые плоды этой замечательной экспедиции богатством, разнообразием и важностью превзошли все ожидания Академии. Собранные их предметы из трех царств природы и по части этнографии заключались в 150 ящиках, доставивших богатейший материал нашим ученым-естествоиспытателям. Множество новых видов и животных и растений уже описаны, число их дойдет до 400 и более. Горнокаменные породы, поступившие в Минералогический музей, дали возможность консерватору Академии К. И. Гревингу в 1850 г. издать орографический и геогно-

¹ ЦГА РСФСР ДВ, ф. 1007, оп. 4, д. 15, лл. 35—35 об.

² Архив АН СССР, ф. 53, д. 31, л. 170.

стический очерк северо-западного берега Америки и соседних с оными островами. Кроме этой материальной пользы, принесенной Вознесенским Академии, особенно заслуживают внимания, собранные им многочисленные заметки и большой запас верных рисунков. Сверх этого он обучал искусству препарирования многих лиц, проживающих в тех краях, которые продолжают ныне по его наставлениям, собирать для Академии естественные произведения»¹.

Еще до возвращения Вознесенского в Петербург в Академии наук в 1846 году было принято решение вместо ушедшего в отставку Менетрие назначить Илью Гавриловича консерватором музея. И когда он прибыл, то на его плечи легло все техническое руководство работами, которое он успешно осуществлял в течение 22 лет, вплоть до самой своей смерти. Один только Вознесенский мог разобраться в огромном коллекционном собрании музея. По словам академика А. А. Штрауха, «по крайней мере, Вознесенский был в состоянии во всякое время ориентироваться среди накопившегося материала»².

Занять должность консерватора Вознесенскому было нельзя, хотя он и исполнял ее, так как «ни происхождение, ни воспитание не давали ему права на занятие классной должности»³. Только в 1852 году с разрешения царя ему — человеку, владеющему немецким и французским языками, выдающемуся исследователю и путешественнику, дали чин коллежского регистратора, а в 1853-м — губернского секретаря.

К сожалению, Илье Гавриловичу не удалось обработать и издать свои записи, рисунки, коллекции, которые были результатом титанических трудов русского препаратора. Его коллекциями воспользовались все, кому это было нужно: академики видели в Вознесенском талантливого подсобного сотрудника, поставщика материалов для них. Единственный его биограф К. К. Гильзен приводит отзыв Брандта, написанный уже после смерти Вознесенского: «В научном же отношении богатые коллекции, составленные г. Вознесенским, послужили материалом для новых ученых трудов гг. академиков Бэра, Брандта, Миддендорфа, Шренка, Штрауха, и нет зоологического труда о Восточной Сибири и наших бывших северо-американских колониях, в котором с благодарностью не упоминалось бы имя Вознесенского»⁴.

Академик А. А. Штраух сожалеет, что Вознесенскому не удалось обработать и издать материалы: «Не ограничиваясь одним только коллекционированием (коллекционированием.— А. А.), — писал он, — Вознесен-

¹ К. К. Гильзен, И. Г. Вознесенский. «Сборник музея антропологии и этнографии им. П. Великого», том III, Пгр., 1916, стр. 7.

² А. А. Штраух. Зоологический музей Императорской Академии наук. Приложение к LXI тому «Записок Имп. АН», № 3, СПб, 1890, стр. 158.

³ К. К. Гильзен, И. Г. Вознесенский. «Сборник музея антропологии и этнографии им. П. Великого», том III, Пгр., 1916, стр. 12.

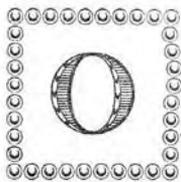
⁴ Там же, стр. 9.

ский собрал также в дневниках своих массу наблюдений относительно образа жизни животных, охоты на них, перелета и гнездования птиц и проч.; к сожалению, неблагоприятные обстоятельства помешали ему обработать эти ценные заметки»¹.

И ни слова о самих этих обстоятельствах! А они, конечно, были. Постоянная неустроенность в делах, огромная занятость текущей работой и подорванное здоровье — вот какими были эти обстоятельства. К этому нужно добавить одно, едва ли не самое главное: сожаления и высказывания о нем академиков появились лишь после смерти путешественника. А при жизни никто не хотел помочь ему в обработке, никто не подумал о временном освобождении его от дел для приведения в порядок своих материалов, для издания дневников. Наоборот, всем нужны были его материалы, все писали по ним научные трактаты.

И. Г. Вознесенский женился в 1858 году, но уже через три года овдовел. Умер он после тяжелой болезни в ночь с 17 на 18 мая 1871 года, оставив после себя дочь, судьба которой нам пока неизвестна. С 1852 года он был действительным членом Русского Географического общества и с 1859 года — членом-учредителем Русского Энтомологического общества. В Петербурге он был широко известен как большой знаток по сибирскому меху.

Сейчас имя его знает только узкий круг лиц, занимающихся историей географии, зоологии, этнографии, ботаники. Материалы его больше века лежат нетронутыми в архивах. А жаль...

Одним из первых перебрался по зову Г. И. Шелихова в Русскую Америку уроженец Курской губернии Филипп Кашеваров. Не давала, наверное, покоя молодому курянину слава его земляка. С 1794 года он уже был на службе у Шелихова и Баранова. Молодой и энергичный, грамотный и смывленный, Филипп Кашеваров вскоре становится учителем Ново-Архангельской школы. Уезжать он отсюда не собирался, а одному жить плохо, и вскоре женился учитель на молодой алеутке.

Одним из детей от этого брака был Александр Филиппович Кашеваров, родившийся на острове Кадьяк, по одним данным, в 1810, а по другим, — в 1808 году². По-видимому, дата — 1810 год более точна, так

КРЕОЛ

¹ А. А. Штраух. Зоологический музей Императорской Академии наук. Приложение к LXI тому «Записок Имп. АН», № 3, СПб, 1899, стр. 46.

² ЦГА ВМФ, ф. 406, оп. 1, д. 364, лл. 307—308 и ЦГА ВМФ, ф. 402, оп. 2, д. 10, л. 10.

как она значится в послужном списке — документе официальном, составленном на основании также официальных документов. Детство Александра Кашеварова прошло на острове Кадьяк. Там он постоянно был свидетелем героических подвигов российских мореплавателей, хорошо знал грозного Баранова, Кускова — прославленного мореплавателя и правителя форта Росс, где Кашеваров первоначально обучался у своего отца.

Но вот мальчику исполнилось десять лет, и отец решил во чтобы бы то ни стало дать сыну образование. Компании нужны были свои опытные мореходы, и поэтому она охотно отправляла за свой счет на учебу в Петербург своих воспитанников. В число таких воспитанников, или пансионеров, попал, правда не сразу, и Кашеваров. В 1821 году его вывезли в Петербург и с помощью отца устроили учиться в частном пансионе для подготовки к штурманскому училищу.

В 1824 году Кашеваров стал пансионером Кронштадтского штурманского училища и четыре года провел в его стенах. Ежегодно он плавал на кораблях Балтийского флота, проходя общефлотскую подготовку и штурманскую практику, а в 1827 году совершил переход из Архангельска в Кронштадт на фрегате «Ольга» под командованием капитана 2-го ранга Лазарева. В 1828 году Кашеваров закончил училище и был выпущен на флот штурманом. Ему повезло: он сразу же был зачислен штурманом на корабль «Елена» Российско-Американской компании, отправлявшийся в кругосветное плавание под командованием лейтенанта Василия Степановича Хромченко.

4 августа 1828 года корабль вышел из Кронштадта с грузами для Ново-Архангельска. Путь до Копенгагена и даже до Портсмута был хорошо знаком юному штурману. А вот дальше последовал переход через Атлантику до Рио-де-Жанейро, переход через экватор, традиционное посещение корабля царем морей и океанов Нептуном, купание. Все это было новым для Кашеварова, имевшего к тому времени уже некоторый опыт плавания и штурманских определений.

Из Рио-де-Жанейро Хромченко направился вокруг мыса Доброй Надежды, и 31 января 1829 года «Елена» обогнула его. На этот раз коварные, ревушие сороковые широты, которых обычно так боятся мореплаватели, были к ним благосклонны. На пути в Австралию в широте 43° были встречены южнее курса восемь айсбергов. Высота их по глазомерному определению доходила до 200 футов. Большая работа ложилась на плечи молодого штурмана: ему приходилось не только производить астрономические определения и вести счисление, но также производить ежедневные метеорологические наблюдения и наблюдения за морскими течениями.

В Сидней пришли 17 марта и простояли там больше месяца: ремонтировали корабль, запасались провизией, вином, свежей водой, совершали часто экскурсии по Сиднею и окрестностям города. Кашеваров при-

водил в порядок свои записи, в который уже раз проверял штурманское хозяйство. 20 апреля путь был продолжен — корабль шел на север. На этом пути Кашеваровым были определены широты и долготы банки Гран-Кокал и среди Маршалловых островов — Мили, Маджуро, Эрикуп и Ликиеп¹.

И вот вдали показалась гора Эджкомб, столь знакомая Александру Кашеварову. Сердце забилось быстрее — здесь все было родным и близким. Кашеваров без всяких карт уверенно вел корабль по многочисленным проливам ко входу в Ситхинский залив. А вот и Ново-Архангельск. 4 июля 1829 года после почти восьмилетнего отсутствия Кашеваров снова ступил на землю, которую помнил с детства. Как же были удивлены родные, а еще больше сверстники, когда увидели, что подтянутый штурман корабля близкий им человек!

Для всего экипажа длительная стоянка в Ново-Архангельске была все же кратковременной, а для Кашеварова время пролетело особенно быстро. Уже наступала осень. Пора было отправляться в обратный путь. Александр знал, что он ненадолго прощается с родными местами: он твердо решил после возвращения в Петербург проситься служить в Российско-Американскую компанию. 15 октября транспорт направился в обратный путь, в Кронштадт.

На этот раз Хромченко повел «Елену» вокруг мыса Горн. Транспорт заходил в Сан-Франциско, стоял на рейде форта Росс, а затем без захода в Вальпараисо обошел мыс Горн и направился в Рио-де-Жанейро. Этот переход под парусами продолжался 90 суток и закончился вполне благополучно. Переход через Атлантику проходил также в благоприятных условиях. 10 июля 1830 года «Елена» стала на якорь в Кронштадте.

Как отмечал Н. А. Ивашинцов, плавание транспорта «Елена» было одним «из самых счастливых плаваний: не только что из команды не потеряно ни одного человека, но даже не было никаких повреждений в корпусе корабля и вооружении»². Кашеваров, исполнявший обязанности старшего штурмана, проявил себя во время плавания самым лучшим образом. В аттестате, выданном ему В. С. Хромченко, командир корабля, между прочим, написал: «За счастье бы себе счел и впредь иметь его в своей команде»³.

После этого плавания Кашеваров подал 13 апреля 1831 года прошение об определении его на службу в военно-морской флот и о присвоении штурманского чина. Он был проэкзаменован, и 17 июня 1831 года стал прапорщиком корпуса флотских штурманов. Он уже знал, что В. С. Хромченко назначен командиром военного транспорта «Америка», уходящего в этом же году в кругосветное плавание, и поэтому естест-

¹ Н. Н. Зубов. Отечественные мореплаватели — исследователи морей и океанов. М., 1954, стр. 205.

² Записки Гидрографического департамента. Ч. VIII, СПб, 1850, стр. 98.

³ ЦГА ВМФ, ф. 402, оп. 2, д. 10, л. 4.

венно был зачислен в штат экипажа для следования в Ново-Архангельск. Кашеваров был с 1 июля зачислен официально в состав офицеров, служащих в Российско-Американской компании.

С 9 августа Кашеваров уже на транспорте, где вступил в свои обязанности штурмана и вахтенного офицера. 26 августа транспорт вышел из Кронштадта с грузами для Петропавловска и Ново-Архангельска. Хромченко избрал снова тот же путь: от Рио-де-Жанейро вокруг мыса Доброй Надежды и Тасмании в Сидней, куда прибыли 9 мая. Знакомые места, знакомые портовые чиновники, а у некоторых и знакомые люди. Целый месяц ушел на подготовку к дальнейшему переходу.

10 июня «Америка» вышла из Сиднея и после двухмесячного перехода, во время которого Хромченко и Кашеваров определили координаты острова Гендервиль, некоторых островов группы Гилберта, островов Пейстер и некоторых из островов Маршалловых, 14 августа подошла к Авачинской губе. Здесь транспорт поджидала опасность: у мыса Сигнального он сел на мель. В этом происшествии чувствовал себя виноватым и Кашеваров, хотя это случилось не на его вахте. Пришлось часть грузов перевозить на баркасах. Через три дня транспорт сошел с мели и простоял в Петропавловске до 13 сентября.

В этот день Кашеваров направился к конечной цели своего плавания, к Ново-Архангельску, где ему предстояло служить. 8 октября он снова ступил на родную землю. А затем началась сдача дел и прощание с товарищами. Со многими из них Кашеваров плавал и на «Елене». Сердечно прощался с ним командир капитан-лейтенант Хромченко, пожелавший ему всяческих успехов в самостоятельной службе на Тихом океане. 20 ноября транспорт ушел.

Встретили на родине молодого штурманского офицера очень тепло, приветливо, а теплее всех молоденькая дочь местного священника Серафима. Давно у них был негласный любовный сговор, теперь же надумали они серьезно строить свою жизнь вместе. Главный правитель Русской Америки Фердинанд Петрович Врангель назначил молодого штурманского офицера командиром бота «Бобр» и предоставил ему отпуск для всяких семейных дел. Тогда Кашеваров и женился на Серафиме Алексеевне Соколовой.

25 января 1833 года он принял командование и до 17 сентября плавал к острову Кадьяк и к другим островам архипелага. Вся зима прошла на берегу в береговой службе. Кашеваров не только исправно нес ее, но и непрерывно повышал свои знания, много читал, охотно посещал вместе с другими флотскими офицерами занятия, проводившиеся Врангелем. Кашеваров мечтал сменить штурманский офицерский мундир на флотский строевой с золотыми эполетами.

В следующую кампанию Кашеваров получил в свое командование шхуну «Квихпак». С 11 мая по 25 августа 1834 года по заданию Врангеля плавал к островам Унге и Уналашке, оттуда — к островам Прибы-

лова, к полуострову Стюарта и в устье реки Нушагак. Несмотря на то, что целью плавания была доставка товаров, или, например, смена промышленных, Александр Кашеваров выполнил и большую научную программу. Он систематически вел метеорологические наблюдения, описывал посещенные места, определял координаты мест, в достоверности которых возникали сомнения, приглядывался к окружающей природе, животным, знакомился с бытом и нравами местных жителей.

Следующим летом Кашеваров совершил на той же шхуне интересное прибрежное плавание к берегам Калифорнии, побывав в заливе Румянцева, в форте Росс. Плавание длилось с 3 мая по 16 сентября 1835 года. Когда он возвратился в Ново-Архангельск, то там уже произошла смена главного правителя компании: вместо уехавшего Врангеля прибыл капитан 1-го ранга Иван Антонович Купреянов, кругосветный путешественник, трижды обогнувший земной шар, и известный гидрограф Балтийского моря.

В кампанию 1836 года Кашеварову довелось на той же шхуне совершить плавание по маршруту 1834 года — к Алеутским островам, затем к островам Прибылова и к устью реки Нушагак. Теперь это были места уже знакомые, обжитые. На берегу ему пришлось побыть совсем немного, так как в конце января 1837 года он уже шел в плавание к острову Укамок, а затем, едва отдохнув, опять по маршруту Уналашка — острова Прибылова — река Нушагак. В перерывах во время этих плаваний Кашеваров по мере надобности совершал плавания на Кадьяк и обратно в Ново-Архангельск.

25 июня 1836 года Кашеваров стал подпоручиком. Давно уже И. А. Купреянов задумал осуществить опись крайнего северо-запада Аляски. Он поручил ее Кашеварову. Исключительная по своему замыслу и осуществлению экспедиция Кашеварова почему-то не нашла должного отражения в литературе. А ведь ему удалось сделать съемку северного берега Америки от залива Коцебу до мыса Врангеля. Целью ее было продолжение проводившейся Д. Куком, а затем в 1821—1822 годах М. Н. Васильевым и в 1826—1827 годах английским капитаном Бичи описи северо-западных берегов Америки, причем только одному Бичи удалось на палубном судне достичь мыса Барроу.

План экспедиции был таков. Кашеваров в сопровождении 18 алеутов и креолов на корабле добирался до залива Нортон, а оттуда идет к Берингову проливу так далеко, как позволят льды. Затем Кашеваров продолжает плавание на байдарх, а корабль ждет его в заливе Коцебу. Все это время должна производиться опись побережья.

Примерно так и получилось. 12 мая на бриге «Полифем», командиром на котором был прапорщик Чернов, экспедиция отправилась в путь. Пройдя залив Нортон, где останавливались в редуте Св. Михаила, «Полифем» прошел Беринговым проливом в Чукотское море. Здесь у мыса Лизбуерна Кашеваров перебрался на байдары: на 18 человек, не считая

его самого, было взято пять байдар — одна шестивесельная и четыре трехлючные.

С большими трудностями начал описать Александр Кашеваров, но постепенно все-таки продвигались вперед. Кашеварову удалось достичь мыса Барроу, крайней точки, где был капитан Бичи, пройти еще тридцать миль и описать на этом пространстве совсем неизвестное побережье. Дальнейшее продвижение пришлось прекратить, так как Кашеваров «нашелся вынужденным скрыться во льдах моря от преследований, туземцев; не видя никакой возможности спасти вверенную ему команду от многочисленных дикарей, озлобленных противу белых за появившуюся здесь оспенную заразу, Г. Кашеваров, скрепя сердце, решился возвратиться назад. Совершив на своих байдарах до 850 ит. миль экспедиция достигла благополучно острова Шамизо, в заливе Коцебу, где и соединилась она с Полифемом, на котором возвратилась в порт Ново-Архангельск со здоровою командою»¹. За эту экспедицию Кашеваров был награжден орденом св. Станислава 3-й степени. Экспедиция возвратилась в Ново-Архангельск 11 октября.

А на следующий год назначенный командиром брига «Чичагов» Кашеваров снова в плавании: он побывал в Колошенских проливах, в руде Св. Дионисия и в заливе Якутат. А в 1840 году к этому маршруту прибавилось еще и плавание к реке Нушагак и островам Прибылова. В этом же году уехал И. А. Купреянов, и на его место прибыл капитан 2-го ранга Адольф Карлович Этолин.

В 1841 году Кашеваров был произведен в поручики (30 марта) и назначен командиром парохода «Николай». На этом пароходе он повстречался с известным исследователем Русской Америки Ильей Гавриловичем Вознесенским. В навигацию 1841 года ему довелось совершить большое плавание вдоль островов Алеутской гряды, в Петропавловск-Камчатский, Нижнекамчатск, а затем до залива Бodega, где прекратил свое существование форт Росс, и снова к островам Алеутским. На следующий год Кашеваров плывал опять в порт Сан-Франциско, а затем в Нижнекамчатск, к острову Шумшу и в Охотский порт на бриге «Великий князь Константин».

В 1843 и 1844 годах Кашеваров совершил плавание на том же бриге в Охотский порт: в 1843 году — командиром, а в 1844 — уже пассажиром. Дело в том, что правление Российско-Американской компании решило, как говорят, «дать ход» опытному мореходу и разрешило ему перейти на службу в Петербург в Гидрографический департамент, где он был прикомандирован к Чертежной департамента для составления карт для «Атласа Восточного океана с Охотским и Беринговым морями», изданного в 1850 году.

Когда по представлению генерал-губернатора Восточной Сибири

¹ АВПР, ф. 339, оп. 888, д. 369, лл. 5—6.

Н. Н. Муравьева состоялось решение правительства о преобразовании дальневосточного управления, А. Ф. Кашеваров был назначен начальником Аянского порта. К этому времени он уже был штабс-капитаном (11 апреля 1848 года), а 25 января 1850 года в связи с новым назначением переименован в лейтенанты с производством в капитан-лейтенанты. Сбылась его мечта: сын русского и алеутки с далекого Кадьяка стал флотским строевым офицером — капитан-лейтенантом русского флота.

Во время событий 1850—1856 годов на Дальнем Востоке, когда там активно действовала Амурская экспедиция под командованием Г. И. Невельского, когда на Дальнем Востоке полыхало пламя войны, когда там дважды переносился основной порт на Тихом океане — из Охотска в Петропавловск-Камчатский и затем оттуда в Николаевск-на-Амуре, — Александр Филиппович Кашеваров, произведенный в капитаны 2-го ранга, по мере своих сил содействовал успеху русского флота.

В 1857 году А. Ф. Кашеваров снова в Петербурге, где служил в Гидрографическом департаменте, в 1860 году он произведен в капитаны 1-го ранга. О последних годах его жизни сведений пока нет. Но известно, что умер он в 1866 году.

Таков вклад в освоение Дальнего Востока и Русской Америки скромного труженика и человека, для которого эти места были родными.

Один из «могучей кучки» географов первой половины XIX столетия, вместе с Ф. П. Литке и К. М. Бэрм непосредственно причастный к рождению Русского Географического общества, Ф. П. Врангель был выдающимся исследователем Севера Дальнего Востока и Русской Америки.

Фердинанд Петрович Врангель родился в семье обедневшего лифляндского барона во Пскове 29 декабря 1796 года. В 1807 году он потерял родителей, но еще раньше был отдан отцом на воспитание своим родственникам. 7 февраля 1810 года мальчик был зачислен в кадеты Морского корпуса. Ему поначалу пришлось трудно. Врангель почти не знал русского языка и был слабого здоровья от рождения. Он усиленно изучал русский язык и так хорошо овладел им, что впоследствии все свои сочинения писал только по-русски, пользовался только правильным, литературным, образным русским языком.

А чтобы восполнить недостатки физического воспитания, Врангель «с этой целью старался себя закалять разными лишениями, напр. зимою при 25° мороза вскакивал с постели и в одной рубашке, босиком, бегал

ПО ПУТИ ЛАПТЕВА

его самого, было взято пять байдар — одна шестивесельная и четыре трехлючные.

С большими трудностями начал описать Александр Кашеваров, но постепенно все-таки продвигались вперед. Кашеварову удалось достичь мыса Барроу, крайней точки, где был капитан Бичи, пройти еще тридцать миль и описать на этом пространстве совсем неизвестное побережье. Дальнейшее продвижение пришлось прекратить, так как Кашеваров «нашелся вынужденным скрыться во льдах моря от преследований туземцев; не видя никакой возможности спасти вверенную ему команду от многочисленных дикарей, озлобленных противу белых за появившуюся здесь оспенную заразу, Г. Кашеваров, скрепя сердце, решился возвратиться назад. Совершив на своих байдарках до 850 ит. миль экспедиция достигла благополучно острова Шамизо, в заливе Коцебу, где и соединилась она с Полифемом, на котором возвратилась в порт Ново-Архангельск со здоровою командою»¹. За эту экспедицию Кашеваров был награжден орденом св. Станислава 3-й степени. Экспедиция возвратилась в Ново-Архангельск 11 октября.

А на следующий год назначенный командиром брига «Чичагов» Кашеваров снова в плавании: он побывал в Колошенских проливах, в руде Св. Дионисия и в заливе Якутат. А в 1840 году к этому маршруту прибавилось еще и плавание к реке Нушагак и островам Прибылова. В этом же году уехал И. А. Купреянов, и на его место прибыл капитан 2-го ранга Адольф Карлович Этолин.

В 1841 году Кашеваров был произведен в поручики (30 марта) и назначен командиром парохода «Николай». На этом пароходе он повстречался с известным исследователем Русской Америки Ильей Гавриловичем Вознесенским. В навигацию 1841 года ему довелось совершить большое плавание вдоль островов Алеутской гряды, в Петропавловск-Камчатский, Нижнекамчатск, а затем до залива Бodega, где прекратил свое существование форт Росс, и снова к островам Алеутским. На следующий год Кашеваров плавал опять в порт Сан-Франциско, а затем в Нижнекамчатск, к острову Шумшу и в Охотский порт на бриге «Великий князь Константин».

В 1843 и 1844 годах Кашеваров совершил плавание на том же бриге в Охотский порт: в 1843 году — командиром, а в 1844 — уже пассажиром. Дело в том, что правление Российско-Американской компании решило, как говорят, «дать ход» опытному мореходу и разрешило ему перейти на службу в Петербург в Гидрографический департамент, где он был прикомандирован к Чертежной департамента для составления карт для «Атласа Восточного океана с Охотским и Беринговым морями», изданного в 1850 году.

Когда по представлению генерал-губернатора Восточной Сибири

¹ АВПР, ф. 339, оп. 888, д. 369, лл. 5—6.

Н. Н. Муравьева состоялось решение правительства о преобразовании дальневосточного управления, А. Ф. Кашеваров был назначен начальником Аянского порта. К этому времени он уже был штабс-капитаном (11 апреля 1848 года), а 25 января 1850 года в связи с новым назначением переименован в лейтенанты с производством в капитан-лейтенанты. Сбылась его мечта: сын русского и алеутки с далекого Кадьяка стал флотским строевым офицером — капитан-лейтенантом русского флота.

Во время событий 1850—1856 годов на Дальнем Востоке, когда там активно действовала Амурская экспедиция под командованием Г. И. Невельского, когда на Дальнем Востоке полыхало пламя войны, когда там дважды переносился основной порт на Тихом океане — из Охотска в Петропавловск-Камчатский и затем оттуда в Николаевск-на-Амуре, — Александр Филиппович Кашеваров, произведенный в капитаны 2-го ранга, по мере своих сил содействовал успеху русского флота.

В 1857 году А. Ф. Кашеваров снова в Петербурге, где служил в Гидрографическом департаменте, в 1860 году он произведен в капитаны 1-го ранга. О последних годах его жизни сведений пока нет. Но известно, что умер он в 1866 году.

Таков вклад в освоение Дальнего Востока и Русской Америки скромного труженика и человека, для которого эти места были родными.

Один из «могучей кучки» географов первой половины XIX столетия, вместе с Ф. П. Литке и К. М. Бэрм непосредственно причастный к рождению Русского Географического общества, Ф. П. Врангель был выдающимся исследователем Севера Дальнего Востока и Русской Америки.

Фердинанд Петрович Врангель родился в семье обедневшего лифляндского барона во Пскове 29 декабря 1796 года. В 1807 году он потерял родителей, но еще раньше был отдан отцом на воспитание своим родственникам. 7 февраля 1810 года мальчик был зачислен в кадеты Морского корпуса. Ему поначалу пришлось трудно. Врангель почти не знал русского языка и был слабого здоровья от рождения. Он усиленно изучал русский язык и так хорошо овладел им, что впоследствии все свои сочинения писал только по-русски, пользовался только правильным, литературным, образным русским языком.

А чтобы восполнить недостатки физического воспитания, Врангель «с этой целью старался себя закалять разными лишениями, напр. зимою при 25° мороза вскакивал с постели и в одной рубашке, босиком, бегал

ПО ПУТИ ЛАПТЕВА

в нетопленном коридоре; выходил из бани и катался по снегу; по целым дням питался скудной пищею и т. п.»¹.

В корпусе Врангель сдружился с Петром Федоровичем Анжу. С ним он делился всеми своими радостями и горестями, а в дальнейшем участвовал в исследовании Сибири.

8 июня 1812 года Врангель был произведен в гардемарины, а 21 июня 1815 года стал офицером — мичманом. Началась самостоятельная пора жизни. Вместе с товарищами по выпуску — родственником Врангелем, Анжу и Можайским Фердинанд Петрович получил назначение в 19-й флотский экипаж в Ревель, где они четвером снимали небольшую квартиру. Вместе столовались, вместе гуляли, вместе вели частые и жаркие споры о флоте, науке, мечтали о дальних странствиях. Затем их всех распределили по командам, и с командами они разъехались по месту квартирования по деревням вблизи Ревеля.

Кампанию 1816 года Врангель провел на фрегате «Автроил». С ним был и Анжу. Фрегат крейсеровал в Финском заливе у Дагерорта, а мичманам мерещились дальние страны. И когда фрегат возвратился в Ревель, то там среди офицеров стало известно о готовящейся экспедиции В. М. Головнина вокруг света на шлюпе «Камчатка». Задумав во что бы то ни стало попасть в экспедицию, Врангель решился на отчаянный шаг. «Автроил» должен был уходить в Свеаборг, а Врангель объявил себя больным, остался на берегу, а затем с первой же оказией выехал в Петербург на каботажном судне и явился лично к Головнину. Он сумел убедить знаменитого капитана зачислить его в число офицеров «Камчатки». Старшим офицером шел лейтенант Муравьев, а мичманами были Врангель и Федор Петрович Литке. К ним присоединился и третий Федор — Федор Федорович Матюшкин, исполнявший обязанности мичмана, выпускник лицея в Царском Селе, один из лучших друзей Пушкина.

Трехлетнее плавание на «Камчатке» (1817—1819 гг.) вокруг света под командованием такого опытного и знающего капитана, каким был Василий Михайлович Головнин, принесло замечательные результаты. Врангель побывал во многих странах, в Русской Америке, на Камчатке, Алеутских и Курильских островах, познал во всех тонкостях морскую службу, привык к научным обобщениям, изучил приемы и способы гидрографических работ, и в первую очередь морской съемки, приобрел навыки в астрономических определениях. Кроме этого, Врангель давал уроки двум гардемаринам Лутковским — братьям невесты Головнина. На шлюпе «Камчатка» Фердинанд Петрович наконец приобрел в лице Федора Петровича Литке верного и лучшего товарища на всю жизнь.

Головнин использовал Врангеля всякий раз, когда нужно было связаться с представителями иностранных государств, так как Фердинанд

¹ К. Н. Шварц. Барон Фердинанд Петрович Врангель. «Русская Старина», том V, СПб, 1872, стр. 390—391.

Ф. П. Врангель.

Петрович владел немецким, английским и французским языками. Неизгладимое впечатление произвели на юного мореплвателя русские владения в Америке. Он восторженно смотрел на прославленного Баранова и разговаривал с управителем форта Росс Кусковым, с неподдельным чувством восторга ходил по улицам Ново-Архангельска, созданного русскими людьми, знакомился с офицерами, состоявшими на службе Российско-Американской компании, с интересом присматривался к жизни, нравам и обычаям местных жителей — индейцев и алеутов. Головнин был неизменно доволен успехами мичмана Врангеля. И не случайно, когда встал вопрос о дальнейшей судьбе Врангеля после плавания, Головнин принял в ней самое непосредственное участие.

За плавание на «Камчатке» Врангель вместе со всеми офицерами был награжден орденом св. Анны 3-й степени. Как раз в то время, когда шлюп возвратился в Петербург, там вынашивались планы организации географической экспедиции в северо-восточную область Сибири. Ведь по существу эти районы не исследовались со времен экспедиции Беринга. Правда, за это время там неоднократно бывали промышленники и мореходы, которые составляли карты своих плаваний и докладывали о ходе

плаваний и промыслов, но эти исследования не были систематическими и, как правило, не основывались на астрономических определениях. Исходя из соображений недостаточной изученности северо-восточных берегов Сибири, и была предпринята организация специальной экспедиции, состоявшей из двух отрядов: восточного, или Колымского, под руководством Врангеля и западного, или Янского, под руководством Анжу. Старые приятели и здесь оказались вместе. Анжу должен был описать берег от устья Яны до Колымы, а Врангель — к востоку от Колымы.

До Врангеля северное побережье Чукотки исследовали Семен Дежнев и Федот Алексеев. Дмитрий Лаптев прошел некоторую часть этого пути и посетил Чукотку, плавал на восток от Колымы Никита Шалауров, обошел все северное побережье Чукотки предприимчивый Иосиф Биллингс, наконец, непосредственным предшественником Врангеля стал М. Ф. Геденштром — исследователь северных берегов Сибири и Новосибирских островов.

Врангелю предписывалось Государственной адмиралтейской коллегией: «Из журналов прежних плавателей по Ледовитому морю видно, что в летнее время, за множеством носимого по оному морю льда, невозможно производить описи на мореходном судне. А как сержант Андреев в 1763 году и титулярный советник Геденштром и геодезист Пшеницын в 1809, 1810 и 1811 годах, в весеннее время, с удобностию по льду на собаках объезжали и описывали, первый Медвежий острова, а двое последних Ляховские острова и Новую Сибирь, то и ныне полагается таковыми же способами исполнить высочайшую волю его императорского величества, и первый отряд отправляемой экспедиции назначается для описи берегов от устья реки Колымы к востоку до Шелагского мыса, и от оною на север, к открытию обитаемой земли, находящейся по сказанию чукчей, в недалеком расстоянии»¹.

В отряде Врангеля были мичман Ф. Ф. Матюшкин, штурман П. Т. Козьмин, доктор медицины Кибер, матрос — столяр Михаил Нехорошков и слесарь Савелий Иванников. Проводников и, если потребуется, других членов экспедиции Врангелю разрешалось нанимать на месте. Фердинанд Петрович уделил особое внимание инструментам. Были взяты самые современные секстаны, азимут-компасы, пель-компасы, барометры, инclinатор. Во все время подготовки к экспедиции Врангель постоянно чувствовал поддержку и участие известного гидрографа Г. А. Сарычева, ведающего в составе Адмиралтейств-коллегии всеми гидрографическими работами империи. Частенько он виделся с Федором Литке, который собирался также в самостоятельную экспедицию на Новую Землю, а когда нельзя было этого сделать, то друзья чуть ли не

¹ Ф. П. Врангель. Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю, совершенное в 1820, 1821, 1822, 1823 и 1824 г. экспедициею, состоявшею под начальством флота лейтенанта Фердинанда фон Врангеля. Часть I, СПб, 1841, стр. 146. В дальнейшем: Ф. П. Врангель. Путешествие...

ежедневно обменивались письмами или хотя бы коротенькими записочками.

Оба отряда экспедиции отправились из Петербурга 13 марта 1820 года и в начале апреля были в Москве. Отсюда дальше двинулись только Врангель и Матюшкин — Анжу решил в Москве подождать, пока установится хороший летний путь. С ним Врангель оставил Кибера и Козьмина, которые должны были доставить в Иркутск инструменты. Врангель же с Матюшкиным налегке, всего лишь с чемоданами, на перекладных быстро преодолели более чем пятидесятидневный путь и 18 мая прибыли в Иркутск.

Здесь с помощью М. М. Сперанского — Сибирского генерал-губернатора Врангелю была предоставлена полная свобода в подготовке к выходу. Он тщательно изучил всю документацию, относящуюся к этому вопросу, познакомился с М. Ф. Геденштромом и выслушал рассказы о его путешествиях. А когда в начале июня прибыли в Иркутск Анжу, Козьмин и прочие участники экспедиции со всеми инструментами, то стали уже окончательно готовиться к работе.

25 июня оставили Иркутск, а 28-го начали путешествие по Лене на плоскодонном судне. Впечатлений у молодых путешественников было очень много, и Врангель посвятил описанию их немало страниц своей книги. Вначале они плыли «через страну гористую, покрытую дремучими лесами, между берегами живописными (особенно в верхней, южнейшей половине), в своих видах до бесконечности разнообразными. По скатам гор видишь обработанные поля, луга, огороды и между ними хижины поселян, живущих здесь отчасти отдельными дворами, а отчасти небольшими деревнями»¹. Но картина эта по мере приближения к Якутску постепенно менялась. «Чем дальше на север подавались мы, тем пустынее во всяком отношении становились берега Лены; у Олекмы приметны еще последние следы садовничества и земледельства, но далее исчезают совершенно; жители достают себе пропитание исключительно одним скотоводством и рыбной ловлею»².

Через 27 дней после отплытия от местечка Качуги путешественники прибыли 25 июля в Якутск и немедленно явились к начальнику области, бывшему флотскому офицеру М. И. Миницкому. Он очень помог экспедиции и советами и подбором проводников и всем, чем мог. Город произвел на Врангеля благоприятное впечатление. В нем было около 500 домов, три каменные церкви, монастырь, строился каменный гостинный двор, в окнах горожан вместо льдин и слюды появлялись стекла. С наступлением навигации в Якутске всегда былолюдно, здесь действовала ярмарка, заключались крупные сделки. Жители Якутска очень гостеприимны: «Хлебосольство жителей Якутска славится повсюду и вошло поч-

¹ Ф. П. Врангель. Путешествие... ч. I, стр. 157.

² Там же, стр. 165.

ти в поговорку, но как здесь бывает обыкновенно мало приезжих или путешественников, в отношении которых они могли бы исполнить сию добродетель, то якутчане ограничиваются почти исключительно своим собственным кругом, и имея много свободного, праздного времени, проводят его в довольно шумных собраниях, где кушанья и напитки составляют, разумеется, главные предметы их наслаждения. После пышного стола, приправленного наливками в изобилии, старики проводят остальное время за стаканчиком пуншу и карточным столом, а дамы за кипящим самоваром и тарелками с калеными кедровыми орехами, которые пощелкивают беспрестанно; молодежь между тем танцует сибирскую восьмерку под гусли или скрипку»¹.

Стараниями Миницкого все было подготовлено, и в первых числах августа Анжу со своим отрядом отправился вниз по Лене. В это же время по приказанию Врангеля отправился в Нижнеколымск для подготовки базы отряда Федор Матюшкин, за ним 12 сентября сам Врангель, а Козьмин еще некоторое время оставался в Якутске следить за отправкой всех необходимых для экспедиции вещей, припасов и снаряжения.

Врангель ехал в Нижнеколымск уже на лошадях в сопровождении матроса Михаила Нехорошкова и оставшего унтер-офицера Ивана Решетникова, сопровождавшего в свое время М. Ф. Геденштрома. Он превосходно знал якутский язык, обычаи и нравы якутов, умел вьючить лошадей, знал хорошо маршрут до Нижнеколымска и далее, «сверх того опытностию своею, ловкостью и истинно русскою сметливостью был впоследствии весьма полезен для экспедиции»².

Задержка с отправкой Врангеля в путь произошла из-за болезни Фердинанда Петровича. Когда все прошло, можно было начинать маршрут. Тринадцать лошадей составили караван Врангеля. На ближайшей почтовой станции от Якутска заночевали. Врангель расположился на свежем воздухе на медвежьей шкуре и моментально заснул при свете ярко пылавшего костра. Проснулся он с восходом солнца. «Воздух был чистый и свежий; термометр показывал 2° ниже точки замерзания, что показалось мне при одеваньи довольно несносным; с содроганием, в буквальном смысле сего слова, подумал я о предстоявшей сибирской зиме, в продолжении которой несколько градусов мороза называется теплою погодою, и не понимал, как можно будет сносить беспрестанную, жестокую стужу! Но человек создан для всех климатов, для всех поясов земли. Нужда, твердая воля и свычка приучают его ко всем неудобствам, даже к самым ужаснейшим телесным страданиям. Спустя несколько недель мне, нарравне с колымцами, казался мороз в 18-ть и 20-ть градусов мягкою температурою»³.

¹ Ф. П. Врангель. Путешествие... ч. I, стр. 171—172.

² Там же, стр. 175.

³ Там же, стр. 178.

По пути в Нижнеколымск Врангель при каждом удобном случае проводил геологические исследования, вел метеорологические наблюдения, изучал быт якутов. В своей книге он приводит очень любопытное описание якутов, их одежды, нравов, обычаев, орудий труда, охоты, скотоводства. Постепенно морозы все усиливались, и путешествие затруднялось, хотя и установилась настоящая зимняя дорога: в конце сентября морозы по утрам доходили до 22—25°. Спать при такой температуре в якутской юрте было сносно, но вот когда ночевка заставляла в пути, то отдохнуть было уже невозможно.

Постепенно изменялась и местность. До подошвы Верхоянского хребта часто попадались тополя, огромной высоты и толщины, березы, ели, сланец-кедровник. В густых лесах во множестве водились глухари и куропатки. Переход через Верхоянский хребет был одним из трудных этапов путешествия. До вершины взбирались по голым, скалистым тропам, проходили по узким, заваленным снегом ущельям, поминутно разгребая снег и поминутно рискуя сорваться вниз. Но когда достигли перевала, то спуск оказался еще более трудным. Случалось, по рассказам проводников, что погибали целые караваны: под ногами лошадей было скользко, из ущельев и пропастей внезапно вырывался сильный порыв ветра, который мог при малейшей оплошности сбить с ног лошадей и выбить из седел путешественников.

За хребтом изменилась и растительность: вместо еловых и березовых лесов пошли лиственничные вперемежку с березами, ивами и тополями. Скоро прошли озеро на уступе северного ската хребта, озеро, из которого вытекает река Яна. А дальше путешествие пошло спокойнее, ночевали в поварнях, на почтовых станциях, ехали преимущественно по направлению рек и речушек. В начале октября Врангелю повстречался врач Нижнеколымского округа Томашевский, прослуживший в этом крае ни много ни мало — тридцать лет и теперь возвращавшийся на родину. Беседа с ним была для Фердинанда Петровича очень полезной.

10 октября Врангель и его спутники прибыли в Зашиверск, где было всего пять домов и церковь. Здешний священник, 87-летний старец, принял путешественников с русским гостеприимством и угостил их русскими свежими щами и свежим же ржаным хлебом. Когда-то Зашиверск был уездным городом и насчитывал до 30 домов, но теперь значение его упало. Сюда приезжали разве лишь путешественники да исправники. Частыми гостями были якуты.

Прогостив в Зашиверске пять суток, Врангель отправился дальше. Ехали по равнинам и болотам, усеянным низменным стелющимся лиственничным кустарником. Дорога шла верстах в сорока от Индигирки параллельно ее течению, затем вышла к Алазее. 21 октября остановились на Сарадахской станции, которую содержал отставной вахмистр Атласов — один из потомков первооткрывателя Камчатки. Здесь для проезжих была отведена отдельная чистая комната, для лошадей устроен

навес, для проводников — просторная и теплая юрта. «Вообще здесь все так хорошо и удобно придумано, записал Врангель, что Сарадах может быть сравним с плодоносным оазисом в песчаных африканских степях»¹. Здесь Врангеля ждало письмо от Матюшкина с сообщением, что все благополучно.

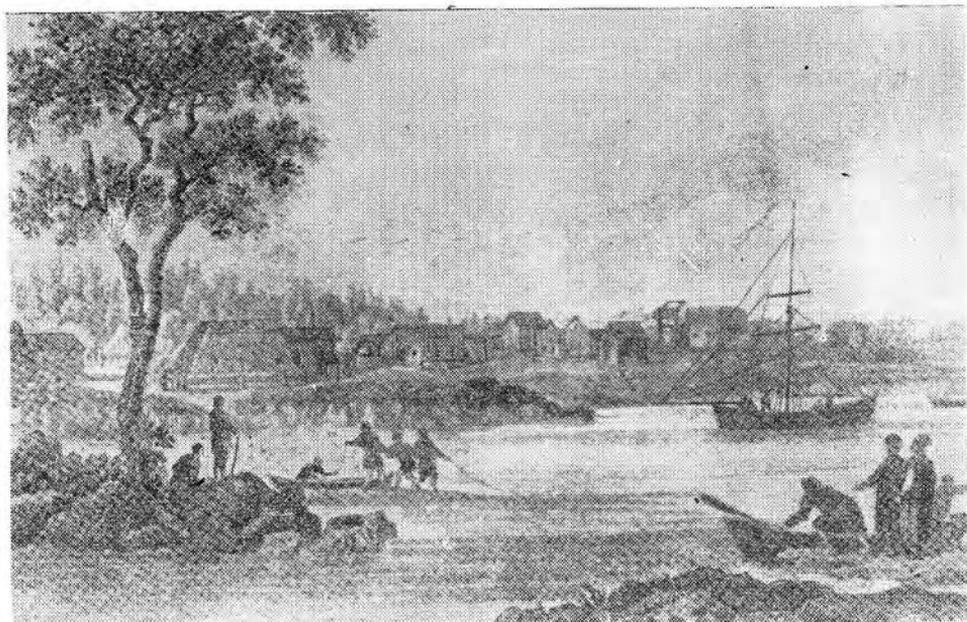
25 октября путешественники вышли к реке Колыме и вечером появились в Среднеколымске, который был местопребыванием колымского исправника и потому находился в относительно хорошем состоянии. Между тем холода усиливались — морозы доходили до 29°. Пришлось обзаводиться местной зимней одеждой. Она хотя и казалась первоначально очень громоздкой и неудобной, но зато превосходно сохраняла тепло. Перед самым Нижнеколымском, в 120 верстах от него, путешественники перебрались в собачьи нарты и через два дня были на месте назначения. 2 ноября при 32° мороза Врангель со своими спутниками въехал в Нижнеколымск, где был встречен Матюшкиным² и матросом Савелием Иванниковым. Матюшкин только что возвратился с рыбного промысла и был несказанно рад прибытию начальника и товарища по экспедиции, рассказал ему о трудностях организации здесь всего необходимого, поселил его в лучшем и самом большом доме Нижнеколымска, пустовавшем года четыре и считавшемся прибежищем нечистой силы. Обстановка там была неказистая — скамья, стол и стул, но зато было просторно и тепло, и Врангель спокойно провел в доме этом целую зиму.

Матюшкин сумел за короткое время закупить у местных жителей половину запасов потребной для экспедиции рыбы, выстроил над домом, где поселился Врангель, башню для астрономических определений, сумел переговорить с богатыми жителями города и окрестностей о доставке экспедиции к Баранову камню. Врангелю оставалось позаботиться о заготовке остального провианта, постройке зимовья у Баранова камня и о переходах. 25 ноября он созвал совещание зажиточных горожан и старшин якутских, юкагирских и чуванских селений, на котором была достигнута договоренность о ценах на все экспедиционные потребности, распределены подряды и назначены сроки доставки всего необходимого в различные пункты следования экспедиции.

А требовалось Врангелю немало. По инструкции, экспедиция должна была выйти в поход не позже февраля, добраться до Шелагского мыса и здесь разделиться на два отряда. Один из них должен был отправить-

¹ Ф. П. Врангель. Путешествие... ч. I, стр. 218.

² Матюшкин родился в 1799 году. Первоначальное образование получил в пансионе при Московском университете, затем окончил в июне 1817 года Царскосельский лицей, в котором учился вместе с А. С. Пушкиным. По своему желанию был определен на флот. Плавал с В. М. Головниным на «Камчатке», затем участвовал в экспедиции Ф. П. Врангеля; с ним же совершил плавание вокруг света на шлюпе «Кроткий». В дальнейшем служил на военных кораблях на Балтийском флоте, Средиземном море и Черноморском флоте. Умер в чине адмирала 16 сентября 1872 года.

Вид Среднеколымского острога.

ся на север для поисков предполагаемой земли, а другой описывать береговую черту. Для этого требовалось до 50 нарт и около 600 собак. Все необходимое надо было заранее забросить в различные места по пути следования.

Врангель и Матюшкин между тем собирали сведения от старожилов о предшественниках своих и их плаваниях. Старики здесь еще помнили экспедицию Леонтьева, Лысова и Пушкарева на Медвежий острова в 1767 году, деятельность братьев Шмалевых, и у многих свежи были в памяти дела отважных мореплавателей Биллингса, Сарычева, Галла, Беринга (внука В. И. Беринга). Они также записывали местные предания и даже былины.

А мороз все крепчал. Новый, 1821 год встрѣтили при 37° мороза по Реомюру. «Дыхание захватывало; лед в окнах растрескался. В избе моей, писал Врангель, пылал беспрестанно огонь, но не взирая на то, в ней было так холодно, что я принужден был сидеть в шубе и теплых сапогах, и когда писал, то чернила мои отогревались в горячей воде»¹.

¹ Ф. П. Врангель. Путешествие... ч. I, стр. 279—280.

Ф. П. М а т ю ш к и н.

В один из дней Врангель и Матюшкин навестили место, где лежали суда экспедиции Биллингса «Паллас» и «Ясашна», оставленные в Нижнеколымске и выброшенные полной водой во время разлива Колымы примерно за две версты от города. От судов в то время сохранилось еще многое. Осмотрели они также достопримечательности, оставшиеся от лейтенанта Д. Я. Лаптева с 1739 года, — мортиры, бомбы, разные орудия для бурения льда.

Все с нетерпением ждали П. Т. Козьмина, который все-таки неожиданно 2 февраля появился в городе с большими запасами всего необходимого для экспедиции¹. Он привез в замороженном виде даже молоко и сливки — роскошь для здешних мест не только зимой, но и летом. Теперь можно было готовиться к отправлению. Как раз в это время в Нижнеколымске появилось много купцов, направлявшихся отсюда на

¹ Прокопий Тарасович Козьмин родился в 1795 году. Учился в Штурманском училище в Кронштадте, плавал на «Камчатке» под начальством В. М. Головнина и вместе с Врангелем, Литке и Матюшкиным. Участвовал в сибирской экспедиции Врангеля, затем плавал вместе с ним же на «Кротком» вокруг света. В 1829—1830 годах возглавил экспедицию по описи Шантарских островов, в 1832 году участвовал в Хронометрической экспедиции Ф. Ф. Шуберта на Балтийском море. Затем служил в Гидрографическом департаменте. Он открыл острова Усова и Прокофьева в Охотском море. Скончался 20 января 1851 года в Петербурге и похоронен на Смоленском кладбище.

ярмарку к чукчам. Этим воспользовались путешественники и купили у купцов то, чего у них по тем или иным причинам не доставало. А Матюшкин отправился вместе с купцами на ярмарку. Он вез подарки чукчам и должен был договориться с ними о беспрепятственном проезде экспедиции через Чукотскую землю.

Сам Врангель с Козьминым, матросами и проводниками 19 февраля на трех нартах выехал в первое свое путешествие с целью достичь Шелагского мыса. Днем раньше он отправил на шести нартах запасы продовольствия для себя и корм для собак. Все это надлежало выгрузить и хорошо упаковать в определенных местах, обозначенных гуриями: берег от Нижнеколымска до Шелагского мыса был совершенно необитаем, только иногда можно было встретить кочующих чукчей.

Путешественники быстро добрались до устья Колымы (ширина дельты 23 версты), где остановились в балагане Сухарном. Наутро Козьмин определил координаты Сухарного, а Врангель отправил нарты с провиантом к Малому Баранову камню в 41 версте от Сухарного. На другое утро ровно в 9 продолжили путь. Впереди ехал на нарте Врангель, замечавший направление движения и ориентировочную скорость бега собак, на последней — Козьмин, проделывавший то же самое. Вечером маршруты сравнивались, и средний наносили на карту. По возможности проводили астрономические определения, в значительной мере корректировавшие эти счислимые данные. Погода была ясная и приятная, хотя и морозная.

Вскоре путешественники были уже вблизи Большого Баранова камня, до которого когда-то удалось с трудом добраться Биллингсу и Сарычеву, но не стали взбираться на гористый, далеко вдающийся в море высокий мыс. Оставили его к северу и пересекли небольшой полуостров, определив предварительно долготу Баранова камня. Проехав затем 34 версты, остановились на очередную зимовку и оставили часть груза. Здесь начинались владения чукчей, восточнее этого места Биллингс и Сарычев не ходили. Бывал поблизости 80 лет назад только Д. Я. Лаптев.

Останавливаться на ночь можно было лишь в своей собственной палатке, хорошо для этого приспособленной. С 25 февраля поднялся сильный встречный ветер и на целые сутки задержал продвижение. Палатка была совсем занесена снегом, но зато в ней было тепло.

Мороз достиг 30—31° по Реомюру. При всех мерах, принимаемых для сохранения здоровья, Козьмин все-таки едва не обморозил себе ноги. Вскоре обувь пришлось надевать и собакам: специальные сапожки предохраняли собачьи лапы от мороза и от повреждения при быстрой езде по твердому, как лед, снежному насту.

Так, без особых приключений, иногда только занимаясь астрономическими определениями или постройкой очередного сарая для хранения припасов до обратного пути, продвигались путешественники к цели —

к Шелагскому мысу. Последние дни были весьма трудными: кончались запасы, тщетны были попытки опознать мыс Шелагский. Часто видели на своем пути следы чукчей. От Песчаного мыса ехали то по берегу, то по морю: так трудно было различить, где кончается одно и начинается другое, так низок и неприметен был тут берег. 2 марта находились в местечке с координатами $69^{\circ}57'42''$ северной широты и $168^{\circ}41'$ восточной долготы. Отсюда отправили последние провиантские нарты, здесь же поставили последний продовольственный пункт-склад и по настоянию проводников-казаков, которых осталось для трех нарт трое, дали возможность отдохнуть собакам перед дальнейшим путем.

Положение экспедиции в это время отлично охарактеризовал Врангель: «Мы расположились на совершенно открытой, ни чем не защищенной равнине, где при 25° и 29° мороза с резким NO ветром, у нас был такой скудный запас дров, что мы могли только кипятить чай и суп, а остальное время проводили без огня. К тому же присоединилась еще мучительная неизвестность об успехе нашей поездки и настоящем положении предела ея, Шелагского мыса. Наши малые запасы не позволяли нам предпринять безопасный, хотя и дальнейший путь вдоль берега, имеющего здесь почти южное направление. На море, прямо перед нами, лежали высокие ледяные холмы и заграждали нам совершенно вид вдаль, а как истинное положение Шелагского мыса не было еще определено, то в отыскании его мы потеряли бы много времени, чего, при недостатке в съестных припасах, должно было всячески избегать. Мы были в нерешительности, что предпринять...»¹.

И вот, когда заходило солнце, путешественники заметили на горизонте два высоких холма, показавшиеся им похожими на Шелагский мыс, и вопрос о продолжении путешествия был решен. 4 марта они были снова в пути и за день проехали в направлении мыса 61 версту. Дорогу не выбирали, а ехали напрямик, держа курс на видневшиеся вдаль холмы и не разбираясь, море под ними или суша. На отдых остановились в сумерках. Дров совсем не было, и для того, чтобы разжечь костер в палатке, израсходовали три шеста. На следующий день, проехав около 30 верст, добрались наконец до северо-западной оконечности Шелагского мыса. «Путь около него превзошел трудностями и опасностью все доселе нами испытанное,— писал Врангель.— Часто принуждены были мы карабкаться на крутя, в 90 футов вышиною ледяные горы, и с такой вышины спускаться по крутизне, находясь каждую минуту в опасности переломать сани, задавить собак или низвергнуться вместе с ними в ледяную пропасть. Иногда должны были пробираться по большему пространству, проваливаясь по пояс в рыхлый, наносный снег; иногда встречали мы между торосами непокрытые снегом места, усеянные острыми кристаллами морской соли, отдиравшими лед с полозьев нарт и до того

¹ Ф. П. Врангель. Путешествие... ч. I, стр. 315.

затруднявшими ездю, что мы должны были сами запрягаться и вместе с собаками, с величайшими усилиями тянуть сани, чтобы не остаться на дороге»¹.

Остановились на ночлег в небольшой бухточке, где, к счастью, оказалось немного плавника, так что развели большой костер и наслаждались теплом и горячим чаем. Удалось также просушить одежду и обувь и хорошо выспаться. Утром девятнадцатиградусный мороз уже не казался таким страшным, как днем раньше. Продуктов оставалось только на три дня, но Врангель решил довести дело до конца. Он хотел по крайней мере выяснить направление берега в этом месте, так как, по представлениям того времени, отсюда начинался перешеек, связывающий будто бы Азию с Америкой. Он выбрал самых сильных собак и на двух нартах отправился в путь. Третья — с казаком осталась на месте последней стоянки.

Врангель с Козьминым предприняли последнюю попытку объехать мыс и отправились вдоль берега. Берег был скалистый вначале, потом скалы исчезли, и от мыса Козьмина, названного так в честь Прокопия Тарасовича, они все дальше и дальше отдалялись от береговой черты. Иногда встречались следы пребывания здесь чукчей. Такую брошенную стоянку нашли у речки Поворотной, сразу за мысом Козьмина. Когда прошли около 40 миль к востоку от мыса Шелагского, Врангель решил возвращаться назад. На месте конечного пункта путешествия сложили пирамиду и точно определили координаты: 70°00'37" северной широты и 171°47' восточной долготы. Было достоверно определено, что от мыса Шелагского не существует перешейка-моста, связывающего Азию с Америкой.

Обратный путь был менее затруднителен. Значительно помогли склады, оставленные на пути. На месте стоянки у северо-западной оконечности мыса Шелагского путешественники поставили крест с выжженной на нем надписью с указанием времени пребывания здесь экспедиции. Верстах в 35 от мыса увидели мыс, выдающийся тупым углом в море, и назвали его именем Матюшкина.

Последние два дня пути путешественники проделали без всякой пищи, так как в одном из складов нашли только следы хозяйничанья песцов. Обессиленные, 14 марта они прибыли в Нижнеколымск, где их встретил доктор Кибер, а 19-го возвратился из своей поездки к чукчам и Федор Матюшкин, где он успешно исполнил поручение и привез заверения чукчей и их старшин, что путешественники встретят везде в их земле благосклонный, дружеский прием.

Федор Матюшкин во время этого довольно-таки продолжительного путешествия очень близко познакомился с чукчами, с их обычаями и нравами. О своем путешествии он представил отчет, в котором превос-

¹ Ф. П. Врангель. Путешествие... ч. I, стр. 318.

ходно описал чукотскую ярмарку, продолжавшуюся три дня. Он отметил спокойствие и выдержку чукчей во время торга: «Если торг кажется им выгодным, то молча берут они предлагаемые предметы и отдают свои товары. Такое хладнокровие и вообще обдуманность, составляющая отличительную черту характера чукчей, дает им на торге большое преимущество перед русскими, которые второпях, забывая таксу, отдают вместо одного два фунта табаку, а взамен берут не соболя, а куницу или другой мех меньшего достоинства. Здесь имел я случай, писал Матюшкин, удивляться верности, с какой чукчи, не зная вовсе весов, просто рукою отгадывают истинную тяжесть предмета, и в двух пудах замечают недостаток двух, даже одного фунта»¹. Матюшкин установил дружественные отношения со старшинами чукчей, посещал все их праздники, жил по нескольку дней с ними и убедился в их отменном расположении к русским людям.

Едва были закончены отчеты по первому путешествию и отправлены с первой же попутной почтой, как Врангель стал готовиться к следующей. Козьмин оставался в Нижнеколымске для постройки гребного судна, на котором будущим летом Врангель предполагал отправиться к устью Колымы для описи. А с Врангелем на сей раз шли Матюшкин, Решетников и Нехорошков. Добровольно с ним вызвался идти колымский купец Федор Бережной на собственных двух нартах. Так же, как и в первом походе, готовились путевые и транспортные нарты, которыми управляли три казака, один русский крестьянин, два юкагира и колымские жители. Целью похода было осмотреть море к северу от Барановых камней.

26 марта экспедиция отправилась в путь. Значительно потеплело, ярко светило солнце. Уже к вечеру добрались до Малого Баранового камня, где ночевали в прошлое путешествие. Отсюда Врангель направился на следующий день прямо на север, в море. Трудно было выбираться из прибрежного лабиринта застругов и торосов, где снег был глубокий и рыхлый. Дальше начиналось необозримое и гладкое ледяное поле. Собаки, вырвавшись на свободу, понеслись и без отдыха отмахали сразу верст одиннадцать. На месте остановки из-за высокой льдины выскочил медведь и хотел броситься на путешественников. Раздался выстрел. Раненый зверь шел напрямик, поднявшись на задние лапы. Казак Котельников, подпустив его на близкое расстояние, выстрелил в упор, а затем добил копьём. Медведь оказался огромным, весом до 35 пудов. Вскоре к лагерю подоспели и транспортные нарты.

На следующий день путешествие продолжалось, но от блеска снега и льда, почти у всех воспалились глаза. Помогала повязка из черного крепа, которая пропускала свет. На третий день увидели в тумане на северо-западе землю и тотчас же направились к ней. К вечеру подошли

¹ Ф. П. Врангель. Путешествие... ч. I, стр. 336—337.

к острову Четырехстолбовому: на нем возвышались четыре отдельных камня. В небольшой бухте нашли немного плавника и развели костер. Следующий день также провели на острове. Матюшкин описал его, а спутники накололи порядочно дров. Матюшкин сказал, что с западного берега видны еще два небольших острова. Четырехстолбовый остров входит в группу Медвежьих островов и впервые описан прапорщиком Леонтьевым в 1767 году.

Убедившись в этом, Врангель решил продолжить свой путь прямо на север, так как Медвежьих острова предполагалось исследовать в следующую экспедицию. Целый день пришлось тащиться пешком, так как морской лед покрыт крупными, твердыми остроконечными соляными кристаллами, и нарты тащились как будто по песку. Но так было только один день. В дальнейшем стало еще хуже: снег сделался совсем рыхлым и соленым, сильный ветер нагнал густой туман. Среди ледяной равнины попадались высокие торосы, иногда покрытые песком и илом, кое-где заметны были следы песцов. 2 апреля пришли к такому месту, где лед был довольно тонок, а глубина моря равнялась 12 сажням. Становилось теплее. Врангель с 3 апреля распорядился ехать ночью, а днем — отдыхать. Но продвинулись вперед только на 15 верст. Встретили лед не толще 5 дюймов, до того мягкий, что его можно было резать ножом. Когда выбрали место для дневного отдыха, вдали слышались всплески волн и треск льдов. Забеспокоились не только путешественники, но и проводники.

Тогда 4 апреля Врангель снарядил две самые надежные нарты, взял с собой лодку и провианта на сутки и отправился на север. Матюшкину он приказал при ухудшении обстановки немедленно уходить на юг. Но и самому ему далеко не пришлось уйти. Пройдя верст семь по совершенно жидкому месиву из снега и льда, он убедился в невозможности дальнейшего продвижения. Каждое мгновение «сильный шквал мог совершенно раздробить или разогнать поддерживавшие нас глыбы и превратить место, где мы стояли, в открытое море. Лежавший на поверхности свежий снег явно доказывал, что лед был разломан только в предшествовавшую ночь северным ветром. Судьба наша зависела от дуновения ветра»¹. Определив широту самого северного места, достигнутого в этот поход, — $71^{\circ}43'$, Врангель повернул обратно. За это время Матюшкин определил магнитное склонение в районе стоянки — $79^{\circ}51'$.

Обратный путь тоже был трудным. Каждую минуту перед путешественниками возникали все более высокие и причудливые торосы, объезд которых отнимал много времени и сил. Тогда Врангель переменял свое первоначальное намерение и решил отправиться к Медвежьим островам. Несколько транспортных нарт он послал к берегу, поставив во главе этого каравана унтер-офицера Решетникова, которому приказал идти

¹ Ф. П. Врангель. Путешествие... ч. 2, стр. 22.

в Нижнеколымск. Провиант оставили в вечных торосах. Продолжали путешествие только 10 человек с 6 нартами и с запасом продовольствия на две недели.

6 апреля вышли на юго-восток, хотя Врангель и не терял еще надежды где-нибудь попытаться еще раз продвинуться на север. Но пока торосы не давали этого сделать. 8 апреля встретились с широкой 8-футовой трещиной и преодолели ее с помощью небольших плававших льдин. В 22 верстах от этого места находился Большой Баранов камень. Лед под ногами опять начал трещать и передвигаться. Пришлось срочно менять место.

Тем же курсом двигались и 9 апреля, а 10-го по случаю пасхи оставались на стоянке. Торжества не получилось, но приличие было соблюдено. Весь день горел костер, совершенно было богослужение, и все получили по двойной порции водки.

Но пришлось и следующий день простоять на месте, так как у одного из проводников сильно разболелась спина. Стоянку использовали также и для ремонта нартов. Врангель решил возвратиться к месту, где был склад продовольствия, в сохранности которого начали уже сомневаться. Искали его долго и лишь 15-го обнаружили. Он, к счастью, оказался не тронутым медведями, хотя следов их повсюду было препорядочно. 16-го произошла неудачная охота на медведей: трех огромных матерых зверей удалось только ранить, и они скрылись.

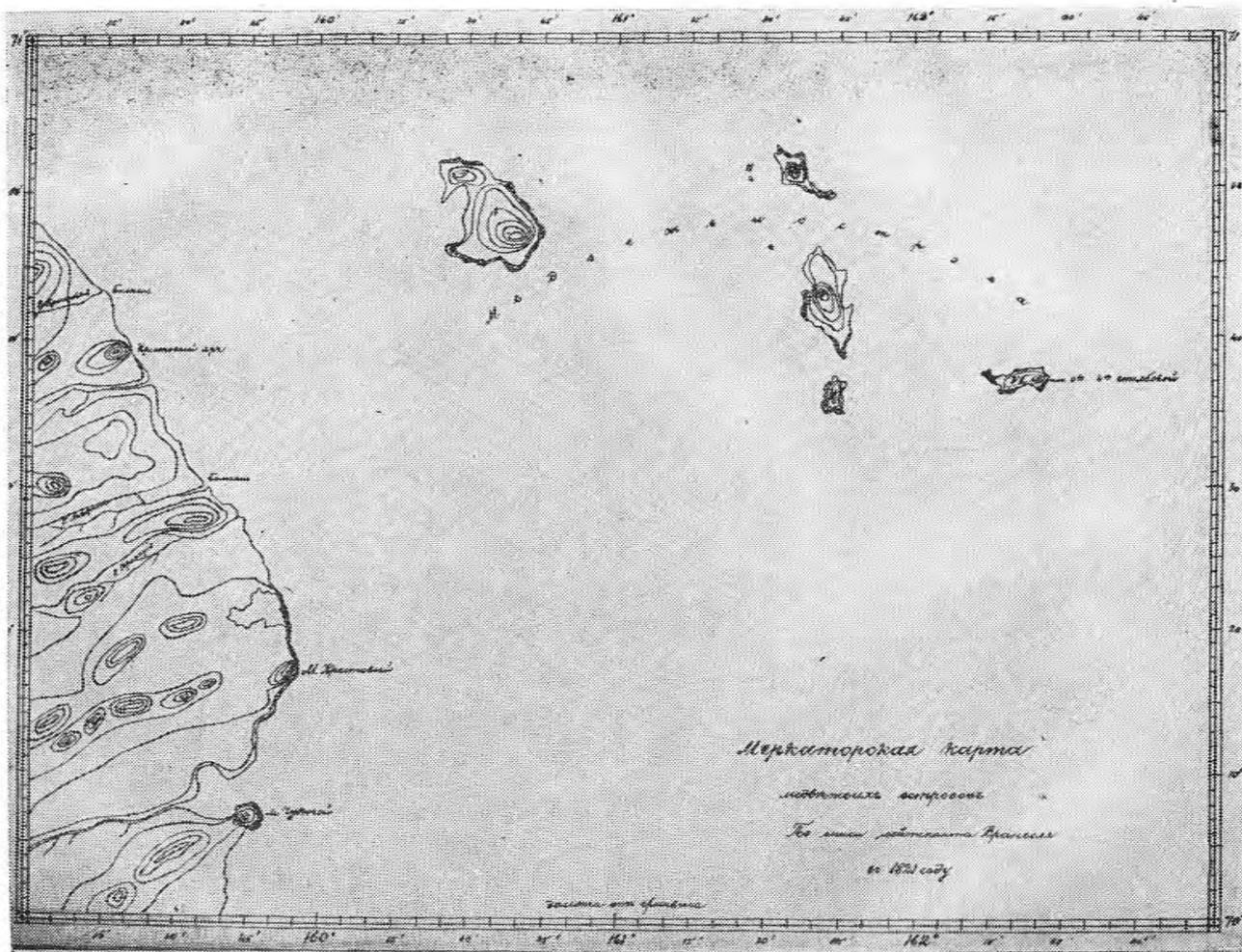
17 апреля путешественники достигли Четырехстолбового острова и под защитой высоких и крутых берегов поставили палатку и разложили два больших костра, на которых превосходно высушили белье и обувь. «Жадно наслаждались мы приятным ощущением теплоты и скоро за горячим супом забыли все перенесенные труды и голод. Только мысль о безуспешности наших усилий и недостижении цели путешествия помрачала общее удовольствие»¹.

Со следующего дня началось описание Медвежьих островов. Оно шло весьма успешно, и вскоре все пять островов, а с Четырехстолбовым — шесть получили свое точное место на карте и были подробнейшим образом описаны. После этого по сравнительно легкому уже пути экспедиция возвратилась 28 апреля в Нижнеколымск.

С весной пришли новые заботы. Теперь все силы были брошены на строительство судна для плавания. Кончились продовольственные запасы, надо было налаживать рыбные промыслы для участников экспедиции и для собак. А планы на предстоящий год были большие. Врангель собирался разослать своих спутников для описи побережья между реками Малой Чукочьей и Индигиркой, для описи устья Колымы, для постройки жилого дома у Большого Баранового камня в качестве базы для зимнего путешествия, для осмотра берегов рек Большого и Малого

¹ Ф. П. Врангель. Путешествие... ч. 2, стр. 42—43.

Меркаторская карта Медвежьих островов по описи Врангеля в 1821 году.

Анюев. Описью морского берега занялся Матюшкин, для постройки избы был выделен Решетников с двумя плотниками, который шел туда с купцом Бережным, направлявшимся на промысел мамонтовых бивней, а доктор Кибер должен был ехать на Анюю.

Жизнь внесла в эти планы свои коррективы. Козьмин сумел построить хороший катер, приспособленный для плавания вблизи берегов. Паруса нашли на старых складах времен экспедиции Биллингса и Сарычева, якорь отковали местные кузнецы. Катер назвали «Колымой». 11 июня его спустили на воду.

17 июня отправились все вместе вниз по реке. Пошел даже доктор, чтобы проводить экспедицию. Но ветер, как назло, усилился, и уже в пяти милях от Нижнеколымска пришлось приставать к берегу. И тут случилось несчастье. Когда шлюпка приближалась к берегу, из нее выскочила собака, но запуталась в веревочных снастях. Матюшкин, желая помочь ей, топором стал рубить веревки и отрубил себе часть большого пальца вместе с ногтем. Рана оказалась серьезной, и для лечения ее пришлось Матюшкину и Киберу возвращаться в Нижнеколымск, а Козьмин, таким образом, один оставался описывать морской берег.

25 июня катер-шлюпка пришел к устью реки Малой Чукочьей. Здесь в разгаре была рыбная ловля. Но мужчины отправились на охоту на птиц и оленей. Одного оленя удалось подстрелить.

В начале июля, когда один подряженный якут доставил на устье реки пять очень плохих лошадей, Козьмин с двумя сопровождающими смог отправиться для исполнения морской описи. Сам же Врангель с двумя казаками отправился на шлюпке вверх по реке. Но неудачи в этом году преследовали экспедицию. Врангель с казаками на одной из стоянок отправился на середину реки, чтобы набрать пресной воды для питья и приготовления пищи. Было безветрие, и костер рядом с палаткой не потушили. Едва они добрались до середины, как порывом ветра пламя перекинулось на палатку, и через мгновение она пылала. Когда возвратились, то все вещи и палатка сгорели. Удалось спасти лишь ящик, где хранились журналы, описи, карты и инструменты.

Пришлось немедленно возвращаться в Нижнеколымск, куда прибыли 20 июля. Там еще были Матюшкин и Кибер, собиравшиеся отправиться на берега Анюев. А Врангель, пополнив запасы, снова пошел на шлюпке вниз по Колыме. По пути он собирал сведения о якутах. В одной из деревень он встретился с 82-летним якутом, крестником лейтенанта Д. Я. Лаптева, который много рассказал о жизни своих сородичей, о якутской стране, о полезных ископаемых, о климате, о старине якутской, о шаманах, об оружии якутов, о роли в их жизни якутских лошадей, об охоте.

22 августа в низовьях Колымы выпал снег, начались морозы. Врангель едва успел закончить опись устья этой реки. 1 сентября вся она покрылась льдом. Как раз в этот день Врангель возвратился в Нижне-

колымск, где Решетников доложил, что его партия сумела разбить у Большого Баранова камня целый стан, а также настрелять много гусей и лебедей.

Зима наступала. Все время шел сильный снег. В Колымском остроге оставались только старик со старухой сторожить канцелярию да Врангель с тремя служителями экспедиции. Постепенно возвращались с летних промыслов жители, и население тоже постепенно увеличивалось. Вскоре пришла почта из Якутска, и Фердинанд Петрович мысленно перенесся в круг родственников и друзей, который добровольно сменял на бескрайние ледяные пустыни, вьюги и стужу.

29 сентября возвратились с Аноя Матюшкин и Кибер, а через неделю приехал и Козьмин. Они также вполне успешно завершили свои путешествия. Теперь все вместе в течение долгого времени приводили в порядок журналы, составляли чистовые карты, проверяли записи в дневниках, рассказывали друг другу о своих путешествиях.

Матюшкин и Кибер описали течение обоих Аноев и привезли очень много интересных материалов о жизни чукчей, о прошлом этих мест. В пути они часто видели остатки костей доисторических животных. Много нового им удалось узнать о жизни и быте юкагиров, еще менее изученных русскими, чем жизнь и быт чукчей. В полную силу пришлось поврачевать здесь доктору Киберу. Матюшкин также нашел себе занятие во время сравнительно длительной стоянки в урочище Плотбище: он усердно собирал сведения о народах этой страны, о их состоянии и теперь и в прошлом. Он получил интересные сведения о шелагах, омоках и других народностях, некогда многочисленных, а теперь или совершенно вымерших или растворившихся в других племенах.

Немало интересного рассказал и Прокопий Тарасович, успешно завершивший опись берега Ледовитого океана между устьями рек Малой Чукочьей и Индигирки. Начало работы не предвещало ничего хорошего. Места были низменные, с множеством болот, занесенных снегом, затем начались озера, небольшие, но весьма частые. Не обошлось и без приключений. При переправе через речку Конковую и через небольшое озеро «лошадь моего казака чего-то испугалась, поднялась на дыбы и сбросила в воду седока и вьюки, где заключались мой журнал, чай и порох,— рассказывал Козьмин.— Пока мы вытащили вьюки, чай и порох были уже совсем мокры и испорчены. Потеря пороха была тем более чувствительнее для нас, что мы находились, так сказать, в отечестве медведей и ежечасно могли ожидать встречи с ними, а единственными оружиями нашими оставались теперь лук у якута, топор и два ножа»¹. В единственном большом селении Козьмину удалось выменять за табак и чай две новые лодки, так как старые пришли в полную негодность. Местные жители «пригласили меня и проводников в свои хижины и ра-

¹ Ф. П. Врангель. Путешествие... ч. 2, стр. 118.

2007
1821

душно угощали нас всем, что только у них было лучшего»¹. В середине июля наступила жара: «Солнце в течение 72-х часов (трое суток 15—17 июля.— А. А.) не сходило с безоблачного небосклона. Испарения Ледовитого моря, усиливая преломление солнечных лучей, беспрестанно изменяли положение, и окраенность светила: оно то уменьшалось, то принимало эллиптическую форму, или, по-видимому, скрывалось за горизонт и вдруг снова поднималось в полном блеске. Такое странное и великолепное явление продолжалось целый день, и не смотря на нестерпимую боль в глазах от яркого света и сильной рефракции, я не мог налюбоваться волшебною картиною»².

Жару сменил сильный ветер с дождем, а уже 19-го выпал снег. Это случилось как раз во время переправы через реку Алазею, а затем снова потеплело. Миновав различные колымские протоки, Козьмин повстречал 80-летнего жителя Русского Устья — селения на устье Индигирки и в сопровождении его проделал завершающий этап своего путешествия. Свободные от описи часы коротали в слушании рассказов о богатой приключениями жизни этого старика. В Русское Устье пришли 28 июля, где гостеприимно были встречены жителями. А старик Кочевщиков отвел Козьмину со спутниками целый дом, где тот спокойно мог отдыхать и приводить в порядок отчетные материалы, знакомясь с русскими селениями и жителями. 23 сентября в Русское Устье пришел П. Ф. Анжу, завершивший опись побережья от устья Яны до Индигирки. Согласовав с ним все вопросы, Козьмин отправился в Нижнеколымск.

А между тем Врангель обдумывал новую экспедицию по льду на север. Для этого он снова, как и прежде, отправлял одну за другой партии с провиантом для собак на маршруте. Дело осложнилось сильным моровым поветрием на собак, унесшим многих хороших упряжек. Но все же до нового, 1822 года основные базы по пути следования были выставлены. Но раньше марта тронуться в путь не удалось.

10 марта из Нижнеколымска вышел длинный нартовый собачий поезд: пять нарт для путешествия и 19 провиантских нарт везли весь запас продовольствия, снаряжения, а также Врангеля, Матюшкина, Козьмина, Нехорошкова и проводников. Кибер был вынужден из-за нездоровья возвратиться в Нижнеколымск.

Проехав Сухарное, 14 марта достигли Большого Баранова камня, где до предела загрузили нарты плавником и заготовленными березовыми дровами. Дров должно было хватить суток на сорок. Следующий день как раз и ушел на последние приготовления, а 16-го экспедиция достигла северной оконечности Баранова камня, от которого ступила на лед, держа курс на северо-восток. «В сем направлении намеревался я,— писал Врангель,— проникнуть до 71½° широты, где мы пересекли

¹ Ф. П. Врангель. Путешествие... ч. 2, стр. 119.

² Там же, стр. 129.

бы меридиан Шелагского мыса, в расстоянии 150-ти верст. Там предполагалось устроить складку провианта и отослать часть нарт в Нижнеколымск, а с остальными продолжать исследование на NO и NW. Таким образом путешествие наше послужило бы продолжением прошлогоднего и могло повести к удовлетворительным выводам о предполагаемом существовании земли к северу»¹.

У берега было множество торосов, и сразу же начались трудности — транспортные нарты безнадежно отстали. Поэтому, пройдя 18 верст, Врангель расположился на ночлег. Провиантские нарты догнали путешественников только поздно вечером. Утром погода стояла пасмурная, шел сильный снег. Постепенно торосы уменьшались, и вскоре началась необозримая равнина с волнообразными буграми. Выехали поздно и 18 марта прошли только 23 версты: много времени ушло на починку нарт и охоту на медведя к неописуемому удовольствию собак.

Наутро мороз усилился до 25°, дул сильный северо-западный ветер, и, проехав 36 верст, путешественники расположились на ночевку. Снова безнадежно отставали транспортные нарты, и когда они пришли, то все-таки двух недоставало. На следующий день их обнаружили: они отстали и сбились с пути, ночевали в голоде и холоде и в непрерывном страхе от нападения медведей. С места стоянки Врангель направил в Нижнеколымск три разгруженные нарты.

А экспедиция стояла на месте, пережидала непогоду, устраивала здесь склад. За это время убили еще одного огромного медведя. Лишь 22 марта путь был продолжен, но он был недолгий — всего 11 верст удалось преодолеть, и снова ночевка. Мешали торосы и рыхлый снег. 25 марта Врангель отослал Матюшкина на двух нартах с запасом провизии на пять дней в северо-восточном направлении, а сам с Козьминым на трех нартах с трехдневным запасом продовольствия отправился прямо на север. По пути сюда были устроены еще склады и 26-го 13 провиантских нарт отправились порожняком в Нижнеколымск.

27 марта Врангель и Козьмин видели на северо-востоке землю: «Холмы резко окраились; мы могли различать долины и даже отдельные утесы. Все уверяло нас, что после долгих трудов и препятствий открыли мы искомую землю. Поздравляя друг друга с счастливым достижением цели, мы спешили далее, надеясь еще до наступления вечера вступить на желанный берег. Но наша радость была непродолжительна, и все прекрасные надежды наши исчезли. К вечеру, с переменою освещения, наша новооткрытая земля подвинулась по направлению ветра на 40°, а через несколько времени еще обхватила она весь горизонт, так, что мы, казалось, находились среди огромного озера, обставленного скалами и горами»².

¹ Ф. П. Врангель. Путешествие... ч. 2, стр. 148.

² Там же, стр. 157.

Матюшкин, возвратясь из своего путешествия, также говорил, что он видел синеющую вдаль землю, видел следы песцов и даже однажды заметил след лисицы. За трое суток проделал он 90 верст и добрался до широты $71^{\circ}10'$. Вокруг простирались торосы. Один из проводников был болен, и поэтому Врангель 6 апреля отправил его с двумя другими проводниками с 24 собаками на одной нарте в Нижнеколымск.

Исследования продолжались. Все усилия участников экспедиции были направлены на то, чтобы продвинуться как можно дальше на север и найти таинственную землю. Но попытки, продолжавшиеся весь апрель, оказались безуспешными. В различных направлениях ездили то Матюшкин, то Козьмин, то сам Врангель, а земли не видели, повсюду были признаки только открытого моря. Врангель произвел несколько магнитных определений, сделал множество измерений глубин. 19 апреля экспедиция находилась в 262 верстах к северу от Большого Баранова камня (широта $72^{\circ}2'$). Не было никакого смысла продолжать ехать на север — там ждало повсюду открытое море. Поэтому повернули обратно и после трудного и утомительного перехода по торосам и вдоль берега экспедиция только 5 мая возвратилась в Нижнеколымск.

Здесь ее застало половодье. Колыма вскрылась 27 мая, и сразу же так бурно, что путешественникам в течение нескольких дней пришлось провести время на крыше дома, где они жили. Все кругом было затоплено. Лишь 31 мая вода разрешила людям спуститься с крыш.

В начале июня начали готовиться к летним исследованиям, во время которых предполагалось описать морской берег от устья Колымы до Большого Баранова камня и подробнее ознакомиться с тундрой. Вперед были посланы четыре человека, для того чтобы выстроить карбас, настрелять гусей, лебедей, наловить как можно больше рыбы.

А 23 июня Врангель, Матюшкин и Козьмин с сопровождающими их матросами и служилыми на катере «Колыма» отправились вниз по течению. Кибер все еще был нездоров. На катере шел и Анжу. В селении на устье Колымы — в Походске он сменил катер на лошадь и в сопровождении трех проводников пошел через тундру к устью Индигирки.

Морепплаватели начали опись побережья. Им очень понравилось равнинное возвышенное место в низовьях Колымы — Пантелеевка, и Врангель писал, что целесообразно было бы перенести сюда острог. Здесь, в Пантелеевке, встретились с купцом Федором Бережным и уговорились, что он будет сопровождать Матюшкина в его путешествии по тундре. За время стоянки в Пантелеевке они осмотрели реку того же названия, полюбовались красивыми местами, тщательно подготовились к плаванию. Несколько помешал своевременному выходу разразившийся ливень. Наконец, 1 июля Матюшкин с Бережным в сопровождении толмача чукотского языка выехали в Чаунскую губу через Анюи, а Врангель, Козьмин, два матроса и якут с шестью вьючными лошадьми направились к Барановым камням сделать там астрономические определения.

В первый день Врангель с Козьминим проехали только 11 верст. Дальше дело пошло лучше. Погода стояла теплая. Козьмин вел маршрут, а Врангель составлял описание пути, производил метеорологические и магнитные наблюдения. Но чем дальше, тем становилось холоднее. Путешественники вышли к морю как раз в том месте, где во время своего плавания на «Палласе» 35 лет назад приставал Иосиф Биллингс. Там сохранился крест с надписью: «1787 года, 12-го июля». На этом месте Врангель произвел целый комплекс астрономических, магнитных и метеорологических наблюдений, постоянно сравнивая их с соответствующими наблюдениями Биллингса.

На обратном пути исследовали все достопримечательности береговой черты, производили наблюдения морской воды, для чего выходили на лодке в море. Козьмин возвратился в Нижнеколымск несколько ранее, а Врангель после 62-дневного отсутствия появился там 20 августа. В сентябре по Колыме установилась зимняя дорога. 24 сентября возвратился из своего интересного путешествия и Матюшкин.

В течение почти трех месяцев ему и Бережному пришлось преодолеть большое расстояние. Уже в долине Анюя Матюшкин видел гробницы юкагиров, расположенные на больших столбах. Дальше дорогу размыло дождями, которые шли днем, а по ночам сменялись мокрым снегом. «От непрерывного дождя и снега, писал Матюшкин, разлившиеся ручьи, пенясь, вырывались из ущелий южной цепи гор и прорезывали во всех направлениях долину; она постепенно становилась уже и наконец уподобилась высохшему руслу реки; по обеим сторонам отвесно подымались ряды скал, увенчанных зубцами странного образования. Между горами зияли мрачные пропасти и ущелья; вся земля завалена была осколками камней. Вообще вся долина являла дикий вид и произвела на нас унылое впечатление»¹.

Бережной нашел прекрасный мамонтовый бивень, а Матюшкин однажды добыл сразу 18 лебедей. В один из дней путешественники повстречались с Козьминим, возвращавшимся в Нижнеколымск. Матюшкин и Бережной 7 августа достигли Чаунской губы и подробно описали ее. 14 августа повернули обратно и под водительством опытного Бережного ехали по кратчайшему пути напрямик через тундру. После долгого и утомительного пути, во время которого иссякли окончательно все запасы, лошади обессилели, и приходилось вести их под уздцы. В довершение всего путешественники заблудились. Решили было уже принести в жертву одну из лошадей, как вдруг в ближайшей речке удалось выловить несколько рыб, а неподалеку разыскать дрова. Только 25 августа достигли путешественники желанного Анюя, и возвращение намного облегчилось. Стали попадаться юкагиры, да рыбы в реке стало вдоволь. Благодаря этому все окончилось благополучно.

¹ Ф. П. Врангель. Путешествие... ч. 2, стр. 242.

Экспедиция зимой 1822/23 года — третье путешествие на север по Ледовитому морю — проходила в несколько лучших условиях, чем две предыдущие. Зима оказалась мягче, приехал новый колымский исправник Тарабукин, который долго жил в Сибири и деятельно помогал Врангелю во всех его начинаниях. Он организовал подвоз корма для собак во все места до Большого Баранова камня включительно, помог найти хороших собак.

План путешествий в эту зиму был таков. Врангель по-прежнему отправлялся на север по льдам, Матюшкин должен был описать побережье Чукотки до мыса Северного, а Козьмин шел к Медвежьим островам для точной их описи, особенно острова Крестового. 30 января Козьмин на двух нартах выехал к островам. Он так хорошо был подготовлен к работам, стояла такая превосходная погода, что уже 17 февраля Проконий Тарасович возвратился и представил подробнейшие описи и карты Медвежьих островов.

Теперь разделились на два отряда: с Врангелем шел Козьмин, а с Матюшкиным доктор Кибер. 26 февраля весь караван был в пути и в скором времени оказался у Баранихи. Здесь пришлось окончательно улаживать все недоразумения, неточности, делать последние приготовления к походу. 5 марта вышли к Шелагскому мысу и достигли его 8-го. Здесь повстречали старого чукчу во главе целого стойбища. Этот чукча говорил, что он потомок шелагов, или чуванов, и что от последнего названия и носит свое имя Чаунская губа. На вопрос Врангеля, есть ли какая-нибудь земля к северу от Чукотки, он ответил: «Между мысом Ерри (Шелагским) и Ир-Кайпио (Северным), близ устья одной реки, с невысоких прибрежных скал в ясные летние дни бывают видны на севере, за морем, высокие, снегом покрытые горы, но зимою однакож их не видно. В прежние годы приходили с моря, вероятно оттуда, большие стада оленей, но преследуемая и истребляемая чукчами и волками, теперь они не показываются. Сам он однажды преследовал в апреле месяце целый день стадо оленей на своих санях, запряженных двумя оленями, но в некотором отдалении от берега морской лед сделался столь неровен, что он принужден был возвратиться»¹. Сведения о земле к северу от Чукотки, полученные от чукчей, впервые были сообщены Т. И. Шмалевым, а затем Г. А. Сарычевым.

10 марта перебрались, распрощавшись с чукчами, на восточную сторону Шелагского мыса и отсюда 13 марта вышли на лед, направляясь почти на север, немного к востоку.

На север пошли только Врангель с Козьминым на четырех нартах в сопровождении пяти проводников. Но сразу попали в бурю и отсиживались до 19 марта. Погода и позднее мало улучшилась. Очень утомляло взбираться на торосы, обходить трещины и разводья. Через два дня

¹ Ф. П. Врангель. Путешествие... ч. 2, стр. 291—292.

Врангель отослал две нарты, а через четыре стал возвращаться и сам. Не было никакой возможности продвинуться по льду далее. В этот поход Врангель достиг $70^{\circ}51'$ северной широты в долготу $175^{\circ}27'$.

Обратный путь был еще труднее. Заболел проводник, и его заменил на нартах сам Козьмин. Была потеряна дорога, увеличались разводья, начиналась небольшая подвижка льда, часто перед путешественниками лед трескался, и с большим трудом удавалось найти дорогу в обход. А когда дорога совсем исчезла, то пришлось бросить часть грузов, чтобы налегке скорее выбраться на сушу. 27 марта начался сильный ветер, льдины бились друг о друга и крошились. Внезапно льдину, на которой все находились, с силой бросило на неподвижную льдину и разломило на мелкие части. Остается до сих пор загадкой, как сумели путешественники вскочить на нарты и почти по ледяной каше добраться до неподвижной льдины. Они были спасены чудом. Вот как описал Врангель это происшествие: «Три часа мы провели в таком положении. Льдина наша носилась по волнам, но все еще была цела. Внезапно огромный вал подхватил ее и с невероятной силою бросил на твердую ледяную массу. Удар был ужасен; оглушительный треск раздался под нами, и мы чувствовали, как раздробленный лед начало разносить по волнам. Минута гибели нашей наступала. Но в это роковое мгновение спасло нас врожденное человеку чувство самосохранения. Невольно бросились мы в сани, погнавши собак, сами не зная куда, быстро полетели по раздробленному льду и счастливо достигли льдины, на которую были брошены»¹.

После происшествия сразу же двинулись дальше и к вечеру были на берегу, недалеко от устья реки Верконь (или Веркунь). На следующий день занимались перевозкой провианта для собак из склада, устроенного на льду, на берег. Затем утомленные путники отдыхали, а в конце марта принялись за опись местности в ожидании Матюшкина, с которым Врангель решил теперь соединиться и продолжать путь вместе вдоль берегов Чукотки. В довершение всех бед Врангель и Козьмин не могли воспользоваться еще одним складом, устроенным ранее на льду и теперь отделенным от берега пятнадцативерстной расщелиной.

Естественно поэтому, что они были очень рады появлению 4 апреля отряда Матюшкина, который, медленно продвигаясь, детально описывал побережье. Один чукотский старшина рассказывал, что к востоку от устья реки Верконь находятся и по сне время остатки хижины, построенной в давние времена русскими, спасшимися с разбитого у этих берегов большого корабля. Матюшкин специально съездил к этому месту и убедился, что тут действительно была хижина. Рассказы чукчей о времени происшествия заставили предположить, что именно здесь и была стоянка Н. П. Шалаурова.

¹ Ф. П. Врангель. Путешествие... ч. 2, стр. 307.

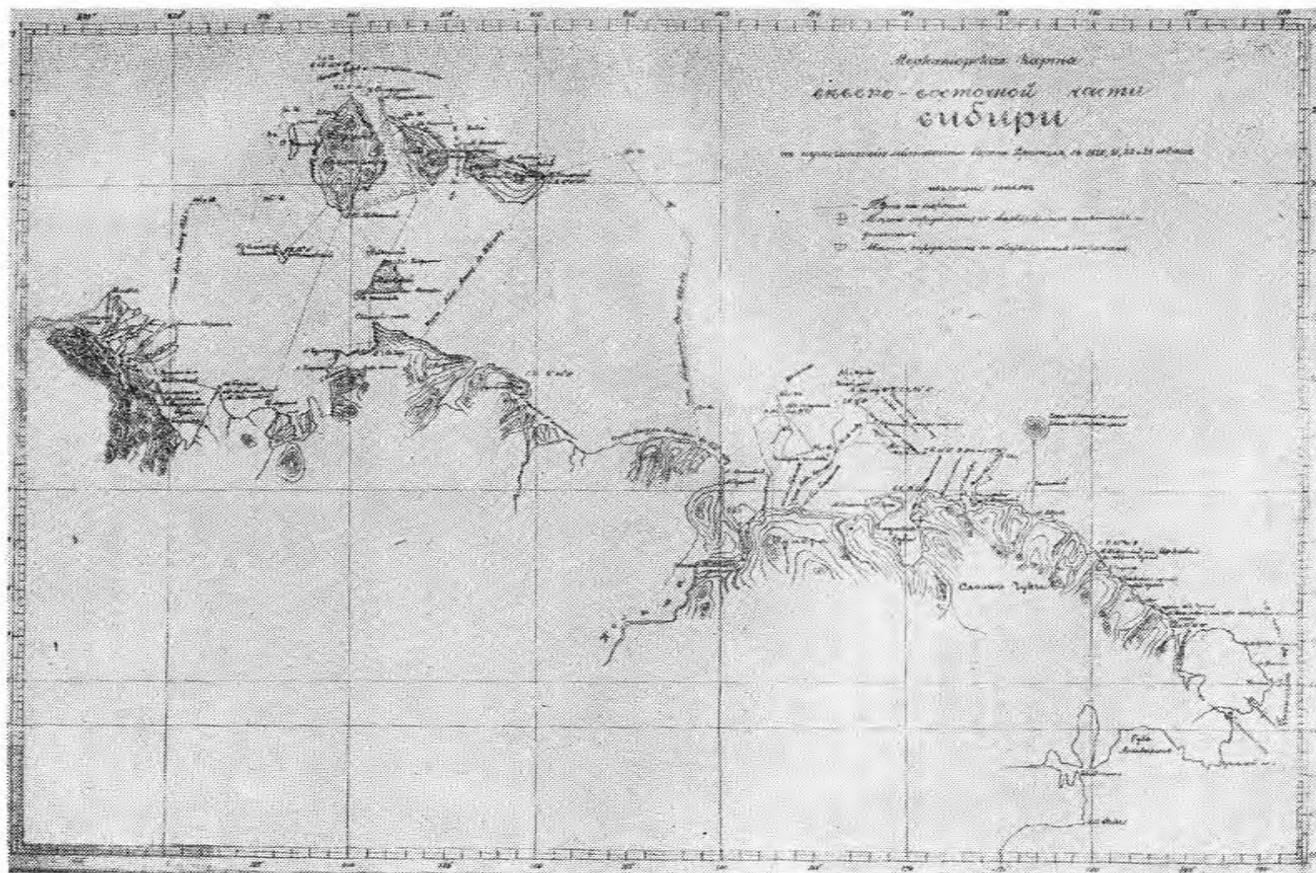
Матюшкину и Киберу чукчи также рассказали о существовании земли к северу от Чукотки. Отослав часть нарт в Нижнеколымск, путешественники на семи нартах отправились далее на восток. Работа шла успешно. Становилось теплее, можно было более точно производить астрономические определения. Встречали много наносного леса, так что ночёвки проходили у больших костров. 10 апреля достигли мыса Северного. Здесь Врангель договорился с одним чукотским старшиной, что тот за ружье заготовит дров, достанет одиннадцать тюленей на корм собакам и доставит путешественников к острову Колючин и обратно.

Врангель решил увеличить таким образом район действия экспедиции. Берег был по преимуществу низменный, песчаный, с выдающимися крутыми мысами. 14 апреля путешественники были уже на мысе Ванкарем. Благодаря присутствию сопровождавшего путников чукотского тойона, их хорошо устроили на отдых. На следующий день увидели на горизонте вдаль остров Колючин — цель путешествия. Тойон помог им также и установлением дружеских связей с жителями этого острова, а затем и с другими чукчами, прибывшими сюда.

Врангель за табак выменял здесь много корма для собак, и они целых два дня отдыхали. Врангель решил возвращаться по тому же пути, каким ехали сюда. При этом была возможность пользоваться некоторыми запасами, оставляемыми на прежних стоянках, а также проверить определения мест и опись побережья. 25 апреля Врангель посетил остатки Шалауровой избы. Здесь он нашел несколько черепов, остатки кошеля и патронташа. У мыса Рыркарпий (Ир-Кайпий) нашли записку от Матюшкина, что его поход к северу от мыса по льду оказался безуспешным и что он встретил сразу же разводья, вынужден был возвратиться и ушел в Нижнеколымск.

Обратное путешествие прошло в общем благополучно, если не считать недостатка провизии. 11 мая после 78 дней отсутствия путешественники появились в Нижнеколымске. Согласно предписанию, экспедиция должна была закончить свою работу и возвращаться в Петербург. Все лето ушло на составление отчетов, на отдых и расчеты с местными жителями. Этим воспользовались Матюшкин и Кибер, совершившие летом плавание до Верхнеколымска по Колыме. Оттуда они направились в Якутск. А Врангель с Козьминым покинули Нижнеколымск только 1 ноября уже по зимней дороге. 10 января 1824 года они успешно прибыли в Якутск, где встретились с Анжу, возвратившимся из своего трудного путешествия. Отсюда Козьмин и Матюшкин поехали в Петербург. Кибер и Врангель чувствовали себя неважно, у них обоих развился ревматизм. Поэтому решено было лечиться целебными водами недалеко от Иркутска. В Петербурге они появились только 15 августа 1824 года, на три месяца позже Матюшкина и Козьмина.

В честь Фердинанда Петровича открытый гораздо позже остров, который видится с берегов Чукотки и который приближенно был им нане-

Меркаторская карта северо-восточной части Сибири по описи Ф. П. Врангеля в 1820—1823 годах.

сен на карту, назван именем Врангеля. Врангель внес неоценимый вклад в географию Сибири. Его книга была переведена на два европейских языка, карты Чукотки получили достаточное обоснование, были сделаны первые обобщения по гидрологическому режиму прибрежного района Ледовитого океана. Массу новых сведений доставили участники экспедиции по этнографии, флоре, фауне и метеорологии. Врангель был произведен в капитан-лейтенанты и награжден орденом св. Владимира 4-й степени.

По возвращении в Петербург и после некоторого отдыха там Врангель начал работать над книгой, а вскоре получил назначение командиром шлюпа «Кроткий», отправлявшегося в кругосветное плавание с целью доставить припасы и снаряжение для Русской Америки. Такую приятную возможность предоставил Врангелю его бывший командир по «Камчатке» В. М. Головнин, а теперь генерал-интендант флота. Конечно, старые сослуживцы Фердинанда Петровича выразили желание снова отправиться в путь со своим командиром. Так Матюшкин, Козьмин и доктор Кибер оказались членами экипажа «Кроткого».

Шлюп вышел в плавание 23 августа 1825 года. Обычный путь русских мореплавателей вокруг света был уже единожды пройден Врангелем: Копенгаген — Портсмут — Рио-де-Жанейро — мыс Горн — Валь-параисо. Отсюда начался переход через Тихий океан. Была сделана остановка в порту Чичагова на острове Нукагива в группе Маркизовых островов. Здесь произошла катастрофа. Посланные на берег мичман Дейбнер и матросы Некрасов и Тимофеев были убиты дикарями, а матрос Лысухин спасся только благодаря вмешательству Врангеля. Не пополнив основательно свои запасы и не отдохнув на негостеприимных Маркизовых островах, мореплаватели направились в Петропавловск и прибыли туда 11 июня. Отсюда «Кроткий» сходил в Ситху и 12 сентября ушел оттуда в обратный путь. Врангель выбрал маршрут вокруг мыса Доброй Надежды и благополучно возвратился в Кронштадт 14 сентября 1827 года.

Фердинанд Петрович был произведен в капитаны 2-го ранга и награжден орденом св. Анны 2-й степени. Не были забыты наградами и его верные спутники Матюшкин, Козьмин и Кибер. Вся дальнейшая жизнь Врангеля связана с гидрографией, с Дальним Востоком и Русской Америкой. Он написал книгу о плавании на «Кротком», но она, к сожалению, не увидела света, так же, впрочем, как и книга В. С. Хромченко. В 1830 году скончались сразу два выдающихся деятеля гидрографии — Г. А. Сарычев и В. М. Головнин, у которых эти книги были на отзыве, а авторов в это время не было в Петербурге. Академия наук избрала Ф. П. Врангеля своим членом-корреспондентом.

После плавания Врангель некоторое время командовал фрегатом «Елизавета», но в 1829 году он по собственной просьбе был назначен правителем Российско-Американской компании в Ново-Архангельске.

Поехал туда он уже капитаном 1-го ранга и провел там пять лет. Перед самым отъездом Врангель женился на Елизавете Вильгельмовне Росильон. Жена его делила с ним все тяготы жизни в Америке.

Деятельность Врангеля в Америке была чрезвычайно полезна для географической науки. Кроме того, Врангель весьма гуманно относился к местным жителям и завоевал поэтому их доверие и уважение. Он много сделал для процветания русских колоний в Америке, заботился о городе Ново-Архангельске, укрепил дальние форты и редуты. Он вменил в обязанность всем мореплавателям, состоявшим на службе компании, производить гидрографические работы в районах труднодоступных. Именно он организовал экспедицию И. Ф. Васильева во внутренние районы Аляски. Лейтенант Д. Зарембо также произвел опись многих районов американского побережья.

Возвратившись из Америки, Врангель был произведен в 1836 году в контр-адмиралы и назначен исправляющим должность директора департамента корабельных лесов. На этом посту он оставался до 1849 года, затем вышел в отставку и поселился в имении Руиль в Эстляндии. Но он пробыл в отставке только пять лет, и когда ему предложили возглавить Гидрографический департамент, то Врангель согласился и был вновь принят на службу. Он был тогда уже вице-адмиралом. Ф. П. Врангель служил до 1864 года, занимая посты председателя Морского ученого комитета, члена Государственного совета, в 1856 году был произведен в адмиралы и награжден многими орденами. Всю свою жизнь он был другом Ф. П. Литке. Вместе с ним и Бэром Врангель был в числе организаторов Русского Географического общества в 1845 году.

Ф. П. Врангель скончался от «разрыва сердца» в Дерпте, где он проездом был у своего брата, на 74-м году жизни — 25 мая 1870 года.

личность Ф. П. Литке уже при его жизни привлекала внимание научной общественности, ученых, географов, моряков, историографов. Отмечались его заслуги как знаменитого ученого, выдающегося путешественника, исследователя Арктики и Дальнего Востока, Мирового океана, а также как организатора науки и крупного государственного деятеля.

Федор Петрович Литке родился в Петербурге 17 сентября 1797 года в семье чиновника. Детство его было безрадостным: матери он лишился при рождении, а отца потерял, когда ему минуло всего 12 лет. Воспитывался он у своего дяди по матери, а затем в семье сестры На-

ЧЕРЕЗ СТО ЛЕТ

Ф. П. Литке.

талья Петровны Сульменевой, которая была замужем за одним из лучших моряков своего времени, офицером сенявинской закалки Иваном Саввичем Сульменевым. Последний заменил Федору Литке отца. Несмотря на то, что Литке нигде систематически не занимался, он сумел в 16-летнем возрасте выдержать экзамены на мичмана, но по решению царя был зачислен на флот гардемаринном на одну кампанию.

Первые годы он служил на Балтике под командованием Сульменева, участвовал в осаде Данцига и был награжден орденом св. Анны 4-й степени. Чуть позже он получил чин мичмана. И все это в 16 лет! Затем прошли также в службе и самообразовании, увеселениях и развлечениях еще три года безмятежной юности Федора Литке. Но в 1816 году в жизни его произошел крутой поворот, решивший по существу судьбу всей дальнейшей его деятельности.

Иван Саввич Сульменев был родственником известного кругосветного мореплавателя В. М. Головнина, описаниями которого о пребывании в плену у японцев тогда бредили все молодые офицеры. Узнав, что Головнин собирается в новую кругосветную экспедицию, Сульменев решил уговорить его взять в плавание и своего юного шурина. Вопрос был решен сразу же. Федор Литке был одним из трех мичманов, трех Федоров, шедших в плавание. Вместе с ним были Фердинанд (или Федор) Петрович Врангель, впоследствии выдающийся ученый и мореплаватель, и Федор Федорович Матюшкин, друг великого Пушкина по Царскосельскому лицее. Дружба Литке с Врангелем продолжалась всю жизнь. Головнин был требовательным, но справедливым офицером и командиром. Школа его наложила отпечаток на всю последующую морскую службу Литке. Головнин хотел, чтобы каждый на шлюпе отлично знал свое дело, чтобы все были здоровы. Большинство матросов владели двумя специальностями, и из плавания они возвратились более здоровыми, чем прежде.

Шлюп «Камчатка» вышел в свое замечательное плавание 26 августа 1817 года. В ночь на 10 сентября он благополучно прибыл в Портсмут, (десять дней простояли на рейде Копенгагена). Все успели съездить в Лондон, побывал там и Литке. Молодой мичман с первого же дня пути вел подробный дневник плавания: Лондону и Портсмуту в нем отведена целая глава-добавление. 17 сентября в кают-компании было отмечено его двадцатилетие. Поздравил его и Головнин, который, как казалось Литке, невзлюбил его с первого же раза.

Плавание было продолжено 21 сентября. Головнин решил не заходить на Канарские острова, чем навлек на себя гнев молодых офицеров, которые лишились возможности полюбоваться красотами чудесной природы островов, насладиться знаменитой мадерой и полюбоваться тенерифскими красотками. Вместо этого еще месяц плавания и затем 22 октября торжества в честь пересечения экватора. Не обошлось по этому поводу и без традиционного празднества. Величественный Нептун в сопровождении свиты поднялся на палубу, выслушал рапорт капитана и приветствовал всех, кто уже пересекал экватор. «Тех же, кои переехали экватор в первый раз, мочил кистью и брил огромною бритвою. Матроз же окачивали из брандспойтов, что дало нам случай много посмеяться. Остаток дня проведен в веселости»¹.

5 ноября были в Рио-де-Жанейро, где моряков встречал консул и путешественник, академик Г. И. Лангсдорф, участник экспедиции И. Ф. Крузенштерна и руководитель экспедиции во внутренние районы Бразилии. Здесь стояли долго, осмотрели все достопримечательности этого красивого города. Улица, на которой продают там негров, «состоит из домов, или лучше сказать сараев, разгороженных на две половины:

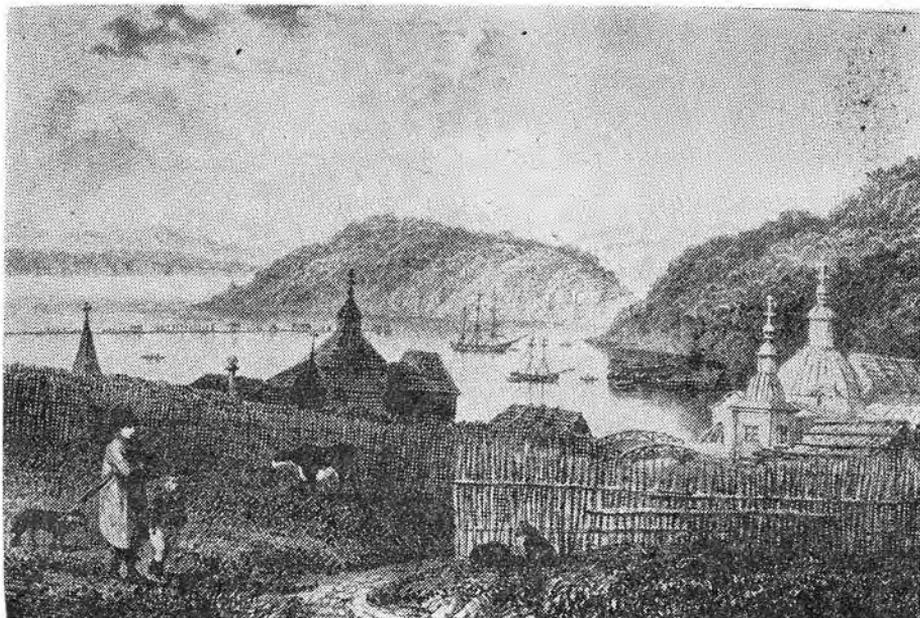
¹ Дневник Ф. П. Литке. ЦГА ВМФ, ф. 15, оп. 1, д. 8, лл. 30—30 об.

в одной продаются мужчины, а в другой женщины. Желаящий купить является, хозяин показывает ему своих негров, заставляет их делать разные телодвижения в доказательство здоровья их; покупающий смотрит у них язык, как коновал смотрит у лошадей зубы. Товар продан — и бедный негр делается собственностью другого»¹.

22 ноября продолжали путь вокруг мыса Горн. Как раз в районе мыса встретили новый, 1818 год. Переход был исключительно тяжелым: 25 суток «Камчатка» боролась с непрерывными штормами, с холодной погодой, с дождями и градом, с жестокими ветрами. Но моряки выстояли. 7 февраля «Камчатка» положила якорь в Каллао, в Чили. Здесь моряки были желанными гостями местных жителей и властей. Они совершили несколько экскурсий по стране, побывали в г. Лиме, осмотрели монастыри, артиллерийский арсенал, монетный двор, пантеон, развалины древнего индейского города Казамаркилья. Литке все чаще и чаще подумывал о том, чтобы списаться на Камчатке с корабля. Он окончательно испортил свои отношения с одним из офицеров — лейтенантом

¹ Дневник Ф. П. Литке. ЦГА ВМФ, ф. 15, оп. 1, д. 8, л. 37 об.

Петропавловск-Камчатский.

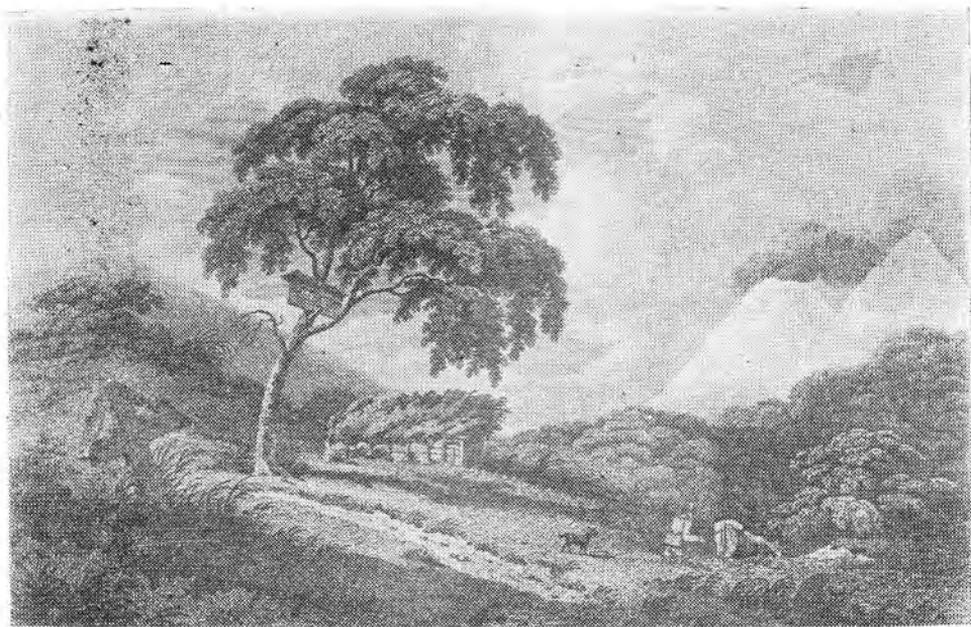

Кутыгиным, вооружил против себя лейтенанта Филатова, и на него весьма неодобрительно поглядывал сам Головнин. Так, по крайней мере, казалось Федору Литке. И когда шлюп 17 февраля покинул Каллао, Литке поделился своими тревожными мыслями с Фердинандом Врангелем. Рассудительный, степенный друг расценил его порывы как малодушие, и Литке решил терпеть. Позже, через 25 лет, он в письме к Врангелю с признательностью вспоминал эти тревожные дни.

29 апреля увидели камчатский берег, и 3 мая шлюп стал на якорь у родных берегов, в Петропавловской гавани. Свидание Головнина со своим другом, бывшим старшим офицером «Дианы», а теперь начальником Камчатки П. И. Рикордом, было трогательным, но недолгим. Шлюп готовился к переходу в Северную Америку, готовился к исследовательским работам в районе Алеутских островов. Но времени, чтобы осмотреть несложные строения Петропавловска, сходить на охоту, побывать на Паратунских ключах, все равно хватило с избытком.

14 июня Литке вместе с другими офицерами присутствовал при захоронении останков спутника Джемса Кука — капитана Кларка. На том месте, где был похоронен он, а также астроном экспедиции Беринга Де-

Могила капитана Кларка.

лил де ля Кройер и направлявшийся на смену А. А. Баранову в Русскую Америку в Ново-Архангельск и скончавшийся в 1808 году на Камчатке коллежский советник И. Г. Кох, предполагали строить большую церковь. Литке пишет, что верхней крышки гроба Кларка не оказалось, «кости же и волосы целы»¹. При перенесении останков на новое место был дан салют.

19 июня шлюп вышел из Авачинской губы по направлению к северу, к Шипунскому мысу, для описи камчатских берегов, но в это время было получено известие, что этим уже занимается О. Е. Коцебу. И Головин направил вверенный ему шлюп к Алеутским островам. Целый месяц продолжалось плавание, и многие из островов были впервые точно описаны, а некоторые заняли несколько иное место на картах, чем это было до сих пор. Сохранились карты Командорских островов, острова Атту и части Северной Америки, сочиненные и вычерченные Литке².

28 июля «Камчатку» торжественными салютами встречал порт и центр Русской Америки — Ново-Архангельск. Вскоре офицеры были на берегу, и им представилась возможность увидеть знаменитого А. А. Баранова, сподвижника Г. И. Шелихова и славного продолжателя его дела. За три недели пребывания в Ново-Архангельске офицеры имели возможность изучить быт и нравы местных жителей. С интересом рассматривали моряки строения Ново-Архангельска, крепость с развевающимся на мачте флагом Российско-Американской компании, дома за палисадом, в которых жили промышленники, моряки, находящиеся на службе компании. На каждом шагу здесь были следы героических подвигов русских мореходов и промышленных людей, повсюду чувствовалась сильная властная рука основателя города — Баранова.

Гагемейстера, нового правителя колоний, присланного на смену Баранову, на месте не оказалось: он ушел в Калифорнию за хлебом. Закончив свои дела и не дождавшись его, Головин вышел ему навстречу. 20 августа покинули Ново-Архангельск и 3 сентября в полдень увидели прославленный калифорнийский форт Росс, где также был флаг Российско-Американской компании. Вскоре на байдаре прибыл туда Иван Андреевич Кусков, бессменный правитель крепости. До вечера был он на шлюпе и очаровал всех рассказами из американской жизни, рассказами о соседних испанцах, о жителях форта Росс. Он же сообщил, что Гагемейстер находится в Монтерее. Головин направился туда и на самом подходе встретился с «Кутузовым». Пришлось Гагемейстеру снова возвращаться в Монтерей. Там простояли до 10 сентября, разрешили все вопросы. Офицеры преимущественно проводили время на берегу, осматривали окрестности, бывали на балах, даваемых местными грандами.

¹ Дневник Ф. П. Литке. ЦГА ВМФ, ф. 15, оп. 1, д. 8, л. 133 об.

² ЦГА ВМФ, ф. 402, оп. 4, д. 150.

Окончательно распрощались с гостеприимными испанцами и дорогими сердцу россиянами 27 сентября и взяли курс к Сандвичевым островам. В Тихом океане шлюп был встречен немилосердным штормом. Но 20-го все-таки стали на якорь. Начались визиты, моряки побывали на месте, где был убит английский капитан Кук. Король Тамеамаеа, бывший тогда старшиною, со всеми подробностями рассказал морякам об обстоятельствах гибели Кука. Когда закончили все дела, запаслись необходимыми продуктами и свежей водой, 30 октября оставили остров и 22 ноября были у острова Гуам (или Гуахан). Отсюда направились к Филиппинским островам. 13 декабря «Камчатка» стала на якорь в одной миле от Манилы, где и встретили новый, 1819 год.

Здесь стояли долго, залечивали штормовые раны, отдыхали, пользуясь богатой природой. 17 января вышли в Индийский океан и после 35-суточного перехода вокруг мыса Доброй Надежды подошли к острову Св. Елены, где томился в изгнании завоеватель Наполеон. Всем очень хотелось хоть издали, одним глазком взглянуть на Бонапарта, с таким позором удиравшего из России, но на берег никого не выпустили, кроме Головнина, да и то на короткое время. Поэтому для пополнения запасов пришлось заходить еще и на остров Вознесения.

А потом снова огромный переход — целых 72 дня — до Азорских островов, где моряки хорошо, весело отдохнули в течение двух недель. 4 августа «Камчатка» встретила в Портсмуте с «Востоком» и «Мирным». Под командованием Ф. Ф. Беллинсгаузена и М. П. Лазарева они направлялись в Южный Ледовитый океан. Здесь же были шлюпы «Открытие» и «Благонамеренный» под командованием М. Н. Васильева и Г. С. Шишмарева, направлявшиеся в Берингов пролив, чтобы оттуда исследовать полярные страны к западу и к востоку.

4 сентября «Камчатка» стала на якорь на Кронштадтском рейде. Путешествие это дало юному лейтенанту очень много (Литке был произведен в лейтенанты еще во время плавания). Головнин заметил трудолюбие и способности Литке. И когда встал вопрос о новом, ответственном назначении, он, не колеблясь, рекомендовал в начальники экспедиции для исследования Новой Земли лейтенанта Литке.

Четыре экспедиции, описанные Литке в книге «Четырекратное путешествие в Северный Ледовитый океан» (СПб, 1828), имели огромное значение для науки и для самого исследователя. Он последовательно в течение четырех лет с 1821 по 1824 год выходил в море и описал не только западный берег Новой Земли, но также и все Мурманское побережье Кольского полуострова. Подчиненные ему офицеры описали также Белое море и весь берег до устья реки Печоры. По существу, это была первая серьезная, специальная гидрографическая экспедиция Белого и Баренцева морей, систематически описавшая почти все берега двух морей. Работы ее были продолжены затем замечательным гидрографом М. Ф. Рейнеке.

Литке по окончании работ был произведен в капитан-лейтенанты и некоторое время занимался обработкой неизмеримо большого количества материалов. Но долго заниматься этим ему не пришлось. Зимой 1825/26 годов возникла и стала осуществляться мысль об организации экспедиции, главная цель которой «состоит в описи не с совершенною подробностью описанных берегов Северо-Западной Америки и Северо-Восточной Азии»¹.

Для экспедиции были построены суда «Моллер» и «Сенявин». Командование ими поручили капитан-лейтенанту М. Н. Станюковичу и капитан-лейтенанту Ф. П. Литке. Официально экспедиция считалась единой, но практически командиры действовали разрозненно. Начальником объединенной экспедиции считался Станюкович. Согласно инструкции, Ф. П. Литке должен был описать все побережье Азии от Берингова пролива до Камчатки, а Станюкович — Алеутские острова. В Тихом океане они также разграничили сферы деятельности: Литке должен был описывать Каролинские острова, Марианские острова и острова Бонин-Сима, Станюкович — Сандвичевы острова. Кроме этих обязанностей, Литке, по рекомендации Г. А. Сарычева, вызвался еще добровольно производить наблюдения над наклоном магнитной стрелки и гравиметрические наблюдения.

На «Сенявине» вместе с Литке шли в плавание лейтенанты М. Аболешев, И. Ратманов, Н. Бутаков, мичманы Г. Глазенап, П. Крузенштерн, штурманы В. Семенов, Г. Нозиков, Д. Орлов и доктор А. Мертенс. Старшим лейтенантом был Н. И. Завалишин. На «Сенявине» плыли натуралисты А. Постельс и барон Киттлиц.

20 августа 1826 года «Сенявин» и «Моллер» отправились в путь. После кратковременной стоянки на Копенгагенском рейде «Сенявина» в конце сентября вводил на спитхэдский рейд в Англии тот же самый лоцман, который когда-то вводил и «Камчатку». Литке сразу узнал его. Припомнилось это событие и старому лоцману.

22 октября ушли из Портсмута, запасшись продуктами, водой и современными мореходными инструментами и картами, а также получив специальные инструменты для измерения силы тяжести земли и наклона магнитной стрелки. Сразу же корабли расстались и встретились только в Рио-де-Жанейро. Связанный общей инструкцией, Литке зашел на остров Тенериф и, не застав тут Станюковича, на следующий день отправился дальше. «Сенявин» попал в полосу экваториального безветрия и потерял много времени. Когда он пришел в Рио-де-Жанейро, там уже дней десять как стоял «Моллер».

В дальнейший путь вышли снова вместе, но у мыса Горн расстались и встретились только у входа в Вальпараисо: «Моллер» выходил оттуда,

¹ Из инструкции М. Н. Станюковичу от Адмиралтейского департамента. ЦГАДА, Госархив, разряд 30, д. 59, ч. II, л. 3.

а «Сенявин» только входил. Все эти места были уже знакомы Федору Петровичу. Он много рассказывал своим спутникам-офицерам об особенностях плавания в Тихом океане, готовил их к гидрографическим работам в его северной части.

3 апреля «Сенявин» под парусами вышел в Тихий океан, взяв курс на север. Северное полушарие встретило моряков проливным дождем: это было кстати — пополнили запасы свежей водой и постирали белье, помылись пресной водой. А дальше плавание было медленное и спокойное. 11 июня увидели приметную вершину Эджкомб, по которой правят на вход в Ситху, а на следующий день русский лоцман провел «Сенявин» на Ситхинский рейд, и судно стало на якорь.

Вот как чудесно описал сам Литке это прибытие: «Мореходец, в первый раз усматривающий северо-западный берег Америки, поражается живописною его дикостью. Высокия, островерхия горы, от вершины до подошвы покрытыя девственными лесами, круто спускаются в море. При входе в обширный Ситхинский залив, по левую руку гора Эджкомб разнообразит картину; вправо и впереди цепь островов плотно облегает матерой берег. Все тихо и дико; ничто не предвещает ему приближения к устроенному порту. Показавшись между отрогами катера и байдарки, на встречу ему поспешающия, первыя о том ему напоминают. Миновав лабиринт островов, картина вдруг перед ним оживляется: он усматривает русский флаг, гордо развевающийся на крепости, расположенной на высоком утесе; палисады с башнями окружают большой дом начальника, магазины, казармы; вправо храм божий; далее вдоль берега ряд домов и огороды; влеве верфь и большое селение американцев, в гавани и на рейде несколько судов, разгруженных и вооруженных, и между ими нередко иностранныя; все вместе являет картину порядка, живости и благосостояния, приятно контрастирующую с угрюмостью окружающей природы»¹.

Жители и правитель П. Е. Чистяков тепло встретили моряков. Началась разгрузка и затем погрузка всего необходимого, путешествие по окрестностям Ново-Архангельска, определение астрономических координат, магнитные и гравиметрические наблюдения. 19 июля вышли к острову Уналашка. При подходе к его скалистым берегам Литке с трудом спас шлюп от крушения. Во время стоянки здесь мореплаватели познакомились с алеутами, побывали в их жилищах, наслушались рассказов о них такого просвещенного гида, каким был епископ и ученый И. Е. Вениаминов.

Затем перешли к островам Прибылова и описали их, откуда Литке взял курс на Авачинскую губу. Утром 13 сентября «Сенявин» был там. Литке зашел на Камчатку, чтобы дожидаться тихих, спокойных дней, которых в осеннее время не бывает даже у экватора. Здесь простояли

¹ Ф. П. Литке. Путешествие на «Сенявине»... ч. I, СПб, 1828, стр. 84—85.

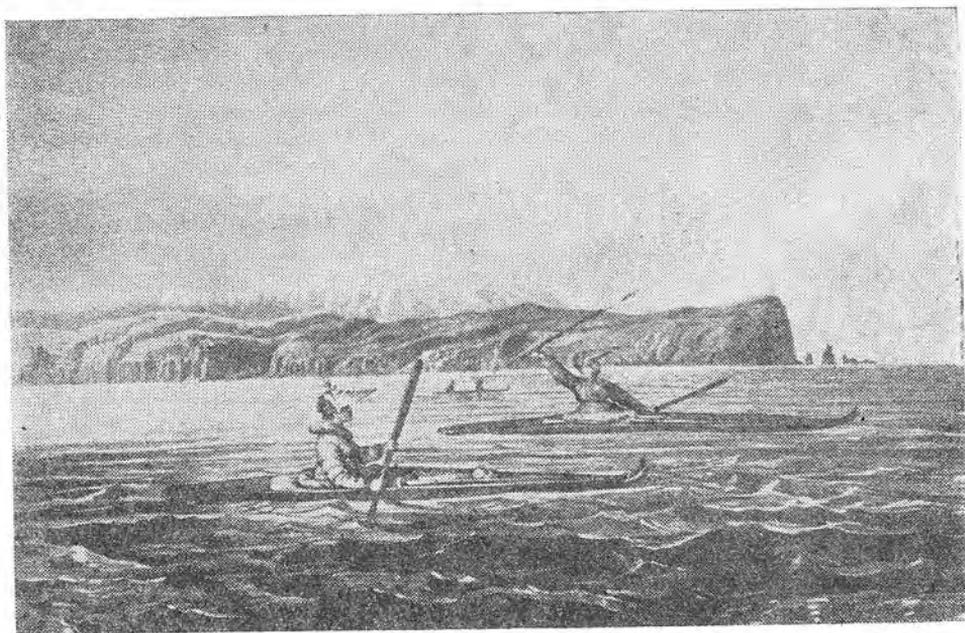
до 19 октября. Получили и написали письма, познакомились с Петропавловском, а Литке навесил прежних малочисленных знакомых.

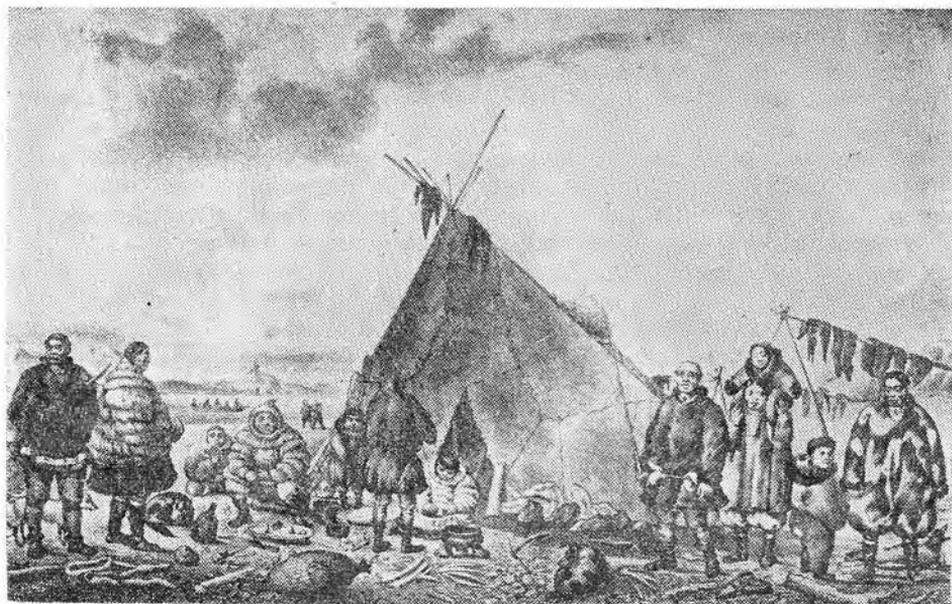
Теперь путь мореплавателей лежал к Каролинским островам. Сначала они посетили остров Юалан, где были встречены приветливыми местными жителями. Затем стали описывать другие острова; во время описи им посчастливилось открыть остров Пыйнипет. Всю же группу островов, куда входил и этот остров, Литке назвал островами Сенявина. Всю зиму продолжались работы экипажа «Сенявина» в Каролинском архипелаге и на островах Бонин-Сима. В результате острова получили свое точное место на морских картах и описание в лоциях.

Лишь 1 июня моряки снова были в Петропавловске, где из писем узнали о преобразовании Адмиралтейств-коллегии в Адмиралтейств-совет и об учреждении Управления генерал-гидрографа. Литке отправил отсюда Сарычеву 16 листов морских карт Каролинских островов и пять листов видов (зарисовок) этих островов.

В середине июня «Сенявин» снова в пути. Теперь он идет на север, к берегам Чукотки. Опись начали сразу, видимость была превосходной, и контуры Камчатки четко и точно ложились на планшеты моряков.

Алеуты Уналашки на байдарках.

Чукчи.

22 июня подошли к совсем неопisanному Карагинскому острову. Шлюп вошел в пролив, и началась опись. Литке и натуралисты сошли на берег, увидели там скудную тундровую растительность и множество гусей и уток, но охота была неудачной.

Затем описали Верхотурский остров, после чего Литке намеревался было идти с описью к Олюторскому мысу, но погода резко изменилась, и тогда Федор Петрович решил плыть прямо к мысу Дежнева, чтобы начать опись берега с самого севера. Расчет оказался правильным, и в середине июля моряки были уже в заливе Св. Лаврентия. Работы хватило и офицерам, и матросам, и натуралистам. Все с интересом знакомились с чукчами, с их нехитрым житьем-бытьем.

Все время шлюп был окружен байдарками. «Торговля мелочами, рассказы, шутки, песни не прекращались; всходившие на судно, коих числа мы наконец не ограничивали, вели себя как нельзя пристойнее; словом, это были совсем не те чукчи, каких мы по прежним описаниям думали здесь найти»¹.

¹ Ф. П. Литке. Путешествие на «Сенявине»... ч. II, СПб, 1828, стр. 144.

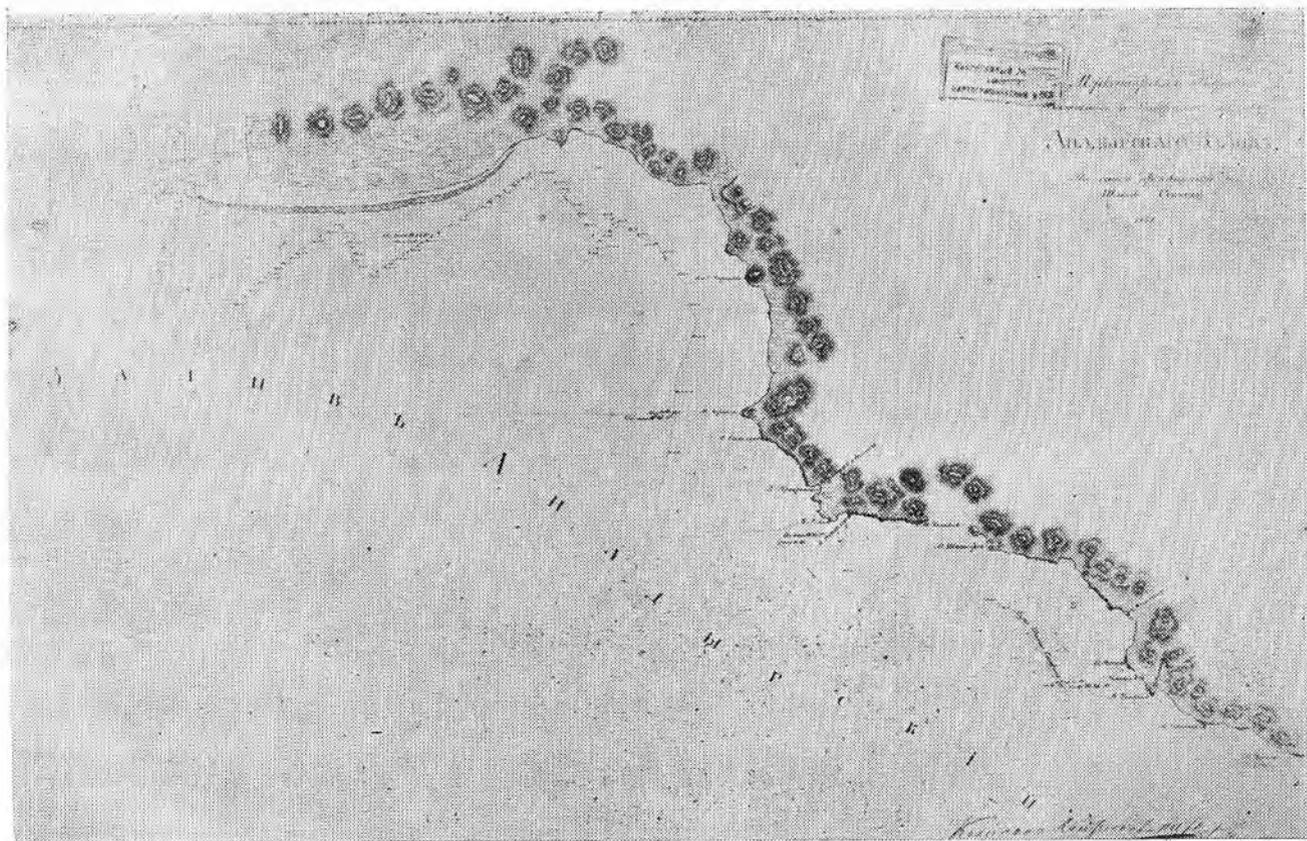
С 20 по 27 потратили время на переход к Мечигменской губе. Описание ее включили в общую опись. Затем пошли дальше на юг. Около полудня 28 июля обнаружили вход в залив. Войдя в него, заметили, что тянется он среди высоких гор довольно далеко. Вскоре выяснилось, что перед морьяками глубоководный пролив, отделяющий от материка остров Аракамчечен. Поэтому Литке ввел «Сенявина» в пролив, поставил его на якорь, и начались обстоятельные исследования.

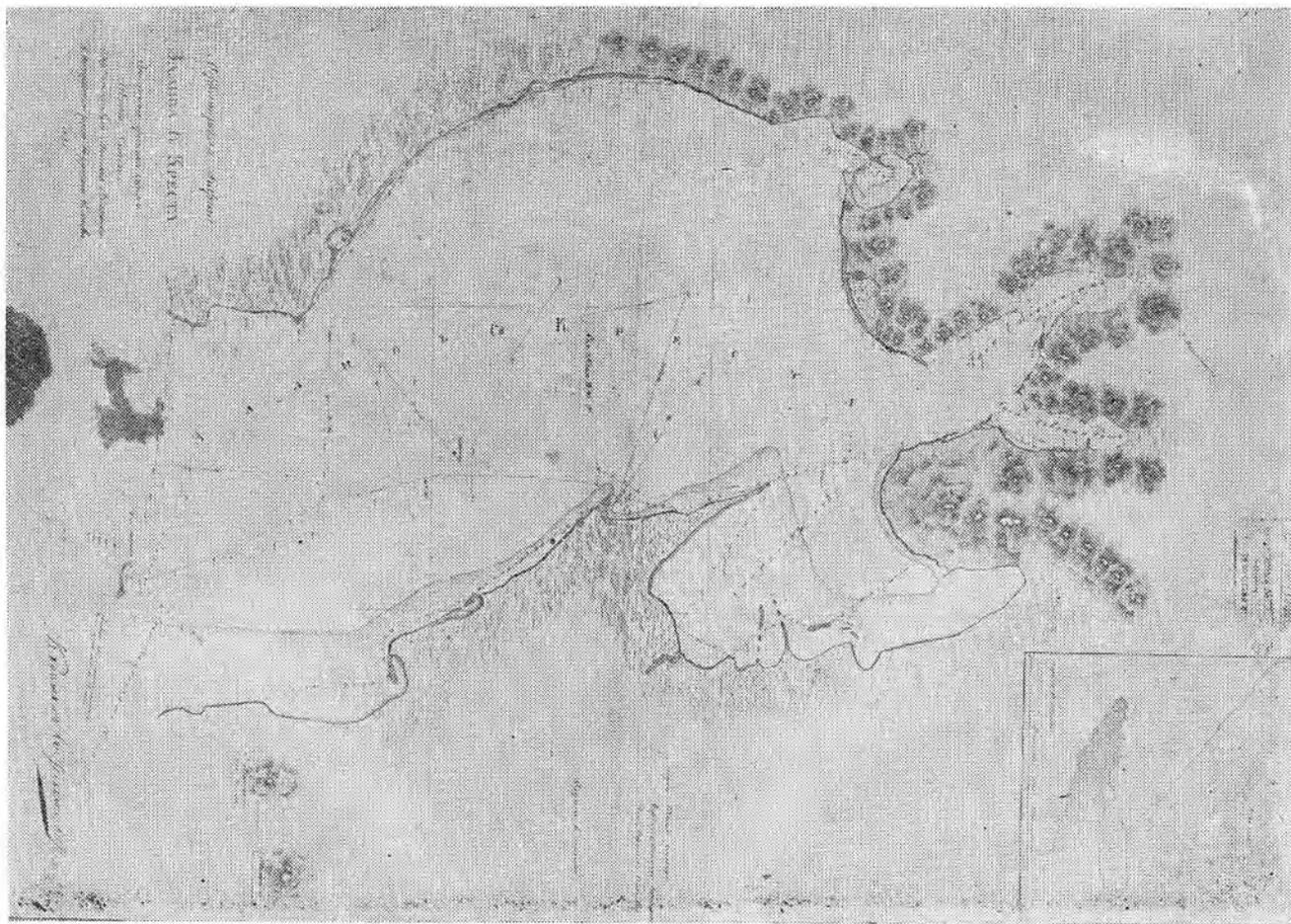
Опись пролива закончили 6 августа. На карте появились гавань Глазенапа, мыс и гора Постельса, губа Аболешева, мыс Мертенс и пролив Сенявина. Все это время чукчи не забывали моряков и снабжали их свежим мясом. Натуралисты отправились с описными партиями и работали в различных местах острова. Повсюду очень хорошо к ним относились чукчи. Натуралисты часто коротали у них время в непогоду, слушая их пение, наблюдая пляски и даже шаманское камлание. Под конец описи путешественникам пришлось пережить настоящую бурю. Началась она как-то неожиданно и причинила много хлопот и морякам и чукчам. Бессонная холодная ночь с дождями сменилась хорошим ясным утром.

Простившись с гостеприимными чукчами, мореплаватели продолжали опись, осмотрев в этот же день 6 августа берег от мыса Мертенс до мыса Чаплина. 10 августа в полдень шлюп «Сенявин» был на том самом месте, где сто лет назад находился В. И. Беринг. Литке отметил это своеобразное событие, назвав находившийся рядом мыс — мысом Столетия. На следующий день моряков посетили чукчи на байдарках. Сто лет назад именно здесь произошла первая встреча Беринга с чукчами, так же, вероятно, как и сейчас, приехавшими издалека на своих замечательных байдарках.

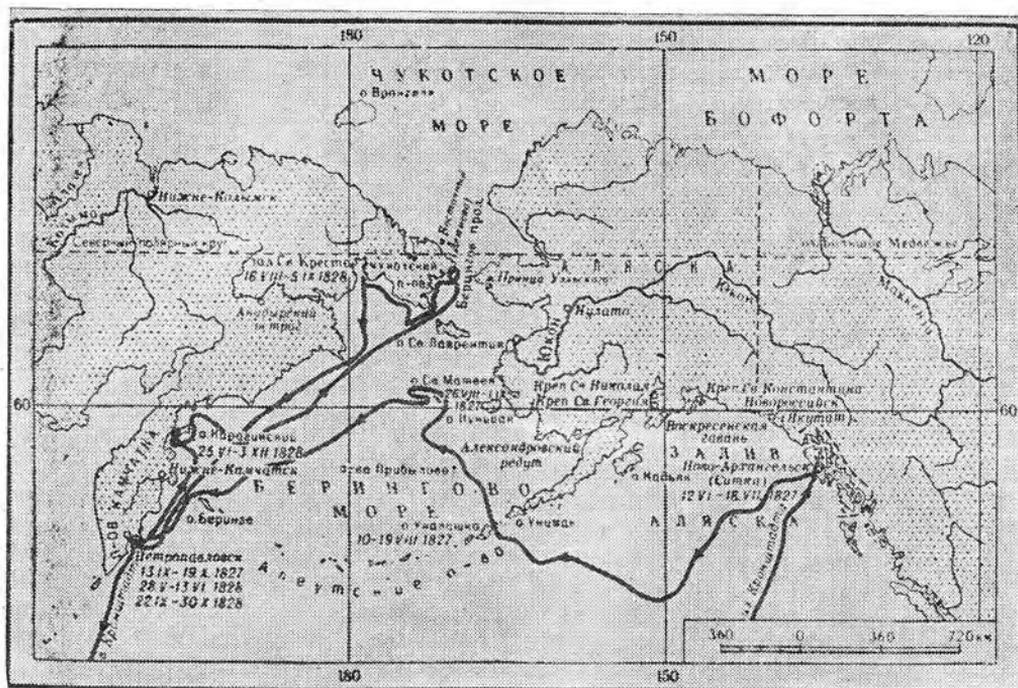
Продолжая описывать Анадырский залив, Литке нанес на карту ранее не имевшие названия мысы Беринга и Чирикова, описал значительную часть побережья этого залива и 16-го оказался у входа в залив Креста. Следуя указаниям одного молодого чукчи Хатыргина, Литке ввел шлюп в залив и поставил его на якорь. Затем моряки побывали в селении и узнали от того же Хатыргина, что устье Анадыря находится всего лишь в полутора днях пути от этого места, называемого губой Ночен. Тут уж действительно приходилось удивляться, так как по старым картам до устья было никак не менее сотни миль.

Литке уже решил было отправить туда шлюпку с Ратмановым, как шторм задержал отправление Анадырской партии. А затем Литке вообще изменил свои планы. Приближалась осень, и отправлять партию в устье Анадыря было рискованно. Он решил ограничиться описью залива Креста, что успешно проделали Ратманов и Семенов. Наступил сентябрь, начались ветры с моря, и Анадырский залив остался неописанным, как этого ни хотел Литке. «Мне весьма хотелось осмотреть устье реки Анадыря, — писал он, — в положении коего на прежних картах

Карта залива Креста по описи Ф. П. Литке.

Карта плавания Ф. П. Литке в Беринговом море.

открывалась столь великая погрешность, но я никак не решился спуститься в неизвестный берег с ветром, дувшим прямо с моря, при ужасном ненастье, к тому ж на таком судне, на котором и надеяться нельзя отойти от подветренного берега; и вынужден был править бейдевинд к югу»¹.

Зато берег отсюда и до Камчатки лег правильной чертой на карту. Появились и новые названия: мыс Наварин, гора Гейдена (о славном Наваринском сражении моряки узнали в Петропавловске, и, таким образом, первыми запечатлели героическое событие в русской истории на географической карте), губа Архангела Гавриила (в честь судна Беринга), мыс Кинга (участника экспедиции Кука).

17 сентября увидели Ключевскую сопку, 20-го открылся Шипунский мыс, а 23-го «Сенявин» вошел в Авачу. Радостной была встреча с моряками «Моллера», ожидавшими уже больше месяца своих товарищей.

¹ Ф. П. Литке. Путешествие на «Сенявине»... ч. II, СПб, 1828, стр. 181—182.

Все приготовления к возвращению в Кронштадт были окончены глубокой осенью.

Оба шлюпа покинули гостеприимную Камчатку уже когда выпал снег, 28 октября, и вскоре суда расстались. «Сенявин» один пошел опять к Каролинским островам повторить некоторые наблюдения, потом к Маниле, куда прибыли в самый канун 1829 года. Здесь уже был «Моллер» — судно более быстроходное.

После перехода через Индийский океан (до острова Св. Елены) направились к Азорским островам с заходом во Францию, в Гавр, и наконец в устье Темзы, где Литке предстояло работать в Гринвичской обсерватории.

В Кронштадт «Сенявин» возвратился 25 августа. Все члены экипажа были награждены, а Литке произведен сразу в капитаны 1-го ранга и награжден орденом св. Анны 2-й степени.

Значение плавания «Сенявина» исключительно велико: были описаны Каролинские острова, острова Бонин-Сима, побережье Азии от мыса Дежнева почти до Анадырского залива, а также острова Карагинские, Прибылова; произведены многочисленные гидрологические наблюдения в нескольких местах побережья Берингова моря; издан Мореходный атлас и текст к нему, написано и издано описание путешествия. Огромнейшее значение имели наблюдения над постоянным маятником в 9 пунктах земного шара, а также магнитные наблюдения. Метеорологические наблюдения производились в тропических широтах от 30° северной широты до 30° южной широты через каждые полчаса и позволили сделать целый ряд важных выводов.

Наблюдения Ф. П. Литке во время кругосветного плавания на «Сенявине» вместе с результатами океанических плаваний других русских мореплавателей, и в первую очередь О. Е. Коцебу на бриге «Рюрик», заложили основу океанографических исследований и океанографической науки в России.

Много полезного дало плавание и для этнографии, геологии, минералогии, зоологии, ботаники, орнитологии благодаря участию в путешествии естествоиспытателей-натуралистов.

Вся дальнейшая жизнь Федора Петровича Литке прошла не так, как бы ему хотелось. В 1832 году он был назначен воспитателем великого князя Константина, который должен был встать во главе русского военно-морского флота. Литке и в эти годы, когда он был занят при царском дворе, уделял много внимания науке. Он был главным деятелем при организации Русского Географического общества, основанного в 1845 году. После освобождения от придворной службы Литке некоторое время был ревельским военным губернатором, активнейшим образом участвовал в мероприятиях по улучшению военно-морского флота, а с 1864 года и по конец своей жизни стоял во главе Академии наук — был ее президентом.

Он был избран почетным членом многих иностранных географических и других обществ, Академий наук, награжден всеми российскими и многими иностранными орденами, дослужился до чина адмирала. Скончался он в Петербурге 8 августа 1882 года и похоронен на Волковом кладбище. Там же похоронена и рано умершая жена его Юлия Уильямовна. После них остались два сына — Константин и Николай. И сейчас в нашей стране есть праправнуки знаменитого мореплавателя и ученого. Именем Литке названы корабли, ледорез «Литке», прошедший впервые Северным морским путем с востока на запад, присвоено оно многим географическим объектам.

Имя Федора Петровича Литке вписано золотыми буквами в историю отечественной и мировой науки. Оно на века останется в памяти благодарных потомков.

ШАНТАРЫ

Шоистине великим путешественником можно назвать отважного Александра Федоровича Миддендорфа, совершившего в 1842—1845 годах исключительное по замыслу и осуществлению путешествие на север и восток Сибири. Началось оно с Таймыра.

Александр Федорович Миддендорф родился 6 августа 1815 года в Прибалтике, на территории современной Эстонии, в южной ее части, в местечке Эльву. Отец его был директором одной из Петербургских гимназий, где и учился Александр. Лето он проводил у себя на родине. В 1832 году Миддендорф поступил на медицинский факультет Дерптского университета. У него прямо-таки с детских лет была всепоглощающая страсть к путешествиям, и, может быть, в какой-то степени она повлияла на выбор профессии. Он знал, что врач нужен в любой экспедиции, но не готовил себя к чисто врачебной деятельности. «Его тянуло в лаборатории естествоиспытателей прославленных университетов Браслау, Эрлангена, Вены и Берлина. В годы учебы за рубежом Миддендорф готовил себя к далеким путешествиям. Он твердо знал, что ему придется быть и геологом, и ботаником, и зоологом. Впрочем, Миддендорф и тогда и впоследствии считал себя прежде всего зоологом»¹.

В июне 1837 Миддендорф защитил диссертацию, стал доктором медицины и, чтобы углубить свои знания, направился в Германию

¹ Н. И. Леонов. Александр Федорович Миддендорф. «Наука», 1967, стр. 11.

и Австрию, где работал у крупнейших естествоиспытателей Европы того времени. Миддендорф лично познакомился с известным русским ученым, также воспитанником Дерптского университета, Карлом Максимовичем Бэр, который высоко ценил молодого ученого.

По возвращении в Россию Миддендорф в 1839 году стал адъюнктом по кафедре зоологии Киевского университета. Кроме лекций по общей зоологии и зоологии беспозвоночных, Александр Федорович читал студентам курс этнографии. Через год он был назначен экстраординарным профессором зоологии, а летом 1840 года участвовал во второй Ново-земельской экспедиции академика Бэра. Первую экспедицию Бэр совершил в 1837 году вместе с А. К. Циволькой.

Вторая экспедиция Бэра на Новую Землю окончилась неудачей. Погода не позволила идти к цели, и пришлось Бэру ограничиться путешествием вдоль Кольского полуострова и на его побережье. Бэр занялся изучением морской фауны у острова Кильдин, а Миддендорф, убедившись, что надежды попасть в этом году на Новую Землю рухнули, самостоятельно предпринял интересное путешествие. Он один, иногда в сопровождении местных жителей — лопарей (саами), пересек Кольский полуостров от поселка Колы до Кандалакши и собрал много материалов по геологии — коллекции горных пород и минералов, а также по зоологии и этнографии. Интересны были замечания по географии и картографии, сделанные Миддендорфом во время его 22-дневного перехода по Кольскому полуострову. Он нашел, что карта этого района неверно отражает истинное положение на местности, в частности неверно нанесена река Кола. Отчет о своей первой в жизни самостоятельной поездке был Миддендорфом опубликован, так же как и карта маршрута, в «Материалах к познанию Российского государства».

Это путешествие, предпринятое при участии Бэра, предопределило будущее Миддендорфа. Бэр убедился в настойчивости, решимости, больших знаниях и огромной страсти своего спутника к путешествиям и рекомендовал Миддендорфа Академии наук для исследования полуострова Таймыр. А так как в это же время Академия наук собиралась снарядить экспедицию в Сибирь для изучения явления вечной мерзлоты, то в конце концов и было решено поручить всю эту громадную научно-исследовательскую работу одному человеку. Выбор пал на Миддендорфа, которого уже с 1842 года освободили от занятий в Киевском университете.

Александр Федорович тщательно готовился к длительной и трудной экспедиции, много работал совместно с Бэром, уточнял маршрут предстоящих странствий. Он должен был описать и изучить в естественно-историческом отношении, главным образом в зоологическом, геологическом и географо-картографическом, полуостров Таймыр, затем перебраться в Якутию и там заняться изучением вечной мерзлоты. Заключительным этапом путешествия Миддендорфа должен был стать Охот-

ско-Приамурский край, о котором ходили такие загадочные и противоречивые слухи. Он сам хотел все увидеть, посмотреть и узнать.

14 ноября 1842 года Миддендорф, сопровождаемый лесничим Тором Брандтом (датчанином по происхождению) и препаратором и слугой-эстонцем М. Фурманом, выехал из Петербурга по маршруту Москва — Владимир — Нижний Новгород — Казань — Пермь — Екатеринбург — Шадринск — Ишимск — Омск. Здесь встретили новый год, и здесь же к экспедиции присоединился замечательный сподвижник Миддендорфа, топограф Василий Васильевич Ваганов. Послужной его список, несмотря на длительные розыски по всем архивам страны, пока не обнаружен. Некоторые сведения сохранились лишь в воспоминаниях современников, близко знавших его. Эти высказывания относятся уже к послемиддендорфовскому периоду жизни Ваганова, когда он принимал самое деятельное участие в преобразованиях, проводившихся неутомимым генерал-губернатором Восточной Сибири Н. Н. Муравьевым-Амурским.

В дневниках М. С. Корсакова, сподвижника Муравьева и будущего его преемника на посту генерал-губернатора Восточной Сибири, найдена такая запись: «Вечером пришел ко мне Ваганов и очень был доволен, когда я показал ему папенькин инструмент и вообще мои карты. Он очень интересный человек. Ему 28 лет, был казаком и служил в казачьей артиллерии в Омске с 16 лет юнкером, произведен в офицеры тому 4 года и переведен в топографы, теперь Ник. Ник (Муравьев-Амурский.— А. А.) представил его к себе в адъютанты. Ваганов был с ним во всех его путешествиях. Мы с ним начали разговаривать о том, что он видел, где был. Пришел Мазарович, и разговор, к сожалению, прекратился»¹. Если учесть, что этот разговор происходил в марте 1849 года, то В. В. Ваганов родился в 1821 году и в 1843—1844 годах, когда он путешествовал с Миддендорфом, ему было 22—23 года.

Другое свидетельство о последних годах жизни Ваганова относится к тому же периоду. Б. В. Струве, служивший с Муравьевым и проделавший с ним путешествие на Камчатку, пишет в своей книге воспоминаний, что Ваганов также принимал участие в этом путешествии в качестве адъютанта Муравьева. А затем: «Перед отъездом своим из Иркутска Муравьев поручил корпуса топографов поручику В. В. Ваганову, на преданность которого он мог рассчитывать, секретную рекогносцировку местностей, прилегающих к правому берегу Амура в пределах Северной Монголии. Для этой цели Ваганов в сопровождении двух казаков перешел в августе 1850 года реку Аргунь около крепости Цурухайтуй. С того момента о нем не было получено никаких сведений. В 1851 году мне было поручено разведать под рукою, нет ли каких-либо слухов о Ва-

¹ Рукописный отдел библиотеки им. В. И. Ленина (Москва), ф. 137, тетрадь 2, П. 41, ед. 6, л. 7 об. Упоминающийся здесь Иван Семенович Мазарович — офицер штаба генерал-губернатора Восточной Сибири, — родственник Г. И. Невельского: они женаты на сестрах.

ганове и его спутниках. Тогда же говорили, будто он убит приамурскими ороочонами, но ничего верного нельзя было узнать. Впоследствии, когда уже не оставалось никакого сомнения, что Ваганов погиб при исполнении данного ему поручения, кяхтинский градоначальник Н. Р. Ребиндер потребовал от Маймачинского Дзэргучея наказания злоумышленников, лишивших его жизни, доставления останков погибшего и выдачи находившихся при нем вещей. Вследствие этого мы предали земле в Иркутске уже в 1853 году по обряду православной церкви доставленные тогда из Кяхты кости Ваганова, самоотверженно принесшего себя в жертву за дело амурское, а убийцы были казнены в Маймачине китайскими властями»¹.

Из Омска путешественники заехали в Барнаул, где Миддендорфу нужно было взять разборный станок для бурения шурфов, и оттуда через Томск добирались до Красноярска. Использовали преимущественно водные магистрали. Из Красноярска экспедиция Миддендорфа направилась на север. Это было в конце января 1843 года. С Миддендорфом по Енисею ехали Брандт и Фурман. Ваганов должен был присоединиться позже и, следовательно, добираться самостоятельно. Миддендорф со спутниками миновали Енисейск, Туруханск и в конце марта достигли Дудинки. В селении Коренном-Филипповском была устроена база экспедиции. 27 апреля к экспедиции присоединился Ваганов, благополучно проделавший весь маршрут до Дудинки.

За это время Миддендорф один сумел сделать небольшой переход на реку Хатангу и готовился теперь к обстоятельному изучению полуострова. В мае Миддендорф в сопровождении Ваганова, двух казаков — Василия Седельникова и Егора Давурского, а также старика-переводчика семидесятилетнего Тита Лапукова отправился в путешествие. Брандт и Фурман остались на базе для производства стационарных наблюдений. Вместе с экспедицией на север шли и местные жители — ненцы.

Продвигаясь на нартах и затем на самодельной лодке по рекам, путешественники с большим трудом добрались до озера Таймыра, а затем по речке Нижней Таймыре — до Карского моря. Миддендорф хотел начать исследования с морского побережья, но ледовая обстановка не позволила этого сделать. Тогда Миддендорф решил возвратиться. К этому времени они находились в тяжелом положении без проводника, покинувшего экспедицию еще 2 июня, без ненцев, отправившихся по своему маршруту, и почти без продовольствия. У всех болели глаза. К тому же наступали холода. У озера путешественники были 23 августа. Миддендорф чувствовал себя плохо и не мог далее двигаться. К тому же лодку и челн раздавило льдами — они затонули.

Тогда Миддендорф, проявляя исключительное мужество и идя на самопожертвование, отослал Ваганова со спутниками, приказав ему во

¹ Б. В. Струве. Воспоминания о Сибири 1848—1854 гг. СПб, 1889, стр. 101—102.

что бы то ни стало разыскать ненцев. «Сам он остался один без приюта, среди уже наступившей арктической зимы на 75° широты, подверженный всем суровостям непогоды. Он пробыл в этом положении 18 дней — событие беспрецедентное в летописях путешествий. К счастью, он нашел себе некоторую защиту за сугробами снега, нанесенного ветром, а в последние дни, когда в равнине свирепствовал жестокий ураган, оставался совершенно погребенным в снегу, и этому-то обстоятельству он, вероятно, обязан своим сохранением. Видя, наконец, что никто не идет к нему на помощь, он подумал, что его спутники погибли. С помощью нескольких кусков дерева, поблизости найденных, он успел развести небольшой огонь, едва достаточный, чтобы растопить немного снега. Прилив туда несколько капель спирта (из сосуда, в котором у него хранился какой-то естественный предмет!), он поддержал себя этим напитком до того, что мог наконец заснуть после многих бессонных ночей. Пробудившись, он устроил себе небольшие санки и, сделав себе из части своей шубы обувь, пустился в дорогу в надежде достигнуть... места, где была сложена прежде провизия. Прошел еще недалеко... Завидел вдаль три чернеющих точки...»¹.

Это был Ваганов. Он сумел разыскать ненцев, с их помощью спасти от гибели и вывести Миддендорфа к базе в Коренное-Филипповское 9 октября. Миддендорф очень любил скромного, трудолюбивого и талантливое молодого топографа, который «скоро сделался моим неразлучным и любимым товарищем»². Впоследствии Миддендорф вспоминал: «И теперь, когда тринадцать лет разнообразной столичной жизни пронеслось над приключениями тогдашнего нашего странствования, об этих товарищах моих в самом трудном из походов в моей жизни я могу повторить только то, что в первой части этого сочинения сказал о Ваганове: во всем свете едва ли можно еще найти такое несравненное душевное довольство, такую находчивость и проворство, во всех едва вообразимых напастях нагой пустыни, такое непоколебимое доверие к своему предводителю, доходившее до романтической привязанности, как в народном характере так называемого простого Русского человека»³.

Некоторое время ушло на поправку здоровья, а также на предварительную обработку материалов, после чего Миддендорф и все его спутники возвратились через Пясино и Туруханск в Красноярск 14 января 1844 года. На этом закончилась первая половина Сибирской экспедиции А. Ф. Миддендорфа.

¹ Из донесения Академии наук, ААН, ф. 2, оп. 1841, № 2, лл. 125—125 об. Цит. по Н. И. Леонову. Александр Федорович Миддендорф, «Наука», 1967, стр. 20—21.

² А. Ф. Миддендорф. Путешествие на север и восток Сибири. I, СПб, 1860, стр. 14.

³ Там же, стр. 19—20.

Едва окрепнув после Таймырского путешествия, А. Ф. Миддендорф собрался на восток Сибири, в Якутию и на Дальний Восток. Состав экспедиции был прежним, за исключением рядовых. Двух казаков заменили унтер-офицер Решетников, рядовой Долгий и два якута. Красноярск покинули в середине января, почти сразу по прибытии туда. А в середине февраля, точнее 18-го числа, путешественники собрались в Якутске. Здесь Александр Федорович занялся изучением вечной мерзлоты.

В 1827 году якутский купец Шергин задумал построить на своем дворе колодец, решив добраться до талого грунта. Простая, кажется, затея привела к самым интересным результатам. Не обнаружив талого слоя грунта на глубине десятка, двух, трех десятков метров, Шергин заинтересовался, а когда же все-таки появится не мерзлый грунт, и велел рабочим рыть дальше. На глубине 116,4 метра почва оставалась все-таки мерзлой! К Шергинской шахте было приковано внимание мерзлотоведов всего мира, и выяснилось, что большая часть Сибири лежит в районах вечной мерзлоты.

Вот в этой-то шахте Миддендорф и производил свои комплексные наблюдения. Он установил, что температура в шахте с глубиной все-таки повышается, что ориентировочные границы вечной мерзлоты — от 170 до 285 метров.

Миддендорф много занимался в Якутии и климатическими наблюдениями. Ему принадлежат важные разработки по климатическим особенностям Якутской области, справедливо названной самой холодной областью земного шара. Для того времени это, конечно, было совершенно справедливо.

В апреле экспедиция Миддендорфа отправилась из Якутска далее на восток. 11 апреля она выехала из Амгинской слободы, в первых числах мая перевалила через хребет Джугджур и 9 июня прибыла в Удской острог. Если до реки Алдан местность преимущественно была равнинной и даже низменной, то начиная от Алдана характер страны изменился. «Хотя макушки хребтов, через которые перебираешься, все еще плоски и походят даже иногда на вытянутая плоския возвышенности, хотя высоты, а равно и долины по прежнему густо покрыты лесом, и последний нередко обрамлен травянистой почвой или даже в некоторых местах озерами, однако днища долин теперь гораздо уже, потому что заперты между горными склонами, которые здесь значительно круче, нежели по ту сторону Алдана; на окраинах долин, равно и на высотах, стоят обнаженные утесы и изредка отдельные отвесные скалы незначительной величины; высоты хотя и имеют растительность, но повсюду усеяны выдающимися камнями»¹.

¹ А. Ф. Миддендорф. Путешествие на север и восток Сибири. Отд. I, СПб, 1860, стр. 131—132.

В Удском остроге месяц ушел на подготовку байдар для плавания к Шантарским островам и вдоль юго-западного побережья Охотского моря. 9 июля на байдарках вышли в море. Но начало плавания было неудачным. У реки Джукджандран простояли целую неделю, пока не разошелся лед. Люди, плававшие по Охотскому морю, отлично знают особенность его ледового режима. Лед здесь еще не успевает растаять, как к нему добавляется лед Северного побережья Охотского моря. За это время совершили поездку к реке Ай.

Только 15 июля сумели двинуться вперед, но прошли до восточной оконечности острова Медвежий, и льды снова остановили плавание. 18 июля путешественники впервые испытали силу морских течений, справиться с которыми гребцам не удалось, и пришлось возвратиться в губу Лебяжью. На следующий день лодку чуть не раздавило льдами, и тогда решили больше не рисковать, а ждать, пока совсем не скроются льды. На ожидание ушло много дней.

Лишь 30 июля вышли в море, пристали к небольшому острову Мутыхангда, пробыли там до 4 августа и в этот день перешли на остров Большой Шантар. На этом острове, удивительном по своей первозданной красоте и нетронутой природе, проработали до 13 августа, когда снова перебрались на островок Мутыхангда. Дальнейший путь было решено продолжать вдвоем с Вагановым, а Брандт с Фурманом и командой отправились 17 августа со всеми собранными коллекциями, журналами и записями в Якутск, куда прибыли благополучно 13 октября.

Миддендорф и Ваганов пошли дальше вдвоем на миниатюрном ботике вдоль побережья. До 1 сентября у реки Уякона собирали различные коллекции, а затем разъединились. Ваганов с тунгусами поехал описывать и осматривать Сегнекинский полуостров и Сегнекинскую гавань, названную несколько позже В. К. Поплонским Константиновской гаванью, а Миддендорф отправился в устье реки Тугур. Там они и соединились вновь 7 сентября.

Пока местные жители готовили оленей для обратного пути, Миддендорф и Ваганов побывали в заливе Академии, разделенном на два — Ульбанский и Усальгинский. Совсем рядом где-то было заветное устье Амура, но путешественники уже не могли ехать туда. Запасов продовольствия едва-едва хватало на обратный путь, и рисковать было нельзя.

«К сожалению, я не мог и подумать, писал Миддендорф по этому поводу, остаться дольше и принужден был отказаться от нетерпеливого желания достигнуть устья Амура, которое только на три дня пути было расстоянием от самого восточного предела залива Академии — от мыса Умелонгте на полуострове Муктеля»¹.

¹ А. Ф. Миддендорф. Путешествие на север и восток Сибири. Отд. I, СПб, 1860, стр. 25.

22 сентября Миддендорф и Ваганов пошли в обратный путь вверх по Тугуру до урочища Бурукан совместно с оленными эвенками. Это героическое путешествие сквозь тайгу Приамурья историки обычно как-то замалчивают, а ведь по своему значению оно ничуть не меньше Таймырского путешествия и Шантарского плавания. Четыре месяца пробырались Миддендорф и Ваганов по нехоженным тропам. После того как 2 октября они появились в поселке Бурукан и отдохнули там, 8-го они двинулись в дальнейший путь. Перебравшись через речку Немилен, они вышли к ее притоку Керби и стали подходить к предгорьям Бурейского хребта, а затем и взбираться на перевал. Неимоверные трудности испытывали путешественники. Суровая сибирская зима вступила в свои права. Ночевали на холоде, стыли от жесточайших морозов и пронизывающего ветра, качались от голода и усталости, но все же шли вперед.

И вот 19 октября достигли перевала. Стало чуть-чуть легче: шли под гору, спускаясь к устью реки Нимань. От устья этой реки пошли по ней вверх и в результате выбрались в бассейн реки Селемджи. 15 ноября были уже в месте впадения в реку Селемджу реки Инкань. Здесь в урочище Инкань остановились для отдыха и прожили целых восемь дней. А затем снова в путь. 15 декабря достигли реки Зеи в том месте, где в нее впадает река Киле. Отсюда шли вблизи Амура и спустились к нему невдалеке от устья реки Уричи 12 января, а 14-го прибыли на Усть-Стрелочный пост. Дальнейшее путешествие продолжалось обычным путем через Иркутск. Миддендорф и Брандт прибыли в Петербург 5 марта 1845 года. Ваганов и Фурман остались служить в Иркутске.

Материалы экспедиции были полностью обработаны отчасти самим Миддендорфом, отчасти академиками К. М. Бэр, Ф. Ф. Брандтом, Г. П. Гельмерсеном, Э. Х. Ленцем, К. А. Мейером, Ф. И. Рупрехтом и другими. Их коллективный труд был издан на немецком языке в 1848—1875 годах (четыре тома, 16 выпусков), а позднее, в 1860—1878 годах, также и на русском (два тома).

В сочинении Миддендорфа представлены: историческая часть, география и гидрография, орография и геогнозия, климат, ботаника и зоология севера и востока Сибири.

В разделе, посвященном географии и гидрографии, много интересных научных материалов, гипотез и утверждений, географических характеристик и описаний отдельных районов Юго-Восточной Сибири. При характеристике Шантарских островов Миддендорф постоянно сравнивает свои наблюдения с данными описи П. Т. Козьмина 1831 года, подробно характеризует острова Медвежий, Мутыхангда (Утичий), Большой Шантар, побережье Охотского моря.

Интересны выводы Миддендорфа относительно системы горных хребтов Юго-Восточной Сибири. По Миддендорфу, Алданский хребет — это

«та часть Станового хребта, через которую лежит сухопутная дорога из Якутска в Удской и к помянутым южным берегам»¹. Из южной покатости Станового хребта берут начало главнейшие северные притоки Амура. Он предложил называть горную цепь Становым хребтом, а южный отрог его на левом берегу Буреи — Буреинским. В основном эта система взглядов на Приамурье, как горную страну, сохранилась, исключая само понятие Станового хребта.

Приведем интересное место из книги Миддендорфа, которое дает обобщающую картину характера береговой черты южной части Охотского моря: «Край материка, ограждающий Охотское море с юга, состоит из крутых гор, которые возвышаются над морем тысяч до двух футов. Некоторые из первостепенных высот, особенно на обоих помянутых заливах, стоят очень близко к морю (имеются в виду заливы залива Академии.— А. А.), и тем круче бывает спуск их. Но и там, где выдаются в море не такие огромные отдельные или сплошные высоты, они почти всегда представляют отвесные или нависшие стремнины в несколько сот футов вышины, выступающие из береговой линии в виде многочисленных мысов. Мало того, характеристическую черту рассматриваемых берегов, конечно, очень невыгодную для мореходства, составляет то, что эти мысы обыкновенно продолжаютя по дну морскому бесчисленными подводными камнями, иногда рифами версты в две длину, которые то вовсе скрыты под уровнем воды, то выходят наружу только при отливе, то выглядывают из воды во всякое время. Нередко дикоромантический вид украшается каменными столбами, которые по концам рифов, идущих от берега, высоко и смело поднимают свои вершины над морем, как естественные маяки, иногда прикрытые кое-где чахлыми деревьями, и почти всегда увенчаны орлиными гнездами. Они будут отлично служить приметам для мореходов»².

Миддендорфу и его спутникам в значительной мере удалось выполнить задачу географического изучения огромной территории Удского края и северных районов левобережья Амура. Миддендорф исследовал побережье Охотского моря от устья реки Уды до устья Тугура, изучал геологию посещенных мест, дал общую картину Приамурья как горной страны, открыл залив, названный им заливом Академии, нанес на карту все свои маршруты.

Во всех работах Миддендорфа верным его помощником и другом был Ваганов.

Миддендорф — выдающийся географ своего времени в самом широком смысле этого слова. Кроме того, можно сказать еще о многочисленных ботанических и геологических исследованиях ученого. Наконец,

¹ А. Ф. Миддендорф. Путешествие на север и восток Сибири. Отд. I, СПб, 1860, стр. 136.

² Записки Гидрографического департамента, часть X, СПб, 1852, стр. 126—127.

именно Миддендорф впервые обнаружил в архиве «Великий чертеж Сибири» С. У. Ремезова. Он сделал свой вклад и в науку о климате Сибири, указывая, что решающее значение здесь имеет влияние массивности материка и омывающих его морей.

С возвращением Миддендорфа из своего замечательного путешествия в какой-то мере связано и образование Русского Географического общества. Именно на банкете, данном учеными Академии во главе с Ф. П. Литке, К. М. Бэрром, К. И. Арсеньевым, В. И. Далем и другими, практически решался вопрос о мероприятиях, связанных с организацией общества. А затем Миддендорф, уже не возвращаясь больше в Киев, был оставлен при Академии. Он писал отчеты, книги, обрабатывал свои богатейшие материалы. С его именем связана организация экспедиций К. Дитмара на Камчатку в 1851—1856 годах и Л. И. Шренка в Приамурский край и на Сахалин в 1852—1857 годах. С 1855 по 1857 год Миддендорф работал непререваемым академиком-секретарем Академии наук. С 1 апреля — он президент Русского вольного экономического общества.

Миддендорф стал ученым, признанным во всем мире. Он избирается почетным членом многих отечественных и иностранных учебных заведений и обществ, руководит многими экспедициями в некоторых районах России. Он объездил почти все губернии. А в 1867 году он плывал в Средиземном море и Атлантическом океане, изучая морские течения. С этой же целью в 1870 году Миддендорф совершил плавание на эскадре К. Н. Посыета до Исландии на запад и до Новой Земли на восток. При этом было сделано крупнейшее открытие в гидрографии моря — открыто теплое Нордкапское течение в северных широтах Баренцева моря.

После завершения работ над своими книгами А. Ф. Миддендорф в 1865 году был удостоен звания академика. В 1869 году он совершил путешествие в Барабинскую степь, а в 1878 — в Фергану. Результатом этих путешествий стали замечательные географические труды — «Бараба» (1871) и «Очерки Ферганской долины» (1882).

Под старость, видимо, сказались перенесенные в молодые годы лишения и тяжелые переживания. Последние годы своей жизни Александр Федорович тяжело болел и умер 16 января 1894 года в своем имении в Эстонии — Хелленурме. Там же он и похоронен.

Смерть его была тяжелой утратой для науки. Многие ученые откликнулись на эту потерю. Геолог Л. А. Ячевский писал в своей статье: «Ценою жестоких страданий в течение последних 10 лет заплатил Миддендорф за свою любовь к науке, за ту славу, которая окружает и будет вечно окружать его имя, за право, чтобы это имя будущей историк сибирской физиографии поставил наряду с именами Гмелина и Палласа»¹.

¹ Цит. по Н. И. Леонову. Александр Федорович Миддендорф. «Наука», 1967, стр. 32.

ПОДВИГИ РУССКИХ МОРСКИХ ОФИЦЕРОВ НА КРАЙНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ¹

Геннадий Иванович Невельской в своей книге-отчете о деятельности возглавлявшейся им Амурской экспедиции в 1849—1855 годах подчеркивал, «что разрешение амурского вопроса, обуславливавшего политическое и экономическое значение России на отдаленном ее Востоке, было совершено в главных основаниях единственно нашими морскими офицерами, которым судьба определила там действовать с 1849 по исход 1855 года»². И чем дальше от нас уходят эти бессмертные события, тем величественнее они становятся, тем ближе и дороже нам подвиг самого Невельского.

Районы Дальнего Востока — Приамурье и Приморье — оказались одними из наименее изученных в географическом отношении. Мало того, со временем забывалось и то, что хорошо было известно столетие назад. Ведь еще на картах русских промышленников и мореходов XVIII века, а затем и на картах первых русских атласов Сахалин всегда изображался островом, против которого показывалось устье полноводного Амура³. Но затем «стараниями» некоторых мореплавателей Амур был «закрыт» для входа русских морских судов, а Сахалин «превращен» в полуостров. Этими мореплавателями были француз Ж. Ф. Лаперуз (1785—1788 гг.), англичанин У. Р. Броутон (1793—1796 гг.) и наш соотечественник, первый русский кругосветный мореплаватель И. Ф. Крузенштерн (1803—1806 гг.). Исследования были недостаточно глубокие, но авторитет всемирно известных мореплавателей был велик, и в результате укоренилось твердое мнение о полуостровном положении Сахалина и о недоступности входа в Амур с моря.

Ошибочные выводы, сделанные на основании исследований названных мореплавателей, имели чрезвычайно важное политическое значение. Под давлением определенного круга лиц, возглавлявшегося К. В. Нессельроде, решение вопроса о реке Амур откладывалось на неопределенное время. Тем самым увеличивалась возможность захвата этого района иностранными державами — Англией, Францией и США, которые могли изменить политическую обстановку на Дальнем Востоке.

Исследования в северной части Татарского пролива и в лимане Амура, производившиеся в 1808 году японским землемером Маами Ринзо, не могли существенно повлиять на общий ход представлений относи-

¹ Подробнее об офицерах Амурской экспедиции: А. И. Алексеев. Сподвижники Г. И. Невельского. Южно-Сахалинск, 1967.

² Г. И. Невельской. Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России. СПб, 1878, стр. 421.

³ Например, карта «Устье реки Амура с южною частью Камчатки и обретающимися на Восточном океане разными островами, между которыми видна часть Японии», подписанная Сибирским губернатором Ф. И. Соимоновым. ЦГВИА, ф. ВУА, коллекция 416, № 525. Есть много карт и в других архивах страны.

тельно «амурского» и «сахалинского» вопросов. Примитивная карта его глазомерных исследований была опубликована только в 1832 году Зиболдом и не произвела сенсации. Ринзо плывал на лодке. Путаница была так велика, что еще одна новая карта не изменила положения дела.

В 1846 году Главное правление Российско-Американской компании послало подпоручика Александра Михайловича Гаврилова (1818—1849 гг.) на бриге «Константин» в лиман Амура. Это плавание было также безуспешным и не разрешило географических загадок, хотя бриг и вошел в лиман Амура и в устье реки.

Потребовалась энергия, настойчивость и патриотизм Г. И. Невельского, чтобы на основании тщательного научного анализа истории этого вопроса решиться опровергать утверждения авторитетов. Он был убежден, что Сахалин — остров, что река Амур не теряется в песках, а несет свои воды к Тихому океану. Г. И. Невельской прекрасно понимал значение Амура для России. Амур был самым коротким, самым удобным и самым дешевым путем к морю, к океану.

21 августа 1848 года из Кронштадта в северную часть Тихого океана с грузом для Российско-Американской компании вышел военный транспорт «Байкал». Командовал им капитан-лейтенант Геннадий Иванович Невельской, один из образованнейших и опытных русских морских офицеров, вызвавшийся добровольно совершить подобное плавание.

Г. И. Невельской родился в семье отставного моряка в усадьбе Дракино Солигаличского уезда Костромской губернии 5 декабря 1813 года (23 ноября по старому стилю). Воспитывался он с 15-летнего возраста в Морском корпусе, директором которого в то время был И. Ф. Крузенштерн. В 1836 году после окончания Офицерских классов в чине лейтенанта Г. И. Невельской начал службу под флагом десятилетнего великого князя Константина — будущего генерал-адмирала русского флота. По существу же командующим был известный русский мореплаватель и ученый контр-адмирал Федор Петрович Литке, назначенный царем в воспитатели своего сына.

Невельской плывал до 1846 года на Балтийском, Северном, Средиземном морях, обучая искусству мореплавания юного князя и сам в совершенстве постигая все тонкости морской науки. В 1846 году Г. И. Невельской попросился на транспорт «Байкал», где старшим офицером шел лейтенант Петр Васильевич Казакевич. Среди других офицеров были лейтенант А. К. Гревенс, мичманы А. Ф. Гейсмар, Э. В. Гроте, поручик корпуса флотских штурманов А. А. Халезов, подпоручик корпуса флотских штурманов Л. А. Попов, юнкер К. А. Ухтомский и лекарь В. Г. Берг. 2 января 1849 года обогнули мыс Горн и вышли в Тихий океан, а уже 12 мая транспорт стал на якорь в Петропавловской гавани, затратив на весь переход 8 месяцев и 23 дня — время рекордное.

Сразу же по окончании разгрузки Г. И. Невельской 2 июня вышел на транспорте к восточному берегу Сахалина и к лиману реки Амур.

Г. И. Невельской.

Через 4-й Курильский пролив транспорт 7 июня вошел в Охотское море, и 12 июня начались исследования восточного побережья Сахалина, а затем и исследования в Сахалинском заливе. 27-го стали на якорь в северной части лимана, и дальнейшие исследования продолжались на шлюпках.

П. В. Казакевич¹ побывал в устье Амура, а 22 июля Г. И. Невельской с Л. А. Поповым, А. Ф. Гейсмаром и Э. В. Гроте «достигли того места, где этот матерой берег сближается с противоположным ему сахалинским. Здесь-то, между скалистыми мысами на материке, названными мною Лазарева и Муравьева и низменным мысом Погоби на Сахалине, вместо найденного Крузенштерном, Лаперузом, Браутоном и в 1846 году Гавриловым низменного перешейка, мы открыли пролив шириною в 4 мили и с наименьшею глубиною 5 сажен»².

¹ П. В. Казакевич (1814—1887 гг.) — после плавания на «Байкале» в течение ряда лет сотрудничал с Н. Н. Муравьевым, командовал первым сплавом по Амуру в 1854 году, был губернатором Приморской области и командиром Сибирской флотилии с 1856 по 1865 год.

² Г. И. Невельской. Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России. СПб, 1878, стр. 89.

Между тем «Байкал» уже разыскивали по распоряжению генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева, совершавшего инспекционную поездку по Дальнему Востоку и находившегося в то время в порту Аян. У Невельского не было на руках утвержденной царем инструкции об исследовании юго-западной части Охотского моря, и он ушел из Петропавловска, не ожидая ее. Присланная с Н. Н. Муравьевым инструкция должна была быть передана Г. И. Невельскому Михаилом Семеновичем Корсаковым¹, который на боте «Кадьяк» вышел на поиски «Байкала». Командиром бота был лейтенант Петр Федорович Гаврилов, помощником его Никита Ильич Шарыпов.

С 6 июня по 2 августа 1849 года «Кадьяк» плывал по Охотскому морю вблизи Сахалина и в Сахалинском заливе, а затем в заливе Великого князя Константина, и нигде мореплаватели не могли напасть на следы «Байкала». Возвратившись в Аян, М. С. Корсаков встретил здесь уже прибывшего Н. Н. Муравьева и узнал, что 12 июля он послал на поиски «Байкала» еще штурмана Охотской флотилии Дмитрия Ивановича Орлова. Штурман отправился на байдарках вдоль берега в сопровождении двух якутов, двух алеутов и одного русского. М. С. Корсаков тогда отметил, что путешествие это «очень отважное и трудное и вместе с тем кажется и бесполезное, потому что Орлов... огибая заливы, вероятно, не успеет застать «Байкала» в Амуре»².

Однако Д. И. Орлов не только совершил такое трудное плавание, но и сумел встретить «Байкал», возвращающийся в Аян. Велико было ликование там, когда на рейде порта 1 сентября показался «Байкал»! Так было доказано островное положение Сахалина и доступность устья Амура для входа морских судов с севера и с юга.

10 сентября Г. И. Невельской был в Охотске, где сдал транспорт, а сам с офицерами отправился в Петербург. По пути туда в Иркутске он узнал о своем производстве в капитаны 2-го ранга и о реакции в столице на сообщения Н. Н. Муравьева о его открытиях. В конце 1850 года Г. И. Невельской прибыл в Петербург, представил начальнику морского штаба А. С. Меншикову все материалы исследований и просил его об организации Амурской экспедиции. Результатом всех последовавших затем событий был указ Н. Н. Муравьеву, по которому разрешалось где-либо на юго-западном берегу Охотского моря основать зимовье, откуда производить расторжку с местными жителями, ни в коем случае при этом не касаясь устья и лимана Амура. Г. И. Невельской, произведенный в капитаны 1-го ранга, назначался для особых поручений к генерал-губернатору Восточной Сибири.

¹ М. С. Корсаков (1826—1871 гг.), чиновник особых поручений при Н. Н. Муравьеве, а затем генерал-губернатор Восточной Сибири. Его именем на Сахалине назван порт Корсаков.

² Рукописный отдел Гос. биб-ки им. В. И. Ленина, ф. Корсаковых, П-41, ед. хр. 5, л. 34 об.

Воодушевленный таким исходом дел, Г. И. Невельской поспешил обратно на Дальний Восток, к Аяну, потом на Амур, в залив Счастья, открытый в прошлое плавание. Невельской жаждал увидеть своего замечательного сподвижника Дмитрия Ивановича Орлова (1806—1859 гг.), человека удивительной судьбы и незаурядных способностей. Кругосветный путешественник, оставшийся на службе Российско-Американской компании, лишенный по нелепому стечению обстоятельств всех прав и состояния, он нашел в себе силы быть полезным отечеству. С первых дней организации Амурской экспедиции Дмитрий Иванович в ее составе. На самые трудные участки посылал его Невельской, и всегда Орлов с честью выходил из любого положения. Отгремели дела Амурской экспедиции, многие ее участники возвратились в Петербург, а Орлов навсегда связал свою судьбу с Дальним Востоком. Надломленное непомерными трудностями жизни богатырское здоровье его не выдержало, и в возрасте 53 лет он скончался в Николаевске-на-Амуре. У Дмитрия Ивановича Орлова было три сына и дочь.

Невельской всех торопит. Медлить нельзя. Вдруг в Петербурге раздумают, и тогда... Он намерен в этом году основать в устье Амура зимовье, поднять там русский флаг, а в следующую навигацию доставлять на устье Амура по Амуру же продовольствие. 29 мая из Аяна он пишет М. С. Корсакову, строит проекты один интереснее другого и просит, чтобы на бриге «Охотск» командиром был обязательно П. Ф. Гаврилов, а на «Ангаре», которая предполагалась к зимовке в устье Амура, непременно Г. М. Чудинов: «Пожалуйста, Миша, чтобы на Охотке был командиром Гаврилов, а на Ангаре Чудинов, но не капитан-лейтенант, христа ради»¹, — просит он М. С. Корсакова.

Штурманские офицеры Петр Федорович Гаврилов (1814—1899 гг.) и Гурий Михайлович Чудинов (1817—1854 гг.) были старожилами Охотской флотилии, равно как и Д. И. Орлов и упомянутый выше Никита Ильич Шарыпов (1819—1873 гг.), поэтому Г. И. Невельской во многих делах отдавал им предпочтение. Капитан-лейтенант же, о котором идет речь в письме Г. И. Невельского, был П. И. Гороновский — командир «Байкала», весьма неважно зарекомендовавший себя как моряк.

17 июня Г. И. Невельской на «Байкале» поспешил в залив Счастья и, к радости своей, застал там Д. И. Орлова совершенно здоровым. У него был готов уже первый вариант карты лимана Амура, согласно которой возможно было прямое сообщение реки Амура с Охотским морем Северным фарватером: глубины на нем были от 11 до 4 сажень.

29 июня Г. И. Невельской и Д. И. Орлов заложили первое русское зимовье на кошке залива Счастья — Петровское. В Аян с собой Невельской взял двух добровольцев-гиляков (нивхов.— А. А.), первых жи-

¹ Рукописный отдел Гос. биб-ки им. В. И. Ленина, ф. Корсаковых, П-113, ед. хр. 11, л. 1.

телей Амура. Во многом таким успехом Невельской обязан был Орлову. «Орлов неоценимый человек,— писал он Корсакову,— и прошу, умоляю Николая Николаевича (Муравьева.— А. А.), чтобы дать ему пенсию, правда десяти пенсионов стоит. По его милости гиляки так к нам ласковы и просят защитить»¹.

Недолго пробыл Невельской в заливе Счастья. Ему было ясно, что следить за устьем Амура, вести там исследовательские работы — дело трудное, если сидеть в Петровском. И Невельской снова в Аяне, затем в Охотске, откуда с командой в 25 человек на бриге «Охотск» с командиром П. Ф. Гавриловым отправляется в залив Счастья. Только устье Амура сулит России огромные перспективы в развитии Дальнего Востока. Ни один порт Охотского моря, ни Камчатка не представляют таких выгод, не дают будущего Дальнему Востоку, какое сулит ему Амур. Это отлично понимает Геннадий Иванович. Он видел сам, убедился с помощью Дмитрия Ивановича Орлова в полной незащищенности устья Амура и теперь спешил туда.

И вот наступило 1 августа 1850 года. Г. И. Невельской, сопровождаемый топографом, прапорщиком Петром Поповым, шестью матросами, поднял на мысе Куегда в устье Амура русский военно-морской флаг, основал здесь первый русский военный пост Николаевский. Оставив зимовать в нем П. Попова с небольшой командой, а в Петровском Д. И. Орлова с командой, Г. И. Невельской ушел в Аян, а оттуда уехал в Иркутск.

Не застав в Иркутске Н. Н. Муравьева, Г. И. Невельской уехал в Петербург, где оказался в декабре того же года. Своими смелыми поступками Невельской нажил себе много врагов и на Дальнем Востоке (В. С. Завойко, В. К. Поплонский и др.), и еще больше в Петербурге. Поступок Невельского, без всякого разрешения исследовавшего Амур, взбудоражил правительственные круги России. Наряду с теми, кто восхищался его смелыми решительными действиями, нашлись и такие, которые призывали самым строгим образом наказать мореплавателя за самовольные действия. Был даже заготовлен приказ о разжаловании Геннадия Ивановича в матросы.

В конце концов борьба в Петербурге кончилась постановлением от 12 февраля 1851 года специально учрежденного комитета об организации Амурской экспедиции. Начальником ее назначался капитан 1-го ранга Г. И. Невельской. Для экспедиции было отпущено не более 17 тысяч рублей в год — сумма более чем скромная. Но сам факт решения, признания его начинаний давал Невельскому некоторую свободу в действиях. Началась пятилетняя деятельность Амурской экспедиции, составившей целую эпоху в жизни Дальнего Востока.

¹ Рукописный отдел Гос. биб-ки им. В. И. Ленина, ф. Корсаковых, П-113, ед. хр. 11, л. 2.

В половине июня 1851 года Г. И. Невельской в Охотске. Теперь он уже не один: вместе с ним отправилась делить тяготы мужа молодая его супруга Екатерина Ивановна, урожденная Ельчанинова. В Охотске брига не оказалось, и экспедиция вышла в Петровское на барке Российско-Американской компании «Шелихов» в сопровождении транспорта «Байкал». На «Шелихове» был основной состав экспедиции: Г. И. Невельской с супругой, поступивший в экспедицию лейтенант Николай Константинович Бошняк (1830—1899 гг.), поручик корпуса флотских штурманов Алексей Иванович Воронин (1820—после 1881 гг.), топограф прапорщик по армии Петр Попов, унтер-штейгер Иван Блинные; матросы Александр Хашьянов, Егор Некрасов, Игнатий Горбовский, Евграф Карасев, Афанасий Пономарев, Аверьян Чухомлин, Петр и Ефим Дайниковы, Михаил Чупин и Александр Шишкин; комендоры Аксентий Усов, Григорий Попов, Алексей Попов, Мирон Вяткин, Егор Кузнецов и Перфил Дианов; семьи мастеровых Степана Решетникова, Осипа Гайдука, Григория Москвитина, Евдокима Вознюка, а также семьи казаков Николая Пестрякова, Константина Русанова, Андрея Тюшева, Логина Нижегородова, Мартына Красовского, Романа Кошкарова, фельдшера Шишерина и прислуга Невельского и Бошняка¹.

Не доходя до Петровского, барк «Шелихов» затонул, и только самоотверженность всего личного состава во главе с командиром Владимиром Ильичем Мацкевичем и помощь подоспевшего корвета «Оливуца» под командованием капитан-лейтенанта Ивана Николаевича Сущева спасли экспедицию. В свою очередь активное участие в спасении приняли зимовщики Петровского под руководством Д. И. Орлова и матросы брига «Охотск» под командой П. Ф. Гаврилова, оставшиеся в Петровском на зимовку. Из других офицеров в Петровском был помощник Гаврилова прапорщик корпуса флотских штурманов Алексей Порфирьевич Семенов (1824—после 1861 гг.), также старожил Охотской флотилии, участник закладки Петровского и участник первой там зимовки.

Г. И. Невельской остался доволен действиями П. Ф. Гаврилова, Д. И. Орлова и А. П. Семенова. Семенов вел непрерывные наблюдения за лиманом. Возведенные на Петровской косе строения, здоровый и бодрый вид матросов красноречиво свидетельствовали о благополучной зимовке. Полностью обосновавшись на берегу залива Счастья, Г. И. Невельской отправился прежде всего в устье Амура вместе с Н. К. Бошняком, приказчиком Российско-Американской компании А. П. Березиным и 25 матросами. В Николаевском посту была оставлена постоянная команда во главе с Н. К. Бошняком. Перешедший с корвета «Оливуца» в экспедицию мичман Николай Матвеевич Чихачев (1830—1917 гг.) с топографом П. Поповым был отправлен в южную часть лимана Амура для подробных гидрографических исследований.

¹ АВПР, ф. РАК, оп. 888, д. 384, л. 44.

Этим же летом Д. И. Орлов и Н. М. Чихачев совершили большое путешествие на шлюпке вверх по Амгуни, во время которого детально ознакомились с этим большим притоком Амура, а также собрали первые сведения от местных жителей об их жизни, отношениях с маньчжурами, речных и сухопутных внутренних путях и пр.

Зима 1851/52 года прошла в непрерывных командировках участников экспедиции по краю. Г. И. Невельской, ведя постоянную и напряженную борьбу с правлением Российско-Американской компании, часто нарушая распоряжения правительства, постепенно расширял сферу деятельности экспедиции. Н. М. Чихачев осенью совершил поездку вверх по Амуру до озера Кизи и привез интересные сведения о реке и живущих на ее берегах гиляках, а также о заливе Нангмар (Де-Кастри, теперь залив Чихачева). Д. И. Орлов также осенью совершил поход через селение Коль к озеру Чля, затем к Амгуни, и, наконец, к селению Ухтр. Обратный путь его лежал по левому берегу Амура.

По возвращении из этих экспедиций Д. И. Орлов снова отправился в Тугурский край, а Н. М. Чихачев в залив Нангмар. Весной 1852 года Н. К. Бошняк сделал трудный и очень важный в научном отношении поход на Сахалин, во время которого пересек его впервые по направлению течения реки Тымь и открыл на западном берегу острова залежи каменного угля. П. Попов и А. Березин произвели съемку правого берега Амура до залива Кизи. Вскрытие Амура весной наблюдал в селении Ухтр Н. К. Бошняк. Результаты этих командировок дали возможность Невельскому ходатайствовать перед Н. Н. Муравьевым о разрешении занять озеро Кизи и залив Нангмар, важные в морском отношении пункты на берегу Татарского пролива.

Г. И. Невельской весьма высоко ценил усердие своих сподвижников. В экспедиции царил дух товарищества, дружбы, взаимовыручки. В письме М. С. Корсакову, в частной переписке Невельской сообщал в это время, что «Бошняк и Чихачев здесь, можно сказать, единственные, которые быть должны»; «Воронин всем полезен и усерден под лапой и присмотром, и золотая голова»; «Гаврилов — человек хороший», а Березин — «золотой человек»¹. Офицеры отвечали Невельскому тем же. Этот непривлекательный, на первый взгляд, человек после более длительного знакомства оказывался на редкость душевным, ценившим в людях прежде всего деловые качества. Маленький домик его в Петровске был постоянно открыт для всех участников экспедиции. В этом домике шли нескончаемые разговоры о будущем Приамурья и Приморья, здесь вынашивались дерзкие планы предстоявших поездок по стране, в нем истосковывшиеся по обществу молодые офицеры находили приют и ласку.

¹ Рукописный отдел Гос. биб-ки им. В. И. Ленина, ф. Корсаковых, П-113, ед. хр. 14.

18 июля 1852 года на рейд Петровского пришел корвет «Оливуца» под командованием лейтенанта Ивана Федоровича Лихачева, заменившего погибшего в 1851 году в Петропавловской гавани Сущева. Находившиеся на корвете и назначенные на службу в Петропавловск мичманы Александр Иванович Петров (1828—1899 гг.) и Григорий Данилович Разградский (1830—1898 или 1899 гг.) остались в Амурской экспедиции. С корвета были оставлены также и 10 матросов. С прибытием их стало легче организовывать сеть наблюдений.

Г. Д. Разградский был назначен на смену Н. К. Бошняку в Николаевский пост, а А. И. Петров был занят перевозкой на баркасе продовольствия и товаров из Петровского в Николаевский пост. Н. К. Бошняк должен был, следуя по Амуру и Кизи, прибыть в залив Нангмар и приготовить там все необходимое для выставления поста. А. И. Воронин летом описал побережье Сахалина от Погоби до залива Виахту, открытого Н. К. Бошняком. Н. М. Чихачева Невельской отправил в Иркутск к Муравьеву с тем, чтобы он лично сам на месте объяснил все и рассказал о положении дел в экспедиции. Д. И. Орлов занимался промерами лимана Амура и убедился в том, что без парового катера лиманские фарватеры определить весьма трудно.

А Петровское между тем росло не по дням, а по часам, и это, несмотря на то, что Невельской уже тогда решил главную базу своих исследований перенести в Николаевский пост. В Петровском стояли два флигеля и казармы. Были приготовлены срубы еще для одного флигеля и часовни, заготовлено много строительного леса и дров. На Петровской косе были ледник, колодезь, баня, 8-тонный ботик с палубой, двухвесельный ял, наборная лодка, вельбот, два береговых шпиля и сарай на столбах, в котором хранилось 2 600 штук готовых кирпичей и около 1 000 незаконченных, там же стоял скотный двор. Строения возводились не на авось, а по чертежам, составляемым неутомимым Д. И. Орловым — хозяином Петровского — и утверждаемым Невельским¹. А из оружия в экспедиции находилось: три пушки трехфунтового калибра, два пуда пороха, два с половиной пуда свинца и 60 кремневых ружей, из которых 20 были негодны. Личный состав экспедиции распределялся к осени 1852 года таким образом: в Николаевске — 25 человек, в Петровском — 23 и в командировках — 16. Вот как обстояло дело в экспедиции Невельского. Тут было не до военных занятий!

Весь смысл действий экспедиции заключался в самом факте существования ее, в исследованиях, проводимых ею, в смелых и решительных действиях ее начальника, в его идеях. Так было и сейчас. Невельской правильно оценил обстановку и решил продвигать действия экспедиции на юг, по побережью Татарского пролива, пытаясь найти новые гавани, более надежные в навигационном отношении, нежели лиман Амура.

¹ АВПР, ф. РАК, оп. 888, д. 384, лл. 75—77.

Наряду с этим Невельской не оставлял без внимания и внутренних районов страны.

Осенью 1852 года Н. К. Бошняк совершил поход по реке Амгуни до ее истоков, оттуда по реке Горин и затем через озера Самагирское и Чукчагирское по Амгуни возвратился в Николаевский пост. Г. Д. Разградский отправился с Березиным вверх по Амуру до Кизи и далее один до реки Хунгари. А. И. Петров остался начальником Николаевского поста.

По возвращении из командировок все участники экспедиции получили новые задания: А. И. Петров отправился в Приамгуньский край и для выяснения возможностей внутреннего сообщения Амурса с южной частью лимана; Г. Д. Разградский с Березиным — снова на Амур, в Кизи для окончательного приготовления экспедиции в залив Нангмар и от туда на юг вдоль берега Татарского пролива.

Сразу же вслед за прибытием Г. Д. Разградского, доложившего о выполнении задания, Невельской послал возвратившегося из похода по Амгуни Н. К. Бошняка в залив Нангмар с приказанием выставить там пост.

Бошняк с честью выполнил это ответственное задание. Основав в заливе Нангмар Александровский пост, он отправился на лодках на юг и открыл на побережье Татарского пролива залив Хаджи, названный им гаванью императора Николая I, или Императорской гаванью (теперь залив Советская гавань). А. И. Петрову не удалось пробраться внутренними путями в южную часть лимана Амурса. Проводники отказались вести его туда из-за начавшейся распутицы.

Бывали и такие дни, когда если не все, то большинство участников экспедиции оказывались вместе, в гостеприимной семье Невельских. Чаще всего это случалось зимой. Невельской умело руководил подготовкой подчиненных ему офицеров, большое внимание он уделял научной подготовке.

Большинство офицеров Амурской экспедиции не имело образования в объеме Морского корпуса: Орлов, Воронин, Петров, Разградский заканчивали Штурманское училище, и только Бошняк и Чихачев — представители старинных дворянских семей — обучались в Морском корпусе.

Бошняк и Чихачев — блестящие морские офицеры, перед которыми был открыт путь к придворной карьере, стали участниками Амурской экспедиции по велению сердца. Они хорошо владели английским и французским языками, прекрасно знали свою специальность и получали каждый год самые положительные аттестации. Разградский и Петров очень хотели быть в полном смысле морскими офицерами, а право быть переименованными из подпоручиков корпуса флотских штурманов в мичманы давала служба в Сибирской флотилии. Когда же они стали мичманами, им очень хотелось оправдать это звание.

Невельской ни разу не выделил ни одного из них. Даже в официальных аттестациях все офицеры экспедиции характеризуются почти одинаково, с той лишь только разницей, что один в сбережении хорош, а другой в хозяйстве очень хорош. В редкие свободные от командировки дни проводились занятия по специальным предметам. Так, например, в 1852 году Невельской экзаменовал Орлова, Воронина, Петрова и Разградского по плоской и сферической тригонометрии, описи берега и производству промера, навигационным инструментам, счислению, астрономическим определениям и вычислению широт и долгот, определению склонения компаса, а также корабельной архитектуре, погрузке корабля, черчению карт и планов, составлению карт. Обычно занятия проводил Невельской, привлекался к проведению их и Бошняк¹.

Своими решительными действиями Невельской обеспечил себе все большую и большую поддержку. Теперь можно было смело приниматься и за решение сахалинской проблемы². Искони русский остров должен был наконец получить официальное оформление своей принадлежности к России. Теперь уже Муравьев предписывал Невельскому основать в этом же году два или три поста на восточном или западном берегу Сахалина, «но сколь возможно южнее, ибо северная часть сего острова и все прибрежье лимана находится уже под наблюдением Амурской экспедиции и не требует поспешнейших мероприятий в этом отношении»³.

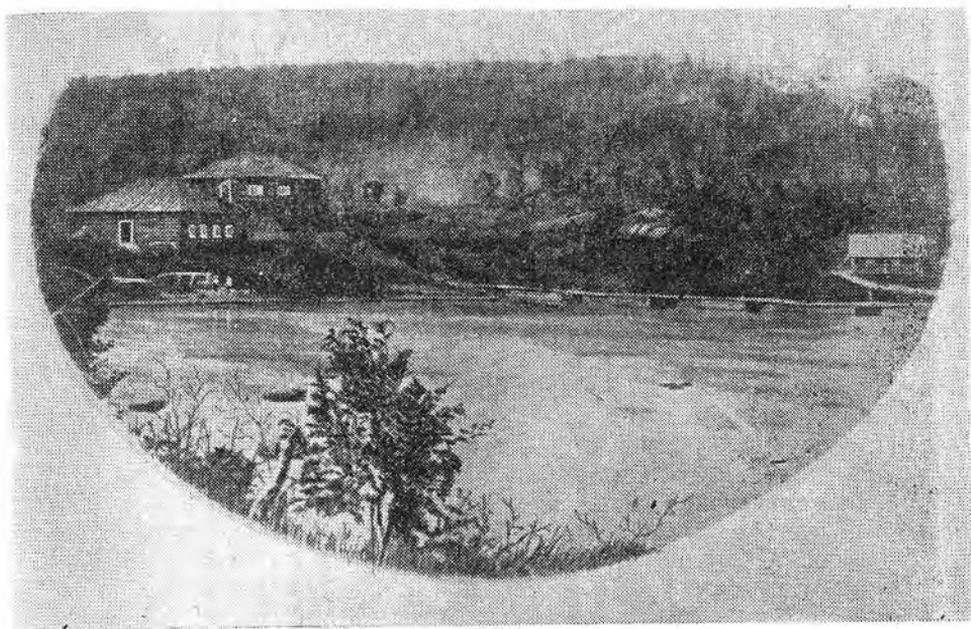
Невельской принял это указание к неуклонному исполнению. Летом и осенью 1853 года вслед за выставлением Мариинского поста на озере Кизи и Александровского в заливе Чихачева выставлены были посты и на Южном Сахалине. В заливе Анива в сентябре был основан Муравьевский пост во главе с майором Николаем Васильевичем Буссе (1828—1866 гг.) и лейтенантом Николаем Васильевичем Рудановским (1819—1882 гг.). Невельской и сопровождавший его Бошняк приняли непосредственное участие в этом событии. Затем был выставлен на западном берегу Сахалина пост Ильинский, а в Императорской гавани — Константиновский пост.

Зимой 1853/54 года на Южном Сахалине развернулась исключительно плодотворная исследовательская деятельность опытного гидрографа Н. В. Рудановского, совершившего несколько маршрутов и подробно описавшего Южный Сахалин. Там он организовал первые метеорологические наблюдения, произвел первую перепись жителей Южного Сахалина и дал первое описание населения — айнов. На основании его наблюдений была составлена первая точная карта Южного Сахалина и средней его части. Прочие материалы Рудановского, равно как и

¹ ЦГА РСФСР ДВ, ф. 1005, д. 91, лл. 1—4.

² Об этом подробнее в кн.: А. И. Алексеев. По таежным тропам Сахалина. Сахалинское книжное издательство, 1959.

³ АВПР, ф. РАК, оп. 888, д. 389, лл. 18—18 об.

Константиновский порт в Императорской гавани.

записки Бошняка, вошли в первые труды натуралистов-путешественников по Дальнему Востоку¹.

В эту же зиму в Императорской гавани, в выставленном там Константиновском посту под начальством Н. К. Бошняка, разыгралась страшная трагедия. Из-за чрезмерного скопления в отдаленном и не снабженном продовольствием месте и из-за нераспорядительности начальника Муравьевского поста Н. В. Буссе, пославшего зимовать транспорт «Иртыш» с необеспеченной и больной командой в Императорскую гавань, там во время зимовки умерло более трети зимовавших — 29 человек². Первым умер штурман Чудинов. И поныне в бухте Постовой стоит памятник-часовня — место паломничества советских моряков. Орлов, Разградский, Петров по распоряжению Невельского предпринимали все возможное, чтобы облегчить участь несчастных.

Весна и лето 1854 года были очень напряженными для участников Амурской экспедиции. В Приамурье и на всем Дальнем Востоке проис-

¹ Материалы Н. В. Рудановского хранятся в АВГР и в Архиве Географического общества. Материалы Н. К. Бошняка опубликованы в «Морском сборнике».

² Подробнее в кн.: А. И. Алексеев. Н. К. Бошняк и открытие Советской гавани. Хабаровское книжное издательство, 1955.

Памятник-часовня зимовщикам Императорской гавани в 1853—1854 гг. (в центре — автор книги). Фото 1954 г.

ходили важные события. В Мариинский пост прибыл первый сплав по Амуру, который готовил и которым командовал старый товарищ Невельского П. В. Казакевич. Со сплавом в устье Амура появился и Н. Н. Муравьев. Впереди сплавных судов следовал построенный в Сибири пароход «Аргунь»¹, которым командовал Александр Степанович Сгибнев (1826—1881 гг.) — будущий выдающийся военно-морской историк. Плавание «Аргуни» по Амуру считается началом пароходства по этой великой дальневосточной реке.

Вторым важным событием было прибытие на Дальний Восток эскадры вице-адмирала Евфимия Васильевича Путятина (1803—1883 гг.), который держал свой флаг на фрегате «Паллада». В составе эскадры находилась винтовая шхуна «Восток». Шхуной командовал капитан-лейтенант Воин Андреевич Римский-Корсаков² (1822—1871 гг.). «Востоку» выпала честь быть первым судном, вошедшим с юга в лиман и устье Амура.

Наконец, самым важным событием 1854 года было начало Крымской войны, которая прогремела и на Дальнем Востоке. Славная победа,

¹ Подробности постройки: ЦГА ВМФ, ф. 1191, оп. 1, д. 36.

² Старший брат композитора Н. А. Римского-Корсакова.

одержанная доблестными защитниками Петропавловска¹, эхом прокатилась по всей необъятной России и боевым салютом перекликнулась с героической обороной Севастополя.

Все действия Амурской экспедиции теперь были подчинены единой цели — обеспечить боевые действия русской эскадры. Особенно много появилось забот весной и летом 1855 года, когда весь гарнизон Петропавловского порта был снят и переведен в Николаевский порт на Амуре. В это-то время и сказалась своевременная и отличная подготовка, хорошая изученность лимана Амура. Весь гарнизон Петропавловского порта через Де-Кастри был переправлен в Мариинский пост, суда введены в лиман Амура и далее в Николаевск. Воспетый И. А. Гончаровым фрегат «Паллада» был затоплен в Императорской гавани.

Вот сухие строки донесения Муравьеву: «Мичман Разградский, посланный 14 декабря 1855 года в гавань Императора Николая I для затопления фрегата Паллада, прибыл 17 января 1856 года на место, где нашел команду из 1-го обер-офицера и 10 человек нижних чинов в совершенном здравии. Выведя фрегат на глубину 8½ сажень мичман Разградский прорубил дно фрегата, чрез что он погрузился до руслений, а сетки были сожжены. Кончив поручение, Разградский отправился 2 февраля из гавани, а 2 марта благополучно прибыл с командою в Мариинский пост»².

В Советской гавани, в той же бухте Постовой, где стоит памятник-часовня первым зимовщикам, теперь возвышается обелиск в честь фрегата «Паллада». Не хватает теперь там, пожалуй, только обелиска первооткрывателю замечательной гавани Николаю Константиновичу Бошняку.

Объединенная англо-французская эскадра рыскала по всему морю в поисках русских кораблей, бомбардировала Де-Кастри, устранивала западню в Аяне, сожгла с таким трудом доставшиеся строения Константиновского поста, но в лиман Амура войти так и не смогла.

Летом 1855 года по Амуру во главе с генерал-губернатором Н. Н. Муравьевым спустился второй сплав, доставивший значительные силы для обороны устья Амура. Вместе с тем Муравьев привез приказ о ликвидации Амурской экспедиции. Она заменялась управлением Камчатского военного губернатора. Все чины экспедиции поступали в распоряжение губернатора контр-адмирала Василия Степановича Завойко. Невельской назначался начальником штаба при главнокомандующем всеми морскими силами, сосредоточенными в Приамурье, то есть при Н. Н. Муравьеве. Но так как война вскоре закончилась, то и надобность в таких штабах отпала. Невельской оказался не у дел. Теперь, когда можно было пожинать лавры, у Н. Н. Муравьева на Дальнем Востоке оставались свои люди.

¹ А. А. Степанов. Петропавловская оборона. Хабаровск. 1954.

² ЦГА ВМФ, ф. 1191, оп. 1, д. 39, л. 17 об.

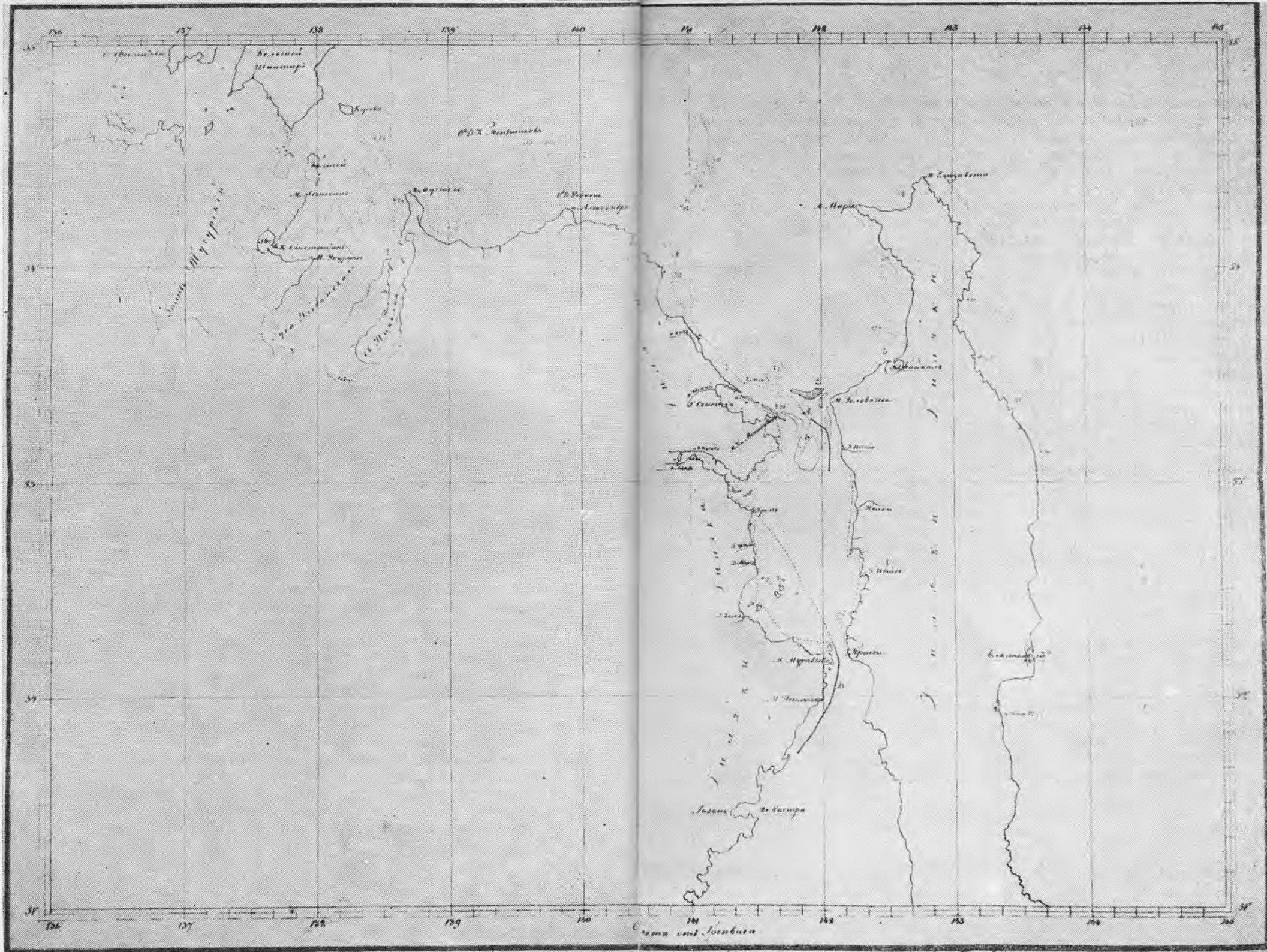
Мало кому известные М. С. Корсаков, Н. В. Буссе стали генералами и губернаторами, а истинные труженики экспедиции по большей своей части оказались забытыми и окончили свой век бесславно, в неизвестности, несмотря на то, что некоторые из них дослужились до больших чинов. Н. В. Рудановский и А. И. Петров, отслужив положенные сроки, ушли в отставку в чине контр-адмирала; А. И. Воронин ушел генерал-майором корпуса флотских штурманов; Г. Д. Разградский умер в неизвестности в Одессе капитаном 2-го ранга, Д. И. Орлов — в Николаевске-на-Амуре штабс-капитаном, Н. И. Шарыпов — в Петербурге капитаном. Ничего до сих пор неизвестно о судьбе П. Ф. Гаврилова, А. П. Семенова, А. В. Бачманова, Д. С. Кузнецова, Е. Г. Орлова, Я. И. Купреянова, приказчика А. П. Березина, топографа П. Попова и многих других активных участников Амурской экспедиции.

Интересно сложились судьбы двух ведущих деятелей Амурской экспедиции, товарищей по Морскому корпусу и даже дальних родственников. Н. М. Чихачев дослужился до полного адмирала, стал морским министром и членом Государственного совета, а Н. К. Бошняк, пожалуй, самый талантливый и деятельный участник экспедиции, закончил свою жизнь в сумасшедшем доме в Италии, в котором он провел 28 лет.

Что касается Невельского, то, казалось бы, огромные заслуги его перед родиной, исследование и воссоединение с Россией без единого выстрела богатейшего края должны были быть оценены должным образом. Внешне это, может быть, выглядело и так. Невельской дослужился до полного адмирала. Работал в Морском техническом комитете, последние 20 лет прожил почти безвыездно в Петербурге и умер там 29 апреля 1876 года.

Признание пришло позже. В 1897 году во Владивостоке при всенародной поддержке был открыт памятник Г. И. Невельскому, в 1915 году в Николаевске-на-Амуре был открыт обелиск в его честь, а в 1950 году в Николаевске-на-Амуре, где сто лет назад Невельской поднял русский флаг, советские люди воздвигли ему третий на Дальнем Востоке памятник. Его имя, а также имена его славных сподвижников украшают карту Дальнего Востока. Горы, реки, города, мысы, корабли, острова, улицы называются именами Невельского, Бошняка, Чихачева, Орлова, Рудановского, Разградского и других.

К 150-летию со дня рождения Невельского, в 1963 году, были открыты два памятника Невельскому на его родине. Местные власти города Солигалича, краеведы, особенно И. Н. Ардентов, и недавно скончавшийся Лев Леонидович Каллистов, при поддержке начальника Главного политического управления Военно-Морского Флота вице-адмирала В. М. Гришанова провели огромную работу. В результате в центре Солигалича установлен памятник знатному земляку Г. И. Невельскому, а в селе Лосево, недалеко от усадьбы Дракино — места рождения мореплавателя, высится обелиск в его честь.

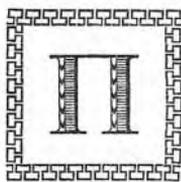
Карта плавания «Байкала», подписанная Г. И. Невельским.

Деятельность Амурской экспедиции и лично Г. И. Невельского была высоко оценена передовыми людьми России, современниками Невельского. Добролюбов посвятил ей специальную статью «Русские на Амуре», в которой правильно оценил деятельность Невельского. О Невельском и его сподвижниках писали и говорили Герцен и Чернышевский, декабристы Волконский, Бестужев, Пущин. А. П. Чехов писал, что Невельской «был энергический, горячего темперамента человек, образованный, самоотверженный, гуманный, до мозга костей проникнутый идеей и преданный ей фанатически, чистый нравственно»¹.

«Более честного человека мне не случалось встречать, и хотя его резкость, угловатость могли иногда не нравиться, но всякий, кто имел случай ближе подойти к нему, скоро замечал, какая теплая, глубокосимпатическая натура скрывалась за его непредставительной наружностью»², — писал известный исследователь Дальнего Востока М. И. Венюков.

Заслуги Г. И. Невельского и возглавлявшейся им Амурской экспедиции велики и неоспоримы. Помимо разрешения пограничного вопроса, Невельскому и его сподвижникам удалось разрешить много географических проблем. Было доказано, что Сахалин — остров и что устье Амура доступно для морских судов с севера и с юга, были открыты несколько заливов, месторождения каменного угля, исследован бассейн нижнего Амура, нанесен на карту Сахалин, описана береговая черта Татарского пролива и многое другое.

Уже на склоне лет Г. И. Невельской написал книгу-отчет о деятельности экспедиции. Неточности, которые можно объяснить как политическими соображениями, так и давностью времени, породили множество вольных толкований об амурских делах. Тем не менее эта книга до настоящего времени является краеугольным камнем при изучении истории Приамурья и Приморья. Имена Г. И. Невельского и его смелых, решительных сподвижников золотыми буквами вписаны в историю географического изучения Дальнего Востока.

ГЕРОИ ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ ОБОРОНЫ

После исследований Г. И. Невельского и затем возглавляемой им Амурской экспедиции, да и в ходе этих исследований международная обстановка в северной части Тихого океана изменилась в пользу России. Трудами русских моряков были созданы необходимые условия для того, чтобы восторжествовала историческая спра-

¹ А. П. Чехов. Собрание сочинений. Т. 11, М., 1950, стр. 11.

² М. И. Венюков. Путешествие по Приамурью, Китаю и Японии. Дальгиз. 1952, стр. 13—14.

ведливость и были окончательно воссоединены с Россией богатейшие районы Приамурья, Приморья и Сахалина.

Это, естественно, не могло не задеть французов, американцев и особенно англичан, претендовавших на роль владык морей. Американцы не зря посылали в Японию эскадру коммодора Перри и затем экспедицию Рингольда, а англичане были не прочь устроить на устье Амура второй Сингапур и диктовать свои условия Китаю и России. Крымская война развязала военные действия и на Тихом океане, которые давно и тщательно готовились англо-французами.

В ходе Крымской войны замечательными подвигами русских моряков прославилась героическая оборона Севастополя и Петропавловска. К этому времени окончательно решилась судьба Охотского порта, первого порта России на Тихом океане. В 1849 году последовал указ о переносе Охотского порта в Петропавловск. Принимая это решение, правительство, по представлению генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева, исходило из тех соображений, что самый отдаленный край русской земли — Камчатка мог, по выражению того же Муравьева, быть захвачен «одним шлюпом или шхуною». Кроме того, по своим физико-географическим особенностям устройство порта в Петропавловской гавани было целесообразнее, чем в устье Охоты и Кухтуя.

На Камчатке образовалось военное губернаторство. Первым ее губернатором стал капитан 1-го ранга Василий Степанович Завойко, до этого служивший в Российско-Американской компании. Правление компании прочило его на пост главного правителя, но Н. Н. Муравьев, угадав в Завойко хорошего организатора, уговорил его принять пост военного губернатора. Завойко был присвоен чин генерал-майора.

В. С. Завойко в отрывках из автобиографических записок называет датой своего рождения 15 июля 1810 года. Но во всех документах, в том числе и в послужном списке за 1861 год указывается дата 15 июля 1809 года. Выходец из небогатой дворянской семьи Полтавской губернии, В. С. Завойко получил образование в Николаевских черноморских юнкерских классах. После их окончания мичман В. С. Завойко в 1827 году перешел на корабле «Александр Невский» на Балтийский флот. Там он попал в эскадру контр-адмирала Л. П. Гейдена, отправлявшуюся в Средиземное море, где ему довелось принять участие в известном Наваринском сражении под руководством М. П. Лазарева и совместно с молодым П. С. Нахимовым. За отличие в бою В. С. Завойко получил первый свой орден.

В 1828—1830 годах на том же корабле и затем на корвете «Наварин» В. С. Завойко продолжал находиться в составе Средиземноморской эскадры, после чего (1831—1833 гг.) служил на различных кораблях и судах Балтийского флота. В 1834—1836 годах в чине лейтенанта он совершил кругосветное плавание на транспорте «Америка», который доставил на Камчатку 25 000 пудов груза. Путешествия по просторам Ти-

В. С. Завойко.

хого океана, по самым отдаленным местам России укрепили решение В. С. Завойко перейти на службу Российско-Американской компании на должность начальника Аянского порта и правителя конторы Аянского порта Российско-Американской компании.

Он энергично принялся за исполнение возложенных на него важных поручений. Прежде всего предстояло перевезти все оборудование, имущество, продовольствие и боевые запасы из Охотска в Петропавловск.

В течение 1850—1851 годов эта задача была успешно решена. Одновременно в Петропавловске сооружались порт и оборонительные укрепления. Начали строить жилища и бороться с болезнями и особенно с цингой. В 1850—1851 годах заготовили в окрестностях Петропавловска и доставили туда 15 886 деревьев, 57 210 штук кирпича, 924 сумы глины, 927 сум песка, 10 315 снопов травы. Из этих материалов построили две казармы с одиннадцатью флигелями и магазин.

В самой гавани и на реке Камчатке под руководством поручика К. Я. Гезехуса были построены шхуна, бот, плашкоут, датский ботик и 12-весельный катер; отремонтированы транспорты «Байкал» и «Иртыш», тендер «Камчадал». В Петропавловской гавани была устроена пристань, от которой до селения Авачи сделана просеку.

Чтобы как-нибудь разнообразить питание нижних чинов и тем препятствовать цинготным заболеваниям, были устроены и засажены картофелем, луком и капустой большие огороды.

Удачно и энергично начатое дело с немалым успехом продолжало развиваться и дальше. Так, в 1853 году для женатых нижних чинов была устроена отдельная казарма. Хлеб выпекали уже две пекарни. В порту был свой небольшой литейный завод, а в Тарьинской губе продолжал работать кирпичный завод.

Одновременно с этим В. С. Завойко самое большое внимание уделял строительству оборонительных укреплений, батарей, боевой выучке матросов и солдат 46-го флотского экипажа, составленного из бывшего Охотского флотского экипажа, Охотской нестроевой роты и Петропавловской роты.

Вместе с тем и правительство приняло меры к укреплению обороноспособности наших границ на Дальнем Востоке. Каждому было ясно, что Охотская, переименованная затем в Сибирскую, флотилия обладает малыми средствами борьбы с неприятелем. Царское правительство для укрепления Сибирской флотилии отправило туда из Кронштадта 21—22 августа 1853 года фрегат «Аврора», корвет «Наварин», яхту «Рогнеда» и транспорт «Неман». Прибыл в Петропавловск вполне благополучно только фрегат «Аврора» под командованием капитан-лейтенанта Ивана Николаевича Изюльметьева¹. В пути Изюльметьев получил сведения о начавшихся военных действиях между Англией, Францией и Россией. Искусно управляя фрегатом и используя слабую организацию и бдительность вражеских судов, Изюльметьев сумел довести до Петропавловска «Аврору» целой и невредимой.

Перед приходом «Авроры» в Петропавловске побывал корвет «Оливуца», от членов экипажа которого стало известно о начале войны и возможном нападении на Петропавловск. Узнали также петропавловцы

¹ И. Н. Изюльметьев родился 5 января 1813 года. Воспитание получил в Морском корпусе. Плавал на Балтике, в 1853—1854 годах — командир фрегата «Аврора». Возвратившись в Кронштадт, вскоре стал контр-адмиралом. Умер в 1871 году.

И. Н. Изыльметьев.

и о доблестном Синопском сражении. Имя Нахимова было у всех на устах. Оно вдохновляло матросов, солдат и жителей города и порта на подвиги во славу Родины. Издав приказ, в котором были прославлены подвиги участников Синопского боя, Завойко вместе с тем писал: «Делая вместе с сим распоряжение к благонадежнейшей обороне Петропавловского порта на случай нападения на оный английских и французских судов, остаюсь уверенным, что гг. штаб и обер-офицеры и нижние чины исполнят свой долг как следует русскому и как требует слава нашего оружия, покрывшаяся недавно новым блеском чрез знаменитую победу над турецким флотом»¹. Это было 29 мая 1854 года.

Вскоре прибыл бот «Камчатка», доставивший продукты для порта. Завойко принимал все меры к возможному отражению нападения неприятеля и поэтому 18 июля докладывал генерал-губернатору Восточной Сибири Н. Н. Муравьеву и генерал-адмиралу великому князю Константину, что «приведен Петропавловский порт в оборонительное положение, сколько позволяли средства», и выражал надежду «при воодушевлении храброго войска и всех защитников Петропавловского порта отражать неприятеля, пребывая впрочем в твердой решимости как бы ни многочисленен он был, сделать для защиты порта и чести русского оружия

¹ ЦГАДВ, ф. 1055, д. 102, лл. 3—3 об.

все, что в силах человеческих возможно и драться до последней капли крови...»¹.

Завойко обратился с воодушевляющим призывом к населению Петропавловска. Он заверил, что «чиновники гражданского и морского ведомства, равно и другие жители, в случае нападения неприятеля, не будут оставаться праздными зрителями боя, и готовы с бодростью, не щадя жизни, противостоять неприятелю и наносить ему всевозможный вред и что обыватели окрестных селений в случае надобности присоединятся к городским жителям»².

25 июля в Петропавловский порт прибыл под командованием Васильева транспорт «Двина», доставивший подкрепление из Де-Кастри. Под командованием капитана 1-го ранга Александра Павловича Арбузова³ в Петропавловск прибыли 342 человека нижних чинов, несколько флотских офицеров, инженер К. О. Мровинский, принявший с этого дня руководство оборонительными сооружениями. Прибыло также несколько орудий. С транспортом было получено официальное извещение об объявлении войны.

В. С. Завойко еще раз обратился с призывом к воинам гарнизона и к жителям Петропавловска всем встать, как одному, на защиту далекого края родной земли, «сражаться до последней крайности; если же вражеская сила будет неодолима, то умереть, не думая об отступлении». Обращение нашло горячий отклик: все выразили готовность скорее умереть, чем отступить.

Мал и стар, женщины и дети вышли на строительство укреплений. Душой работы были В. С. Завойко и И. Н. Изъльметьев. Приходили и жители соседних селений. Одну за другой возводили батареи. В гарнизоне шла усиленная подготовка к бою. Все способные носить оружие обучались стрельбе, штыковому бою. Ждать врага пришлось недолго.

...17 августа в Авачинской бухте появился трехмачтовый пароход под американским флагом. Не доходя трех миль до Сигнального мыса, он остановился, и ему навстречу был выслан вельбот со штурманским офицером Семеном Петровичем Самохваловым⁴. Но пароход и не думал воспользоваться услугами лоцмана. Он имел совсем иные намерения. Как пират, он прикрывал свои действия флагом другой страны.

На следующий день неприятель раскрыл свои карты. В Авачинскую губу вошли английский пароход «Вираго», французский 18-пушечный

¹ ЦГАДВ, ф. 1055, д. 102, л. 43.

² Там же, л. 18 об.

³ А. П. Арбузов — активный участник Петропавловской обороны, заместитель В. С. Завойко, лично возглавил один из отрядов при отражении десанта. Даты жизни не выяснены.

⁴ С. П. Самохвалов родился 27 января 1826 года в Петербургской губернии. Обучался в Штурманском училище. После Петропавловской обороны долгое время служил в Гидрографическом управлении.

бриг «Облигадо», английский адмиральский 52-пушечный фрегат «Президент», английский 44-пушечный фрегат «Пик», французский адмиральский 60-пушечный фрегат «Ла-Форт», французский 32-пушечный фрегат «Евридика».

Русские батареи сделали по эскадре несколько выстрелов, и она, выйдя из зоны обстрела, стала на якорь. Стало ясно, что неприятель готовится к решительному нападению. Готовились к бою и защитники Петропавловска. На батареях все были на своих местах. Часовые зорко следили за эскадрой. Фрегат «Аврора» и транспорт «Двина» расположились так, что их орудия защищали вход в гавань.

19 августа неприятель после некоторой рекогносцировки открыл стрельбу с парохода «Вираго», но его снаряды не достигали порта, и огонь вскоре был прекращен. В тот же день неприятелю удалось захватить безоружную шлюпку с плашкоутом, шедшую с кирпичом из Тарьинской губы в Петропавловскую гавань. Приняв эскадру неприятеля за русскую эскадру вице-адмирала Е. В. Путятина, а выстрелы — за салюты, матросы приблизились к ним, а когда разобрались, кто это, было уже поздно. Неприятельские вельботы преградили путь шлюпке с плашкоутом и увели их с собой. Вместе с шестью матросами попал в плен и квартирмейстер Павел Васильевич Усов с женой и двумя детьми. Через некоторое время Усов с семьей в сопровождении двух матросов-гребцов был освобожден, а четверо матросов оставлены в плену у французов и среди них матрос Семен Удалой.

Собственно, на этом боевые действия 19 августа и закончились. Было что-то непонятное в такой медлительности англо-французской эскадры. Впоследствии все стало ясно. В самый ответственный момент, когда велись последние приготовления к наступлению на русские батареи, застрелился английский адмирал Прайс. Смерть эта была полной неожиданностью для неприятеля и расстроила его планы. Адмирал Прайс, вероятно, хорошо понимал трудности взятия Петропавловска и боялся ответственности за неудачи. Прайса похоронили на берегу Тарьинской бухты.

Главное командование неприятельской эскадрой принял на себя французский адмирал Де-Пуант. С утра 20 августа было видно, что готовится нападение. Беспреданно менялись сигналы, от корабля к кораблю сновали шлюпки, заполненные матросами. В 8 часов утра пароход «Вираго» повел на буксире корабли эскадры. Противник медленно приближался.

Вскоре неприятельские корабли подтянулись ближе к Сигнальному мысу и один за другим стали на якорь, причем так, что русский фрегат «Аврора» и транспорт «Двина», а также батарея № 2 под командованием Дмитрия Петровича МаксUTOва¹ не могли вести по ним огонь. Непри-

¹ Герой Петропавловской обороны командир 2-й батареи Дмитрий Петрович МаксUTOв родился в 1831 году, происходил из древнего княжеского рода Пензенской губернии. Образование получил в Морском корпусе, который окончил в июне 1849 года в чине мичмана и получил назначение на Черное море. Там плавал на корабле «Варна»

ягельские корабли непрерывно обстреливали батареи русских. Первый и самый сильный удар во много раз превосходящего врага пришлось вынести батареям № 1 и № 4, возглавляемым лейтенантом Петром Федоровичем Гавриловым¹ и мичманом Василием Ивановичем Поповым².

Всю мощь своих кораблей неприятель обрушил на этот клочок земли, защищаемый отважными русскими храбрецами. Но силы были слишком неравны. Вторая батарея под командованием Д. П. Максудова не могла успешно помогать им, так как ядра от нее не долетали до неприятеля и она действовала только тогда, когда непрерывно менявшие свое место фрегат «Евридика» и бриг «Облигадо» приближались к ней.

На батарее мичмана Попова потерь не было. Несмотря на ураганный огонь, батарея отвечала успешно. На первой же батарее постепенно выходили из строя орудия, все больше становилось раненых и убитых, а около девяти часов Гаврилов был ранен осколком в ногу и контужен

у кавказских берегов, а в 1851 году на фрегате «Кагул» перевозил десанты между Севастополем и Очаковым. Переведенный в Камчатскую военную флотилию и произведенный в 1851 году в лейтенанты, Д. П. Максудов в кампанию 1852—1853 годов плавал на «Оливуце», а в 1854 году был назначен помощником командира над Петропавловским портом. За отличие в бою произведен в капитан-лейтенанты и награжден орденом. Он был послан В. С. Завойко в Иркутск курьером, а затем в Петербург с известиями о блистательной победе. Возвратившись в Николаевск в 1855 году, служил на «Оливуце». На этом же судне перешел в 1856—1857 годах в Кронштадт. Но там пробыл недолго. Максудов служил главным правителем Российско-Американской компании в звании капитана 1-го ранга. 17 мая 1882 года был уволен от службы в чине контр-адмирала. О дальнейшей его судьбе сведений пока нет. Его брат Александр Петрович Максудов, командир батареи № 3, был смертельно ранен в Петропавловском сражении.

¹ Некоторые исследователи и писатели (как, например, А. М. Борщаговский в «Русском флаге», стр. 278—279) ошибочно смешивают П. Ф. Гаврилова — участника обороны Петропавловска с А. М. Гавриловым. Он родился в 1814 году в семье солдата в Петербургской губернии. Воспитывался с десяти лет в 1-м Штурманском полужкипаже в Кронштадте. Участвовал в русско-турецкой войне и за блокаду Дарданелльских укреплений был награжден медалью. Затем служил на Балтике штурманом. В 1846 году он перевелся в Охотскую флотилию подпоручиком и с 1849 года участвовал в Амурской экспедиции Г. И. Невельского. В Петропавловск прибыл на «Двине» в составе отряда А. П. Арбузова. За отличие в бою был 1 декабря 1854 года произведен в капитан-лейтенанты и награжден орденами. По возвращении на Балтику 2 декабря 1857 года по болезни был уволен в гражданскую службу. Есть сведения, что умер в Петербурге 15 января 1899 году и похоронен на Смоленском кладбище.

² Батареей № 4 на Красном Яру командовал мичман В. И. Попов. Он родился 1 августа 1830 года и происходил из дворян Петербургской губернии. Воспитывался в 1-м Штурманском полужкипаже в Кронштадте, куда поступил кадетом в мае 1845 года, и окончил его с чином прапорщика в апреле 1848 года.

Плавал сначала на Балтике. На Камчатку попал в составе фрегата «Аврора». Ему в полной мере довелось принять участие в обороне Петропавловска и в переходе к устью Амура в 1854—1855 годах. 1 декабря 1854 года за отличие в бою был произведен в лейтенанты и награжден орденами. На «Авроре» же возвратился в Кронштадт. Дальнейшая жизнь В. И. Попова связана с флотом. В 1883 году Попов произведен в контр-адмиралы, а в январе 1890 года — в вице-адмиралы. С 1886 года состоял младшим флагманом Балтийского флота. 29 июля 1893 года Василий Иванович Попов скончался.

в голову. Но он продолжал руководить артиллерийским огнем. И только после того как все орудия оказались повреждены, дула их по приказу прибывшего на место боя В. С. Завойко были заклепаны, бесстрашного лейтенанта увели в госпиталь. А личный состав и первый стрелковый отряд отправили на батарею № 4.

Такая мера была крайне необходима, так как противник в это время на тринадцати десантных судах и двух ботах приближался к мысу Кислая Яма, расположенному южнее этой батареи. Одновременно Завойко приказал командирам 3-й (командир Александр Петрович Максотов), 6-й (командир поручик Карл Яковлевич Гезехус) и 7-й (командир капитан-лейтенант Василий Кондратьевич Кораллов)¹ батарей в случае высадки неприятельского десанта у батареи № 2 или в городе оставить у пушек по два человека, а всем остальным устремиться на помощь защитникам батареи № 2 и города. Кроме того, командир фрегата «Аврора» капитан 2-го ранга И. Н. Изыльметьев по приказанию В. С. Завойко выделил отряд из 32 матросов с мичманом Николаем Алексеевичем Фесуном², которые вместе с третьим стрелковым отрядом направились к батарее № 2.

При приближении к берегу вражеского десанта командир батареи № 4 мичман Попов спрятал в заранее подготовленное место все заряды,

¹ К. Я. Гезехус родился в 1818 году в семье иностранца из вольноопределяющихся, в службу вступил в учебный морской рабочий экипаж в 1829 году учеником, прапорщиком стал в 1845 году, в 1847 году переведен в корпус корабельных инженеров, переведен в Петропавловск с чином подпоручика 21 декабря 1849 года. Проявил себя отличным инженером-кораблестроителем, а во время обороны Петропавловска — бесстрашным офицером-воином. В дальнейшем служил в Петербурге, подробности остались неизвестными, так же, как и дата смерти.

Много хороших слов можно сказать о командире 7-й батареи, располагавшейся у рыбного склада, В. К. Кораллове. Он родился в 1828 году и происходил из дворян Петербургской губернии. Учился в Морском корпусе, до 1854 года служил на Балтике, затем был переведен в Сибирский экипаж и прибыл со сплавом в отряде А. П. Арбузова. За героизм при обороне Петропавловска награжден орденом с мечами, а за переход в устье Амура — другим орденом. Кораллов до 1859 года оставался на Дальнем Востоке. Был старшим адъютантом штаба командира Сибирской флотилии и портов Восточного океана. 13 мая 1859 года переведен на Балтийский флот. С 1 января 1864 года капитан 2-го ранга. В январе 1868 года Кораллов был уволен со службы с чином коллежского советника. Год смерти пока не установлен.

² Участник Петропавловской обороны, оставивший подробные записки о боевых действиях, мичман Н. А. Фесун проявил бесстрашие, перевоза под огнем неприятеля на катере порох на батарею № 2. Н. А. Фесун родился 7 февраля 1835 года в дворянской семье в Херсонской губернии. Обучался в Морском корпусе. Первым его рейсом в чине офицера было плавание на «Авроре». Затем Петропавловская оборона, переход к устью Амура и возвращение на «Авроре» в Кронштадт в 1857 году. За участие в сражении и переходе к Амуру он награжден орденами и досрочно получил чин лейтенанта. По возвращении на Балтику служил на многих кораблях в Средиземном море и на Тихом океане. Затем — снова Балтика и служба в министерстве. 19 марта 1894 года Фесун был уволен со службы в чине контр-адмирала. О последних годах его жизни и дате смерти пока сведений нет. Известно, что женат он был на дочери В. С. Завойко — Прасковье Васильевне.

заклепал орудия и с горсткой храбрецов (28 человек) вступил в бой с высадившимся врагом. Некоторое время успех был на стороне неприятеля, и, ободренный этим, он поднял над батареей № 4 свой флаг. Но ликование было преждевременным. В бой вступили фрегат «Аврора» и транспорт «Двина», которые наконец-то получили возможность с пользой применять свою артиллерию. В рядах противника произошло замешательство. Оно усилилось еще больше, когда одно удачно выпущенное ядро угодило прямо в толпу неприятеля на батарее. Противник в панике побежал к берегу. А здесь уже были первый и третий стрелковый отряды и матросы с «Авроры». Враги спасались от преследования бегством на десантных судах.

Упорные бои шли на батарее № 2, которая перекрывала французам и англичанам путь к русским кораблям, к порту и городу. Защитники батареи во главе с Д. П. Максutowым более шести часов вели непрерывный бой с наступающими кораблями. Мужественно сражались русские люди. На место убитых и раненых тотчас же вставали добровольцы: солдаты нестроевой команды, штатские чины и местные жители. Все, как один, поднялись на защиту Петропавловска, ключом к которому была батарея Дмитрия Максutowа.

Дважды командование вражеской эскадры пыталось высадить десант на перешеек между Никольской и Сигнальной сопками, но батарея № 3 Александра Максutowа не позволяла десантным судам даже подойти к берегу.

Ночью 24 августа на неприятельской эскадре было заметно оживление. В эту же ночь на батареях славных защитников Петропавловска не спали. В. С. Завойко лично обошел батареи, побывал на «Авроре» и на «Двине».

На этот раз противник решил нанести основной удар со стороны перешейка. Превосходство неприятеля было очевидным: против 5 орудий батареи № 3 действовало 30 орудий фрегата «Ла Форта», а 26 орудий «Президента» громили крытую батарею № 7, которая могла действовать только тремя 24-фунтовыми пушками.

Артиллеристы батареи № 3 первыми открыли огонь. На «Президенте» был сбит флаг. Затем без промаха одно за другим ядра с батареи обрушились на фрегат «Ла Форт», где появились убитые и раненые. Нелегко было и на батарее. Находившаяся на низком месте и совершенно открытая, она служила отличной мишенью для артиллеристов фрегата. Только тогда, когда пал командир лейтенант Александр Максutow, батарея замолчала.

Геройски держалась и батарея № 7 у озера Култушного, оборонявшая подходы к городу. Когда орудия батареи были полностью выведены из строя, Завойко приказал ее защитникам присоединиться к стрелковым отрядам, расположившимся в районе порохового погреба, где скорее всего можно было ожидать неприятельского десанта.

Убедившись в том, что все батареи выведены из строя, противник начал высадку. К батарее № 7 направились 23 гребных судна и два десантных бота. Сам французский контр-адмирал Де-Пуант решил возглавить десант и двигался позади него на отдельной шлюпке, размахивая французским флагом. Высадившись на песчаной кошке, авангард неприятельского десанта направился к батарее № 6, прикрывавшей вместе с батареей № 7 подступы к городу. Но встреченный огнем орудий, противник отступил, потеряв несколько человек убитыми и ранеными. Вторая попытка также не имела успеха. Тогда основные силы десанта (до 900 человек) направились к Никольской горе и перевалили через нее на северную сторону, откуда был открыт оружейный огонь по командам русских кораблей.

Завойко все три отряда с приданными им командами батарей сосредоточил на отражении вражеского десанта на Никольской горе. В дополнение к трем стрелковым отрядам с фрегата «Аврора» и транспорта «Двина» были посланы отряды матросов во главе с лейтенантом Константином Пилкиным и мичманом Николаем Фесуном. Отряды начали наступление при поддержке орудий батарей. Но когда отряды лейтенанта Евграфа Анкудинова и мичмана Дмитрия Михайлова¹ стали приближаться к неприятелю, оружейная стрельба была прекращена. На помощь наступающим Завойко выделил из резерва еще два отряда под командованием капитана 1-го ранга Арбузова и лейтенанта Иосифа Скандракова.

Но такая мера оказалась уже излишней. Самое большое скопление неприятеля было на северной оконечности Никольской горы, которая чуть ли не от самого гребня круто обрывается к морю. Несмотря на отчаянное сопротивление, русские отряды, ведя систематический огонь, неуклонно продвигались вперед, тесня противника к гребню горы. Когда же расстояние сократилось настолько, что можно было идти в атаку, дружное матросское и солдатское «ура» потрясло воздух. Русские пошли в штыки. Недолго держались англо-французы против штыковой атаки.

Матросы и солдаты проявляли чудеса героизма. Артиллерист Александр Иванович Соленов, 24-летний матрос 1-й статьи с батареи Кораллова, первым открыл огонь по неприятельским кораблям и стрелял из своей пушки до тех пор, пока не разорвало ствол орудия. Во время атаки

¹ Командиром 1-го стрелкового отряда был мичман Дмитрий Васильевич Михайлов. Малочисленные отряды под его и лейтенанта Анкудинова командованием, воодушевленные своими храбрыми командирами, смело атаковали неприятеля и сбросили его с гребня Никольской горы. О Михайлове есть сведения, что он родился в Ярославской губернии в 1832 году, учился в Морском корпусе и сразу после выпуска попал на «Аврору». За оборону Петропавловска, переход в Де-Кастри он получил чин лейтенанта и был награжден орденами. Затем служил на Балтике, на Севере и на Средиземном море. 1 января был произведен в капитаны 2-го ранга, а 19 июня того же, 1874 года он скончался.

и штурма Никольской горы отличился ветеран Петропавловска 43-летний боцман Степан Васильевич Спылихин, одним из первых среди охотников ворвавшийся на самую вершину горы и оттуда буквально скатившийся на спины врагов, не считая и не разглядывая, сколько было внизу неприятеля¹.

Развязка битвы наступила вскоре. Вот как писал об этом В. С. Завойко в донесении: «Отступление неприятеля с северной оконечности горы и около перешейка совершалось в беспорядке, но не с таким уроном, ибо покатость горы в этих местах давала возможность скоро добраться до берега; спустившись с горы, неприятель с обеих сторон бежал к шлюпкам, унося трупы товарищей. Отступление на гребных судах было еще бедственнее для врага: отряды наши, заняв высоты, стреляли по сплоченной массе людей, убитые и раненые падали в воду или в шлюпки, откуда раздавались стоны, один фрегатский баркас ушел только под восьми веслами, на другом люди подымали руки, как бы прося пощады; несколько человек брели по горло в воде, стараясь догнать удаляющиеся гребные суда, и пускались вплавь; немногие находили спасение»². В половине двенадцатого дня все было кончено.

27 августа вечером неприятельская эскадра, не предпринимая больших попыток к наступлению, ушла из Авачинской бухты. Потери союзников составили свыше 350 человек; защитники Петропавловска за оба сражения потеряли 37 человек убитыми и около 80 ранеными. Интересный случай произошел на подступах к Авачинской бухте. 26 августа 1854 года бот № 1 под командованием боцмана Харитона Ивановича Новограбленного, шедший с полным грузом леса из Нижнекамчатска и ничего не знавший о событиях в Петропавловске, «пришел на вид Дальнего маячного мыса, но за туманной погодой самого маяка видеть не мог; придержавшись немного к северу, рассмотрел на мысу людей, стрелявших в море из ружей и увидевши в то же время сильную эскадру, стоящую на якоре во внутренних губы, понял, что этой пальбой предупреждают его о неприятеле. Несмотря на очевидную опасность, боцман Новограбленный, зная, что за ним идет шхуна «Анадырь» также с грузом леса из Нижнекамчатска, не теряя присутствия духа, всю ночь крейсировал перед входом в губу и хотя не нашел того судна, которого желал предупредить о неприятеле, но оказал услугу не менее важнейшую, встретив и уведомив о блокаде порта винтовую шхуну «Восток», командир которой лейтенант Римский-Корсаков, передав на бот бумагу для доставления в порт, немедленно поворотил в море и отправился в Большерецк. После этого, несмотря на чрезвычайно сильные ветры, форсируя парусами, боцман Новограбленный все еще продолжал крейсировать перед входом, надеясь дожидаться «Анадырь»; утром 27-го не видя его

¹ ЦГАДВ, ф. 1007, оп. 5, д. 6, лл. 29 об.— 30 и л. 50.

² «Морской сборник», 1854, № 12, часть официальная, стр. 207.

и заметив, что неприятель снимается с якоря, решил сам искать спасения в Вилюченской бухте, куда и укрылся»¹.

Насколько значителен был подвиг Новограбленного, можно представить из того, что у Римского-Корсакова были весьма важные бумаги от Н. Н. Муравьева к В. С. Завойко, а шхуна не была вооружена. В свою очередь и шхуна «Восток» по пути в Большерецк, в 4-м Курильском проливе встретила шедший в Петропавловск с продовольственными запасами транспорт «Байкал» под командой Никиты Ильича Шарыпова. «Байкал» также ушел в Большерецк. Таким образом, благодаря боцману Новограбленному двум русским кораблям удалось избежать неожиданной встречи с неприятелем. Сам же Новограбленный с места своей стоянки послал сухопутным путем к Завойко известие о шхуне «Восток» и передал ему письма от Римского-Корсакова. 1 сентября, после ухода англо-французской эскадры, Новограбленный благополучно привел свой бот в Петропавловск².

Вся Россия отпраздновала победу доблестных защитников Петропавловска. Умелые действия В. С. Завойко и командира фрегата «Аврора» И. Н. Изъльметьева получили заслуженную оценку даже иностранцев. С уходом соединенной эскадры В. С. Завойко стал укреплять город, так как неприятель мог повторить свою авантюру. Но в этом году он не решился пойти на подобный шаг. Зато на следующий год задумана была большая экспедиция, в которой предполагалось участие 56 выпелов. К осени в Петропавловском порту собралась целая эскадра русских судов: корвет «Оливуца», транспорты «Байкал» и «Иртыш», боты «Кадьяк» и № 1. Все они вместе с «Авророй» и «Двиной» остались зимовать здесь.

Между тем, узнав о готовящемся в следующем году англо-французском нападении на Дальний Восток, генерал-губернатор Н. Н. Муравьев, выполняя распоряжение правительства, исходя из реальной обстановки и используя открытия Амурской экспедиции, приказал ранней весной до прихода неприятеля в Петропавловск вывести оттуда все наши силы и корабли, перенести порт в устье Амура, сосредоточив главное управление в Николаевском порту.

Приказание привез есаул Николай Мартынов, и Завойко тотчас же приступил к его выполнению. Надо было предусмотреть и успеть все сделать до прихода неприятеля. Ценности грузили на корабли и суда. В го-

¹ ЦГАДВ, ф. 1055, оп. 1, д. 97, лл. 70—71 об.

² Х. И. Новограбленный родился в солдатской семье на Камчатке в 1817 году. В 1834 году он поступил матросом 2-й статьи на службу, а в 1849 году стал боцманом. Плавал на многих судах Охотской флотилии, был смотрителем маяков Авачинской губы и лоцманом. В 1851 году — командир бота № 1. За находчивость и мужество при защите Петропавловска был 15 декабря 1854 года произведен в прапорщики. Участвовал на том же боте в переходе в залив Де-Кастри и в устье Амура. 17 апреля 1862 года произведен в подпоручики и «находился при берегу в портовой комиссии и смотрителем такелажного и парусного мастерства». Последние сведения о нем относятся к 1865 году. Вполне возможно, что последние годы жизни он провел на Камчатке — своей родине.

роде оставалось несколько человек во главе с Мартыновым. Весна только еще наступала, когда начали трудный переход. Во льду пропиливали фарватер, по которому один за другим корабли выходили в открытое море. Первым 29 марта вышел бот «Кадьяк», последними 6 апреля 1855 года — «Аврора», «Оливуца» и «Двина». Все они благополучно 5 мая 1855 года прибыли на место сбора в залив Чихачева (Де-Кастри). Вел корабли В. С. Завойко.

...18 мая в Петропавловскую гавань вошли первые корабли неприятельской эскадры под командованием адмирала Брюсса. Придя в Петропавловск, неприятель застал его пустым. А на подходе на неприятельской эскадре произошло следующее. Четыре русских матроса, попавшие в плен еще перед началом сражения, среди которых был Семен Удалой, находились на борту французского фрегата «Ла Форт». Он после капитального ремонта в Калифорнии перешел к островам Таити, где русских матросов заставляли работать на строительстве военных сооружений. «Удалой не хотел работать крепости и сказал... против своих крепость делать не буду. Его заковали в железа и посадили на хлеб и воду; и мы сживали за то, что не хотели крепости работать, но нам нездоровилось сидеть, — стали пухнуть»¹, — рассказывали впоследствии Завойко товарищи Удалого.

Когда французы собрались снова идти в Петропавловск, русских матросов перевели на бриг «Облигадо». Командование бригом, видимо, решило, что русские моряки уже покорились своей незавидной участи, и рассчитывало заставить их стрелять по своим. Но что из этого получилось, читатель может узнать из рассказа товарищей Семена Удалого. «При входе в Авачинскую губу забили тревогу: Удалой был поставлен у пушки, а мы у подачи ядер. Удалой не пошел к своей пушке, а стал у грот-мачты и сказал нам: «Ребята! Грех на своих руки поднимать! Уж лучше смерть! Помните приказание начальства — чему нас учили!» Сказавши эти слова, он скрестил руки на груди и закричал во весь голос: «Слышь вы, французы!» И к этому прибавил, как тут, Василий Степанович, сказать, да вы изволите знать крутой нрав Удалого, он то есть, так сказать, попросту выругал их, а потом сказал: «Слышите ли, французы? У русских руки не поднимаются на своих, я к пушке не иду». А польша (переводчик-поляк, служивший у французов. — А. А.) сейчас слово в слово и переведи старшему лейтенанту. Лейтенант затопал ногами и закричал на него: ежели не пойдешь к пушке, то сейчас повешу! — и приказал гордень готовить. Это перевели Удалому. Он в ответ закричал сердито:

— Врешь, такой-сякой француз, ты меня не повесишь, а я к пушке не пойду! — И с этими словами бросился по снастям вверх по мачте, поднявшись, перепрыгнул с них на ванты и закричал нам:

¹ Цит. по кн.: А. А. Степанов. Петропавловская оборона. Хабаровск, 1950, стр. 133. Из «Морского сборника», 1857, № 7.

— Ребята! Не подымайте рук на своих, не сделайте сраму на сем свете... Прощайте! Видите, я принимаю смерть»¹. Удалой прыгнул с мачты, и родные авачинские воды проглотили героя.

Пробыв больше месяца в Петропавловске, командование англо-французской эскадры пыталось выяснить местопребывание русской эскадры, но ничего не добилось. Перед ее уходом В. С. Завойко принял все меры к тому, чтобы сохранить в тайне пункт назначения. Интервененты рыскали по всему пустынному городу, поджигали дома, взрывали батареи, подожгли старый полузатопленный транспорт «Аян» и 18 июня ушли на поиски русской эскадры.

Одна часть неприятельских кораблей направилась в Русскую Америку, а большая часть ушла в Охотское море в надежде встретить русскую эскадру в порту Аян. Англо-французскому командованию и в голову не приходило искать ее в Татарском проливе, тем более в Амурском лимане, вход с юга в который не был никому известен.

Но когда в Аяне они ничего не обнаружили, то все-таки направились к устью Амура. В Татарском проливе появилась английская эскадра. До этого времени она наводила ужас на китайские порты, расправлялась с беззащитным населением. Когда командующий эскадрой адмирал Стирлинг получил известие о войне с Россией, он послал отряд командора Эллиота в крейсерство вдоль побережья Татарского пролива к единственному известному англичанам заливу Чихачева.

Обнаружив там русскую эскадру и сделав несколько выстрелов по корвету «Оливуца», Эллиот не отважился на решительные действия. Позже выяснилось, что Эллиот опасался русских береговых батарей, которые, как он думал, были мощными. 8 и 9 мая отряд держался у входа в залив вблизи мыса Орлова (Клостеркамп), ожидая подхода главных сил под командованием адмирала Стирлинга, а затем ушел в открытое море.

На военном совете 13 мая, на котором был прибывший в Де-Кастри Г. И. Невельской, В. С. Завойко решил воспользоваться вскрытием льда у мыса Лазарева и идти в лиман реки Амура. В полночь, принимая все меры предосторожности, русская эскадра, ведомая хорошо знающими местные условия Г. И. Невельским, снялась с якоря и благополучно почти под носом неприятельской эскадры ушла в лиман. Вскоре корабли были в безопасности.

Буквально через несколько часов в заливе Чихачева появилась английская эскадра.

Велико было разочарование неприятеля, решившего взять реванш за бесславное петропавловское сражение в прошлом году, когда он не застал русских кораблей.

¹ Цит. по кн.: А. А. Степанов. Петропавловская оборона. Хабаровск, 1951, стр. 134—135. Из «Морского сборника», 1857, № 7.

Подвиг матроса Удалого.

Все суда и корабли русской эскадры были сосредоточены в Николаевске-на-Амуре. Не удалось ввести в лиман только устаревший фрегат «Паллада», на котором держал свой флаг вице-адмирал Е. В. Путятин, полномочный посол России в Японии. Она была оставлена в Советской (Императорской) гавани.

Английские корабли искали по всем дальневосточным морям исчезнувшие русские корабли. Были они и в Аяне, где больше месяца ожидали их прихода, были и в Охотске. Наконец, барражируя в Татарском проливе, капитан Никольсон на фрегате «Пик» зашел в Императорскую гавань, сжег там постройку Константиновского поста, но захватить фрегат «Паллада» в качестве почетного трофея все же не успел: по приказанию В. С. Завойко команда поста затопила его. С тех пор бухта Постовая в Советской гавани стала вечным памятником прославленному фрегату.

Так беславно для англо-французских интервентов окончилась агрессивная авантюра. В английской газете «Таймс» в 1855 году говорилось по поводу перехода русской эскадры: «Русская эскадра под командой адмирала Завойко переходом из Петропавловска в Де-Кастри и делом в Де-Кастри нанесла нашему британскому флагу два пятна, которые не могут быть смыты никакими водами океанов вовеки»¹.

В. С. Завойко 17 ноября 1854 года было присвоено звание контр-адмирала. После окончания войны на Дальнем Востоке 10 декабря 1856 года его перевели на Балтику. Завойко провел на Дальнем Востоке 15 лет.

Дальнейшая его служба прошла при морском министерстве. 23 апреля 1861 года В. С. Завойко стал вице-адмиралом, а 1 января 1874 года был произведен в полные адмиралы. Награжденный многими орденами, обеспеченный материально, В. С. Завойко доживал последние годы своей жизни в Подольской губернии. Там он и скончался 27 февраля 1898 года, 89 лет от роду.

Опытный, отважный моряк, кругосветный путешественник, талантливый организатор, герой Петропавловской обороны — таким в памяти русских людей остался адмирал В. С. Завойко.

После Петропавловской обороны одна из иностранных газет опубликовала высказывание французского контр-адмирала Де-Пуанта: «Генерал Завойко защищался храбро и со знанием дела; сожалею, что не мог пожать ему руки; я не ожидал встретить такого сильного сопротивления в ничтожном местечке».

Эта похвала неприятеля относится не только к Василию Степановичу Завойко. Русские морские офицеры героически сражались на краю русской земли, отстаивая честь своей Отчизны.

¹ Журнал «Нива», 1898, № 16, стр. 198.

Наиболее интенсивными исследованиями после работ Амурской экспедиции Г. И. Невельского в первые два десятилетия второй половины XIX века были исследования Приамурья, Приморья и Сахалина. Одно из выдающихся событий этого времени — организация Сибирской экспедиции Русского Географического общества.

Решение об исследовании Восточной Сибири общество вынесло в 1853 году в самый разгар деятельности Амурской экспедиции. «При этом общество имело в виду две главные цели, для которых предпринимались ученые исследования. Обе были чисто практического свойства: первая цель была специально географическая и состояла в приготовлении точной и по возможности подробной карты Юго-Восточной Сибири — карты, которая могла бы дать надежную точку опоры при решении разных научных и административных вопросов, на столько конечно, на сколько решение таких вопросов зависит от географии страны. Вторая цель была геогностическая, и относящиеся сюда исследования должны дать понятие о минеральном богатстве страны, о строении ее поверхности и свойствах образующих ее слоев»¹.

Исходя из задач, и было образовано два отдела экспедиции: математический и физический, работавшие по этапам. Первый под руководством астронома Л. Е. Шварца с 1855 по 1858 год, а второй, руководимый Ф. Б. Шмидтом, — с 1859 по 1862 год.

Четыре отважных человека, четверо самоотверженных ученых в течение нескольких лет изучали геологию, географию, топографию, растительный и животный мир, а также этнографию Сахалина и других районов. Это Ф. Б. Шмидт и его спутники П. П. Глен, А. Д. Брылкин и Г. В. Шебунин.

Первоначально в состав экспедиции входили Ф. Б. Шмидт и его помощник Г. Майдель, но из-за серьезной болезни Г. Майделя его заменили П. П. Гленом, А. Д. Брылкин и Г. В. Шебунин вступили в состав экспедиции в Сибири, в Иркутске несколько позже.

Фридрих Готлиб Шмидт, или по-русски Федор Богданович Шмидт², родился 15 января 1832 года в имении Кайсме Лифляндской губернии Перновского уезда³ «и еще в дошкольном возрасте мог различать большое число местных форм, не зная ни немецких, ни научных их названий и отмечая их именами эстонскими или им самим придуманными»⁴. Когда

¹ Труды Сибирской экспедиции Императорского Русского Географического общества. Математический отдел. СПб, 1864, стр. 1.

² ААН, ф. 42, оп. 1, д. 16, л. 26.

³ Там же, д. 38, л. 1—2.

⁴ А. П. Карпинский. Фридрих Богданович Шмидт. Известия Императорской Академии наук, VI серия, СПб, 1908, № 18, стр. 1287.

ему исполнилось 11 лет, отец отдал его в Ревельскую гимназию, по окончании которой юный Шмидт надумал поступить в Дерптский (Тартуский) университет, намереваясь стать преподавателем русского языка.

Но уже в то время он страстно увлекался ботаникой, превосходно знал основы этой науки, знал так, что еще гимназистом последнего класса преподавал ее другим. В своей автобиографии он писал: «Весной 1848 года две взрослые образованные дамы, дочери известного мореплавателя Крузенштерна пожелали заниматься ботаникой и особенно познакомиться с местной флорой, и меня предложили им в учителя»¹. Эти занятия еще больше укрепили в нем любовь к естественным наукам.

В 1849 году с благословения отца Шмидт поступил на историко-филологический факультет по разряду русского языка и словесности. Одновременно он не пропускал ни одной лекции по естественно-историческим предметам. А потом так увлекся, что в 1852 году сдал экзамен на кандидата ботаники. Затем в Московском университете он слушал лекции профессоров Г. Е. Щуровского (геология), Г. И. Фишера (ботаника), К. Ф. Рулье (география), Ф. И. Буслаева, С. П. Швырева и других.

Переехав из Москвы в Петербург, Шмидт с помощью К. А. Мейера и Ф. И. Рупрехта занимался ботаникой, с помощью Х. Г. Пандера — палеонтологией. Результатом этих занятий стала магистерская диссертация по разграничению силурийских и девонских отложений Прибалтийского края. После этого, в 1856 году, Шмидт стал помощником директора Ботанического сада в Дерпте и одновременно занимался геологией, написав специальную геологическую работу по геологии и палеонтологии Прибалтики, удостоенную Демидовской премии. Он обрабатывал ботанические материалы товарища по университету К. И. Максимовича, вернувшегося из экспедиции на Амур, и читал лекции по ботанике в университете. В 1858 году он ездил в Швецию и Северную Германию. По возвращении оттуда Фридрих Богданович принял предложение Географического общества возглавить Сибирскую экспедицию.

В мае Шмидт выехал в Сибирь и летом был в Иркутске. В 1859 году он, исполняя поручение Географического общества провести исследование юго-восточной части Забайкальской области, всей Приамурской области и, наконец, по возможности острова Сахалина, представляющего особенный интерес в геологическом отношении»², выехал в путешествие по Амуру. Это было в августе. Шмидт добрался до Благовещенска, оттуда поплыл еще дальше до того места, где только что была основана Хабаровка, будущий Хабаровск. «2 октября, — писал он, — пришел я в местечко Хабаровку... где расположен линейный ба-

¹ Ф. Б. Шмидт. Академик Ф. Б. Шмидт, как ботаник (автобиография). Труды Ботанического сада Императорского Юрьевского университета, т. III, вып. 1, Юрьев, 1902, стр. 53.

² П. П. Семенов-Тянь-Шанский. История полувековой деятельности Императорского Русского Географического общества, часть 1, СПб, 1896, стр. 195.

Ф. Б. Шмидт.

тальон; есть надежда, что там в скором времени образуется город. Поселение это стоит на крутом берегу в 60 фут высоты... оттуда вид великолепнейший; оно окаймлено диким дремучим лесом, а за ним несколько вдали возвышался хребет Хехцир, вдоль нижнего течения Усури»¹.

Возвратившись глубокой осенью в Благовещенск, Шмидт здесь зимовал. Он писал, что во время этого плавания-похода «главная работа состояла в геологическом изучении берегов Амура, в которых мне удалось открыть между прочим богатую флору юрского периода, описанную впоследствии профессором Освальдом Геером в Цюрихе. Нынешняя флора была также исследована ввиду будущих дополнений для флоры Максимовича; ему мои материалы и были переданы»².

Во время зимовки в Благовещенск прибыл Шебунин Герасим Васильевич — топограф, много сделавший для успеха экспедиции и сопровождавший Шмидта во многих его маршрутах. Договорились таким образом, что он, а также и А. Д. Брылкин, который вот-вот должен был прибыть, отправятся непосредственно на пароходе сразу на Сахалин, туда же должен был прибыть и Петр Петрович Глен. Сам же Шмидт

¹ Труды Сибирской экспедиции Императорского Русского Географического общества. Физический отдел, том 1, СПб, 1868, стр. 17.

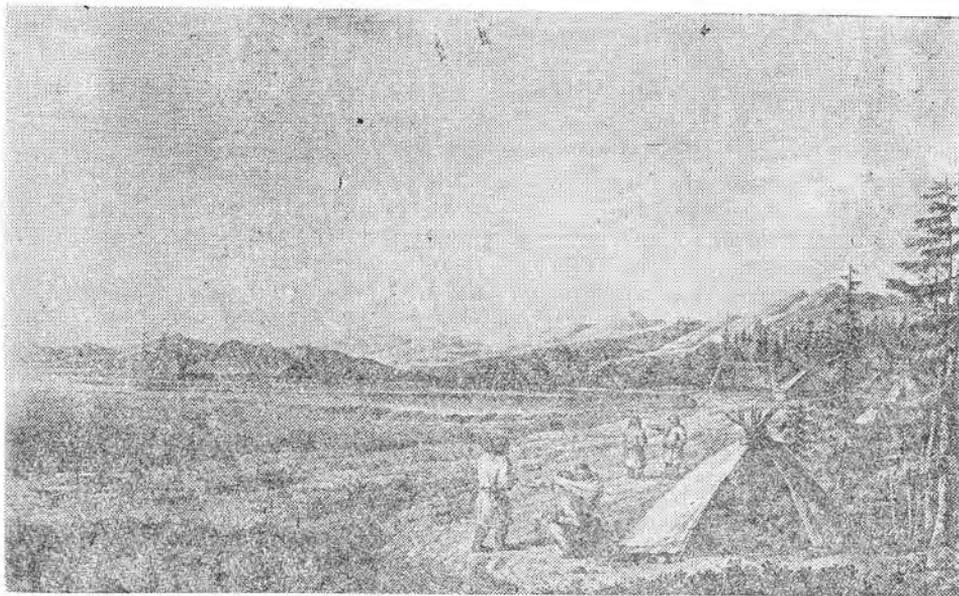
² Ф. Б. Шмидт. Академик Ф. Б. Шмидт, как ботаник (автобиография). Труды Ботанического сада Императорского Юрьевского университета, т. III, вып. 1, Юрьев, 1902, стр. 58.

ранней весной, не ожидая сбора всех спутников, на санях пустился по реке дальше, все подмечая, все записывая и делая выводы. 31 марта Фридрих Богданович доехал до станции Михайло-Семеновской, на той стороне реки Сунгари. И здесь застрял до 15 апреля: был разлив, ледоход. Пришлось перебираться в лодку и продолжать путь водным транспортом: 26 апреля он прибыл в Хабаровку, а 15 мая появился в Николаевске-на-Амуре, как раз тогда, когда там выпал снег.

Через три дня в пост Дуэ на Сахалине отправлялся пароход «Америка», и Шмидт воспользовался этим счастливым обстоятельством. Наскоро написав письма, предварительные отчеты о первом этапе путешествия и озаботившись доставкой запасов для экспедиции на Сахалин, он ступил на палубу «Америки» с тем, чтобы 29 мая посмотреть на открытую еще Лаперузом гавань Де-Кастри и в этот же день, переправившись через Татарский пролив, достичь желанной цели — Сахалина.

Почти месяц проработал в одиночестве в посту Дуэ Шмидт, собирая полную флору местности и добывая вместе с тем и третичную флору из тамошних угольных копей. Впечатления его от природы Сахалина были поразительны: «Переехав с противоположного берега с Александровского поста на заливе Де-Кастри в несколько часов в Дуэ я был сразу поражен большой разницей во флоре обоих берегов Татарского

На Северном Сахалине.

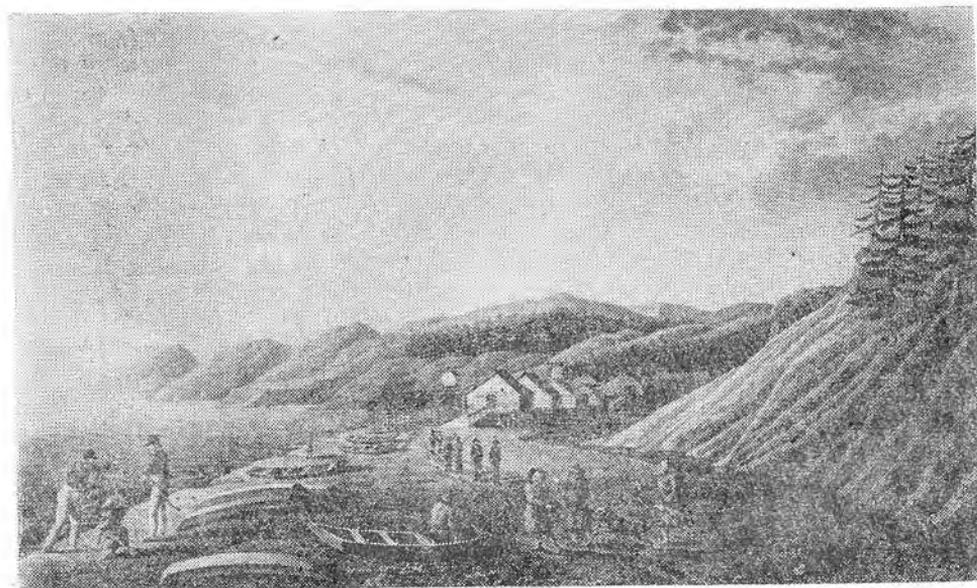
пролива. При общем сходстве древесной растительности меня именно поразило множество новых японских и частью камчатских форм на Сахалинском берегу»¹.

23 июня в Дуэ прибыли А. Д. Брылкин и Г. В. Шебунин. Шмидт сразу же, действуя решительно и оперативно, разделил экспедицию: Брылкин на оказавшемся здесь корвете «Гридень» ушел в пост Ильинский (Кусунай), для того чтобы заниматься там изучением флоры и этнографией, а Шмидт с Шебуниным решили проделать весь этот путь на вельботе вдоль берега. Они плыли, все замечая, все снимая на карту, хотя и не имели астрономических инструментов, изучая геологическое строение берега, часто высаживаясь на берег. Так, однажды они поднялись на гору Натаузикан, высотой 4 тысячи футов, чтобы ознакомиться с местной альпийской флорой.

В Кусунае путешественники застали уже давно прибывшего туда Брылкина. Была середина августа, и можно было продолжать исследования. Втроем они вышли к Мануе, откуда три дня шли пешком на север до селения Могун-Котан. Возвратившись отсюда в Кусунай, путе-

¹ Ф. Б. Шмидт. Академик Ф. Б. Шмидт, как ботаник (автобиография). Труды Ботанического сада Императорского Юрьевского университета, т. III, вып. 1, Юрьев, 1902, стр. 58.

В заливе Анива.

шественники вскоре направились на юг, занимаясь каждый своим делом. Путешествие на юг простиралось до летников японцев, ловивших там рыбу. Ознакомившись с ними, а также с флорой южной части Сахалина, Шмидт со спутниками возвратился в Кусунай.

Затем Шмидт дал всем отдельные задания: Брылкин пошел в Маную, Шмидт остался в Кусунае, а Шебунин направился описывать озеро Трайзиска. Когда все намеченные работы были выполнены, участники возвратились в Кусунай, где решили вопрос о предстоящих исследованиях на зиму 1860/61 года, Брылкин должен был оставаться зимовать в посту Ильинском (Кусунае), а Шмидт с Шебуниным по зимнему пути решились возвратиться в пост Дуэ.

23 января 1861 года Шмидт и Шебунин отправились в долгий путь на собаках. Они переехали в Маную, откуда поехали по восточному берегу — к заливу Терпения. Места были безлюдные, а собак у путешественников было много. Очень опасались того, что до Дуэ корма для них не хватит, поэтому Шмидт отправил Шебунина с частью собак обратно в Ильинский пост, а корм погрузил на свои нарты и поехал далее с казаком Березкиным.

Двадцать верст в сутки, затем отдых, затем снова двадцать верст — и так десять суток, пока не добрались до устья реки Поронай. Тут позволили себе устроить двухсуточный отдых. А дальше вдоль берега реки — до селения Арково в сопровождении одного мангуна, хорошо знающего зимние тропы. От Арково до поста Дуэ через перевал — рукой подать. И вот Шмидт снова в посту Дуэ.

Здесь Шмидта ожидала приятная встреча с П. П. Гленом, который прибыл сюда в конце июня 1860 года и успел собрать геологические и ботанические материалы в районе к северу от Дуэ. Они сделали определенные выводы относительно флоры Северного Сахалина: «Пока хребет находился еще вблизи западного берега, прежний полуяпонский характер флоры еще сохранялся. Как скоро, однако, хребет удалился в центр острова, прибрежная флора приняла совершенно северный сибирский характер, похожий на берега Охотского моря»¹.

Из Дуэ Шмидт и Глен отправились на нартах в Николаевск и прибыли туда 28 февраля 1861 года. Здесь еще не пришло решение Географического общества о том, что делать дальше Шмидту — продолжать экспедицию или заканчивать ее. Кончались и деньги, а новых поступлений не было. Поэтому Шмидт распорядился, чтобы Глен пока отправлялся снова на Северный Сахалин на одной нарте. Казаки Березкин и Красовский должны были ехать на собаках на двух нартах в Ильинский пост к Шебунину и Брылкину, чтобы доставить продукты и некоторые

¹ Ф. Б. Шмидт. Академик Ф. Б. Шмидт, как ботаник (автобиография). Труды Ботанического сада Императорского Юрьевского университета, т. III, вып. 1, Юрьев, 1902, стр. 59.

другие запасы. Сам же Шмидт некоторое время оставался в Николаевске — ждал известий из Петербурга.

Получив подкрепление в виде финансовой помощи и руководства к дальнейшим действиям, Шмидт совершил путешествие по Амуру до Маринского поста и залива Де-Кастри. Возвратившись в Николаевск тем же путем, Шмидт на пароходе «Америка» отправился в пост Дуэ, куда и прибыл 8 июня. Глен рассказал ему здесь о своих работах на Северном Сахалине. Переправившись в Ильинский пост, 17 июня Шмидт, Брылкин, Глен и Шебунин наконец-то собрались все вместе.

Было решено, что Глен и Брылкин продолжат свои работы на Сахалине, главным образом на Южном, а Шмидт и Шебунин отправятся в Приморский край. Так и сделали: Глен и Брылкин направились в большое путешествие вокруг Южного Сахалина, а Шмидт и Шебунин уже 21 июня оказались в бухте Ольга, а 2 июля — во Владивостоке. 5 июля они были в бухте Посьет, где встретили эскадру И. Ф. Лихачева. Воспользовавшись столь приятным обстоятельством, Шмидт обошел всю бухту, осмотрел берега и затем высадился там, чтобы произвести свои исследования. Они продолжались более месяца и принесли замечательные результаты в геологическом и ботаническом отношениях. Шмидту удалось изучить флору Южно-Уссурийского края. В это время он встретил пограничную комиссию, возглавлявшуюся К. Ф. Будогоским, полковником Генерального штаба, занимавшуюся установлением границы между Россией и Китаем в соответствии с Пекинским трактатом 1860 года, заключенным на основании Айгунского договора 1858 года.

Шмидт и Шебунин примкнули к пограничной комиссии и 1 сентября перешли во Владивосток. Весь дальнейший путь до Хабаровска путешественники проделали также вместе с комиссией: сначала по реке Суйфун, затем по берегу озера Ханка, оттуда к реке Сунгари и дальше до Хабаровки, куда прибыли 2 октября. Из Хабаровки, уже предоставленные сами себе, Шмидт и Шебунин по Амуру спустились в Николаевск, где и появились 12 октября. Прежде чем возвращаться в Петербург, Шмидт решил исследовать бассейн реки Амгуни, а до этого еще раз побывать на Сахалине.

Зимой, в январе, он еще раз побывал на Северном Сахалине и сделал окончательные выводы об орографии острова: «Только западная часть острова Сахалина нам довольно хорошо известна. По всему ее протяжению пролегает довольно высокий хребет, с крутыми склонами, от него во внутрь острова тянется множество небольших хребтиков между собой параллельных, в свою очередь имеющих отроги в обе стороны. Издали весь хребет кажется сплошным»¹.

В ботаническом отношении «Сахалин может быть разделен на две

¹ Труды Сибирской экспедиции Императорского Русского Географического общества. Физический отдел. Том 1, СПб, 1868, стр. 66.

различные растительные области: одна имеет наибольшее сходство с береговою странюю Охотского моря и отчасти с Камчаткою, другая составляет продолжение северной японской флоры»¹. Первая занимает площадь Сахалина, расположенную в 100 верстах к северу от Дуэ и до Охотского моря, а также всю восточную часть — до залива Терпения. Вторая — все остальное.

Шмидт возвратился в Николаевск и вскоре, в начале марта, встречал там Глена и Брылкина, совершивших большое и интереснейшее путешествие вокруг всего Южного Сахалина и далее по берегу залива Терпения, реке Поронай — в Дуэ, а оттуда уже наезженным путем через мыс Лазарева в лиман Амура и в Николаевск: Теперь работы экспедиции подходили к концу. Глен закончил свои исследования на Сахалине и пришел к выводу, что на острове пять хребтов, «которые, за исключением первых двух, мною ниже обозначаемых, отделены друг от друга довольно обширными низменностями. Они следующие: северный, центральный, западный прибрежный, восточный прибрежный, Соя-Сусунайский и пролегающий по юго-восточной оконечности острова»². Все пять тянутся в меридиональном направлении.

Но Шмидт и Шебунин снова в пути. 17 марта они в сопровождении казака Бубякина и семи якутов отправились в Удской край и побывали у озера Орель, Чля, на протоке Пальво, посетили Удской острог и возвратились в Николаевск. Теперь все стали собираться в путь. Брылкин хотел завершить исследования в верховьях Амура и возвращаться в Иркутск, Глен закончил свои дела и возвращался по Амуру в Иркутск, а затем в Петербург. Шмидт снова нашел себе работу. Он решил исследовать Амгунь и реку Бурею, использовав их как маршрут для возвращения в Иркутск и в Петербург.

19 мая Шмидт и Шебунин вышли из Николаевска и направились вверх по реке Амгуни. Их сопровождал казак Бубякин и четыре якута. Путь был тяжелым, все время тянули лодки бечевой. С Амгуни перешли на Немилен, откуда поднялись на перевал Буреинского хребта и вышли в бассейн реки Бурей. Шебунин все время проводил съемку маршрута, а Шмидт занимался геологическими и ботаническими исследованиями. «Моя экспедиция вверх по Амгуни и вниз по Бурее, кроме геологического, имела и большой ботанический интерес, так как мне удалось собрать на упомянутом перевале альпийскую флору южного отрога Станового хребта и наблюдать потом постепенный переход ее в известную уже раньше мне флору верхнего и среднего Амура»³.

¹ Труды Сибирской экспедиции Императорского Русского Географического общества. Физический отдел. Том I, СПб, 1868, стр. 68.

² Там же, стр. 80.

³ Ф. Б. Шмидт. Академик Ф. Б. Шмидт, как ботаник (автобиография). Труды Ботанического сада Императорского Юрьевского университета, том. III, вып. 1, Юрьев, 1902, стр. 59.

Экспедиция проходила по труднодоступным местам. К концу ее у Шмидта и Шебунина не хватало продуктов. Истощенные и изможденные, 12 августа они прибыли в Благовещенск. Здесь пришлось несколько задержаться, поправить свое здоровье. И все же 3 сентября путешественники пошли вверх по Амуру и около Улусу-Модон повстречали Глена.

Дальнейший путь продолжали вместе. По Шилке 16 сентября прибыли в Сретенск, 10 ноября — в Иркутск. Здесь повидались с Брылкиным, здесь же остался для завершения работ и Шебунин. Договорились о сроках представления в Петербург отчетных материалов. В январе 1863 года Шмидт и Глен оказались в столице, которую Фридрих Богданович покинул почти четыре года назад.

Итоги экспедиции были обработаны Гленом и Шмидтом и составили вторую часть «Трудов Сибирской экспедиции Императорского Русского Географического общества. Физический отдел», вышедшую в свет в 1868 году. Шмидт писал в отчете, что «труды экспедиции относятся преимущественно к геологии, растительной географии, топографии, этнографии и отчасти зоологии, входившей более специально в круг занятий прежних исследователей Амурского края»¹.

Экспедиция на Дальний Восток принесла Шмидту мировую известность и славу неутомимого путешественника. Географическое общество наградило его золотой медалью, и он получил пожизненную пенсию. Лондонское Географическое общество присудило ему высшую награду общества — медаль Воластона. После завершения экспедиции он был избран почетным доктором геологии Кенигсбергского университета, членом-корреспондентом Берлинской Академии наук, научного общества в Христиании (Осло), почетным членом Юрьевского и Казанского университетов, Русского Географического и многих других обществ того времени.

Видные ученые весьма лестно отзывались о результатах работ экспедиции. Академик А. П. Карпинский писал, что «особенный интерес имеют плиоценовые отложения Сахалина, заключающие фауну частью из видов вымерших, частью же из тихоокеанских и полярных ныне живущих видов. Значение этих отложений еще увеличилось впоследствии после открытия их по побережьям Тихого океана от Калифорнии через Алеутские острова и Камчатку до Японии»².

И. Палибин отмечал, что «его результаты составили эпоху в истории исследования нашей дальневосточной окраины»³. Академик Ф. Н. Чер-

¹ Труды Сибирской экспедиции Императорского Русского Географического общества. Физический отдел, том 1, СПб, 1868, стр. 61.

² А. П. Карпинский. Фридрих Богданович Шмидт. Известия Императорской Академии наук, VI серия, СПб, 1908, № 18, стр. 1289.

³ И. Палибин. Ф. Б. Шмидт, как ботаник и геолог. Труды Ботанического сада Императорского Юрьевского университета, том X, вып. 2—3, Юрьев, 1909, стр. 150.

нышев писал: «Материалы, собранные экспедицией, были весьма разнообразны, и в обработке их приняли участие, помимо самого Ф. Б. такие первоклассные специалисты, как академик Максимович и цюрихский профессор О. Геер.

Открытие на Амуре и на Буре юрских и третичных осадков, богатых растительными остатками, подробное изучение меловых и третичных отложений острова Сахалина и целый ряд других интересных научных данных представили впервые основу для суждения о физико-географических условиях Северо-Восточной Азии в минувшие геологические эпохи. Едва ли не наибольший интерес в этом отношении имеет изученная Ф. Б. плиоценовая фауна с о-ва Сахалина, в состав которой входят формы частью вымершие, частью же и ныне живущие на Тихом океане и Полярном море»¹.

В 1868 году Шмидт отправился снова в Сибирь для отыскания трупа мамонта в низовьях реки Енисей. В экспедиции он заболел воспалением легких и по возвращении был вынужден два года лечиться за границей. В 1872 году Шмидт избирается адъюнктом Академии наук, а в 1874 — экстраординарным академиком. С 1885 года он ординарный академик по геологии (геогнозии и палеонтологии). Шмидт был директором Минералогического музея Академии наук в течение 25 лет. Он много помог в организации экспедиций Черского, Чекановского, Толмачева и других по Сибири.

Шмидт не женился. Он умер после операции удаления камней в почках. Случилось это 8 ноября 1908 года в Петербурге. Один из его учеников И. Толмачев писал, что Шмидт был очень добр, бескорыстен, наивен, аполитичен, жил просто, без комфорта, хлопотал за других, молодые люди называли его дядей. Он же дал Шмидту краткую, но весьма точную научную характеристику: «Результатом этих путешествий, упрочивших за Шмидтом славу неутомимого путешественника, было открытие богатых отложений третичных и юрских флор, изучение меловых и третичных отложений Сахалина, а также и общее освещение геологии посещенной местности. Кроме того, экспедиция собрала обширные гербарии на Амуре и Сахалине, которые были обработаны самим Шмидтом, частью же Максимовичем»². Именем Шмидта назван полуостров на Северном Сахалине.

О судьбе остальных участников экспедиции известно очень мало. Глен служил после экспедиции в Ботаническом саду, Шебунин был 3 мая 1865 года награжден Географическим обществом серебряной медалью за составление карт³. О Брылкине сведений пока нет.

¹ Отчет Императорского Русского Географического общества за 1903 год. СПб, 1904, стр. 90.

² И. Толмачев. Ф. Б. Шмидт. «Журнал Министерства народного просвещения», Новая серия, часть XXI, май, СПб, 1909, стр. 5.

³ АВГО, ф. 1—1845, оп. 1, № 11, л. 199.

 П

осле продажи Россией в 1867 году своих владений в Северной Америке и Алеутских островов Соединенным Штатам русское правительство сочло возможным и необходимым уделить больше внимания Крайнему Северо-Востоку нашей страны, входившему в эти годы в состав Якутской области. Дело в том, что после открытий Г. И. Невельского географические исследования были перенесены в Приморье, Приамурье и на Сахалин. Север же Дальнего Востока начал приходить в запустение. Продажа Русской Америки усугубила такое положение. Охотск, Аян и даже Петропавловск-Камчатский теряли свое бывшее значение. Для усиления внимания к Северо-Востоку были свои причины.

Прошло много десятилетий с того времени, как чукчи где добровольно, а где и нет признали власть русского царя. Но еще в XIX веке возникали трения между ними и местными властями. В 1866 году Сибирский губернатор поручил колымскому исправнику Г. Л. Майделю предпринять поездку по двум северным округам Якутской области — Верхоянскому и Колымскому, чтобы уладить различные споры, которые возникли между торговавшими на Анюйской ярмарке. «При этом оказалось, — писал Майдель, — что было бы в высшей степени желательно урегулировать отношения чукчей к местному Колымскому окружному управлению и вообще внести ясность и порядок в сношения этого, до сих пор вовсе остававшегося без внимания, племени, как с администрацией, так и с другими инородцами»¹.

Было и еще одно соображение для организации поездки Майделя. Как раз в эти годы предполагалось строительство телеграфа, который хотели тянуть из Америки, из залива Нортон, через Берингов пролив, далее вдоль побережья Охотского моря до соединения его в районе Николаевска-на-Амуре с Сибирским телеграфом. Подобные изыскательские работы также требовали детального знакомства с положением на Чукотке.

Майдель не был новичком в этих местах: он уже несколько лет прослужил в Сибири, неоднократно бывал на побережье Северного Ледовитого океана, неплохо разбирался в географии и экономике края. Герхард Густав Людвиг фон Майдель родился 19 апреля 1835 года в г. Дерпте Лифляндской губернии в семье отставного артиллерийского поручика². С 1844 по 1854 год обучался в рыцарской соборной школе в Ревеле, которую закончил одним из лучших учеников, и получил атте-

¹ Г. Майдель. Путешествие по северо-восточной части Якутской области в 1868—1870 годах. Том 1, СПб, 1894. Приложение к 74-му тому «Записок Императорской Академии наук», № 3, стр. 1. В дальнейшем: Майдель. Указанное сочинение, стр.

² Центральный Государственный исторический архив ЭССР (в дальнейшем — ЦГИА ЭССР), ф. 402, оп. 2, дд. 16192—16193, лл. 7—8.

стат зрелости. В 1854—1858 годах учился на историко-филологическом факультете Дерптского университета, который закончил в 1859 году¹.

Русское Географическое общество снарядило в 1859 году экспедицию для изучения Приамурского края, которую возглавил профессор Дерптского университета Фридрих Богданович Шмидт. Помощником его был назначен Майдель. Но случилось непредвиденное. Прибыв в Иркутск, Герхард Майдель заболел. Осложнение болезни привело к потере глаза и к длительному госпитальному лечению. От экспедиции пришлось отказаться. Но честолюбивый молодой человек после такой неудачи не захотел возвращаться домой. Он устроился управляющим одного поместья, которое арендовал с товарищем, но через год отказался от подобного занятия. Ему удалось попасть на гражданскую службу чиновником по особым поручениям при гражданском губернаторе Иркутска. Вот тут и стал он колымским исправником. В этой должности Майделю и пришлось обстоятельно познакомиться с Северо-Востоком страны, с побережьем Ледовитого океана². Поэтому он принял очередное известие о путешествии как должное.

Сибирское отделение Русского Географического общества воспользовалось поездкой Майделя и, с его согласия, поручило ему провести естественно-научные исследования. Таким образом, инспекторская деловая поездка превращалась в географическую экспедицию. Географическое общество направило в экспедицию доктора К. Неймана, который должен был заниматься астрономическими и магнитными наблюдениями, фельдшера Н. Антоновича для сбора естественно-научных коллекций и топографа П. Афанасьева для съемки маршрута путешествия.

Подготовка к экспедиции началась в марте 1869 года. 31 марта этого года Майдель уведомил Гижигинское областное управление, «что Чукотская экспедиция должна прибыть в Анадырь осенью с/г путеследуя с Чукотского носа вверх по долине реки Анадыра. Экспедиция состоит из четырех чиновников, четырех казаков, всего восьми человек, для которых надобно найти помещения в одном из русских селений на Анадыре, так как в настоящее время пока еще неизвестно, сколько времени экспедиция должна прожить в упомянутых местностях»³.

Большая часть багажа и инструментов была предусмотрительно уже ранее направлена в Якутск. А 15 апреля основной состав экспедиции также выехал из Иркутска в Якутск. До Киренска Лена извилиста и опасна для плавания из-за множества отмелей, а дальше полноводна и величава. Из всех существовавших тогда судов, плававших по этой реке, самыми удобными и быстроходными считались почтовые лодки.

¹ ЦГИА ЭССР, ф. 402, оп. 2, дд. 16192—16193, лл. 1, 3.

² ЦГИА ЭССР, К. Майдель. Род баронов фон Майдель. Гельсингфорс, 1868, стр. 304—305.

³ ЦГА РСФСР ДВ, ф. 701, оп. 1, д. 17, лл. 1—1 об.

На двух таких лодках и отчалили от пристани Жигалово путешественники, а 25 сентября появились у пристани Якутска.

На Алдан они прибыли 30 октября и отсюда уже по установившемуся зимнему пути 7 ноября направились в далекое и нелегкое путешествие. Караван состоял из сорока вьючных лошадей и нескольких верховых. Тюки собирали абсолютно одинаковыми по весу, и тогда они располагались равномерно по бокам лошади. В первый день прошли всего 15 верст. Шли очень медленно, а потом, постепенно втянувшись в ритм, стали проходить значительно больше.

Маршрут путешественников лежал в Верхнеколымск, на пути к которому был Верхоянск. День проходил за днем. Делали теперь 40—60 и даже 70 верст за день. Ночевали, как правило, в так называемых поварнях, которые представляют собой «шестиугольные блокгаузы, посреди которых располагается очаг, находящийся под открытою в этом месте крышею; по стенам постройки устроены деревянные нары. Таким образом, с одной стороны, в этих поварнях путешественник защищен только от ветра, снега и дождя, а никак не от холода, а с другой — он ужасно страдает от дыма, что в особенности бывает вначале, пока огонь еще слаб и помещение не нагрелось, дым не проходит в отверстие крыши, а ложится под ней в виде густого облака, так что нередко трудно даже дышать. Когда костер разгорится, становится лучше: дым вытягивает из помещения, которое несколько нагревается. Ночью, когда огонь потухнет, становится скоро опять холодно, а к утру температура поварни обыкновенно всего на один или на два градуса выше наружной. Поэтому в таком помещении возможно спать только не снимая меховой одежды и вдобавок покрываясь песцовым или заячьим одеялом; тогда еще сносно, но вставание и особенно умывание очень затруднительно»¹.

Вечером, по свежему следу, топограф вычерчивал маршрут, пройденный за день, а начальник экспедиции и ее участники заносили в дневники впечатления от перехода. Монотонное путешествие по местам, поросшим сосной, елью и лиственницей, было нарушено, когда подошли к подножью Верхоянского хребта, крутизна которого в иных местах доходит до 45° и больше. Если смотреть снизу, то перевал кажется не таким уж страшным, но, когда попадаешь на узкую тропу в горах, то впечатление бывает совсем не то, а настроение значительно меняется. Приходится особым образом седлать лошадей, соблюдать строгий режим движения. Неопытный Афанасьев двинулся вперед в горы полным шагом налегке и вскоре выдохся. Пришлось помогать ему. На перевале температура была 26,8 градуса мороза по Реомюру. На самом гребне хребта в глубокой котловине путешественники видели маленькое круглое озеро. Отсюда берет начало река Яна.

После спуска с хребта дорога шла почти все время по реке Яна.

¹ Майдель. Указанное сочинение, стр. 28.

В местечке Барылах 19 ноября встретили архиерея якутского Дионисия, совершающего свою миссионерскую поездку в сопровождении большой свиты. С ними был и караван купцов, который хотел идти в Среднеколымск коротким путем, минуя Верхоянск. Майдель воспользовался этим и присоединил тогда свой караван к нему. А сам с Нейманом и одним казаком на оленях направился в Верхоянск. Плохо переносивший холод Нейман к тому же трижды вываливался из нарты, причем дважды на лед, покрытый сверху водой. А кончилось это санное путешествие все-таки благополучно.

За время с 25 ноября по 4 декабря Майдель и Нейман прибыли в Верхоянск для того только, чтобы произвести наблюдения. Нейман с успехом исполнил свои обязанности, а Майдель организовал метеорологические наблюдения, поручив вести их ссыльному Худякову. Тот добросовестно отнесся к новым обязанностям, и в течение 14 месяцев в Верхоянске велись регулярные ежечасовые наблюдения. Между прочим, за это время была отмечена максимальная температура в августе +30,1 градуса и минимальная в декабре —63,2 градуса по Цельсию.

В Верхоянске Майдель услышал о том, что на небольшой речке между Алазеей и Индигиркой обнаружили труп мамонта. Он распорядился, чтобы местный исправник узнал подробности и подготовил сообщения к обратному проезду Майделя. Здесь же, в Верхоянске, Майделю удалось встретиться с якутским купцом Н. А. Соловьевым, который любезно согласился доставить в целости и сохранности караван экспедиции в Среднеколымск, а Майдель мог снова налегке ехать в Среднеколымск. Благодаря этому Майдель и Нейман прибыли туда 28 декабря, а караван — только 17 января 1869 года.

Исполняя свои исправнические обязанности, Майдель уделял больше всего внимания чукчам, принимал их старейшин, тойонов, разъяснял правила торговли на Анюйской ярмарке с русскими, якутами и коряками и между собой. Все эти дела задержали отправление Майделя и Неймана в Нижнеколымск. А тем временем прибыл в сохранности караван. Прибыл и архиерей Дионисий, который подтвердил известие о находке мамонта.

Только 23 января Майдель сумел выехать в Нижнеколымск и через три дня был там. Дорога шла по льду Колымы, и собачьи нарты неслись быстро. Нижнеколымск произвел на путешественников гнетущее впечатление. «Уже и Среднеколымск довольно печальное местечко, — писал Майдель, — но куда лучше, чем Нижнеколымск»¹. Не было ни одной постройки, в которой имелись бы стеклянные окна и настоящие крыши, непрерывно слышался протяжный заунывный вой собак.

28 января Майдель отправился по Малому Анюю и 31-го был на Анюйской ярмарке. Там было пусто, и он переехал к Большому Анюю,

¹ Майдель. Указанное сочинение, стр. 114.

где встретился с чукотским тойоном Амвраоргином. Во время переговоров Майдель просил тойона подготовить все необходимое для путешествия экспедиции по Чукотке, а затем вернулся в Среднеколымск. Здесь его ждали спутники и весь караван. В начале марта он отправил их всех в Нижнеколымск, а сам еще долго ездил по округу, выполняя возложенное на него поручение. Все его поездки были в какой-то мере связаны с Анюйской ярмаркой, которая теперь уже была в разгаре и на которую собралось более тысячи человек.

Только покончив со всеми этими делами, путешественники смогли в начале апреля отправиться в путь к устью реки Анадырь. «Местность, по которой эти реки (Малый и Большой Анюй.— А. А.) протекают и которую они охватывают своими бассейнами, сплошь гориста; хребты тут так близко теснятся один к другому, что для самих рек остается только дно долины, в котором едва умещаются их русла... Хребты и вершины не высоки и не круты, самые высокие, вероятно, не превосходят 3 000 футов, а в среднем гребни гор, по-видимому, около 2 000 футов абсолютной высоты. Все долины поросли лиственничным лесом, который подымается на высоту 1 500 футов над уровнем моря, и таким образом оставляет самые гребни и пики обнаженными. За исключением обоих Анюев, по которым можно ездить на лодках, все остальные реки и речки этой системы слишком стремительны, слишком мелководны, на них слишком часто встречаются мели, песчаные банки и т. д., чтобы пользоваться ими как путями сообщения. Рыбы в них тоже почти нет, она ловится в достаточном количестве только в двух главных реках»¹.

Переход по Чукотке был трудным. Не раз путешественникам довелось испытать на себе лютый мороз, беснующуюся пургу, пронизывающий ветер. То, что они ехали вместе с чукчами, в значительной мере облегчало путешествие, но и значительно его затрудняло. У чукчей были свои порядки, свои надобности. Они останавливались там, где хотели, и стояли столько времени, сколько им было нужно. Зато совместное путешествие позволяло хорошо изучить быт этого народа. По-прежнему хуже всех переносил путешествие Нейман, которому всегда и везде было холодно. Привязавшийся к нему чукча Айгинват делал все, чтобы избавить доктора от холода. Он заставил свою жену шить для него своеобразную муфту из шкур, в которой Нейман мог прятать руки по локоть. Но когда и это не помогло, чукча решил шить ему такую меховую одежду, в которой оставалось бы только отверстие для дыхания и для приема пищи. Энергичное возражение самого Неймана против такого костюма помешало Айгинвату привести в исполнение этот весьма смелый и оригинальный проект.

В конце апреля путешественники были на водоразделе Анюев и Анадыря. Здесь было голо — никаких признаков леса. К отряду Амвраорги-

¹ Майдель. Указанное сочинение, стр. 150.

на присоединились еще две чукотские семьи. Теперь лагерь состоял из пяти палаток, в которых, кроме путешественников и сопровождавших их четырех казаков, было около сорока чукчей. А оленье стадо состояло приблизительно из 1 500 животных, да еще, кроме того, 300 в упряжке.

Первого мая на пути встретился небольшой островок леса из нескольких сотен очень красивых высокоствольных тополей, на которых было множество вороньих гнезд. К середине мая лед на реках сделался рыхлым. Переезды становились все более трудными. Дошло до того, что на переправах строили плоты. Часто встречали оленных чукчей. Вдруг 18 июня совершенно неожиданно повалил такой густой снег, что снова установился хороший нартовый путь. И ехали по снегу значительно быстрее. Но продолжалось это недолго.

Реки вскрылись. Нарты еле тащились. Запасы хлеба пришлось выкинуть — до такой степени хлеб заплесневел. Перешли на сухари. И в довершение всего чукчи запутались в местности и плохо представляли, куда дальше идти. «Мы подвигались вперед день за днем, все более и более короткими переходами, все время по кочковатым болотам, в которых можно было, смотря по желанию, то балансировать по кочкам в 1½—2 фута, то идти по воде. Это была самая скучная, самая печальная поездка, какую мне когда-либо приходилось совершать. Наконец, 15 или 16 августа с более высоких гор показался темной полосой на горизонте Великий океан: это событие было принято нами за избавление, — мы знали, по крайней мере, где мы находимся, могли предвидеть конец нашего бедственного положения»¹.

Оказалось, что путешественники вышли к самому устью Анадыря, на левый его берег, к востоку от бухты Нерпичьей и Онемена. Вскоре к лагерю Майделя приехали чукчи с других мест по Анадырю, началась бойкая торговля оленных чукчей с сидячими.

3 сентября успешно закончив на устье реки свои дела, Майдель направился к селению Марково, недалеко от которого в старые годы располагался Анадырский острог. Майдель пишет по этому поводу: по словам старожиллов, «старая крепость находилась около десяти верст выше теперешнего Маркова; они уверяют также, что ее уничтожили до самого основания и уже через несколько лет место, где она находилась, можно было узнать только по прогалине в лесу. В настоящее время и последняя уже мало заметна, потому что с одной стороны она заросла лесом, а с другой — русло реки расширилось и течением снесло большую часть того места, где прежде стояла крепость»².

Стало снова подмораживать, особенно по ночам, и следовало готовиться к дальнейшему пути. 17-го и 18-го выпало так много снега, что он уже не стаял. Установился хороший снежный зимний путь. Продвига-

¹ Майдель. Указанное сочинение, стр. 179.

² Там же, стр. 188—189.

лись по берегу реки, часто останавливались. На месте прежнего Чекаева урочища наблюдали удивительное зрелище. На берегу лежало около тысячи убитых оленей. Одни из них были освежеваны, другие лежали нетронутыми. Три больших сарая были набиты оленьим мясом. Это было то самое место, где ежегодно происходит массовый бой диких оленей во время их «плава» через реку и обратно. В этом году охота была, по рассказам местных чукчей, очень удачна.

17 октября Майдель налегке с чукчей Амвраоргином двинулся по Майне в Марково. «Как только мы свернули на Майн, на нашем пути по обоим берегам реки потянулся высокий кустарник из ивняка, сильно отличавшийся от той мелкой ивняковой поросли, с которой мы встречались все лето. Это не были еще деревья, но тем не менее стволики ив в два дюйма диаметра и в две сажени высотой производили на мои избалованные глаза очень приятное впечатление»¹. А дальше к селению становилось все больше тополя и рябины.

20 октября Майдель добрался до Марково, где было около 20 домиков и часовня. Собственно, само путешествие по Чукотке было закончено. Отсюда Нейман предполагал возвратиться в Нижнеколымск, чтобы идти на Медвежьи острова. Антонович и Афанасьев сразу же должны были отправиться в Нижнеколымск и пробыть там некоторое время. А сам Майдель предполагал ехать в Гижигинск для переговоров с местными властями о чукчах и коряках. После отдыха начались сборы и упаковка.

Майдель так писал о географических результатах этого перехода: «Собранные нами данные оказались незначительными и состояли преимущественно в составлении верной карты речной системы Анадыря, до тех пор почти вовсе неизвестной; (кроме того, удалось проследить тут границу древесной растительности, хотя и ранее было уже известно, что весь северо-восток континентов лежал вне пределов ее»².

Вскоре все разъехались. Одни возвращались в Нижнеколымск, а Майдель 7 ноября отправился в Гижигу. Через три дня он был уже в Пенжине, которая здесь спокойно течет в широкой долине. Один за другим Майдель преодолевал хребты. Он пришел к выводу: «Из всех наших наблюдений несомненно, что все те пять хребтов, которые переходишь на пространстве от Маркова до Гижигинска, суть только отроги Станового хребта, спускающиеся до Майна и Пенжины, но никак не самый этот хребет. Вследствие этого горную цепь Камчатки нельзя рассматривать за продолжение горной системы материка, как это обозначено на большинстве карт, но должно признать, что она является обособленной системой; кроме того, высота ее много значительнее, чем самые высокие вершины Станового хребта»³.

¹ Майдель. Указанное сочинение, стр. 187.

² Там же, стр. 198.

³ Там же, стр. 225.

Майдель во время этого путешествия обстоятельно познакомился с коряками и нашел, что они во многих отношениях близки к чукчам. Схожи их языки, схожи и некоторые обряды, обычаи. 19 ноября спустились к морю и 120 верст проехали по берегу или вблизи него — до самой реки Парень. Затем пересекли совершенно ровный полуостров Тайгонос, на котором Майдель не увидел ни одного холмика, ни одного кустика, по которым можно было бы ориентироваться. Не переводя дыхания, останавливаясь только для кормления собак, Майдель 23 ноября вечером приехал в Гижигу.

Впечатление она произвела мрачное. Овощи здесь не росли. Попытки завести молочный скот были неудачными. Много хлопот было с кормом лошадей. Поэтому жители по-прежнему питались исключительно оленьим мясом и рыбой, а ездили на собаках и оленях, к которым очень привыкли. Почта приходила в Гижигу два раза в год.

На улаживание своих дел у Майделя ушло две недели, и уже 8 декабря он вышел в обратный путь в Марково, где был 23-го. Разузнав здесь от чукчей о мысе Пээк (так чукчи называли мыс Дежнева), о путях к нему, Майдель 21 января 1870 года выехал в Нижнеколымск и без приключений, опять же в сопровождении Амвраоргина, появился 13 февраля на основной базе. Там он застал Неймана и Афанасьева. Антонович уже уехал в Среднеколымск.

Нейман произвел несколько определений магнитного склонения, попытался добраться до Медвежьих островов, но безуспешно: помешала сильная пурга. Топограф сумел обработать маршруты и нанести их на отчетную карту. После обсуждения результатов путешествия наметили дальнейший путь. Афанасьев должен был попытаться пройти на юг до устья реки Омолон. Нейману не терпелось повторить попытку побывать на Медвежьих островах, а Майдель решил поехать на восток — вдоль северного побережья Чукотки. Местом сбора был назначен Среднеколымск. 4 апреля отправился Афанасьев, 6-го Нейман, а на следующий день и Майдель.

Майделя сопровождал чукча Петр Мангол, который уже бывал на мысе Дежнева. Захотел также поехать и участник похода к Анадырю чукча Тинеймит. Не без оснований Майдель беспокоился с самого начала, что поздний выход не даст ему возможности достичь мыса. Провожал Майделя тойон Амвраоргин, который на память подарил ему кольчугу, по преданию, принадлежавшую Павлуцкому. Чукчи бережно хранили ее и передавали из поколения в поколение. Эту кольчугу впоследствии Майдель сдал в Иркутский музей, и она во время пожара попала.

Местность, где проходил путь Майделя, мало отличалась от местности в районе Анюев: те же узкие долины рек, поросшие лиственницами, те же многочисленные олени стада. Но чем дальше он ехал на север, тем тоньше становились деревья, тем чаще встречались деревья с засохшими верхушками. 14 апреля он вышел в долину реки Малой Баранихи,

к побережью Северного Ледовитого океана, которое возвышалось к западу и заканчивалось Большим Барановым камнем. На востоке виднелась плоская равнина, где-то далеко на ее границе — горы.

Ехали то по льду, то по берегу. Наконец добрались до острова Айона в устье Чаунской губы. Осмотрев и описав остров, Майдель поехал дальше по компасу, прямо через море к Шелагскому мысу. В шести верстах от него набрали на небольшое чукотское стойбище из двенадцати палаток. Из-за сильных северо-западных ветров здесь стояли два дня. Майдель долго выпытывал у чукчей, что значит слово «шелаги». Они в один голос заявляли, что это слово русское и что у них никогда никто не говорил так. По их словам, мыс этот всегда назывался мысом Эрри, на нем всегда жили чукчи.

Путешествие продолжалось с 20 апреля. Майдель пересек полуостров, образуемый мысом Шелагским, и вышел в район устья реки Верконь (или Хиват, Хват), где за сто лет перед тем погибли отважные мореплаватели во главе с Н. П. Шалауровым¹, пытавшимся повторить подвиг Ф. Алексеева и С. Дежнева. Майдель осмотрел остатки Шалауровой избы и записал рассказ одного чукчи: «В то время, когда прибыл сюда отец его деда, тут находился крепкий дом, который был обнесен забором. В доме этом лежало двадцать трупов, а всего перед тем жило сорок человек. Двадцать человек отправились в горы, чтобы добраться до чукотской палатки, был там принят, жил, однако, очень короткое время и вскоре затем умер, не будучи в состоянии произнести ни одного слова»².

Дальнейшая поездка затруднялась тем, что там был голод, охвативший все северное побережье Чукотки. С нетерпением ждали весеннего лова и промысла. Майдель отправил назад три нарты из пяти, а на двух сумел добраться до мыса Якан. Но дальше идти он уже не мог. Пришлось возвращаться обратно.

Путешествуя по северу Чукотки, Майдель пришел к твердому убеждению, что пресловутой Земли Андреева не существует. «Таким образом, — писал он, — существование там (к северу от Якана. — А. А.) земли твердо установлено, но эта земля есть остров Врангеля, а не сказочная земля Андреева, как предполагает начальник экспедиции «Веги»³.

Трое суток простоял Майдель недалеко от Якана уже на обратном пути, так как заболел казак Иван Котельников. Когда ему стало легче, поехали дальше. Преодолев на пути немало трудностей и испытав

¹ Об обстоятельствах гибели Н. П. Шалаурова и его спутников см.: А. И. Алексеев. Гавриил Андреевич Сарычев. М., «Наука», 1966, стр. 99—104.

² Майдель. Указанное сочинение, стр. 277.

³ Там же, стр. 282. Экспедиция на «Веги» прошла впервые Северным морским путем в 1878—1879 годах. Начальник экспедиции — известный шведский полярный исследователь А. Э. Норденшельд.

в полной мере приключения от езды на собаках ранней весной по льду, покрытому водой, путешественники только 13 мая возвратились в Нижнеколымск.

Нижнеколымск был пуст. Майделя ждали письма Неймана и Афанасьева. Нейман все-таки добился своего и сумел добраться до заветных Медвежьих островов и произвести там магнитные наблюдения. Удалось ему пополнить и коллекции птиц и зверей. Коллекция, значительно пополненная затем самим Майделем, была передана им в Сибирский отдел Русского Географического общества, а оттуда в 1872 году поступила в Зоологический музей Академии наук¹. Теперь Нейман и Антонович находились в Среднеколымске. От Афанасьева не было пока еще никаких известий.

Майдель провел в Нижнеколымске около месяца, заканчивая свои административные дела и поджидая возвращения багажа из Анюя. Он наблюдал ледоход на Колыме, побывал на устье ее и видел, как местные жители ловят рыбу, как запасают утиные и гусиные яйца, вел метеорологические и гидрологические наблюдения.

Наконец 13 июня Майдель распрощался с Нижнеколымском и через десять суток приехал в Среднеколымск. Здесь его ждали приятные известия: Афанасьев успешно добрался до верховьев Омолона, по которому спустился на лодке в Колыму, произвел съемку всего своего путешествия и определил несколько широт. Антонович занимался исследованием окрестностей Среднеколымска и собрал, в частности, коллекцию птичьих шкур, представлявшую резкий контраст с той, которая была собрана на Чукотке.

Дальнейшим планам Майделя не суждено было осуществиться из-за разразившейся неслыханно сильной эпидемии сибирской язвы. Все поэтому выехали в Верхнеколымск, где Майдель встретил ехавшего ему на смену нового исправника Иващенко. Майдель сумел побывать лишь на месте нахождения остатков мамонта на реке Алазея. Во время этого путешествия, начавшегося 23 июля, Майдель осмотрел реку, собрал сведения об останках мамонта и сам побывал в двух местах, где в числе прочих останков сохранилась и часть шкуры животного. Впоследствии все это было передано в Зоологический музей Академии наук².

Не заезжая в Верхнеколымск, Майдель рассчитал свой маршрут. Он вышел в долину Индигирки и, путешествуя где пешком, где в лодках, а глубокой осенью на нартах, в ноябре возвратился в Якутск. Там его уже поджидали Нейман, Афанасьев и Антонович. Сам Майдель более чем скромно оценил научные результаты экспедиции: «Это путешествие принесло не много пользы делу географического познания Сибири пото-

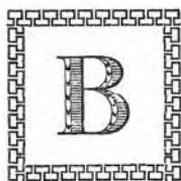
¹ А. А. Штраух. Зоологический музей Императорской Академии наук. Приложение к LXI тому «Записок АН», № 3, СПб, 1889, стр. 96.

² Там же, стр. 332.

му, что длинные маршруты лишились возможности опереться на астрономические пункты, так как наблюдения Неймана оказались в конце концов недостаточно надежными. Топограф, наоборот, исполнял свою работу прилежно; отделяясь от своих товарищей, я тоже вел маршруты»¹.

Ученые по-другому оценили результаты работы экспедиции. Несмотря на инспекционный характер поездки, Майделю удалось разрешить некоторые спорные вопросы орографии Чукотки и связи горных ее хребтов со Становым хребтом и хребтами Камчатки. Отчет же Майделя об этом большом и трудном путешествии, вышедший только в 1894 году, в год смерти путешественника, был значительным вкладом в историю географического и этнографического изучения Восточной Сибири и Дальнего Востока.

По окончании экспедиции Майделя назначили прокурором Иркутска, затем главным инспектором школ Забайкальской области в Чите. Более двадцати лет провел в общей сложности Майдель в Сибири. Здесь он женился на дочери прокурора Елизавете Красильниковой, было у него восемь человек детей. Только в 1883 году Майдель вернулся на родину в Эстляндию, купил имение Штенхузен и получил назначение куратором соборной школы в Ревеле. Г. Л. Майдель скончался 5 августа 1894 года в Бадене, где он находился на излечении².

ПО ОХОТСКО-ЧУКОТСКО-КАМЧАТСКОМУ КРАЮ

В конце XIX столетия в жизни Сибири было заметное оживление. Оно вызывалось строительством величайшей железной дороги — Транссибирской магистрали. Создавались различные комиссии, организовывались экспедиции. Одной из таких экспедиций и была экспедиция, которую возглавил горный инженер Карл Иванович Богданович и которая известна по замечательному описанию доктора Николая Васильевича Слюнина, бывшего «в качестве врача и натуралиста экспедиции и в то же время для изучения края в экономическом отношении по особому поручению от Министерства финансов»³. Ни тот, ни другой не были новичками в путешествиях.

¹ Майдель. Указанное сочинение, т. 2, стр. 59.

² ЦГИА ЭССР, Архив Императорского университета в Дерпте. Дерпт, 1889, стр. 6269.

³ К. И. Богданович. Очерки деятельности Охотско-Камчатской горной экспедиции 1895—1898 гг. Известия Императорского Русского Географического общества, т. 35, вып. 6, 1899, СПб, стр. 550.

К. И. Богданович.

К. И. Богданович (родился 29 ноября 1864 г.) учился в Горном институте в Петербурге и в 1886 году получил звание горного инженера. Сначала работал под руководством И. В. Мушкетова на постройке Закавказской железной дороги. В 1889 году он участник знаменитой экспедиции М. В. Певцова в Центральную Азию. А в 1892—1894 годах Карл Иванович находился на строительстве Сибирской магистрали «сначала по исследованию водоносности Ишимской степи, а затем в качестве начальника Среднесибирской партии, изучавшей область от р. Оби до Байкала, то есть южную часть бывших Енисейской и Иркутской губерний. Им были изучены месторождения железных руд Минусинского края и по р. Ангаре, бурого угля, соляных рассолов и строительных материалов. В предгорьях Восточного Саяна К. И. Богданович искал коренные месторождения нефрита и описал коллекцию его, собранную в виде валунов. Его наблюдения положили начало новым геологическим данным по строению Сибирской платформы»¹.

Немало путешествовал и Слюнин. Он родился в 1850 году в семье деревенского дьячка, воспитывался в Белгородской духовной семинарии, затем учился на физико-математическом факультете Петербургского университета, а в 1876 году поступил в Медико-хирургическую академию, которую окончил в 1882 году. Так как жил он очень бедно и учился «в кредит», не имея возможности платить за слушание лекций, то после

¹ А. Н. Заварницкий, С. И. Миронов, В. А. Обручев, Н. Н. Яковлев. О научно-организационной деятельности Карла Ивановича Богдановича. «Очерки по истории геологических знаний», вып. 5, М., Изд. АН, 1956, стр. 188—210.

Н. В. Слюнин.

окончания он был «обязан служить за стипендию 1 год 9 месяцев и за невнос платы за слушание лекций 2 года, а всего три года девять месяцев в государственную службу»¹. Все эти годы он плавал на фрегате «Владимир Мономах» в заграничном плавании, в 1886 году на лодке «Сивуч» также за границей.

Когда кончилась его служба «в кредит», Слюнин был зачислен в 1887 году в 5-й флотский экипаж и произведен в коллежские асессоры. До 1890 года он находился при экипаже, стажировался в Военно-медицинской академии, в начале 1890 года получил чин надворного советника и навигацию проплавал на лодке «Чародейка». Осенью этого года Николай Васильевич был командирован на шесть месяцев в Неаполь на Международную зоологическую станцию профессора Дорна.

По ходатайству Московского университета Слюнин был командирован Морским министерством для изучения морской фауны в северо-восточных водах Сибири. В начале 1892 года он закупил в Англии все необходимое для этой цели и отправился в качестве судового врача на военном транспорте «Якут» на Дальний Восток. Там он проплавал две навигации 1892 и 1893 годов, а зимой с декабря 1892 по апрель 1893 года Слюнин был в командировке в Японии, исполняя поручение министра государственных имуществ.

Транспорт «Якут» предназначался для охраны котиковых промыслов на Командорских островах. Н. В. Слюнин представил не только пре-

¹ ЦГА ВМФ, ф. 406, оп. 3, д. 1191, л. 420—421.

красный отчет¹ о своих занятиях по котиковому, рыбному, китобойному и пушному промыслам, но опубликовал также интересную работу о быте, истории, промысле чукчей. В отчете он, в частности, отметил исключительно хищнический характер промыслов и то, что пушной промысел находится вообще в страшном упадке. Слюнин ратовал за научный промысел, за устройство зоологической станции, за установление строгой инспекции морских промыслов.

Уже 17 июня 1892 года «Якут» был во Владивостоке и вскоре отправился отсюда на Камчатку с попутным заходом на остров Тюлений. 19 июля Слюнин ушел из Авачинской губы к северу и 25-го был на подходе к устью Анадыря, где вскоре и разглядел 18 юрт первых увиденных им чукчей. А потом, когда отдали якорь, палуба «Якута» переполнилась чукчами всех возрастов. Внимательно присматриваясь к ним естественный испытатель и все, что видел, заносил в дневник. Таким образом он описал внешний вид, своеобразие одежды чукчей, принадлежности их костюмов, амулеты.

А когда съехал на следующее утро на берег, то осмотрел и описал их жилища, собрал значительную этнографическую коллекцию, сфотографировал чукчей, любовался косторезным мастерством чукотских умельцев, возмущался эксплуатацией, обманом местного населения предприимчивыми дельцами. Приведя в пример братьев Косыгиных, которые вели меновую торговлю с чукчами по расценкам, ими самими устанавливаемым, Слюнин заметил, что пока губернатор «мечтал об устройстве фактории или на счет казны, или под надзором правительственной власти, сообразительные выходцы предвосхитили эту идею, добившись льгот по перевозке товаров на казенный счет, с широкой целью эксплуатации края и инородческих промыслов»².

За короткое время пребывания среди чукчей Слюнин собрал большой материал о их жизни, верованиях, языке, пище. Воспользовавшись хорошей погодой, он совершил экскурсию в Нерпичью бухту, во время которой прокорректировал карту залива, познакомился с очень редкой болезнью чукчей, называемой ими эмеряк (род психического расстройства), собрал сведения о распространении христианства среди жителей Чукотки.

Весной 1894 года Н. В. Слюнин прибыл в Кронштадт, был назначен старшим врачом 6-го флотского экипажа, произведен в коллежские советники и награжден орденом св. Анны 3-й степени. Именно в этой должности его и застало предложение принять участие в экспедиции К. И. Богдановича.

Охотско-Камчатская экспедиция продолжалась с 1895 по 1898 год. Кроме Богдановича и Слюнина, в основной ее состав входили: горный

¹ Н. В. Слюнин. Промысловые богатства Камчатки, Сахалина и Командорских островов. СПб, 1895.

² Н. В. Слюнин. Среди чукчей. «Землеведение», кн. IV, 1895, М., стр. 15.

инженер С. П. Кишенский — помощник начальника экспедиции, корпуса флотских штурманов штабс-капитан Николай Николаевич Лелякин, производивший гидрографические и топографические работы и астрономические определения, и два штейгера, которым поручались разведывательные работы в поисках главным образом золота, а также других полезных ископаемых.

Экспедиция вышла из Николаевска-на-Амуре по зимнему пути в направлении реки Уды. Следует сразу оговориться, что далеко не всегда маршруты Слюнина и экспедиции совпадали. Пожалуй, точнее будет сказать, что они редко совпадали, так как цели и задачи, стоявшие перед экспедицией и Слюниным, во многом различались. Так было и с самого начала. Богданович и Слюнин прибыли в Николаевск-на-Амуре 1 октября 1895 года. Отряд Богдановича состоял из шести человек команды. Большая часть зимнего времени ушла на сборы, заготовку корма для собак, отправку его в различные пункты бассейна реки Амгунь и так далее. Кроме того, Богданович и Лелякин совершили несколько поездок по Амуру, побывали на озере Орель, разведывали залежи бурого железняка в районе Николаевска.

Окончательно состав экспедиции определился в январе 1896 года. Две партии тронулись в путь на 87 оленях. Почти месяц потребовалось, чтобы добраться до Чумикана (с 14 января по 11 февраля). Езда по глубокому снегу очень трудна для оленей. Люди же смогли идти только на лыжах. Ко всему этому температура понижалась временами до 45 градусов по Цельсию. В этих условиях Богданович вел геологические исследования, а Лелякин — наносил на карту маршрут. До Чумикана дошло 70 оленей.

Удской острог, находящийся в 90 верстах от устья, был почти покинут, и жители остались только в поселке Чумикан. Базируясь здесь, Карл Иванович выбрал несколько маршрутов: поднимался вверх по реке, несколько раз углублялся в горы. Он побывал на Бурукане, Майма-сыне, в отрогах Альского хребта. Во время этих разведок были обнаружены только пылевые признаки золота, но зато удалось более широко, более полно ознакомиться с геологическим строением районов.

В середине апреля Богданович, который путешествовал вместе с де-лившей с ним все тяготы женой, вышел в путь с целью дойти до водораздела, до хребта Джугджур. Это ему блестяще удалось. 1 мая он вернулся в Чумикан, проделав за 17 дней пешком более 400 верст по горам. В июне Богданович совершил плавание вверх по Уде, затем берегом моря на шлюпке до устья реки Быранджи.

А 25 июня караван из 80 оленей с 63 вьючными при хороших проводниках отправился из Чумикана по берегу в Аян, куда и пришел через месяц. Здесь Богданович и Лелякин застали ожидавших их Слюнина, Кишенского, горнорабочую команду, прибывших в Аян 27 июня на транспорте «Якут».

В Аяне базировались все лето и осень 1896 года. Геологи занимались своим делом, совершая экскурсии в отроги хребта Джугджур, а Слюнин плавал на лодке и ходил пешком на север по побережью и вдоль его до залива Алдома, а также на юг — до реки Лантар. Его больше интересовала география, этнография, климат, флора, фауна, занятия жителей, торговля, управление и прочее. Поэтому, как пишет он сам, ему «предоставлено было право самостоятельных разъездов и отдельной зимовки, если это оказывалось необходимым для моих специальных работ»¹.

В октябре экспедиция перебазировалась морем в Охотск. Сначала предполагали переехать берегом на оленях, но собрать их не удалось. Только имущество сумели отправить с оленным караваном, а сами длительное время сидели в Аяне и «ждали у моря погоды». Но судна не было, никакой оказии также. Наконец уже под осень в заливе появился немецкий пароход «Клара», который за баснословную цену — 2 050 рублей согласился перебросить личный состав экспедиции с небольшим багажом в Охотск — всего 7 человек. Прибыл он в Охотск только 10 октября.

Месяц, проведенный в окрестностях Охотска, был максимально насыщен разъездами по рекам Кухтую, Охоте, Улье, Ине. В капитальном труде об этой экспедиции Н. В. Слюнин отводит целую вторую главу географическому очерку Охотского побережья от Удской губы до реки Пенжины. В ней рассматриваются вопросы общегеографического порядка, решаются частные вопросы, излагается история исследования, описываются хребты, плоскогорья, реки, озера, бухты, острова, рассказывается о приливо-отливных явлениях, об образовании баров у устья рек и т. д.

Слюнин отметил, что Майдель первым указал на доминирующее положение (по высоте) Оймяконского плоскогорья и Колымского хребта в этой стране и пришел к такому заключению: «Если теперь сопоставить весь скудный материал путешественников, то получается следующая общая орографическая картина: на пространстве между Удским и Охотским Становой хребет (так он называет хребет Джугджур. — А. А.) круто спускается к Охотскому морю, выполняя всю эту узкую полосу целым рядом крутых утесов, между которыми нигде нет ни широких долин, ни зеленых пастбищ. Все стекающие с него реки носят горный характер: коротки, мелки, порожисты, с каменистым дном. Куда ни взглянешь, везде исток реки начинается в виде маленького ручейка, на покатоности хребта, бешено стремится между огромными глыбами разрушенной временем вершины; затем распадается на множество рукавов, ложе которых загромождено россыпями, валунами и плавучим лесом. Дно долины, по которой стремится река, иногда на целые версты усыпано толстым слоем речной гальки до гигантов-валунов, которые стремительность

¹ Н. В. Слюнин. Охотско-Камчатский край, т. 1, СПб, 1900, стр. VII.

течения продолжает округлять, разбивать и из мелкой рухляди устраивать настоящее ложе. По мере приближения к морю, где уклон реки и стремительность течения значительно уменьшаются, снесенная с вершин дрьсва и песок отлагаются, река становится еще мельче, но зато воды ее, если не успевают уйти под почву, разливаются по пространству в пять, даже десять раз больше прежней ширины и скользят по широким отмелям»¹.

Карл Иванович, его жена и Лелякин 15 ноября проводили в далекий путь через Гижигу в Камчатку Слюнина, который отправился туда на 22 нартах, а сами в этот же день вышли снова в Аян, убедившись в отсутствии золотоносности в районе Охотска. 3 января усталые и обмороженные путешественники приплелись в Аян.

И снова начались экскурсии в окрестностях поселка, шурфовка в долинах рек Лантар и Ую, в бассейне реки Алдомы. Когда подошло лето, стали думать, что делать дальше. «Лично моя работа,— писал Богданович,— на этой стороне моря заканчивалась; теперь только разведочная партия должна была выяснить запасы золота на указанных ей местах... Мне же предстояло переехать на Камчатку, чтобы продолжать там геологические исследования и первые поиски золота»².

Для переброски экспедиции на Камчатку из Владивостока пришел крейсер «Забияка» под командой капитана Ван-дер-Шкруфа. И в это время горный инженер Кишенский заявил, что он покидает экспедицию. В связи с таким непредвиденным оборотом дела Богдановичу пришлось отказаться от дальнейших работ в районе Аяна, так как именно Кишенский должен был оставаться здесь и завершить работу разведочной партии.

19 июля Богданович, его супруга, Лелякин и сопровождавшие их казаки ступили на землю Камчатки, высадившись в устье реки Тигиль. «Забияка» сразу ушел в Петропавловск для пополнения запасов топлива. Вскоре сюда прибыл и доктор Слюнин. Николай Васильевич совершил с 15 ноября 1896 года по 5 апреля 1897 года трудное путешествие по берегу Охотского моря — от Охотска до Петропавловска. Во время этого путешествия он делал разбеды в сторону, в глубь материка и Камчатки. Причем три раза переваливал через Камчатский хребет. В апреле—мае Слюнин изучал рыбные промыслы в Авачинской губе, в июне перебрался в Усть-Камчатск, оттуда на долбленной лодке — бате по рекам Камчатке и Еловке доплыл до селения Еловского. Затем на лошадях перевалил через Столбовую тундру и Камчатский хребет и из селения Седанки на пароме спустился до устья реки Тигиль.

¹ Н. В. Слюнин. Охотско-Камчатский край, т. 1, СПб, 1900, стр. 100.

² К. И. Богданович. Очерк деятельности Охотско-Камчатской горной экспедиции 1895—1898 гг. Известия Императорского Русского Географического общества, т. 35, вып. 6, 1899, СПб, стр. 577.

При своем проезде через Гижигу Слюнину рассказывали о находении якобы золота и киновари около Гижиги. Как раз с прибытием Богдановича к Тигилю пришел и пароход Русского товарищества котиковых промыслов «Котик», и 25 июля Богданович и Слюнин отправились на нем в Гижигу. Оттуда они совершили несколько экскурсий по Гижигинской тундре. Сведения о золоте не подтвердились. На этом же пароходе ученые заходили в Пенжинскую губу для исследования предполагаемых залежей каменного угля. Богданович отметил, что здесь действительно имеются залежи бурого угля, которые «по своей обширности и значительному числу слоев могут со временем получить значение»¹. 30 августа «Котик» возвратился к устью Тигиля.

Лелякин за это время уже отправился исследовать западный берег Камчатки, к северу от Тигиля. Серьезно заболел Николай Васильевич, и пришлось ему на этом же «Котике» уйти в Петропавловск. Оправился от болезни он только в январе 1898 года. Из Петропавловска Слюнин 20 мая на пароходе «Хабаровск» ушел во Владивосток. За время своих путешествий Николай Васильевич прошел и проехал по сухопутью около 4,5 тысячи верст, морем на пароходах и шлюпках проплыл около 3,5 тысячи верст, посетил 85 селений.

Сам же Богданович занялся исследованием гор, питающих реки западного берега Камчатки, с тем, чтобы к зиме можно было выбрать места для разведочных работ. Путешествие его началось 4 сентября в горах Срединного хребта от вершины Тигиля до крайних левых вершин реки Облуковины. За это время проделано было более 700 верст, исследованы ледники, опровергнуты слухи о золотых самородках и прочем.

Возвратившись 9 октября в Тигиль, Карл Иванович застал там Лелякина, с которым в ноябре, как только установился санный путь, начал разъезды по полуострову. Они осмотрели подножье и склоны великолепного вулкана Шивелуч, доехали до селения Озерновского, дважды перебираясь через Седанский перевал. Измученные путники (а с ними была и жена Богдановича) 6 декабря вернулись в Тигиль, а 23 декабря уже снова были в пути. Лелякин поехал в обход Камчатки, берегом моря, а Богданович с женой обычным путем. У мыса Лопатки заболел Лелякин, заболела также и измученная супруга начальника экспедиции, в течение трех лет переносившая трудности скитаний по неприветливому побережью Охотского моря. Но, несмотря на все, исследования были доведены до конца, и участники экспедиции сумели добраться живыми до Петропавловска.

Лето 1898 года прошло в разъездах по Камчатке, причем путешественники проплыли по всей реке Камчатке и от устья ее возвратились на

¹ К. И. Богданович. Очерк деятельности Охотско-Камчатской горной экспедиции 1895—1898 гг. Известия Императорского Русского Географического общества, т. 35, вып. 6, 1899, СПб, стр. 579.

пароходе, на котором Лелякин отправился во Владивосток. А Богданович с женой на казенном пароходе направились сначала в Анадырь, а уж оттуда во Владивосток. 24 сентября 1898 года из Владивостока Лелякин уехал в Петербург, а Богдановичи — в Порт-Артур, где опять предстояло вести исследовательские работы.

Исключительная по объему работ экспедиция под начальством К. И. Богдановича дала превосходные результаты. Несмотря на то, что они, по словам Богдановича, не могли считаться окончательными, «так как детальные разведочные работы, которыми определяются запасы золота, в задачу экспедиции не входили», основным итогом экспедиции явилось «открытие золотоносных пластов и определение в них содержания золота»¹.

Работы Богдановича внесли большой вклад в вулканологию. Геологический очерк Камчатки, написанный Карлом Ивановичем и опубликованный в 1904 году, заложил «основу наших знаний о геологии Камчатки и вместе с тем явился первым замечательным русским исследованием действующих вулканов на нашей территории»².

Николай Николаевич Лелякин определил 38 астрономических пунктов; в 8 из них он определял магнитное склонение по полной программе. Постоянно велись метеорологические наблюдения. Им и Богдановичем составлены несколько карт, и среди них «Карта побережья Охотского моря между Николаевском-на-Амуре и Охотском» и «Карта Камчатки»³. Обе они составлены в проекции Гаусса в масштабе 20 верст в дюйме (то есть 1 : 840 000), основаны на 33 (первая) и 31 (вторая) астрономических пунктах. Карты изданы Горным департаментом в 1901 году.

Поистине огромное значение для изучения Камчатки имело географическое ее описание, сделанное Слюниным. В нем он старался дать «по возможности полную общую картину как физической природы, так экономической, бытовой и умственно-религиозной жизни здешних инородцев». В первом томе огромной монографии Слюнина есть детальная характеристика климата Охотско-Камчатского края, его флоры и фауны. Очень хороша глава по истории исследования края. Второй том составляют приложения. Сюда вошли примечания и дополнения, результаты метеорологических наблюдений, список растений и список животных, статистические данные и отличная библиография. Труд Н. В. Слюнина — крупный вклад в изучение Дальнего Востока в физико-географическом и экономическом отношениях.

¹ К. И. Богданович. Предварительный отчет о результатах поисковых и разведочных на золото работ, произведенных Охотско-Камчатскою экспедициею на северо-западном берегу Охотского моря. «Горный журнал», т. III, 1899, СПб, стр. 58.

² А. Н. Заварницкий, С. И. Миронов, В. А. Обручев, Н. Н. Яковлев. О научно-организационной деятельности Карла Ивановича Богдановича. «Очерки по истории геологических знаний», вып. 5, М., Изд. АН, 1956, стр. 190.

³ ЦГВИА, коллекция 419, № 187 и коллекция 416, № 602.

За экспедицию Николай Васильевич Слюнин был награжден орденом св. Станислава 2-й степени. Он был переведен в 7-й флотский экипаж на Балтику и плавал в 1899 году судовым врачом сначала на броненосце «Севастополь», а затем на крейсере «Минин»¹. После русско-японской войны Слюнин снова на Дальнем Востоке. Изучая экономику края, он объехал Забайкальскую, Амурскую и Приморскую области, побывал в Уссурийском крае, лимане Амура и в других местах, проведя в разъездах почти весь 1907 год. В результате этой поездки появилась в 1908 году работа Н. В. Слюнина «Современное положение нашего Дальнего Востока», в которой рассмотрены злободневные вопросы жизни края и сделаны выводы, что «необходима реорганизация всего, начиная с административного строя и кончая торговлей и земледельческой культурой»².

Много поездивший и поплававший по всему свету Николай Васильевич Слюнин в конце концов поселился в родном Белгороде, где занимался врачебной деятельностью. От брака с Марией Васильевной Циклинской у него не было детей, и он всеми силами помогал племянникам и племянницам, стремясь к тому, чтобы они закончили гимназию. Дом Слюнина превратился в музей. Экспозиции его включали редкостные индийские, японские, китайские, чукотские и прочие экспонаты. После Н. В. Слюнина осталась большая библиотека. Среди книг была книга регистрации почетных посетителей Белгорода. В списке почетных гостей значились Петр I, Екатерина, Елизавета и другие. После войны сохранился только дом Н. В. Слюнина, а экспонаты и библиотека не сохранились. Николай Васильевич скончался в Белгороде в 1925 или 1926 году. Точную дату установить пока не удалось. Там же он и похоронен³.

Не менее интересной была жизнь и Карла Ивановича Богдановича. Едва закончив отчеты по проведенной экспедиции и по исследованиям в районе Порт-Артура, он получил предложение возглавить экспедицию по изучению золотосности Чукотки. История ее такова. Узнав об открытии золота на Клондайке, Богданович сделал вывод о возможности продолжения на Чукотке золотосных образований северной части Аляски⁴. С этой целью он уже в 1898 году совершил, как мы видели, поездку в устье реки Анадырь. В Петербурге он детально познакомился со всей литературой по этому вопросу, в частности прочитал и об открытии золота на Аляске у мыса Ном.

¹ ЦГА ВМФ, ф. 406, оп. 3, д. 1191, л. 427—427 об.

² Н. В. Слюнин. Современное положение нашего Дальнего Востока. СПб, 1908, стр. 1.

³ Сведения о последних годах жизни Н. В. Слюнина сообщены автору исполкомом горсовета Белгорода (письмо от 18 марта 1967 г.), а также племянниками исследователя О. В. Усачевой (Слюниной) и В. В. Слюниным.

⁴ К. И. Богданович. Очерки Чукотского полуострова. СПб, 1901, стр. 1.

Шурфовка в Мечигменской губе.

Известный русский предприниматель В. М. Вонлярлярский сумел добиться организации экспедиции для поисков и добычи полезных ископаемых на Чукотке. Экспедицию было предложено возглавить Богдановичу.

Спешка, с которой производилась подготовка экспедиции, подогревалась слухами, получившими и официальное подтверждение «о намерении сотен и тысяч американцев перейти при первой возможности Берингов пролив и приступить к поискам на нашей стороне»¹.

Для ускорения организации экспедиции Вонлярлярскому пришлось воспользоваться услугами американского парохода «Самоа», который покинул Сан-Франциско 9 июня 1900 года. Карл Иванович находился уже на его борту, но американские моряки, и прежде всего капитан, сорвали экспедицию, отказавшись от работы именно в то время, когда нужно было переходить от поисковых работ к основательной разведке.

¹ К. И. Богданович. Очерки Чукотского полуострова. СПб, 1901, стр. 2.

Тем не менее Богданович сделал много, произведя исследование на золотоносность в различных местах Чукотского полуострова (мыс Чаплина, бухта Провидения, Мечигменская бухта, в районе мыса Дежнева, села Уэлен, мыса Сердце-Камень, Колючинской губы). Он сумел написать орографический очерк Чукотки, представить материалы о климате и гидрологии прибрежных мест Чукотки, собрал сведения по экономике и этнографии чукчей. Его материалы по геологии легли в основу изучения золотоносности Чукотки. Богданович доказал присутствие золота на Чукотке. Позднейшие исследования подтвердили наличие там месторождений золота.

Если бы не американская команда, навязанная Богдановичу, он, несомненно, сделал бы гораздо больше. «Трудно передать словами, сколько горечи, терпения и усилий воли связано было для меня с «Самоа». Какой ложью, обманом и наглостью я был окружен на нем, вместо энергии и усилий к совместной работе, которая могла бы дать при других условиях превосходные научные и практические результаты»¹, — с болью записал Богданович.

Позднее Карл Иванович был геологом Геологического комитета, причём последние два года — его директором. Одновременно (по 1919 год) он был профессором геологии в Горном институте и под конец деканом геологоразведочного факультета, на котором вел курсы физической геологии и рудных месторождений. Занимался он и полевыми исследованиями, например в 1907—1911 годах в Кубано-Черноморском нефтеносном районе, где исследования дали ценные результаты для стратиграфии третичных и частично меловых отложений Юга России. Карл Иванович часто бывал в зарубежных командировках — в Австралии, Румынии, Польше. В Италии, например, он изучал вопросы, связанные с Мессинским землетрясением.

В 1919 году К. И. Богданович, поляк по национальности, с группой поляков переехал в Польшу, где стал профессором Краковской горной академии. Он очень много сделал для изучения геологии страны. Во время оккупации Польши фашистами Карл Иванович, несмотря на почтенный возраст, был посажен в тюрьму. После освобождения Польши стал директором Государственного геологического учреждения, был членом Польской Академии наук, Польского геологического общества и многих других ученых обществ. Скончался он 5 июня 1947 года.

Многие страны откликнулись на эту утрату. В одном из некрологов говорилось, что «Богданович был человеком с широким полетом мысли, отражавшимся в его деятельности, и деятельность его не будет у нас забыта»².

¹ К. И. Богданович. Очерки Чукотского полуострова. СПб, 1901, стр. 80.

² Н. Н. Яковлев. Памяти профессора К. И. Богдановича. «Природа», 1948, № 6, стр. 80.

О б этом путешествии по Чукотке, совершенном в первом десятилетии нашего века, известно, к сожалению, немного. Сухие, краткие строки официальных отчетов его участников не передают трудностей, выпавших на долю путешественников, не повествуют о большой значимости результатов экспедиции, не рассказывают об атмосфере взаимовыручки, дружбы и сердечности, царившей в экспедиции.

Экспедиция была одной из двух частей единого плана, которым предусматривался выбор места для устройства по всему северному побережью Восточной Сибири нескольких опорных пунктов или станций, которые могли бы облегчить плавание вдоль побережья. Одновременно обсуждался вопрос и об устройстве пароходного сообщения портов Дальнего Востока с устьями рек Колымы и Лены через Берингов пролив.

Разработкой вопроса о значении Северного морского пути и возможности его осуществления занималась Комиссия при Главном гидрографическом управлении, в которую входили А. И. Вилькицкий, Ю. М. Шокальский, А. Н. Крылов, Л. Л. Брейтфус, А. А. Бунге, И. Б. Шпидлер, Ф. К. Дриженко, И. С. Сергеев, А. И. Варнек, И. П. Толмачев и другие. Эта комиссия в течение двух лет, начиная с 1906 года, подготавливала и организовывала Гидрографическую экспедицию Северного Ледовитого океана. Наряду с осуществлением сквозного плавания вдоль всех берегов Сибири в задачи такой экспедиции входило тщательное изучение условий плавания и оборудования средствами навигационного ограждения района плавания. А последнее было немислимо без организации береговых исследований.

Геолог И. П. Толмачев, разделяя мнение моряков о плавании вдоль берегов Сибири, поднял также вопрос об использовании внутренних водных путей Северной Сибири для плавания небольших судов в обход Таймыра, как самого трудного участка Северного морского пути. Он предлагал основным судам экспедиции производить общую опись берега, а береговым партиям с небольших судов заниматься детальной съемкой. «Разделение труда таким образом,— писал он в докладной записке,— чтобы судно производило общую опись берега и занималось гидрографическими исследованиями, а детали изрезанной береговой линии были бы предоставлены береговой партии, значительно бы облегчили общую работу, увеличив в то же время и точность»¹.

Когда обсуждался вопрос о судах для экспедиции, И. П. Толмачев считал, что экспедиция должна проводиться на ледокольных судах небольших размеров с запасом угля, которые могли бы ломать лед в 2—3 фута толщиной и пробиваться через ледяные перемычки. Его мнение

¹ ЦГА ВМФ, ф. 404, оп. 1, д. 6107, л. 50.

было принято во внимание при постройке ледокольных пароходов «Таймыр» и «Вайгач», которые в течение пяти лет вели гидрографические работы (1910—1915 гг.) в Северном Ледовитом океане и впервые прошли Северным морским путем с востока на запад.

Толмачев разработал проект сухопутной Таймырской экспедиции, состоящей из четырех отрядов, и брался руководить ею. Эта экспедиция должна была в 1909—1910 годах описать все побережье Таймырского полуострова. Но в конечном счете этот проект не получил одобрения. Решено было создать два отряда: западный, который должен был действовать между устьями рек Колымы и Лены, и восточный, задачей которого было изучение побережья от устья реки Колымы до мыса Дежнева. В западный отряд входили К. А. Воллосович (начальник отряда), штабс-капитан корпуса военных топографов Н. А. Июдин, астроном Е. Ф. Скворцов. В восточный отряд под начальством И. П. Толмачева входили капитан корпуса топографов М. Я. Кожевников и астроном-геодезист Э. Ф. Вебер. Оба отряда находились под общим начальствованием И. П. Толмачева. В общем, конечно, такой выбор Комиссии был закономерен, ибо начинать следовало с восточного сектора Арктики, совершенно неизученного в гидрографическом (не говоря уже о геологическом) отношении. Потребовались годы напряженной работы, чтобы эта экспедиция приблизилась к Таймыру.

Начальник экспедиции, человек удивительных способностей и удивительной судьбы, Иннокентий Павлович Толмачев — коренной сибиряк родился 1 апреля 1872 года в Иркутске. Образование он получил в Иркутской гимназии и в Петербургском университете, который окончил в 1893 году по естественному отделению физико-математического факультета. По окончании университета Толмачев был назначен сверхштатным ассистентом по геологии при Юрьевском (Дерптском) университете, осенью 1899 года был избран ученым хранителем Геологического музея, а в 1912 году был переизбран на должность старшего ученого хранителя Геологического и Минералогического музея.

Молодой ученый сразу же заявил о себе. Еще в университете он получил золотую медаль за сочинение по финляндскому граниту. В 1896 году он работал некоторое время в институте профессора Циркеля в Лейпциге. В 1897 году принимал участие в работах по организации Международного геологического конгресса в качестве помощника генерального секретаря и руководителя различных экскурсий.

По поручению геологической части кабинета императора работал в 1898 и 1899 годах на Алтае и в 1899 году был командирован за границу для ознакомления с музейным делом и работами по палеонтологии. В 1900 году Толмачев по поручению музея работал в Минусинском округе Енисейской губернии, а в следующем году — в Нижегородской губернии. В 1902 году был командирован Русским Географическим обществом в Кузнецкий Алатау. По поручению Академии наук в 1903 го-

ду он ездил в Ярославскую губернию и был командирован на Международный геологический конгресс в Вену. В 1904—1905 годах Толмачев работал по поручению Географического общества на севере Енисейской губернии. С 1906 года начал принимать активное участие в работе комиссии при Гидрографическом управлении. Был командирован Академией наук на заседания Полярной комиссии в Брюсселе, а в 1908 году участвовал в работах Международного Географического конгресса в Брюсселе¹.

Экспедиция на побережье Северного Ледовитого океана финансировалась Министерством торговли и промышленности. Работы Толмачева на севере Енисейской губернии, в так называемой Хатангской экспедиции, значительно помогли ему при организации Чукотской экспедиции. Толмачев уже тогда отлично относился к местным жителям. Его сын, известный ученый А. И. Толмачев, написал интересные воспоминания о своем отце, среди которых есть и такие строки: «В бытность на Хатанге и на Таймыре (1928 год) мне приходилось встречаться с людьми, помнившими отца по Хатангской экспедиции 1905 года. О его отношениях с хатангскими кочевниками могу судить по тому, как относились ко мне люди, с которыми я встречался впервые, еще не имея в их среде собственной «репутации». Передававшиеся одним подводчиком, возившим меня, другому слова «сын Иннокентия Павловича» служили прекрасной рекомендацией. И в той легкости, с которой наладились мои отношения с кочевниками (от содействия которых зависел успех Таймырской экспедиции: надо было быстро добраться к берегам Таймырского озера, не располагая никакими резервами времени), косвенно «повинен» и Толмачев-старший. Кочевники немногословны, да и русский язык многие из них знали тогда очень неважно. Но, вспоминая И. П., его бывшие спутники просто говорили — «настоящий человек»².

Экспедиция выехала из Петербурга 3 марта 1909 года и 11 марта поездом прибыла в Иркутск. Вместе с Толмачевым ехал и штабс-капитан Георгий Яковлевич Седов, направленный Главным гидрографическим управлением для гидрографических работ в устье реки Колымы. Для дальневосточных читателей будет небезынтересно знать, что выдающийся русский полярный исследователь уже к тому времени не был новичком на Дальнем Востоке.

Во время работы в 1959 году в Центральном Государственном архиве РСФСР Дальнего Востока (г. Томск) над фондом «Канцелярия Приамурского генерал-губернатора» автору встретилось дело № 707, озаглавленное так: «Об устройстве пароходного постоянного сообщения между Николаевском и рыбалками, расположенными в Амурском лимане». В деле оказались документы, связанные с пребыванием на Дальнем

¹ Ленинградское отделение архива Академии наук (в дальнейшем ЛОААН), разряд VI, оп. 5, № 31, л. 40.

² Письмо А. И. Толмачева к автору от 24 февраля 1967 года.

И. П. Толмачев.

Востоке Г. Я. Седова. Дальневосточный период жизни и деятельности Г. Я. Седова менее всего изучен. Документы эти позволяют в значительной мере восполнить этот пробел. В том же году было опубликовано в «Тихоокеанской звезде» сообщение о находке¹.

Г. Я. Седов находился на Дальнем Востоке с апреля 1904 года по апрель 1907 года. Он служил в Николаевской-на-Амуре крепости в отряде миноносок в должности командира миноноски № 48 и одновременно исполнял обязанности ревизора минного отряда. Кроме того, он неоднократно вводил и выводил приходившие в Николаевск суда. В 1906 году к его постоянным обязанностям прибавилось новое назначение — помощником лоцмейстера Николаевской-на-Амуре крепости.

29 сентября 1905 года поручик по адмиралтейству Г. Я. Седов подал на имя приамурского генерал-губернатора прошение о дозволении ему организовать постоянное пароходное сообщение между Николаевском, рыбалками и населенными пунктами, расположенными в лимане Амуре. Седов писал, что, исполняя служебные обязанности, он не мог не заметить «тех недостатков в развитии рыбных промыслов и торговли в устье Амуре, которые так ярко бросаются в глаза мало-мальски наблюдаю-

¹ А. И. Алексеев. Дело № 707. Газета «Тихоокеанская звезда», № 271 от 18 ноября 1959 года.

Г. Я. Седов.

щего человека». Он просил генерал-губернатора разрешить ему «в ближайшем будущем открыть срочное пассажирское сообщение между всеми рыбалками, городом Николаевском и Сахалином». Седов писал: «Для этой цели я предполагаю приобрести два быстроходных катера морского типа и впоследствии один пароход с осадкой около 8 фут, которые и пушу между означенными пунктами, перевозя пассажиров и рабочих и буксируя баржи с грузом; таким образом рыбопромышленное дело получит огромный толчок вперед»¹. Для этого Георгий Яковлевич просил у правительства единовременной субсидии в сумме 50 тысяч рублей, которые обещал выплачивать в течение 10 лет равными долями.

К прошению Седова приложены отзыв заведующего рыбными промыслами и свидетельства рыбопромышленников. Все они присоединяются к мнению Седова и горячо поддерживают его предложение. 17 октября 1905 года предложение Седова разбиралось на заседании Николаевской городской думы и получило там полную поддержку. Прощению Седова был дан надлежащий официальный ход.

Не получив в течение более полугода никакого ответа, Г. Я. Седов, ставший к тому времени штаб-капитаном, 12 июля 1906 года обратился

¹ ЦГА РСФСР, ф. 702, д. 707, л. 3-об.

с докладной запиской, в которой развивал идею организации пароходства в лимане Амура, к коменданту Николаевской крепости. Совершенно справедливо отмечая, что на крупной и крутой лиманской волне парусникам плавать весьма затруднительно, Седов утверждал, что их могут заменить только паровые суда.

«Сделать заказ катеров предполагается **осенью сего года** (подчеркнуто Г. Я. Седовым.— А. А.) с таким расчетом, чтобы они были к весне 1907 года доставлены по железной дороге в город Сретенск и оттуда уже с первой весенней водой приведены в Кр. Николаевск к открытию навигации. Когда катерное движение вполне будет организовано, тогда предполагаю на той же верфи заказать пароход морского типа с осадкой не более 8 фут и грузоподъемностью не менее 300 тонн и пустить его для поддержания товаро-пассажирских рейсов между крепостью, островом Сахалином и некоторыми портами Охотского моря, смотря по надобности»¹.

Комендант крепости, препровождая докладную Г. Я. Седова начальству, написал 28 июля свое мнение: «Принимая во внимание приведенные в рапорте цели и намерения штабс-капитана Седова, было бы желательно поддержать его в этом полезном начинании»².

И эта докладная Седова, снабженная, как и первая, отзывами и рекомендациями, с приложением карты Амура и мест предполагаемых стоянок катеров долго оставалась без ответа. Между прочим, беспокоясь о финансовой стороне дела, Г. Я. Седов написал в Николаевскую городскую думу того же 25 июля отношение, из которого выясняются некоторые биографические подробности. Так, он писал, что просимая ссуда может быть им в какой-то степени обеспечена «недвижимым имуществом, заключающимся в участке земли в 945 кв. сажень, дом, фруктовый сад, находящимися на участке, а также и других хозяйственных пристройках стоимостью около 15 000 руб. Все имение находится в городе Полтаве по Загородной улице № 33» (л. 34).

Г. Я. Седов не знал, что к этому времени его вопрос уже фактически был решен. Из одного ведомства в другое переходило прошение, и 11 апреля 1906 года военный губернатор Приморской области генерал-майор Флуг написал, что такое дело «могло бы организоваться и по частной инициативе и без субсидий от казны» (л. 14 об.). Иными словами, нужен был капитал, которого у Седова было явно недостаточно. Георгий Яковлевич 21 сентября 1906 года получил ответ, что ходатайство его «генерал-губернатором не может быть удовлетворено, вследствие полной неопределенности всего этого дела» (л. 37).

Ответ уже не застал Седова в Николаевске. Он в конце 1906 года выбыл в Хабаровск, а оттуда во Владивосток, где проживал в начале

¹ ЦГА РСФСР, ф. 702, д. 707, л. 22—22 об.

² Там же, л. 21-об.

1907 года в Европейской гостинице. Там он и получил решение генерал-губернатора. На этом дело 707 заканчивается.

Следовательно, Дальний Восток был хорошо знаком Г. Я. Седову. Предприимчивый, энергичный морской офицер с большим желанием отправился теперь вместе с Толмачевым на Колыму. На Севере он также был не впервые. В 1902 году Георгий Яковлевич, будучи поручиком по адмиралтейству, участвовал в работе Гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана под начальством А. И. Варнека, исследуя берега юго-западной части Карского моря и остров Вайгач. Начальник экспедиции генерал Варнек сразу оценил способности молодого гидрографа. «Всегда, когда надо было найти кого-нибудь для исполнения трудного и ответственного дела, сопряженного иногда с немалой опасностью среди полярных льдов, мой выбор падал на Седова, и он исполнял эти поручения с полной энергией, необходимой осторожностью и знанием дела»,— писал он впоследствии¹. В экспедицию на Колыму Георгий Яковлевич попал с Каспийского моря, где он служил после возвращения с Дальнего Востока. На Каспийском море Седов был гидрографом, начальником его был известный гидрограф и исследователь морей Ф. К. Дриженко.

По прибытии в Иркутск астрономы Вебер и Скворцов занялись астрономическими наблюдениями, а Толмачев с Кожевниковым и Седовым прилагали все усилия, чтобы как можно скорей и с возможными удобствами отправиться из Иркутска в Якутск. То, что Толмачев был иркутянином и имел в городе влиятельных родственников и множество знакомых, значительно облегчило путешествие по Лене.

15 марта выехали Воллосович с Июдиным, затем Седов с бодманом Жуковым, а вечером Вебер и Скворцов. Толмачев с Кожевниковым выступили на следующий день. Ехали быстро. «Содержатели станций получили,— писал Толмачев,— всюду циркулярные предписания из Иркутска о нашем проезде. Лошади были везде готовы, запрягали их быстро, так что местами мы едва успевали выпить чаю. Не было никаких придинок и споров, по этому тракту обычно весьма нередких»². Ехали по хорошей дороге почти безостановочно, проделывая до 215 километров за сутки. Днем пригревало, на дорогах встречались наледи, а ночью, под утро, мороз доходил до 30 градусов Цельсия.

С 30 марта по 2 апреля все участники обоих отрядов и партия Седова собрались в Якутске. Здесь также производились астрономические определения и также хлопотали о дальнейшем путешествии. Приходилось предусмотреть все, так как после Якутска пополнить запасы было почти

¹ В. Ю. Визе. Георгий Яковлевич Седов. В кн.: «Русские мореплаватели». Воениздат, М., 1953, стр. 318.

² И. П. Толмачев. По Чукотскому побережью Ледовитого океана. СПб, 1911, стр. 7.

негде, а без товаров ехать к чукчам было невозможно. Опасения и беспокойство Иннокентия Павловича были не напрасными.

Около сорока нарт потребовалось, чтобы разместить оба отряда и партию Седова. С 4 по 7 апреля все двинулись в путь: сначала отряд Воллосовича, за ним Толмачев и уж последним Седов. Делалось это с таким расчетом, чтобы интервалы во времени позволяли как можно меньше задерживаться в пути. Но заверения якутских властей остались заверениями, и уже на первой станции тракта лошадей не оказалось. Для следующего перехода искали их сами. А дальше стало хуже и хуже. Для экспедиции не оказывалось ни лошадей, ни, позднее, оленей. Одной из причин было то, что проезд по тракту экспедиции Толмачева совпал с отправкой почты, которой местные власти отдавали предпочтение, и этим сильно затрудняли действия экспедиции в самом ее начале.

Пришлось Толмачеву выехать вперед, чтобы хоть как-нибудь помогать предварительными распоряжениями двигавшемуся позади каравану, который возглавил теперь Кожевников. В середине апреля (ст. ст.) началась оттепель, а с ней и распутица. С нарт приходилось переходить на вьюки. В ночь на 19 апреля Толмачев появился в Верхоянске и сразу же повел весьма энергичный и крутой разговор с местным исправником, настаивая на обеспечении продвижения экспедиции по Колымскому тракту без задержек.

На следующую ночь прибыл в Верхоянск и Георгий Яковлевич. Толмачев и Седов решили снова идти вперед и следить за готовностью лошадей, облегчая продвижение остальным. Толмачев и Седов ехали верхом. Они сравнительно быстро миновали Индигирку, перебрались через реку Алазею, на которой поверх льда уже шла вода, и 14 мая утром въехали в Среднеколымск.

Труднее приходилось Кожевникову с караваном. Здесь не было и дня без приключений. Один раз сбились с пути и долго ждали случайной встречи с местными жителями. Перед Среднеколымском ехали почти по сплошной грязи. А когда прибыли туда, то не застали начальника, который, произведя все необходимые распоряжения, определив с Седовым астрономическим путем координаты пункта в городе, 25 мая на двух лодках поплыли в Нижнеколымск.

Для Георгия Яковлевича плавание было привычным. Он «насколько мог, настроил свой карбас, повысив несколько набойками его борта и снабдив более удобными веслами, а также и небольшим косым парусом, что вызвало на Колыме полную сенсацию»¹. Зато Толмачеву почти все время приходилось отливать воду, пока во время стоянки после упорных поисков удалось обнаружить невидимые глазу предательские отверстия.

¹ И. П. Толмачев. По Чукотскому побережью Ледовитого океана. СПб, 1911, стр. 33.

По пути Иннокентий Павлович производил геологические изыскания на правом берегу реки. Вскоре миновали место, где скончался известный путешественник И. Д. Черский. 31 мая побывали на его могиле на станции Колымской, напротив устья реки Омолона.

В ночь на 2 июня Толмачев и Седов приплыли в Нижнеколымск. С большим трудом разыскивали и покупали лошадей и оленей. Очень беспокоило Толмачева отсутствие каких-либо вестей от Кожевникова. По слухам от якутов, караван могли надолго задержать разливы рек, а пока он готовился к путешествию, которое по существу только отсюда и начиналось. 7 июня Иннокентий Павлович проводил партию Седова на устье Колымы. В ночь с 8 на 9-е появились наконец Кожевников и Вебер со всем имуществом. Все было в целости и сохранности. Спутники выглядели усталыми, осунувшимися, похудевшими.

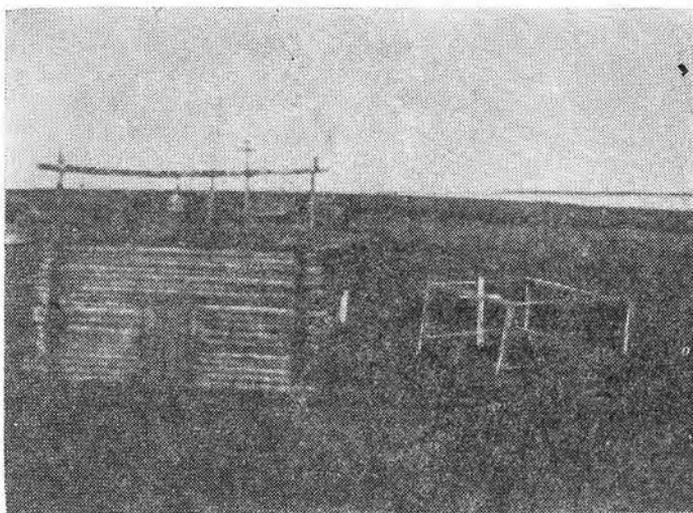
Но долго задерживаться здесь было нельзя. Иннокентий Павлович устремился снова вперед, чтобы организовать отправку лошадей и оленей к поселку Сухарному — последнему на пути путешественников по Колыме. Хорошо отдохнув, через сутки отправились к Сухарному и Кожевников с Вебером. Прибыли туда благополучно. В ожидании Толмачева они занялись разборкой имущества по принципу «оставить все, без чего можно обойтись».

На другой день прибыл Толмачев и подтвердил, что с транспортом будут затруднения, хотя ему и удалось с помощью купца Соловьева ценой больших усилий достать караванное снаряжение для лошадей. Еще труднее было собрать оленей, но в конце концов и это уладилось.

17-го Вебер с казаком Домашонкиным отправился к маяку Лаптева, чтобы определить там астропункт, так как с этого места предполагалось начать съемку маршрута. К 23 июня на лодках, лошадях и просто пешком, когда Вебер уже закончил определения, к маяку собрались все участники экспедиции в сопровождении местных жителей — ламутов (шестеро мужчин и одна женщина). В этот день и начали работы, направившись вдоль берега к устью реки Медвежьей. По пути туда Толмачев и Кожевников зашли в бухту Амбарчик к Г. Я. Седову, который уже успел во многих местах сделать промеры, выставить береговое навигационное ограждение.

Утром следующего дня путешественники были на устье реки Медвежьей, где из-за организационных неурядиц простояли несколько суток. С ответным визитом сюда приезжал Г. Я. Седов. Сверили хронометры и остались уже совсем одни — всего 14 человек.

Остался один и Седов с боцманматом Жуковым и семью рабочими-якутами. Он успешно в течение лета выполнил возложенное поручение: исследовать устье реки Колымы, чтобы выяснить возможности захода в него морских пароходов. Георгий Яковлевич произвел промеры глубин устьевой части реки, выяснил направления морского и речного фарватеров, определил глубины на барах. Ему удалось также выяснить, что

Могила Черского.

река каждый год образует бар все дальше и дальше. За год он выдвигается в среднем метров на сто. Составленные Седовым карты надежно и хорошо послужили полярным мореплавателям. Георгий Яковлевич определил на устье реки астрономические пункты, произвел магнитные наблюдения, собрал образцы минералов, каменного угля, привез чучела птиц. Русское Географическое общество и Академия наук положительно оценили научно-исследовательскую деятельность Седова.

Сам же он, подводя итоги своей экспедиции, писал: «Надо думать, что русское торговое мореплавание к берегам Колымы не замедлит развиться на общую пользу дела, тем более, что наблюдения за погодой и льдами показали, что плавание в этой части Ледовитого океана для морских судов возможно в течение по крайней мере около двух месяцев»¹. Георгий Яковлевич оказался прав. Еще до революции в устье Колымы пришли грузовые пароходы, а подлинное осуществление заключений Седова стало возможно только в советское время.

В 1909 году Седов возвратился из экспедиции в Петербург, а уже на следующий год он работал на Новой Земле, где производил съемку Крестовой губы. Затем он организовал всемирно известную экспедицию к Северному полюсу и погиб на пути к нему. Скончался 5 марта 1914 года на Земле Франца-Иосифа.

Постепенно экспедиция И. П. Толмачева вошла в походный темп жизни. Только вот, как отметил Кожевников, «движение мы никак не могли наладить так, чтобы становиться на ночлег вечером, а пораньше

¹ Г. Я. Седов. Путешествие на Колыму в 1909 г. «Записки по гидрографии», том 41, вып. 2, 1917, стр. 37.

утром двигаться дальше. Всегда выходило наоборот. Конечно, при непрерывном дне это особенного значения не имело, но получалось какое-то особенное распределение времени»¹. Обычно Толмачев и Кожевников двигались по берегу: первый с оленями — верхом, а второй — на нартах. Но чаще все-таки шли просто пешком. Вебер же, как правило, шел с караваном по наиболее легкому пути.

Так, без особых трудностей, если не считать обходы выдающихся в море каменистых утесов, путешественники 12 июля прибыли на реку Большую Бараниху. Вот тут уж пришлось потрудиться, огибая Большой Баранов нос по сплошной каменистой осыпи на расстоянии более десяти верст.

С оленями дело обстояло по-прежнему плохо. Чукчи неохотно отдавали оленей летом даже за самые большие деньги. И потом вообще они не были расположены к летним передвижениям, уверяя путешественников, что это гораздо лучше и легче можно сделать в зимнее время по заснеженной тропе.

Поэтому, когда Толмачев от проводников узнал, что на Чаун есть прямая дорога, более близкая, чем по берегу, и что с оленями на острове Айон еще хуже, что до него гораздо дальше, чем можно предположить по карте, он решил разделить экспедицию на два отряда. Весь караван с оленями и половиной лошадей во главе с Вебером отправился прямым путем через тундру к Чаунской губе и устью реки Чаун, где должен был быть заранее заготовленный по распоряжению Толмачева склад провизии и товаров для меновой торговли. Сам же Толмачев вместе с Кожевниковым в сопровождении переводчика и казака Шкулева с тремя выючными лошадьми, на которых были главным образом продовольствие и палатки, пошел по-прежнему вдоль берега, чтобы вести полуинструментальную съемку, геологические изыскания и производить астрономические определения.

Путешествие Толмачева и Кожевникова прошло вполне успешно. Толмачев определил астропункты на острове Айон и на западном побережье Чаунской губы. Больше всего хлопот доставили разлившиеся реки и ручейки, переправляться через которые приходилось на самодельных плотах. На строительство их нужно было найти на берегу плавник. Тяжело было идти и по вязкой, особенно низкой и топкой у Чаунской губы, тундре, пересеченной многочисленными ручейками. Иногда, хотя и очень редко, на помощь приходили чукчи, помогавшие переправиться на своих байдарках. Главным средством передвижения были все-таки собственные ноги. И Толмачеву и Кожевникову по роду своих занятий удобнее всего было идти пешком: одному для изучения геологических особенностей берега, а другому для производства съемки.

¹ М. Я. Кожевников. Чукотская экспедиция 1909—1910 гг. Изд. АН, Л., 1934, стр. 7—8.

Иногда им приходилось делать значительные побочные маршруты в глубь материка. Такие отклонения были связаны чаще всего с невозможностью переправиться через речки, и поэтому их обходили. Эти многочисленные речки образуют в устьях большие наносы, настолько большие, что бывало затруднительно наметить истинную береговую черту и ее помечали на карте пунктиром.

Твердую почву под ногами путешественники почувствовали только в конце июля, когда приблизились к горе Каин, где горы ближе подходят к берегу, становятся скалистыми, а речки — более мелкими и быстрыми. Пройдя горы, путники встретили чукчей. В одном из стойбищ чукча Еманькау со своим пасынком охотно согласился проводить отряд к устью Чауна. «Благодаря им, речки, впадающие на южном берегу Чаунской губы, были нам совершенно не страшны, как и сам Чаун, впадающий несколькими крупными устьями. Чукчи отыскивали нам броды, где они были, или помогали нам перевозить груз, следили за мной, когда я, осматривая обнажения в крутых берегах, обходил скалистые мысы морем вброд, помогали на таборе при остановке на ночлег и при движении дальше — словом, вели себя как участники экспедиции, и притом совершенно бескорыстно, если не считать, что я их кормил и поил»¹.

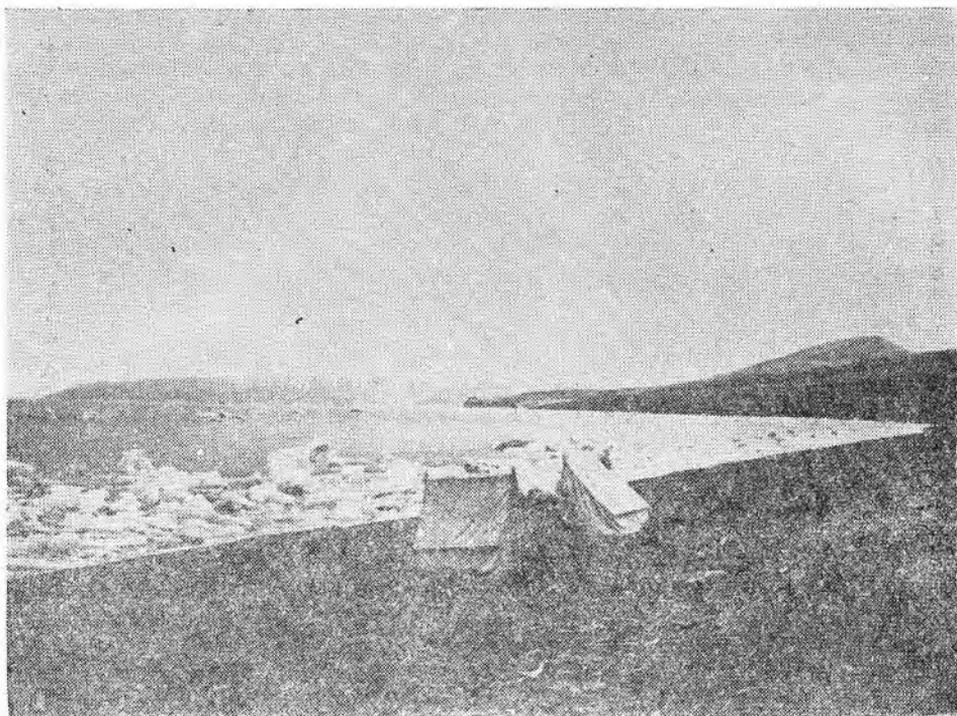
Каково же было удивление путешественников, когда они не обнаружили на складе посланного прямым путем каравана! Только через неделю он появился здесь.

Эту неделю в ожидании Вебера Толмачев и Кожевников посвятили подготовке к зимнему путешествию. Приятной неожиданностью было то, что чукча Еманькау согласился пойти с ними на байдаре к Шелагскому мысу. Оставалось еще обзавестись байдарами. В этом также помогли чукчи.

Когда появился караван, Вебер рассказал, что причиной задержки были как трудности пути, так и нежелание ламутов и казака Домашенкина прийти поскорее к Чауну. Они подрядились только до этого места, и Толмачеву пришлось приложить немало труда, чтобы уговорить их сопровождать караван до мыса Шелагского. Казака же Домашенкина из-за явной симуляции и саботажа пришлось здесь рассчитать и отправить на Колыму.

Когда все организационные вопросы были улажены, то оказалось, что имущество экспедиции, значительно увеличившееся в связи с предстоящим зимним походом и пополнением коллекций, уместилось на двух больших чукотских байдарках. И как прежде с караваном, так теперь с эскадрой из двух байдар отправился 19 августа астроном Вебер. Толмачев и Кожевников по-прежнему придерживались берега и путешест-

¹ И. П. Толмачев. По Чукотскому побережью Ледовитого океана. СПб, 1911, стр. 57.

Вид на мыс Шелагский.

вовали на лошадях. Таким образом «мы потихоньку шли вперед, тем более, что южный и юго-восточный берега Чаунской губы низменны, и я мог всецело быть конюхом, не отвлекаясь на геологические работы»¹. Погода стояла отличная. Даже стрекотали кузнечики, и местность больше напоминала южную степь, чем полярную тундру. Кожевников с успехом вел съемку. У горы Певек путешественников нагнал проводник Шкулев, поправлявшийся у чукчей на Чауне. С ним были и чукчи. Стало сразу намного легче. В пути были определены два астрономических пункта.

2 сентября были вблизи мыса Шелагского, у реки Янрагайвеям, где Вебер сложил доставленные сюда на байдаре грузы. Уже на другой день попробовали Кожевников с переводчиком Румянцевым обогнуть

¹ И. П. Толмачев. По Чукотскому побережью Ледовитого океана. СПб, 1911, стр. 63.

его. Это им удалось, и Кожевников приступил к детальной съемке. Вебер пошел на байдаре в обход мыса — к устью реки Верконь или Койвеям. Исследования мыса Шелагского продолжались до середины сентября, когда сразу наступили сильные холода, а 20 сентября уже образовался прочный береговой припай, по которому путешественники могли передвигаться.

Вот как описал Шелагский мыс топограф Кожевников: «Этот мыс, площадью около 30 км кв., представляет собой полуостров, высотой около 200 м, отделившийся длинным, низким седлом от общего массива. Своим видом полуостров напоминает первый сустав большого пальца руки, расположенный в горизонтальном положении, и лежит несколько севернее 70° с. ш. На всем протяжении океанского берега от р. Колымы до Берингова пролива мыс этот наиболее выдается в океан и служит правым входным мысом в Чаунскую губу. Вся поверхность мыса представляет собою осыпь громадных камней разной формы объемом до 100 куб. м, нагроможденных друг на друга в хаотическом беспорядке. Во многих местах по таким камням ходить было совершенно невозможно, а приходилось карабкаться то вверх, то вниз, а большей частью ползти»¹.

Лошади были теперь не нужны. Их застрелили, чтобы кормить собак, а оленей возвратили обратно. Чукчи не спешили, как обычно, выжидали лучшей погоды, и только 8 октября путешественники смогли уйти с устья реки Верконь. С наступлением метелей стало труднее вести наблюдения Толмачеву и совсем трудно Кожевникову. Терпеливо ждал хорошего ясного неба Вебер, чтобы провести очередное определение астропункта.

Чем дальше, тем хуже становилось с питанием. Чукчи, бывшие на полном иждивении экспедиции, заметно опустошали запасы, а конского мяса совсем не хватало. Дорога пустынная, селений нет. Часто метет пурга, останавливая и без того медленное продвижение. В урочище Этонник выяснилось, что ожидается еще более тяжелое путешествие, так как промысел был плохим. Кроме всего этого, у Кожевникова оказались настолько обмороженными пальцы рук, что он не мог продолжать вести съемку и практически был мало полезен теперь экспедиции. Пришлось этим делом заняться Веберу. Рабочий день становился все короче, а раньше рассвета выезжать со стоянки было нельзя во избежание перерыва в съемке.

Когда добрались до мыса Рыркарпий (Северный), то было решено, что Кожевников с двумя провожатыми должен возвратиться. 27 октября, закончив съемку мыса Рыркарпий, на котором появились утесы Кожевникова и Вебера, экспедиция разделилась: Кожевников поехал

¹ М. Я. Кожевников. Чукотская экспедиция 1909—1910 гг. Изд. АН, Л., 1934, стр. 10.

назад, а Толмачев с Вебером стали настойчиво продвигаться вперед. Кожевников увез с собой собранные коллекции. До Колымы он добрался с большим трудом. Из-за непогоды и голода долго пробыл на Шелагском мысе и лишь в первой половине января сумел приехать в Нижнеколымск.

Между тем Вебер отлично освоил производство съемки, делал ее быстро и не в ущерб точности. В селении Рыркарпий Толмачеву и Веберу удалось не только отдохнуть, но и «разжиться» кормом для собак. Теперь дело шло лучше: в сутки проходили по 30, а то и по 40 верст, и все это расстояние Вебер успевал нанести на планшет. Остановливались только в местах определения астропунктов. К 11 ноября Толмачев и Вебер прибыли к мысу Сердце-Камень после того, как проехали мыс Ванкарем, побывали на острове Колючин, заглянули на место зимовки «Веги» А. Э. Норденшельда. На этом мысе наблюдали лунное затмение. Здесь же от заезжего американца узнали, что к мысу Дежнева приходил транспорт «Шилка» за экспедицией, как это ранее было предусмотрено. Не найдя Толмачева на этом месте, транспорт шел до мыса Сердце-Камень и затем возвратился во Владивосток.

Теперь цель путешествия — мыс Дежнева — была недалеко. К восточному мысу Азии прибыли 19 ноября, задержавшись только в Уэлене для астрономических определений. Чукчи немедленно повернули назад. А Толмачев, Вебер и сопровождавшие их переводчики прожили в гостеприимных русских домиках в обществе врача Е. Е. Беттака, приказчика Г. И. Тарченко и трех казаков до 5 декабря. Вебер поправил свое здоровье, а Толмачев сумел с помощью зимовщиков нанять проводников и купить собак для обратного путешествия.

6 декабря налегке выехали в обратный путь. Наблюдениями заниматься уже не приходилось, выезжали задолго до рассвета, ехали по знакомым местам, встречая чукчей в их стойбищах, как старых знакомых. На мысе Рыркарпий не оказалось собак, которых должен был оставить Кожевников. Подождав их некоторое время, Толмачев двинулся вперед один. Вебера он оставил в чукотском урочище с частью грузов и обещал выслать за ним собак с мыса Шелагского.

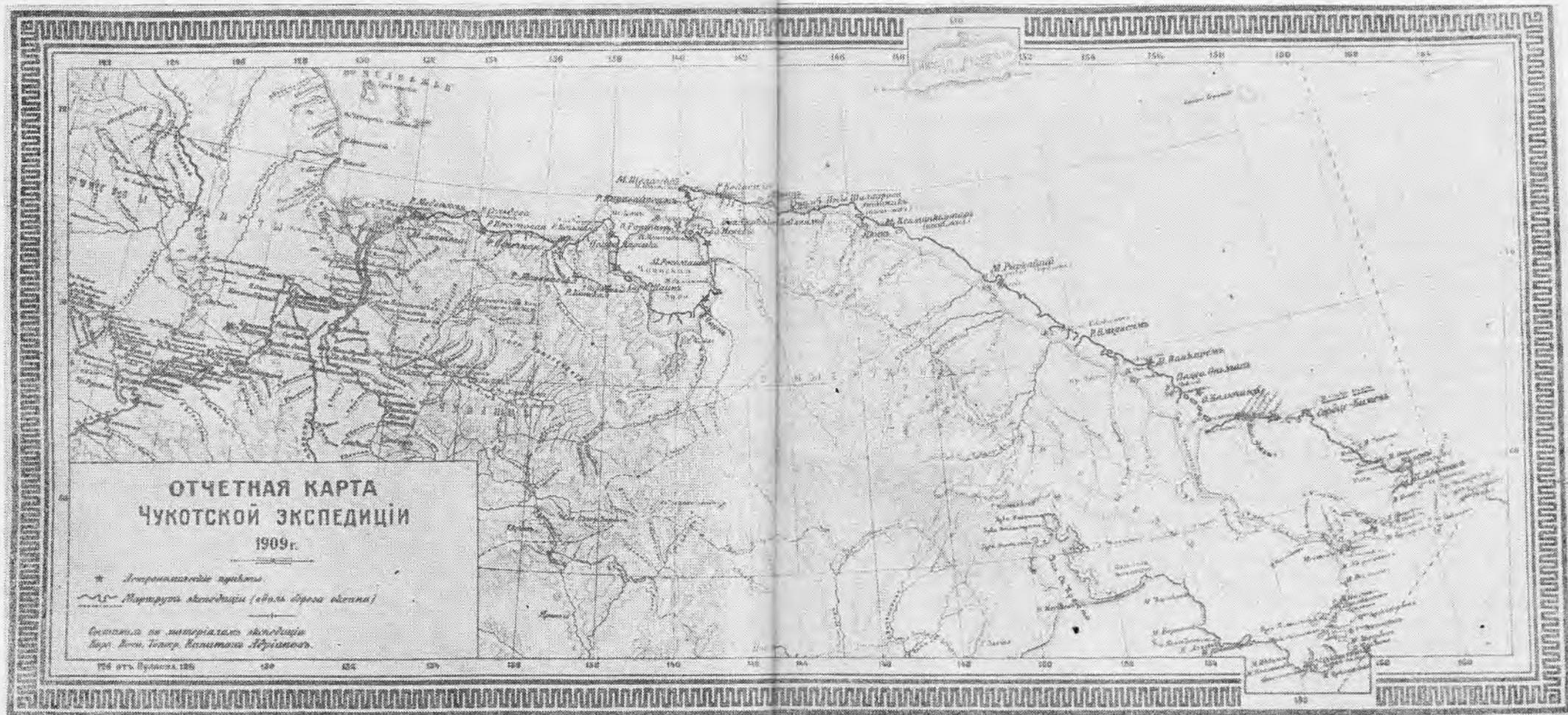
Но все оказалось гораздо сложнее. Так же как и Кожевников, Толмачев на Шелагском мысе застрял надолго, перенес там длительную голодовку и в конце концов, написав обо всем Веберу, вынужден был добираться до Нижнеколымска один, сопровождаемый казаком и переводчиком. В Среднеколымске Иннокентий Павлович был в начале февраля. Там он встретился с Кожевниковым. Дальнейший путь они проделали вместе и в Петербург прибыли 3 апреля 1910 года. Вебер же возвратился к мысу Дежнева и оттуда пароходом во Владивосток. В Петербург он приехал в августе.

Так, в общем-то благополучно, закончилась трудная экспедиция, главным результатом которой, несомненно, была *впервые* проведенная

топографическая съемка всего побережья от устья Колымы до мыса Дежнева, основанная на 24 астрономических пунктах. Эта съемка легла в основу всех географических и морских навигационных карт. К этому можно добавить съемку Вебера, произведенную им от мыса Дежнева до мыса Чаплина весной 1910 года. Вместе со съемкой определялось

Отчетная карта экспедиции И. П. Толмачева.

магнитное склонение, а также производились метеорологические наблюдения и частично гидрологические. Этнографические наблюдения не входили в программу экспедиции, но им также было уделено достаточно внимания. Собраны были и другие коллекции. Толмачеву удалось, несмотря на неблагоприятные обстоятельства, связанные с плохой орга-

низацией экспедиции, составить общее представление о геологическом строении местности, дать характеристику Чукотки, как страны горной, «отличающейся большим однообразием как физико-географических особенностей, так и геологического строения, а равно жизни и населения»¹.

После этой экспедиции И. П. Толмачев сразу же был командирован на X Международный геологический конгресс в Стокгольме, а в 1911 году принимал участие в экскурсии по Южной Финляндии, устроенной Геологическим комитетом Финляндии. В 1912 году он работал в Черноморской губернии, весной 1913 года был командирован на Международный географический конгресс в Риме, а летом того же года по поручению Академии наук принимал участие в работах Канадского международного геологического конгресса. В 1914 году занимался геологическими исследованиями в Семиреченской области, выполняя поручение министерства земледелия и землеустройства².

Экспедиция Толмачева по Чукотскому побережью была частью общего плана исследовательских работ на востоке Арктики, связанного с неоднократными рейсами «Таймыра» и «Вайгача» в этот район. В течение всего длительного времени работы Гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана Иннокентий Павлович обрабатывал геологические материалы. В 1912 году он выступил со статьей «Заметка о геологии острова Врангеля и острова Геральда»³, написанной на основании материалов геолога экспедиции И. П. Кириченко. Он находился на «Вайгаче», который в сентябре 1911 года подходил к острову Врангеля. На основании анализа материалов Кириченко Толмачев сделал выводы о геологическом строении острова, о его образовании и высказал предположение об определенном влиянии острова, связанного с материком единой континентальной платформой, на ледовые условия.

В 1914 году И. П. Толмачев вместе с О. О. Баклундом в «Заметке о горных породах, собранных в 1913 г. Гидрографической экспедицией Северного Ледовитого океана»⁴, привел описание открытых экспедицией островов Вилькицкого, Преображения, Алексея и берега Северной Земли, а также ряда мысов по побережью Северного Ледовитого океана. С 1914 по 1918 год И. П. Толмачев был первым ученым секретарем Полярной комиссии Академии наук. В 1919 году он работал в районе Югорского Шара, потом оказался на Дальнем Востоке, где участвовал в создании дальневосточного филиала Геологического комитета.

И. П. Толмачев умер в США 17 января 1950 года.

¹ И. П. Толмачев. По Чукотскому побережью Ледовитого океана. СПб, 1911, стр. 88.

² ЛОААН, разряд VI, оп. 5, № 31, л. 40.

³ Известия Императорской Академии наук, 1912, VI серия, № 2, стр. 207—218.

⁴ Там же, 1914, VI серия, № 10, стр. 727—736.

ПОД ФЛАГОМ АДМИРАЛА

Мя выдающегося ученого и флотоводца Степана Осиповича Макарова широко известно народам нашей страны. Как и многие самородки, С. О. Макаров вышел из народа, неутомимым трудом и энергией пробил себе дорогу в жизни. Он всегда боролся с косностью и рутинерством в области военно-морского дела, которые были присущи царизму, отстаивал передовые идеи военно-морского искусства, развивал лучшие традиции русского флота. Макарову принадлежит неоспоримый приоритет в разработке многих, весьма важных вопросов в кораблестроении, океанографии, морской тактике, артиллерии и других областях военно-морского дела. Свыше 50 крупных работ написано ученым по различным военно-морским вопросам.

Отличительная черта деятельности Макарова, всего его многогранного творчества — беззаветная преданность Родине. Целью всей его жизни было служение народу, желание принести как можно больше пользы Отчизне.

Степан Осипович Макаров родился 27 декабря 1848 года в городе Николаеве, в семье прапорщика морской исправительной роты. Учился Степан Макаров в Николаевске-на-Амуре, куда переехала вся семья. Здесь только что было открыто Мореходное училище, инспектором которого был один из сподвижников Г. И. Невельского Александр Иванович Петров. Он же стал одним из первых учителей будущего прославленного флотоводца.

До получения первого офицерского чина мичмана Макаров прошел длительную морскую практику, плавая на кораблях Сибирской флотилии в водах Тихого океана, в том числе и у берегов Северной Америки под флагом контр-адмирала А. А. Попова. Уже в это время он пишет первую научную работу по определению девиации компаса в море, опубликованную в «Морском сборнике».

24 мая 1869 года С. О. Макаров производится в первый офицерский чин — мичмана. Мичман Макаров начал свою офицерскую службу на броненосной лодке «Русалка». Служба на лодке была связана с началом работ С. О. Макарова по обеспечению непотопляемости корабля. Пластырь Макарова, схемы водоотливной системы, водомерных трубок, клапанов вскоре завоевали всеобщее признание и были приняты на кораблях как у нас, так и за границей. В последующие годы Макаров провел многочисленные исследования и испытания на кораблях, прочитал множество докладов, лекций, опубликовал несколько статей в «Морском сборнике» по вопросам живучести и непотопляемости судов. Своими работами С. О. Макаров дал начало новой отрасли военно-морского дела — науке о живучести и непотопляемости судов, которая затем блестяще была продолжена и развита академиком А. Н. Крыловым.

С. О. Макаров.

В октябре 1876 года С. О. Макаров получил назначение на Черноморский флот. Здесь в период русско-турецкой войны 1877—1878 годов Макаров командовал пароходом «Константин». Он предложил использовать мины, как наступательное оружие. Много поработал Макаров и для улучшения мин. Преодолев упорное сопротивление чиновников морского министерства, Макаров доказал эффективность мины как наступательного оружия. За время войны Макаров совершил много походов в неприятельские воды, сжег и потопил несколько турецких кораблей.

Новые приемы ведения морского боя, предложенные Макаровым, получили всеобщее признание. Его минные катера явились прообразом современных торпедных катеров и миноносцев. Мина стала использоваться как грозное наступательное оружие.

В период службы на Черноморском флоте, командуя в 1881—1882 годах военным судном «Тамань», С. О. Макаров провел интересные наблюдения за течениями в проливе Босфор, в результате которых установил наличие глубинных и поверхностных течений и тем самым выяснил закономерности обмена вод Черного и Мраморного (а также

Средиземного) морей. Его работа¹ была в 1887 году удостоена премии Академии наук.

В последующие годы, находясь на различных должностях, Макаров ни на минуту не оставлял своей научной деятельности. Он занимается изучением возможности судоходства по Аральскому морю, вопросами разработки проекта переустройства Кронштадтского порта, предлагает метод ускоренного подъема паров на кораблях шхерного отряда, принимает участие в работе комиссии Главного морского штаба по выработке положения о минных классах, минном отряде и минной команде.

17 сентября 1885 года капитан 1-го ранга Макаров был назначен командиром корвета «Витязь», отправлявшегося в кругосветное плавание. С. О. Макаров сумел так организовать свою деятельность и службу подчиненных ему офицеров, что наряду с выполнением основных, боевых задач была проведена громадная научная работа в течение 1886—1889 годов. Огромное количество наблюдений, определений и сделанных на этом основании выводов было обобщено С. О. Макаровым в труде «Витязь» и Тихий океан», изданном в 1894 году.

Корвет вышел из Кронштадта 12 сентября 1886 года и 26 апреля 1887 года прибыл в Иокогаму через Магелланов пролив. С 26 апреля по 23 декабря 1888 года корвет был в составе Тихоокеанской эскадры и за это время избороздил Японское и Охотское моря, посетил Филиппинские острова. 23 декабря «Витязь» вышел в обратный путь через Суэцкий канал и возвратился в Кронштадт 1 июня 1889 года.

Пройденные корветом моря и океаны были сравнительно мало изучены в гидрологическом отношении. Гидрологические наблюдения, проводимые С. О. Макаровым, состояли в наблюдениях над температурой и удельным весом морской воды на поверхности и на глубинах, в определении скоростей течения в океане на поверхности, а в реках на поверхности и глубинах, в измерении глубин и сборе образцов грунта и воды.

Гидрологические наблюдения начались сразу же, в Балтийском море, у острова Сескар и продолжались все время до Лиссабона; далее в океане, кроме перечисленных наблюдений, делались еще и наблюдения за прозрачностью воды. Отметив большую разность дневной и ночной температур воды у Рио-де-Жанейро, Макаров высказал предположение, что это может быть объяснено близостью берега, влиянием береговых бризов и приливо-отливными течениями. В Магеллановом проливе Макаров изучал скорости течений.

В Тихом океане, в полосе экваториального течения, Макаров на основании наблюдений сделал вывод, что «глубина экваториального течения немногим превосходит 200 метров, а в полосе экваториального

¹ С. О. Макаров. Об обмене вод Черного и Средиземного морей. Записки Императорской академии наук, том LI, СПб, 1885, приложение № 6.

противотечения она меньше 200 метров и даже на 100 метрах скорость воды отличается от таковой же на поверхности»¹.

Офицеры корвета тщательно изучали течение Куро-Сиво, но южную его границу по температурам определить не могли. Летом они произвели промер залива Петра Великого. И здесь Макаров сделал вывод, что действие морского волнения тут не достигает больших глубин, до ста метров. Этот вывод обосновывался наблюдениями за образованием наносного грунта в заливе.

Макаров определил, что в проливе Лаперуза граница между теплым течением, идущим под японским берегом на восток, и холодным, идущим из Охотского моря на запад под Сахалином, «идет не вертикально, а под большим наклоном. Легкая, но холодная вода Охотского моря, клином распространяется над более теплою, но тяжелою водой в западной части Японского моря, которая со своей стороны, низами проходит далеко на северо-восток под верхней водой»².

В Корейском проливе наблюдения подтвердили, что «восточной частью Корейского пролива теплая ветвь Куро-Сиво направляется в Японское море, а по западной стороне в некоторых случаях следует на юг вода, омывающая Корейские берега»³.

В Беринговом море Макаров установил, что «теплая вода большего удельного веса находится ближе к поверхности у Командорских островов, чем у Камчатского берега». Подобные же явления наблюдаются и в Охотском море, где «внизу находится теплая вода большей солености и в западной части моря она отдалена от поверхности на большую глубину, чем в восточной; другими словами, менее соленая, но холодная вода, направляясь с севера на юг, прижимается к берегу в западной части моря и собою стесняет теплую и более соленую воду на большие глубины»⁴. В середине Татарского пролива вода холоднее, чем у берегов. Подтвердились предположения Л. И. Шренка о холодной струе течения из Гижигинского залива. Между Аянном и Сахалином также встречена холодная вода. На основе наблюдений Макаров сделал вывод, что большая часть воды реки Амура направляется на северо-восток, то есть к мысу Елизаветы.

Многое было сделано Макаровым в отношении гидрологического изучения и других морей и океанов. Например, он подтвердил высказывание А. И. Воейкова о том, что вода на 200 метрах и более в западной части Индийского океана гораздо более теплая и соленая, нежели в восточной. Макаров с полным основанием утверждает и показывает это на примерах Босфора, пролива Лаперуза, Гибралтара, Магелланова пролива и Большого и Малого Бельта, что режим проливов имеет перво-

¹ С. О. Макаров в «Витязь» и Тихий океан. СПб, 1894, стр. 115.

² Там же, стр. 163.

³ Там же, стр. 172.

⁴ Там же, стр. 176—177.

степенное значение при изучении Мирового океана. Макаров — основоположник учения о проливах.

Изучение режима проливов С. О. Макаров продолжил в 1895—1896 годах в проливе Лаперуза, где тщательно изучал удельные веса, течения, глубины, рельеф дна. Он сравнил уровни Японского моря и залива Анива и нашел, что поверхность воды в заливе Анива выше на 17 миллиметров. Он же нашел промежуточный слой холодной воды, определил вертикальный обмен вод, установил, что зимой вода, входящая проливом Лаперуза из Японского моря, питает половину Охотского моря и другое.

С. О. Макаров не боялся делать обобщения даже при небольшом количестве наблюдений. «Я считаю, что обобщение **никогда не преждевременно** — оно может быть основано на большом числе наблюдений или на малом, иметь более прочный фундамент или менее прочный фундамент, но оно всегда полезно для обзора и проверки уже сделанного и для того, чтобы правильнее наметить ход дальнейших наблюдений. Откладывая обобщения, мы рискуем потерять напрасно многие годы»¹.

Исчерпывающую оценку деятельности С. О. Макарова в изучении морей и океанов дал академик М. А. Рыкачев: «Богатый и надежный материал, доставленный корветом, вместе с наблюдениями всех других русских судов и с данными иностранных ученых экспедиций, был подвергнут обработке, результатом которой явились гидрологические карты северного Тихого океана и морей восточного берега Азии; особенно подробно обследованы и объяснены гидрологические явления в Лаперузовом проливе; обстоятельно изучены и другие проливы. Сделаны любопытные обобщения относительно обмена вод двух морей разных температур и удельных весов, соединенных проливами. Открыты в Балтийском, Охотском и Беринговом морях холодные слои воды между двумя теплыми. Дано много полезных указаний для мореплавателей»².

Научная общественность высоко оценила деятельность С. О. Макарова. Академия наук за труд «Витязь» и Тихий океан» присудила ему полную премию митрополита Макария, а Географическое общество наградило Макарова золотой Константиновской медалью.

Многое сделал Макаров и в области артиллерии. Он занимался решением таких вопросов, как усовершенствование башенных установок на боевых кораблях, переход на бездымный порох и т. д. Но особенно большое значение имел изобретенный Макаровым броневой колпачок, получивший название макаровского. Он намного увеличил пробивную силу снарядов и составляет принадлежность броневой снаряды и теперь.

¹ С. О. Макаров. «Витязь» и Тихий океан. СПб, 1894, стр. VI.

² М. А. Рыкачев. Разбор сочинения С. О. Макарова: «Витязь» и Тихий океан». СПб, 1894, стр. 36—37.

Много работал Макаров по вопросам ведения морского боя, разработки морской техники. Труд его «Рассуждения по вопросам морской тактики» обобщал опыт не только русских, но и иностранных флотов.

Макаров разработал идею создания мощного ледокола, на котором можно было бы преодолевать тяжелые льды Северного Ледовитого океана. По его проекту был построен и в октябре 1898 года спущен на воду ледокол «Ермак». На нем Макаров совершил в 1899 году плавание в центральные районы Арктики, в район Шпицбергена. Возвратившись, С. О. Макаров заявлял, что нельзя дать удовлетворительного ответа на основании опыта похода «Ермака» на вопрос, можно ли пройти на ледоколе в желаемую часть Ледовитого океана. Важными были результаты наблюдений, которые велись во время похода. Сюда входили наблюдения за состоянием льдов, метеорологические наблюдения, астрономические и навигационные определения. Все это получило свое отражение в книге С. О. Макарова «Ермак во льдах», вышедшей в 1901 году.

В конце XIX и начале XX века обострилось положение на Дальнем Востоке. Японские империалисты с помощью и при поддержке правящих кругов США и Англии начали готовить войну против России с целью захватить Сахалин и другие русские дальневосточные земли. В ночь с 8 на 9 февраля японские корабли ворвались на рейд, в Порт-Артур, и подорвали три русских корабля. Началась русско-японская война. Для русского флота на Дальнем Востоке сложилось тяжелое положение.

Вскоре Макаров был назначен командующим флотом на Тихом океане. Прибыв в Порт-Артур, он сразу же развернул бурную деятельность: посетил все корабли, беседовал с матросами и офицерами, работниками порта, вселяя в них бодрость и уверенность в победе. Он заставлял корабли выходить в море, делать вылазки, отбивать атаки японцев.

Но плодотворная деятельность Степана Осиповича Макарова неожиданно оборвалась. 31 марта 1904 года броненосец «Петропавловск», на котором держал флаг вице-адмирал Макаров, подорвался на mine, возвращаясь из боевой операции. Вместе с большей частью экипажа погиб и С. О. Макаров. Вместе с ним погиб замечательный русский художник В. В. Верещагин.

Вице-адмирал Макаров любил море. Его девизом было: «В море — значит дома». Из 55 лет своей жизни 19 он находился в плавании. «Помни войну», — учил Макаров. Он не только призывал моряков учиться тому, что нужно на войне, но и неустанно трудился над совершенствованием боевой мощи флота. Пламенный пропагандист науки всеми своими помыслами был связан с Дальним Востоком.

Советский народ бережно хранит память о выдающемся флотоводце и ученом С. О. Макарове. Имя его увековечено на карте нашей Родины, его носят военные корабли и морские суда, его деятельности посвящено много книг.

СЛЕДОПЫТ, ПИСАТЕЛЬ, УЧЕНЫЙ

Талантливый писатель, неутомимый путешественник, друг местных жителей, следопыт и ученый Владимир Клавдиевич Арсеньев всю свою жизнь посвятил исследованию Дальнего Востока. Он родился 29 августа 1872 года в Петербурге в семье железнодорожного служащего. С детских лет он полюбил природу, зачитывался романами Жюль Верна, а когда побывал в Кунсткамере, то восхищению его не было предела. Каждое новое описание путешествий Н. М. Пржевальского юноша Арсеньев встречал с восторгом: он с детства очень любил географию. Арсеньев часто бывал в гостях у дяди по матери Иоиля Егоровича Кашлачева в Тосно. На всю жизнь запомнил он юношеские путешествия, часто в обществе дяди и брата Александра, привалы в живописных местах, ночевки у костров.

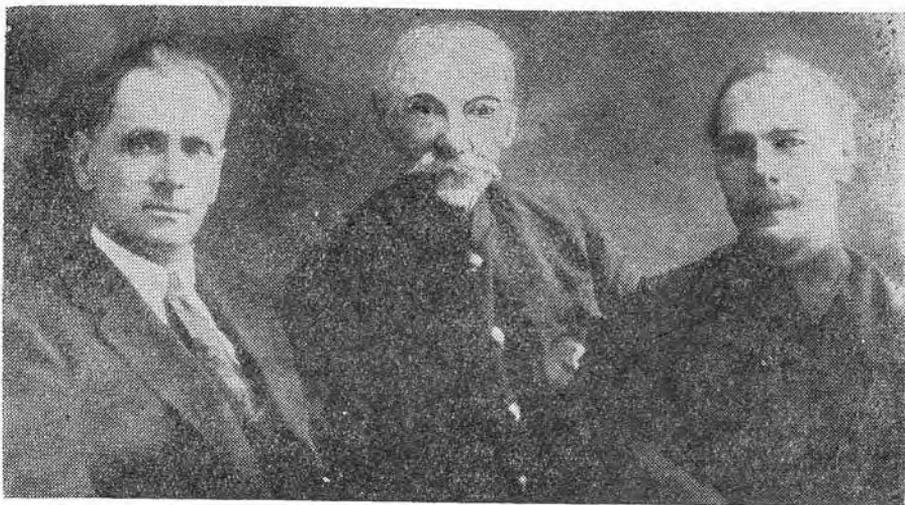
А всего в семье было девять детей: четыре сына и пять дочерей. Александр стал инженером-землемером, Анатолий — морским офицером, а затем капитаном дальнего плавания. Владимир Арсеньев учился в реальном училище, а летом путешествовал по Волхову, Ладоге и другим местам. Из реального училища из-за неприятностей со священником Владимир Арсеньев был исключен и в 1891 году сдал экзамены экстерном за курс училища. В 1892 году он поступил в Петербургское юнкерское пехотное училище. Там его по-прежнему отличала страсть к природе, любовь к географическим наукам, которую еще больше подогревал своими блестящими лекциями М. Е. Грумм-Гржимайло, брат известного путешественника Г. Е. Грумм-Гржимайло.

После окончания училища молодой офицер Арсеньев оказался в Варшаве в местечке Ломжа в составе 15-го саперного батальона. Здесь благодаря одному ссыльному поляку ксендзу Игнацию, побывавшему на Сахалине, Арсеньев много слышал о море, дремучих лесах, каторжном острове, читал книги о Дальнем Востоке. И в конце концов стал добиваться перевода в Сибирь. Старания его увенчались успехом. В 1899 году он уже на Дальнем Востоке в составе 8-го Восточно-Сибирского линейного батальона. Позднее Арсеньев писал: «С юных лет я заинтересовался Уссурийским краем и тогда уже перечитал всю имеющуюся об этой стране литературу. Когда мечта моя сбылась и я выехал на Дальний Восток, сердце мое от радости замирало в груди»¹.

Через некоторое время Арсеньев стал начальником охотничьей команды. Он все время проводил в тайге. «В 1900—1901 гг. я производил ряд разведок в Южно-Уссурийском крае около Шкотова и Посыета. Эти поездки предпринимались по собственной инициативе на личные средства, часто в одиночку или с одним или двумя стрелками»².

¹ В. К. Арсеньев. Сочинения. Том 1, Хабаровск, 1948, стр. 548.

² В. К. Арсеньев. Жизнь и приключения в тайге. М., 1957, стр. 234.

В. К. Арсеньев с братьями Анатолием (в центре) и Александром (справа). Фото предоставлено биографом В. К. Арсеньева Г. Г. Пермяковым.

Приходилось ему часто охотиться на зверей и животных. Арсеньев все больше узнавал тайгу и все больше влюблялся в Уссурийский край. Он многому учился у местных ученых-краеведов, познакомился с лесничим, ботаником и краеведом Н. А. Пальчевским, с известными путешественниками Н. В. Слюниным, Л. Я. Штернбергом, В. П. Маргаритовым.

Постепенно скитания по стране стали приобретать определенную целенаправленность. В 1902 году В. К. Арсеньев совершил первое путешествие от Владивостока до озера Ханка, к истокам реки Лефу, затем к Дмитровке и Черниговке. Осенью этого же 1902 года в горах Даляньшаня произошла встреча Арсеньева с Дерсу Узала, гольдом, который стал не просто проводником, но и другом путешественника. Уже тогда Арсеньев внимательно изучал все окружающее, заносил наблюдения в свои тетради, производил съемку маршрута — все это делал он один.

В 1906 году Арсеньев стал во главе большой экспедиции, снаряженной Приамурским отделом Русского Географического общества в горную область Сихотэ-Алинь.

В 1906 году Арсеньев в сопровождении А. И. Мерзлякова и Грантмана (в числе сопровождавших до Ольги были Н. А. Пальчевский и П. К. Рутковский), перевалив через Сихотэ-Алинь, вышел к заливу Ольга. Арсеньев шел через перевал, где впервые прошел М. И. Венюков. Далее с проводником Дерсу Узала, который поджидал их в Ольге, Арсеньев отправился в Тетюхе, Пластун, перевалил снова через Сихотэ-Алинь и добрался до Имана. Оба эти путешествия описаны Арсеньевым

в книге «По уссурийской тайге». «Сихотэ-Алинь казался грозным и недоступным. Вследствие размывов, а может быть от каких-либо других причин, здесь образовались узкие и глубокие распадки, похожие на каньоны. Казалось, будто горы сами дали трещины и эти трещины разошлись. По дну оврагов бежали ручьи, но их не было видно; внизу во мгле слышно было, как шумели каскады. Ниже бег воды становился покоем, и тогда в рокоте ее можно было уловить игривые нотки. Каким затерявшимся кажется человек среди этих скалистых гор, лишенных растительности»¹.

Первая большая самостоятельная экспедиция Арсеньева продолжалась 190 суток. Участники экспедиции собрали богатейшие образцы животного и растительного мира, горных пород, обнаружили много памятников старины. Были составлены маршрутные карты походов, изучена горная система Сихотэ-Алиня, который переходили девять раз, составлено описание посещенных мест².

1907 год застал Арсеньева снова в пути. По существу он продолжал экспедицию 1906 года. Арсеньева сопровождали братья А. И. и Г. И. Мерзляковы, студент П. П. Бордаков и ботаник Н. А. Десулави. А проводником снова был Дерсу Узала. На этот раз Арсеньев от залива Пластун, куда доставили экспедицию на военном судне, прошел вдоль берега до Нахтахаэ, повернул там обратно и у мыса Олимпиады перевалил снова через Сихотэ-Алинь и вышел к Бикину. Надо сказать, что все экспедиции Арсеньева сопровождалась частыми и большими его отступлениями от первоначально намеченных маршрутов. Обычно эти зигзаги делались по долинам рек, попадающих на пути следования. В эту экспедицию также продолжалось исследование центральной части Сихотэ-Алиня, в частности северной части Приморского края. По материалам, собранным в обе эти экспедиции, Арсеньев написал работу «Краткий военно-географический и военно-статистический очерк Уссурийского края», изданную в 1911 году.

После этих двух путешествий имя Арсеньева стало весьма популярным на Дальнем Востоке и среди путешественников, натуралистов, географов. Арсеньев сразу же по возвращении начал готовить третью экспедицию, во время которой он намеревался посетить северную часть Уссурийского края, от Самарги до озера Кизи на Амуре. Третья экспедиция снова организовывалась Приамурским отделом Русского Географического общества. В составе ее были ботаник Н. А. Десулави, географ С. Ф. Гусев, И. А. Дзюль и казаки И. Крылов и Г. Димов.

Экспедиция продолжалась длительное время. Вышли в путь в конце июня 1908 года, уже без Дерсу Узала, который был убит хунхузами.

¹ В. К. Арсеньев. Сочинения. Примиздат. Владивосток, том. 1, стр. 276.

² Всего Арсеньев 22 раза переходил через Сихотэ-Алинь, дав каждому перевалу название. Список их в кн.: Н. Е. Кабанов. В. К. Арсеньев — путешественник и натуралист. М., 1947, стр. 41.

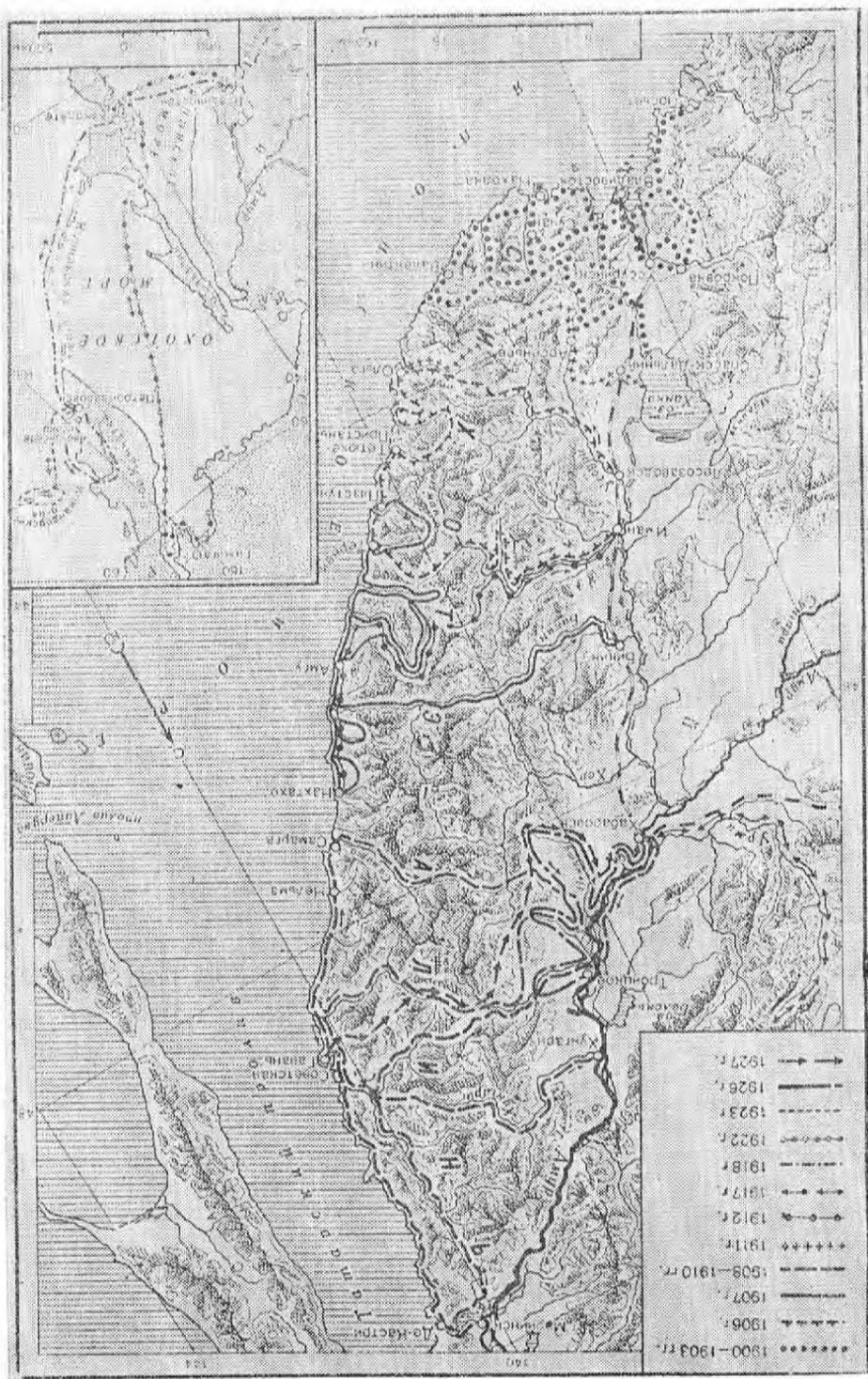
Путешественники шли по маршруту Хабаровск — Амур — Троицкое — приток Амура Аной — Сихотэ-Алинь — Советская Гавань — побережье Татарского пролива до Де-Кастри и затем через Сихотэ-Алинь в долину Хунгари, откуда вышли на Амур к селу Вознесенскому. Путешествие это из-за неполадок с доставкой продовольствия было чрезвычайно трудным. Арсеньев был вынужден убить любимую собаку Альпу, чтобы не дать людям умереть с голоду.

В 1908—1910 годах Арсеньев трижды пересек Сихотэ-Алинь. Конечными пунктами его выходов к морю были Датта, Коппи, Самарга. В Советской Гавани Владимир Клавдиевич подолгу задерживался в бухте Пестовой, где под большим слоем воды еще можно было различить контуры прославленного фрегата «Паллада», воспетого И. А. Гончаровым. На берегу стояло много покосившихся крестов — свидетельство трагедии, разыгравшейся здесь в зиму 1853/54 года, когда начальником поста был доблестный сподвижник Невельского Николай Бошняк. Недалеко виднелись остатки батареи, возведенной защитниками Константиновского поста во главе с Д. С. Кузнецовым во времена Крымской войны.

Каждое такое путешествие сопровождалось съемкой местности, многочисленными и красочными описаниями природы, жителей, их быта. Арсеньев, хорошо знакомый с языками народностей, очень верно передает происхождение многих названий на географической карте Приморья и Уссурийского края. Так, мы узнаем перевод слова Сихотэ-Алинь в весьма любопытном толковании, указывающем на правильное представление местными жителями орографии своей страны: «Реки, впадающие в Японское море, в сравнении с реками, составляющими систему реки Усури, невелики. Отсюда и название хребта Сихотэ-Алинь, что значит в буквальном переводе на русский язык «западных больших рек хребет». И действительно, к западу от него текут такие реки, как Ли-Фудзин, Ното, Иман, Бикин, Хор и другие»¹.

В сочинениях Арсеньева много сведений по геологии, истории исследований, фауне и флоре Уссурийского края и Приморья. Арсеньев уделял большое внимание исследованию страны и неоднократно представлял начальству рапорты о необходимости изучения реки Усури. Зимой 1910/11 года Владимир Клавдиевич побывал в Петербурге и в Москве, где сделал ряд докладов о своих путешествиях в Географическом обществе и в Обществе любителей естествознания, антропологии и этнографии. Он познакомился и в дальнейшем вел переписку с П. П. Семеновым-Тянь-Шанским, исследователем Центральной Азии П. К. Козловым, Ю. М. Шокальским, С. Ф. Ольденбургом, Д. Н. Анучиным, В. В. Богдановым. Он был награжден этими обществами большой и малой золотыми медалями.

¹ В. К. Арсеньев. Сочинения. Примиздат, Владивосток, том V, стр. 13.

В 1910 году В. К. Арсеньев избирается директором Хабаровского краевого музея. А в 1911 году ему удалось освободиться от военной службы. Он был прикомандирован к Переселенческому управлению Министерства земледелия. Теперь Владимир Клавдиевич весь отдался науке и разрабатывал самые различные проблемы географии, этнографии, метеорологии. В 1912 году Арсеньев совершил еще одну экспедицию с целью обследовать памятники старины в Уссурийском крае: курганы, развалины древних поселений, старинные пути сообщения и прочее. В 1913 году он обрабатывал материалы экспедиции. Результатом этой экспедиции стала работа «Материалы по изучению древней истории Уссурийского края».

В том же году в Хабаровске был известный полярный путешественник Фритъоф Нансен. Он познакомился с Арсеньевым и совершил вместе с ним несколько кратковременных поездок по Амуру и Уссурийскому краю. Впоследствии Нансен тепло отзывался об Арсеньеве и вел с ним дружескую переписку.

Вскоре Арсеньев снова ставит вопрос об изучении реки Уссури. В рапорте начальству от 12 февраля 1914 года он пишет: «Обследование реки Уссури, как границы, во всех отношениях представляется весьма интересным. Не малый интерес доставляет обследование северной части озера Ханка, о которой у нас ни в административных, ни в русской литературе сведений совершенно не имеется»¹.

В этом же письме Арсеньев просит начальство отпустить его еще раз в экспедицию. И, видимо, если бы не мировая война, то экспедиция Арсеньева была бы осуществлена.

«С 1900 года я продолжаю работу, начатую покойным Ф. Ф. Буссе. Работа эта состоит: 1) В описании памятников старины, оставленных в нашей стране древнейшими манчжурскими племенами, 2) В нанесении на карту их местоположений и 3) Съёмка их в 50 саж. масштабе с окружающей местностью. К сегодняшнему дню я имею описанных 128 старинных укреплений и городищ. Материал этот я думаю издать в виде особого атласа в трудах вновь образовавшегося Историко-археологического отделения при Приамурском Отделе Императорского Русского Географического общества.

С 1906 года я работаю по этнографии над орочами удае, живущими по Иману, Бикину, Хору, Аною, Хунгари и на побережье моря. За семь лет мне удалось собрать значительный материал, касающийся этого вымирающего народа, и составить словари общий и шаманский; но в моих работах есть много таких пробелов, которые видны только мне самому, есть вещи для меня еще не понятные, есть вещи, которые я недостаточно себе еще выяснил, есть недомолвки, есть пропуски и т. д.

¹ ЦГА РСФСР ДВ, ф. 702, оп. 1, д. 715, л. 73.

Для того, чтобы закончить эту работу, мне надо бы съездить еще один раз к орочам. Я хотел бы отправиться на р. Хор, подняться до ее истоков, перевалить горный хребет (узел хр. Сихотэ-Алина) и спуститься по р. Анюю. Тут как раз живут орочи, которых мало еще коснулось влияние русских и китайцев»¹. Но не только условиями военного времени можно объяснить то, что данная экспедиция не осуществилась. Главным препятствием была позиция приамурского генерал-губернатора Н. Л. Гондатти, мешавшего Арсеньеву в его исследованиях. Дело затем дошло до полного разрыва отношений между ними, и Арсеньев фактически оставил службу при генерал-губернаторе, оказавшись без средств к существованию. Об этом подробно говорится в опубликованных письмах Арсеньева к Л. Я. Штернбергу, А. А. Емельянову и Д. Н. Анетину².

Сразу после революции Арсеньев предпринял путешествие на Камчатку, в 1921 году побывал в Гижиге. В 1925 году Арсеньев присутствовал на 200-летнем юбилее Академии наук в Ленинграде. А в 1926—1927 годах, уже пожилым человеком, совершил исключительно трудный переход с котомкой за плечами по маршруту Хабаровск—Советская Гавань. В годы Советской власти книги Арсеньева стали всенародным достоянием. М. Горький дал им такую прекрасную оценку: «Уважаемый Владимир Клавдиевич! Книгу Вашу читал с великим наслаждением. Не говоря о ее научной ценности, конечно несомненной и крупной, я увлечен и очарован ее изобразительной силой. Вам удалось объединить в себе Брэма и Фенимора Купера—это, поверьте, неплохая похвала. Гольд написан Вами отлично, для меня он более живая фигура, чем «Следопыт», более «художественная». Искренне поздравляю Вас»³.

Сочинения Арсеньева открыли много нового в природе Уссурийского края. Его трудами была до мельчайших подробностей изучена гидрографическая сеть Сихотэ-Алиня, нарисована картина орографии Приморья и Уссурийского края, дана блестящая характеристика населения этих районов. Наконец, многочисленные читатели всего мира познакомились с замечательным следопытом Дерсу Узала. Книги Арсеньева с огромным удовольствием читают миллионы советских и зарубежных читателей⁴.

В. К. Арсеньев принимал самое горячее участие в общественной жизни молодой Советской республики. Как показывают последние до-

¹ ЦГА РСФСР ДВ, ф. 702, оп. 1, д. 715, л. 73 об.

² В. К. Арсеньев. Жизнь и приключения в тайге. М., 1957, стр. 222—228. В. К. Арсеньев. Сочинения. Том VI, Владивосток, 1949, стр. 249—250, Письма В. К. Арсеньева к Д. Н. Анетину. «Сибирские огни», 1963, № 3, стр. 186.

³ В. К. Арсеньев. Сочинения. Хабаровск, том I, 1948, стр. 5.

⁴ Книги В. К. Арсеньева переиздавались много раз большими тиражами. В 1947—1949 годах Приморское книжное издательство (Владивосток) объединило эти книги и издало сочинения Арсеньева.

кументы¹, он знал Сергея Лазо и Константина Суханова, был знаком с юным Фадеевым. Он вел занятия в Народном университете во Владивостоке, читал лекции рабочим Первой Речки о родном крае. Он был председателем Бюро по подготовке Первой конференции по изучению производительных сил Дальнего Востока, состоявшейся в 1925 году. В Москве, в ВСНХ Арсеньев работал над вопросами, связанными с использованием рыбных богатств Камчатки. Он был одним из организаторов Акционерного Камчатского общества, много лет руководил морским зверобойным промыслом на Дальнем Востоке.

Особое место в жизни и деятельности Арсеньева занимали местные жители. «В своих путешествиях он близко и непосредственно сталкивался с жизнью орочей, удэгейцев, гольдов, гиляков, тунгусов, а позднее и народов Камчатки. Вдумчиво и внимательно приглядывался он к жизни малых народов, старался понять причины тех или иных явлений, терпеливо выяснял сложные отношения между родами, изучал язык, с уважением относился к народным обычаям. Все высказывания Арсеньева о малых народах края проникнуты искренним и горячим сочувствием»².

Весьма примечателен вывод Арсеньева по вопросу о китайском населении Уссурийского края, Приморья.

«Вопреки весьма распространенному, но ни на чем не основанному мнению, что китайцы будто бы владели Уссурийским краем с незапамятных времен,— писал он,— совершенно ясно можно доказать противное: китайцы в Уссурийском крае появились весьма недавно. Это важное обстоятельство всегда надо иметь в виду, когда приходится говорить о прошлом и будущем нашей далекой окраины»³.

Перед самой кончиной Арсеньев возглавил комплексную экспедицию по изучению Дальневосточного края. Безвременная смерть помешала осуществлению всех его замыслов. Он скончался 4 сентября 1930 года во Владивостоке, где и похоронен. Его именем названа бывшая Производственная улица, на которой он жил во Владивостоке, а на доме № 7 установлена мемориальная доска. Арсеньев был женат дважды: от первого брака у него был сын Владимир, а от второго — дочь Наталья.

Будущее, о котором мечтал замечательный путешественник, стало настоящим советского Дальнего Востока. И советские люди никогда не забудут чудесного певца дальневосточной тайги и ее обитателей, талантливого ученого и выдающегося путешественника Владимира Клавдиевича Арсеньева.

¹ Г. Г. Пермяков. Тропой жень-шеня. Хабаровское книжное издательство, 1965, стр. 39—40.

² Н. М. Рогаль. Владимир Клавдиевич Арсеньев. В кн.: В. К. Арсеньев. Сочинения, том I, Дальгиз, Хабаровск, 1948, стр. 571.

³ В. К. Арсеньев. Китайцы в Уссурийском крае. Хабаровск, 1914, Предисловие автора.

специализированные исследования велись не только на суше, но и в дальневосточных морях. От общеописательных экспедиций переходили к систематическим гидрографическим работам — описям и промерам в первую очередь. Гидрографические работы вел теперь не попутно какой-либо корабль, а создавались специальные гидрографические экспедиции, которые по плану изучали, описывали дальневосточные моря.

Во второй половине XIX века центром исследовательских работ стал юг Дальнего Востока. Сначала это коснулось гидрографических работ, обслуживающих безопасность мореплавания. Условия плавания в той части Японского моря, которая омывала берега России, надо было знать хорошо.

В заливе Петра Великого в конце 50-х годов гидрографическими работами занималась штурманская часть Сибирской флотилии под руководством Василия Матвеевича Бабкина. Она произвела первые промеры и исследования в Амурском лимане, на побережье Японского моря и в заливе Петра Великого. Но эти исследования лишь частично и временно удовлетворяли нужды мореплавателей. Нужна была постоянно действующая организация, которая могла бы вести также широкие гидрографические исследования. Начало такой организации положила командировка на Дальний Восток К. С. Старицкого в 1865—1870 годах.

В результате длительных рейсов, многочисленных астрономических определений и магнитных съемок Старицкому удалось определить на русском берегу Японского моря несколько основных астрономических пунктов, которые дали возможность значительно исправить существовавшие карты и послужили основой для последующих гидрографических работ. Старицкому удалось связать берега Берингова, Охотского и Японского морей между собой, а также и с главнейшими пунктами Японии, причем он ввел русские хронометрические связи в соединение с подобными же работами иностранцев в Японском, Желтом и Восточно-Китайском морях.

Старицкий произвел также значительные гидрографические работы, описал отдельные районы на Сахалине, произвел промер вокруг острова Моннерон. Старицким были произведены 16 измерений глубин Охотского моря, которые дали первое представление о его рельефе. Подобные измерения производились и в Японском море и дали Старицкому возможность сделать правильные выводы, что «Японское море есть один из весьма глубоких бассейнов» и что часть Тихого океана около Курильских островов «очень глубока»¹. Географическое общество прису-

¹ К. С. Старицкий. Несколько измерений больших глубин Охотского и Японского морей, Тихого и Индийского океанов. Грунты. Водоросли. «Морской сборник», 1873, № 6, стр. 73—113.

дило К. С. Старицкому за гидрографические исследования на Дальнем Востоке медаль им. Ф. П. Литке.

Астрономические и гидрографические работы К. С. Старицкого продолжили Лев Петрович Елагин и Михаил Люцианович Онацевич в 1870—1877 годах. Елагин сумел определить 20 астрономических пунктов. Под его руководством производились гидрографические работы в Уссурийском и Амурском заливах. Производил он и гидрологические наблюдения, главным образом над температурой воды на глубинах.

Гидрографические работы М. Л. Онацевича продолжались в основном в районе Японского моря, но в 1875 и 1876 годах он побывал в Охотском, Беринговом и даже Чукотском морях. Там он занимался астрономическими определениями и много внимания уделял гидрологическим наблюдениям, опубликовав затем «Краткие заметки о течениях Северо-Западного Тихого океана и береговых морей: Охотского, Южно-Японского и Берингова», в которых дал схему течений, весьма близкую к современным представлениям¹.

Начиная с 1880 года на Дальнем Востоке работает специальная гидрографическая экспедиция, называвшаяся сначала «Отдельной съемкой Восточного океана». Первым ее начальником вместо скоропостижно скончавшегося Онацевича был назначен Алексей Семенович Стенин. Под руководством сначала Стенина, с 1889 года — Александра Петровича Андреева и наконец с 1894 года — Эдуарда Владимировича Майделя Отдельная съемка сосредоточила основное свое внимание на заливе Петра Великого, Татарском проливе и Амурском лимане и добилась значительных результатов. Была окончена опись залива Петра Великого. «Эта работа — первая большая основательная гидрографическая работа в наших водах, исполненная научно, правильно и точно»², — характеризовал ее М. Е. Жданко. Была составлена и первая лоция залива Петра Великого.

В январе 1898 года на базе Отдельной съемки организуется Гидрографическая экспедиция Восточного океана под руководством Михаила Ефимовича Жданко. Гидрографические работы развивались успешно. В 1902—1909 годах стало возможным издание первой русской лоции север-западной части Восточного океана, составленной С. Р. де-Ливронном. В первые годы XX столетия в связи с известными событиями на Дальнем Востоке экспедиция была призвана обслуживать военные нужды. В 1908—1910 годах главное внимание было уделено Татарскому проливу и лиману Амура. Начиная с 1911 года Охотское море стало центром гидрографических работ.

¹ М. Л. Онацевич. Заметки во время плавания около берегов Чукотской земли и в Ледовитом океане в 1876 г. «Морской сборник», 1877, № 7, 8.

² М. Е. Жданко. Исследования побережий Берингова и Охотского морей и нужды их по улучшению сообщений. Журнал Министерства путей сообщения, СПб, кн. 6, стр. 163—164.

Б. В. Давыдов.

Весной 1913 года руководство Гидрографической экспедицией Восточного океана принял полковник корпуса гидрографов Борис Владимирович Давыдов, талантливый организатор и выдающийся гидрограф-геодезист. Ему не исполнилось еще и тридцати лет, когда его назначили на такой ответственный пост. Родился он 21 июля 1883 года, воспитание получил в Морском корпусе, который окончил 6 мая 1901 года и был определен мичманом в 8-й флотский экипаж. За успехи в науках Давыдов был при выпуске награжден премией имени адмирала Нахимова. За годы учебы он плывал на крейсере «Князь Пожарский», учебном судне «Верный», крейсере «Верный».

Навигацию 1901 года юный мичман провел вахтенным начальником крейсера «Минин», а осенью Давыдов получил назначение на минный заградитель «Амур», который находился в заграничном плавании и был в Греции, в порту Пирей. 9 октября 1901 года Борис Владимирович в Пирее не застал «Амур» — тот был в плавании. Давыдов две недели провел на броненосце «Император Николай I». 23 октября «Амур» прибыл, и Давыдов вступил в исполнение обязанностей вахтенного начальника, а затем и командира 2-й роты команды заградителя.

А затем «Амур» ушел на Тихий океан, и вся дальнейшая жизнь Бориса Владимировича оказалась связанной с Дальним Востоком, с Тихоокеанским флотом. В 1903 году он был назначен старшим штурманским офицером «Амура», который находился в составе 1-й Тихоокеанской эскадры, и в этой должности встретил войну с Японией.

Ему довелось испытать всю горечь русско-японской войны. Он был свидетелем приезда вице-адмирала С. О. Макарова, с чувством глубокой скорби встретил известие о смерти прославленного адмирала. Минным заградителем «Амур» командовал капитан 2-го ранга Ф. Н. Иванов. Под его руководством и при непосредственном участии Б. В. Давыдова 1 мая 1904 года «Амур» поставил мины, на которых на следующий день подорвались и затонули японские броненосцы «Хатцусе» и «Яшима». Тогда же, в мае, на минах погибли авизо «Мияко», миноносцы № 48 и «Акацуки»¹. За «отличие в делах против неприятеля» Давыдов был произведен в лейтенанты и, кроме того, «пожалован орденом св. Анны 3-й степени с мечами и бантом за храбрость и мужество при постановке минного заграждения на пути маневрирования японского флота»².

А когда Порт-Артур был сдан японцам, лейтенант Давыдов «пошел в плен в Японию, дабы разделить участь нижних чинов», хотя и имел возможность этого не делать. В личном деле его, в графе о походах и делах против неприятеля записано: «Провел всю осаду крепости Порт-Артур, находясь на судах Первой Тихоокеанской эскадры и участвуя в сражениях с японским флотом. Бывал неоднократно назначаем как самостоятельно, так и под командою, для постановки минных заграждений с плотов и портовых катеров в районе военных действий»³. По окончании военных действий он был награжден вторым орденом — «св. Владимира 4-й степени с мечом и бантом за отличие в делах против неприятеля под Порт-Артуром».

В середине февраля 1906 года Борис Владимирович возвратился из плена и был назначен старшим штурманским офицером на учебное судно «Рында» отряда судов Морского кадетского корпуса. В конце того же года он, как участник обороны крепости Порт-Артур, был уволен в шестимесячный отпуск. Этот отпуск им был использован для поступления в Морскую академию на гидрографический отдел в январе 1907 года. 30 сентября 1908 года он окончил ее по первому разряду с отличием и был прикомандирован к Пулковской обсерватории для специализации по астрономии и геодезии. Результатом этих занятий явилось исследование «Определение долгот по азимутам Луны универсальным инструментом», опубликованное в «Записках по гидрографии»

¹ С. Е. Захаров, М. Н. Захаров, В. Н. Багров, М. П. Котухов. Тихоокеанский флот. Воениздат, М., 1966, стр. 49.

² ЦГА ВМФ, ф. 406, оп. 9, д. 1047, л. 1 об.

³ Там же, л. 4.

в 1912 году. По окончании Давыдов был произведен в старшие лейтенанты и назначен командиром гидрографического судна «Таймыр», который вместе с «Вайгачом» должен был проводить гидрографические исследования Северного морского пути, имея конечной целью сквозное плавание с запада на восток. Этим же целям была подчинена и экспедиция И. П. Толмачева.

9 августа 1910 года Б. В. Давыдов прибыл во Владивосток и вступил в командование «Таймыром». Начальником экспедиции был опытный гидрограф Иван Семенович Сергеев. В первые годы решено было изучить участок от мыса Дежнева до устьев рек Колымы и Лены. Три года провел в этой экспедиции Давыдов. В полной мере здесь развернулись его недюжинные способности. 17 августа 1910 года «Таймыр» и «Вайгач» вышли из Владивостока. Вместе с ними шло транспортное судно «Аргунь» с запасами топлива и пресной воды, которые оно должно было передать ледокольным пароходам в бухте Провидения. По пути заходили в Петропавловск и в бухту Провидения, где распрощались с «Аргунию». Уже в 30 милях западнее мыса Дежнева в Чукотском море встретились тяжелые льды. Сильные снежные метели мешали вести опись. Офицер «Таймыра» лейтенант Г. Л. Брусилов сумел построить недалеко от Уэлена навигационный знак. Попробовали начать съемку, но безуспешно. Температура воздуха резко понижалась, лед становился все более плотным. Пришлось возвращаться во Владивосток с очень скромными результатами. Давыдов выехал в Петербург для окончания курса при Пулковской обсерватории, а весной 1911 года (14 февраля) он был назначен помощником начальника Гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана с одновременным исполнением должности командира «Таймыра».

22 июля 1911 года пароходы вновь вышли в море. Пополнив в бухте Провидения запасы топлива и пресной воды, они прошли 13 августа Берингов пролив и благополучно продвигались на запад вплоть до устья Колымы, куда пришли 23 августа. Все это время вели описные работы, собирали материалы по лоции, проводили драгирование. «Вайгач» от высокого мыса Шелагского сделал гидрологический разрез к северу. На обратном пути суда расстались у мыса Биллингса. Отсюда «Вайгач» направился к острову Врангеля для подробного его описания, а «Таймыр» продолжал свой путь к мысу Дежнева. Морякам «Вайгача» удалось подойти к острову Врангеля, высадиться на него, определить на нем астрономический пункт недалеко от мыса Блоссом, описать весь остров и впервые обойти его с севера. В Чукотском море были проделаны гидрологические разрезы от острова до материка и затем до мыса Хоп на американском берегу. На обратном пути «Таймыр» попал в жестокий шторм в районе Карагинского острова. Во Владивосток пароходы вернулись 15 октября, произведя 2900 измерений глубин, определив одиннадцать астрономических пунктов, сделав ряд магнитных наблю-

дений и собрав большую коллекцию морских и береговых животных¹.

Зимой Давыдов снова уезжал в Петербург, где получил за отличное исполнение обязанностей третий орден — св. Станислава 2-й степени. В 1912 году пароходы должны были дойти до устья реки Лены, поэтому из Владивостока вышли рано — 31 мая. Но и в Ледовитый океан идти было еще рано, поэтому «Вайгач» занялся описью Командорских островов, а Давыдов на «Таймыре» описывал некоторые участки Камчатки. Соединившись 2 июля в бухте Провидения и пополнив, как всегда, запасы, суда направились на запад. Тщательно были описаны Медвежий острова, четыре из которых до сего времени не имевшие названия, получили имена первых своих исследователей — Лысова, Леонтьева, Пушкирева и Андреева. Из-за мелководья не удалось описать берег, лежащий против этих островов, и тогда пошли к Ново-Сибирским островам, которые также тщательно описали, определили несколько астрономических пунктов и в середине августа ледоколы прибыли в пустынную бухту Тикси. У берега на мели лежала только покинутая яхта «Заря» — судно экспедиции Э. В. Толля.

Программа работ была выполнена, но в Тикси выяснилось, что ледовая обстановка благоприятствует дальнейшему плаванию. И начальник экспедиции и Давыдов решили плыть на запад. 15 августа «Таймыр» и «Вайгач» направились к полуострову Таймыр, но уже на другой день встретили тяжелые льды. «На мысе Челюскина, — пишет в своих воспоминаниях Н. Арбенин, — мы решили выпить по бокалу шампанского, так как достижение этого пункта является нашим самым страстным желанием, ибо им определяется 70% удачи сквозного прохода в Петербург в одну кампанию, чего никто в мире еще не сделал»². Не удалось этого сделать и морякам «Таймыра» и «Вайгача», хотя они были и очень близки к цели.

Суда достигли 75° северной широты и находились в 150 милях от мыса Челюскина. Девять суток они упорно боролись со льдом, морозами, но вынуждены были отступить. И. С. Сергеев распорядился возвращаться во Владивосток. На обратном пути им приходилось пробиваться через льды и, возможно, не уйдя они своевременно от Таймыра, им пришлось бы зимовать во льдах Арктики. 10 сентября корабли прошли Берингов пролив и возвратились во Владивосток 10 октября.

За время плавания в течение 1912 года «Таймыр» прошел 10 925 миль, «Вайгач» — 11 121 миль. На одном лишь «Таймыре» взяли 6 050 глупин, произвели опись побережья на протяжении 200 миль, определили 12 астрономических пунктов. Метеорологические наблюдения производились на ходу четыре раза, а на якоре — три раза в сутки; каждый час измерялась температура воды, а через каждые четыре часа — ее

¹ Л. М. Старокадомский. Экспедиция на «Таймыре» и «Вайгаче». В кн.: Русские мореплаватели, Воениздат, М., 1953, стр. 354.

² В. Ю. Визе. Моря Советской Арктики. М.—Л., 1948, стр. 198.

удельный вес. Траление и драгирование, произведенные на «Таймыре» в 36, а на «Вайгаче» — в 50 пунктах, и сбор различных животных на берегу дали возможность составить богатую и редкую коллекцию, которая была отправлена в Зоологический музей Академии наук¹. В результате работы экспедиции в 1912 году морской путь от Берингова пролива до устья реки Лены был описан и положен на карту.

В этой экспедиции Б. В. Давыдов кроме основной обязанности командира ледокола и помощника начальника экспедиции выполнял еще и обязанности астронома. На его астрономических пунктах, долготы которых определялись перевозкой восьми хронометров, были затем построены карты от мыса Дежнева до устья Колымы². Он принимал также самое активное участие в гидрографических работах, собирал материалы по лодии, производил геофизические наблюдения.

Когда зимой Б. В. Давыдов прибыл в Петербург, то он узнал о выходе в свет его работы «Материалы для изучения Северного Ледовитого океана от мыса Дежнева до реки Колымы, собранные в 1910 и 1911 годах Гидрографической экспедицией Северного Ледовитого океана в составе транспортов «Таймыр» и «Вайгач». Узнал он также и о присвоении ему чина капитана 2-го ранга. В эту же зиму был решен вопрос о новом назначении Бориса Владимировича. Учитывая его любовь и специальные познания к гидрографическим исследованиям, его зачислили в корпус гидрографов со званием гидрографа-геодезиста и с переименованием в подполковники. 25 марта 1913 года Б. В. Давыдов был назначен начальником Гидрографической экспедиции Восточного океана.

Новое назначение лишило Давыдова возможности продолжить исследование Северного морского пути, но оно открывало полную свободу действий на огромных просторах дальневосточных морей, где был непочатый край для гидрографических изысканий. Борис Владимирович с успехом продолжил работы, которыми много лет руководил М. Е. Жданко. Находясь далеко от центра, предоставленный полностью самому себе, Давыдов правильно понял задачи экспедиции. Особое внимание было обращено на систематичность гидрографических работ. «Только тогда карты будут полны и надежны, — говорил он, — только тогда материалы по изучению всякого водного района будут возможно исчерпывающи, когда опись будут вести без каких бы то ни было пропусков»³.

И такие работы продолжались непрерывно по 1920 год включительно, охватили все побережье Охотского моря и вышли на восточный берег

¹ Л. М. Старокадомский. Экспедиция на «Таймыре» и «Вайгаче». В кн.: Русские мореплаватели. Воениздат, М., 1953, стр. 356.

² В. В. Ахматов. Б. В. Давыдов. Записки по гидрографии, том 51, 1926, Л., стр. 6.

³ Б. В. Давыдов. Гидрографические работы на Дальнем Востоке. «Красный флот», 1923, № 4—5, стр. 93.

Камчатки. В 1915 году были закончены работы по описи Пенжинской губы. Все эти годы Давыдов был на транспорте «Охотск» с начала навигации и до глубокой осени. Гидрографические работы принесли интересные результаты: разница в положении береговой черты на новой и старых картах составляла 50—60 миль. За эту плодотворную работу Б. В. Давыдов был награжден четвертым орденом — св. Анны 2-й степени и 6 декабря 1915 года произведен в полковники корпуса гидрографов. В 1916 году была опубликована статья Б. В. Давыдова «Некоторые практические указания при работах по съемке берегов с моря»¹. По свидетельству многих деятелей гидрографии, статья эта явилась хорошим и детальным руководством по морской съемке. В ней было можно найти «указания, как ее организовать, как производить, как обрабатывать и даже как вести журналы. Подобное руководство, особенно ценное по практическому подходу к делу, являющемуся результатом личного опыта, было едва ли не первым в этой области как у нас, так и за границей»².

В последующие годы были закончены работы в южной части Охотского моря, в районе Шантарских островов, затем уже в 1919 и 1920 годах они были вынесены в северную часть Тихого океана и в Берингово море, то есть на побережье Камчатки.

В 1920 году в районе бухты Карага работы были прекращены, главным образом потому, что белобандиты увели во Владивосток транспорт «Охотск» — основную базу экспедиции.

Все эти годы состав экспедиции оставался почти неизменным. В нее входили, кроме команды, два начальника партий, три старших производителя работ и пять младших, доктор, препаратор и два фельдшера³. Уже в 1919 году этим составом для общего пользования были изданы впервые на Дальнем Востоке (в г. Владивостоке) карты побережий Охотского моря в масштабе 10 миль в дюйме.

Сложная политическая обстановка на Дальнем Востоке в 1917—1922 годах не помешала личному составу Гидрографической экспедиции проводить свою работу. «Революционные события на Дальнем Востоке,— писал Б. В. Давыдов,— нисколько не помешали работам, их удалось продолжить»⁴. Большой русский патриот полковник Б. В. Давыдов нашел свое место в такое трудное время. Он полностью отдал себя и возглавляемую им экспедицию в распоряжение Советской власти. «Исключительные качества Б. В. Давыдова,— отмечалось впоследствии в «Морском сборнике»,— были известны за границей и в годы пребыва-

¹ Записки по гидрографии, том 60, вып. 2, 1916.

² В. В. Ахматов. Б. В. Давыдов. Записки по гидрографии, том 51, 1926, Л., стр. 6.

³ ЦГА РСФСР ДВ, ф. 334, оп. 1, д. 12, л. 1.

⁴ Б. В. Давыдов. Гидрографические работы на Дальнем Востоке. «Красный флот», 1923, № 4—5, стр. 93.

ния иностранных оккупантов на Дальнем Востоке. Борису Владимировичу, сильно в то время нуждавшемуся в материальном отношении, американцы и японцы предлагали обеспеченные и большие места у себя на службе, но он всегда отвечал решительным отказом»¹.

Родственники Бориса Владимировича передают некоторые подробности таких предложений интервентов и реакцию на них Давыдова. Когда в первый раз во Владивостоке была объявлена Советская власть, Борис Владимирович вместе с многими другими моряками снял с кителя царские погоны. Но через некоторое время в город ворвались оккупанты и остатки белогвардейцев. Все морские офицеры пришли на офицерское собрание снова в погонах. Несколько человек не явились, сославшись на болезнь. Давыдов пришел, как всегда, аккуратно одетым, но без погон. И тогда кто-то нарочно громко спросил: «А где же ваши яркие звездочки, Борис Владимирович?». Он ответил: «Милый человек! Я не мальчик и в своих поступках отдаю полный отчет. Если я снял погоны, то не для того, чтобы через неделю их снова нацепить». На предложение японцев, обещавших Давыдову «райскую» жизнь, он ответил: «Я лучше буду недоедать на своей земле и, если потребуется, буду вместе со своим русским мужичком копать землю, чем позволю вам носить себя на руках и обсыпать золотом»².

Вот в такой обстановке во Владивостоке на Шефнеровской улице в доме № 11 после увода «Охотска» началась обработка огромного накопленного материала. «Два последних года (имеются в виду 1921 и 1922 годы.— А. А.),— вспоминал Давыдов,— экспедиция уже не ходила в море; причиной тому были обстоятельства и события, совершенно от нее не зависевшие. Все работники остались, однако, на местах, и время вынужденного бездействия было употреблено на подготовку к печати всего неизданного картографического материала и составление необходимых мореплаванню лоций»³.

Результатом этой работы был капитальный труд, обобщенный и изданный в 1923 году под названием «Лоция побережий РСФСР Охотского моря и восточного берега полуострова Камчатки с островом Карагинским включительно». В этом огромном труде (1498 стр.) собраны воедино все сведения по гидрографии названных районов. В предисловии к лоции Б. В. Давыдов писал, что она издавалась не совсем обычным порядком, так как «с 1917 года и почти до конца 1922 года, то есть более чем пять лет, связи Дальнего Востока с Петроградом фактически не существовало, следствием чего явился тот факт, что работавшая нормально по 1920 год включительно Гидрографическая экспедиция Восточ-

¹ «Морской сборник», 1925, № 10, Л., стр. 16.

² Из воспоминаний Г. А. Кобылина, племянника Б. В. Давыдова, присланных автору сыном Б. В. Давыдова Михаилом Борисовичем Давыдовым.

³ Б. В. Давыдов. Гидрографические работы на Дальнем Востоке. «Красный флот», 1923, № 4—5, Л., стр. 93.

ного океана была лишена возможности переслать результаты своих работ в центр».

Поэтому лоция была издана во Владивостоке. В ней помещены все сведения по состоянию на 1 июля 1922 года. Лоция охватывает побережье в 6 000 миль (или около 11 000 км), на котором определено 111 астрономических пунктов. 106 из них определил Давыдов. На основе этих пунктов составлены карты и планы на весь район Охотского моря и побережья Камчатки. Лоцией Б. В. Давыдова подводятся итог всей деятельности русских гидрографов на Дальнем Востоке. С 1923 года работы там начались по планам Советского правительства, а Гидрографическая экспедиция Восточного океана была преобразована в Гидрографический отряд, который был влит в Управление по обеспечению безопасности судоходства на Дальнем Востоке (УБЕКОДАЛЬВОСТ), начальником которого был назначен Б. В. Давыдов, 15 мая 1924 года Географическое общество СССР наградило Бориса Владимировича Давыдова золотой медалью им. Ф. П. Литке за его исключительно ценные труды по гидрографическому обследованию морей Дальнего Востока.

Последние годы жизни Бориса Владимировича Давыдова связаны с островом Врангеля. История этого вопроса такова. Англичанам и американцам вздумалось вдруг считать этот остров свободным. Их не смущало то обстоятельство, что остров Врангеля открыт русскими, нанесен на все русские карты, что он был известен русским задолго до того, как получил имя русского мореплавателя Фердинанда Петровича Врангеля, что он расположен во владениях России и всегда считался частью Русского государства.

Англичане основывали свои претензии на том, что они в 1849 году видели этот остров с острова Геральд во время поисков полярной экспедиции Франклина. В 1881 году пароход «Корвин», принадлежавший Северо-Американским Штатам, отправившийся искать известную экспедицию Дж. В. де Лонга, подошел к острову Врангеля, поднял на нем с сего на нем американский флаг и переименовал остров в Новую Колумбию. За ним пришло судно «Роджерс», и капитан судна Берри провел обследование острова, побывал на его вершине, которая, кстати, носит его имя.

В 1911 году первую опись острова Врангеля произвели офицеры транспорта «Вайгач». На нем были произведены астрономические и магнитные определения и наблюдения. После окончания экспедиции на «Таймуре» и «Вайгаче», в 1915 году, когда вся трасса Северного морского пути была пройдена ими с востока на запад, русское правительство в специальной ноте подчеркнуло, «что оно считает следующие острова составляющими неделимое целое с Империей: о-в Генриетта, о-в Беннетта, о-в Жаннетта, о-в Геральд и о-в Уединения, которые вместе с Ново-Сибирскими островами, островом Врангеля и другими,

расположенными близ азиатского берега Империи, образуют продолжение материка Сибири в северном направлении»¹. Такое заявление русского правительства не встретило возражения со стороны всех государств.

Тем не менее канадское правительство² почему-то решило, что ему все позволено, и в 1913 году оказало финансовую поддержку известному полярному исследователю Вильяму Стифансону, отправив его в Арктику на несколько лет. Кроме научных задач, экспедиция должна была присоединять к Канаде (а значит, и к Англии) все вновь открытые на Севере острова.

Летом 1913 года барк «Карлук» был раздавлен льдами, и в сентябре 1914 года по просьбе канадского правительства русское правительство организовало поиски и спасло оставшихся в живых, добравшихся до острова Врангеля канадских полярников. Считая, видимо, что этого достаточно для обоснования своих прав на остров, Стифансон от имени Канады отправил в 1921 году туда экспедицию для его оккупации под начальством канадца А. Крауфорда, трех сотрудников и кухарки-эскимоски. Теперь уже канадцы подняли на острове английский флаг и составили декларацию о присоединении его к Англии. Позабыв позаботиться о хлебе насущном и понадеявшись на помощь в следующем году, все участники погибли, выжила только одна эскимоска.

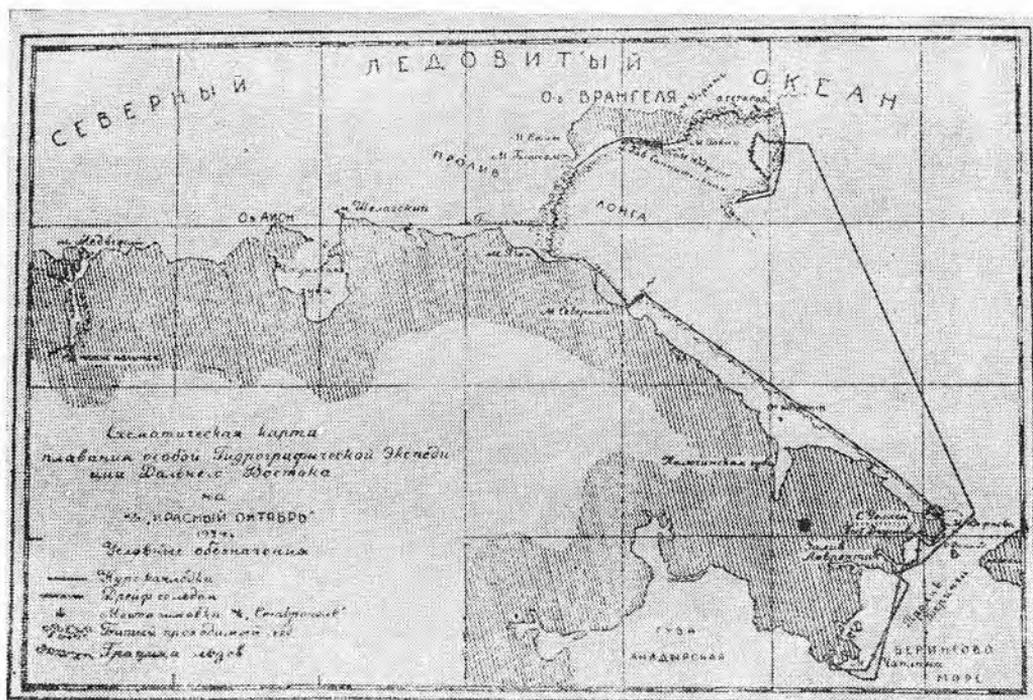
В течение 1922—1923 годов были предприняты как со стороны Англии, так и США попытки присоединить остров к своим странам. Так, в 1922 году, выступая в парламенте, премьер-министр Канады Мекензи Кинг заявил официально о принадлежности острова Канаде. А в 1923 году американцы спешно направили туда экспедицию, чтобы объявить еще раз остров Врангеля собственностью Соединенных Штатов.

В сложившихся условиях Советское правительство приняло 3 июня 1924 года решение отправить на остров Врангеля специальную экспедицию, которой поручалось поднять там красный флаг Страны Советов и выгнать оттуда всех иностранцев, если таковые там окажутся. Начальником экспедиции правительство назначило Бориса Владимировича Давыдова. Для выполнения экспедиции была выделена канонерская лодка «Красный Октябрь» (бывший ледокол «Надежный»), на которой был 81 человек — в основном коммунисты и комсомольцы, сражавшиеся с контрреволюцией на различных фронтах. В экспедиции участвовали и опытные моряки-полярники, не раз плававшие вместе с Давыдовым.

Готовились к походу в трудных условиях. «Красный Октябрь» находился в лимане Амура, ставил навигационное ограждение. «В силу особых обстоятельств, связанных с задачами экспедиции, вся подготовка к ней была проведена всего лишь за один месяц, что является беспре-

¹ Б. В. Давыдов. В тисках льда. Л., 1925, стр. 8—9.

² Канада была доминионом Англии.

Карта похода «Красного Октября».

цедентным во всей истории полярных экспедиций. Только выдающиеся способности и большой опыт Б. В. Давыдова и его непосредственных помощников, с которыми он в течение многих лет производил гидрографические работы на морях Дальнего Востока, позволили в такой короткий срок снарядить эту ответственную экспедицию¹, — отмечал впоследствии известный советский ученый и исследователь Дальнего Востока Л. А. Демин. «Красный Октябрь» был срочно отозван во Владивосток, а в Петропавловск на пароходе «Олег» и в залив Провидения завезли соответственно 300 и 700 тонн каменного угля.

20 июля «Красный Октябрь» вышел из Владивостока и, благополучно совершив дальний переход, пришел 26 июля в Петропавловск. Команда отлично понимала задачи, стоявшие перед экспедицией, и немудрено, что с таким трудным делом, как погрузка угля вручную, справилась за

¹ Л. А. Демин. Экспедиция на остров Врангеля. В кн.: Русские мореплаватели. Воениздат, М., 1953, стр. 382.

два дня, и 29 июля корабль уже продолжал плавание. 3 августа он был в бухте Провидения, где пополнили запасы угля и пресной воды настолько, насколько позволяли трюмы и цистерны и вообще все свободные места. Ведь больше пополнить запасы было негде. А что предстояло впереди — предугадать нельзя. Не исключалась и зимовка.

9 августа «Красный Октябрь» был снова в океане. Зашли по пути в залив Лаврентия, чтобы взять 24 собаки с чукчами на случай разъездов по берегу и во льдах. На следующий день канонерская лодка прошла Беринговым проливом и взяла курс прямо на остров Геральда. Условия плавания вначале сложились крайне благоприятно. Два дня шли хотя и в тумане, но не встретили даже признака льдов. Давыдов использовал это обстоятельство: «Весь наш путь, — писал он, — был пройден с промером и были широко развиты гидрологические глубоководные наблюдения, траление и сбор планктона»¹.

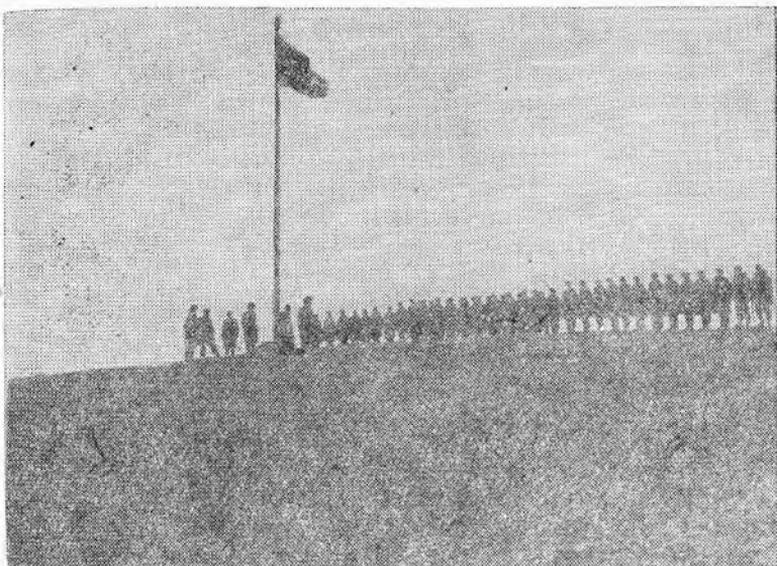
Лед встретился 12 августа при перемене курса от острова Геральда к острову Врангеля. Сначала он не очень мешал движению, но затем «Красный Октябрь» оказался в сильно битом сжатом льду, покрывавшем почти все видимое пространство. Давыдов несколько дней ждал, рассчитывая, что, может быть, изменится ветер и разнесет льды. Но этого не произошло. Пришлось с невероятным трудом выходить из льдов и обходить их по кромке. Но и это не помогло. Льды были повсюду — они тянулись и на север и на восток. Потеряв несколько дней, Давыдов принял решение. «Медлить было нельзя: достичь острова Врангеля в эту навигацию надо было во что бы то ни стало, а потому, после полудня 17 августа, вошли в лед и начали пробиваться в нем на запад, расположив плавание близ и южнее острова Геральд и далее к острову Врангеля. Лед, вообще говоря, был очень тяжелый»².

Почти двое суток экипаж канонерской лодки вел борьбу со льдами. Все это время Борис Владимирович не сходил с мостика. И льды пропустили советских моряков. Утром 19 августа «Красный Октябрь» пробился к гавани Роджерса и стал там на якорь. Высадившаяся на остров партия моряков работала день и ночь, сооружая мачту для подъема флага. Одновременно моряки срубили стоявшую тут мачту и к обрубку ее прикрепили записку на русском и английском языках об экспедиции на «Красном Октябре» и о принадлежности острова Советской России.

На следующее утро над островом был торжественно поднят Советский Государственный флаг. Команда произвела салют. Борис Владимирович сделал заявление о принадлежности острова, после чего ледекол направился вдоль южного берега, останавливаясь там, где были видны селения. Оказалось, что на острове проживало всего 14 человек, из них один американец. «Никаких документов, узаконяющих их пре-

¹ Б. В. Давыдов. В тисках льда. Л., 1925, стр. 19.

² Там же, стр. 20.

Подъем советского флага на острове Врангеля.

бывание на острове, у них, конечно, не оказалось. Поэтому им было объявлено, что они рассматриваются нами, как хищники, со всеми вытекающими отсюда последствиями: конфискация всего ими упромышленного и орудий промысла»¹.

Дойдя до юго-западного мыса острова, Давыдов приказал лечь на обратный курс, направив ледокол к мысу Биллингса. Обратный поход начали 23 августа. Был он очень тяжелый, проходил все время в трудных условиях, почти не было угля. Дело дошло до того, что начали готовиться к зимовке за мысом Северным. «Постепенно все на корабле было переустроено: в размещении личного состава были сделаны крупные изменения; паровое отопление было разобрано и заменено камельками, кингстоны были залиты, все механизмы разобраны, а 25 сентября прекращены пары в последнем котле. Корабль фактически стал на зимовку; было введено зимнее расписание, причем главное внимание было обращено на обучение личного состава и поддержание его физических сил, для чего было заготовлено до 250 пудов свежего оленьего мяса. Эскимосы с семьями были переселены на берег в отдельный домик»².

Казалось, все ясно и зимовка неизбежна. Но полярная погода капризна и изменчива. Как раз, когда все было готово и приступили к зимовке, ветер резко переменялся, льды стали расходиться, корабль

¹ Б. В. Давыдов. В тисках льда. Л., 1925, стр. 23.

² Там же, стр. 24—25.

оказался на плаву, и Давыдов решил рискнуть. А риск был велик: угля едва-едва могло хватить до бухты Провидения при условии плавания по чистой воде. Котлы заполнили забортной водой, машину собирали и днем и ночью, разводили пары, сидя как на иголках. И все же 27 сентября снялись с якоря.

Льдов не было, но зато сильный норд-ост, перешедший в шторм, клал ледокол с борта на борт до 45°, горячую пищу не готовили. Так продолжалось три дня. А когда шторм утих, то оказалось, что дошли до Берингова пролива. Уголь иссяк, в ход пошли доски, бревна. Наутро обнаружилось, что, насколько хватает глаз, навстречу ледоколу от берега идет лед. «Красный Октябрь» был снова в ледовом плену. Несколько суток дрейфовал он в самых разных направлениях, пока наконец 4 октября не оказался в Беринговом проливе, как раз напротив селения у мыса Дежнева.

На берегу нашлось немного угля, воспользовавшись которым ледокол смог добраться до бухты Провидения. Там пополнили запасы, а уж в Петропавловске полярные мытарства кончились. 29 октября, отлично выполнив задание партии и правительства, канонерская лодка «Красный Октябрь» возвратилась во Владивосток, где экипажу устроили торжественную встречу. Всем участникам экспедиции были вручены нагрудные знаки с изображением северной части Тихого океана и части Северного Ледовитого океана, где был проложен маршрут канонерской лодки «Красный Октябрь».

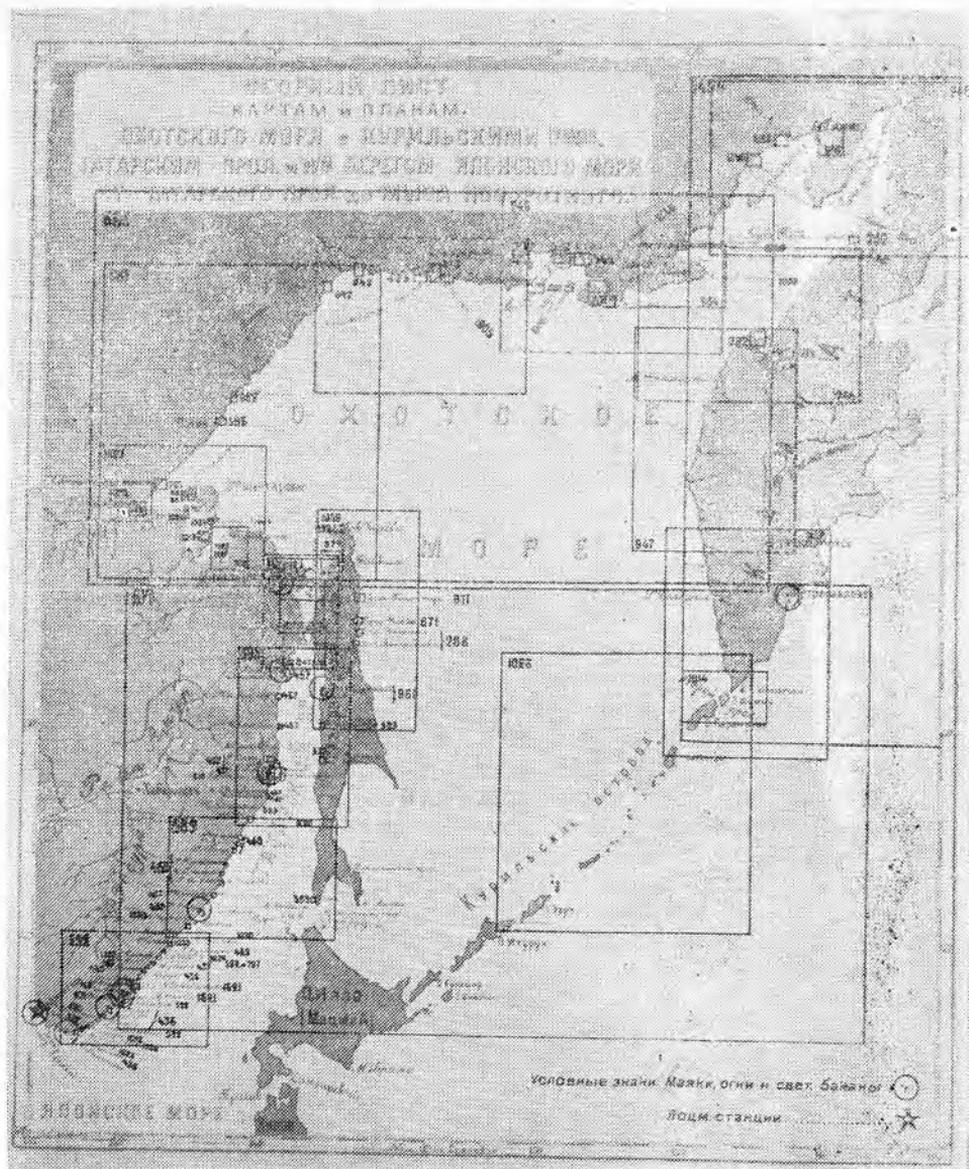
Теперь все иностранные государства прекратили свои посягательства. Представитель же Англии на русско-британской конференции Понсонби заявил 6 августа 1924 года, что «правительство его британского величества не имеет никаких претензий на остров Врангеля»¹.

Экспедиция оказалась роковой для Бориса Владимировича Давыдова. Закончив дела по экспедиции во Владивостоке, он в начале февраля 1925 года приехал в Ленинград для доклада в Географическом обществе и остановился, как всегда, на квартире своей сестры. Очень тепло приветствовали выдающегося ученого и отважного полярника крупнейшие ученые страны во главе с Ю. М. Шокальским². Зал был полон. Доклад сопровождался показом диапозитивов. Борис Владимирович рассказал о героических делах команды «Красного Октября» и его командира Воейкова, недавно скончавшегося. Было много вопросов и еще больше аплодисментов. Растроганный Юлий Михайлович Шокальский крепко обнял и расцеловал своего ученика.

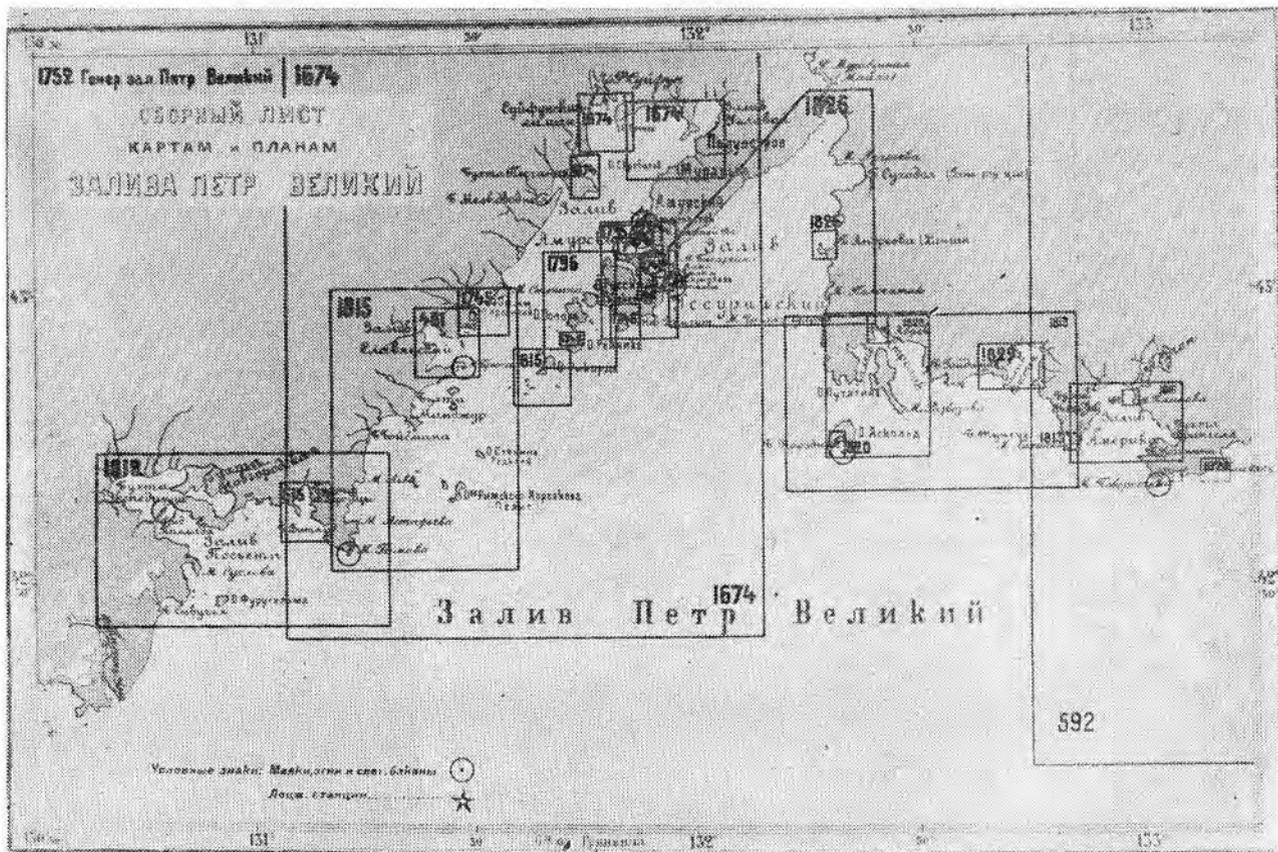
По свидетельству Г. А. Кобылина, дверь за трибуной была открыта, и, наверное, сквозило. На следующий день к вечеру Давыдов почувствовал себя плохо, а 17 февраля врач определил воспаление легких. Ви-

¹ Газета «Красное знамя», 15 октября 1924 г., Владивосток.

² Сведения о последних днях Б. В. Давыдова сообщены его сыном — М. Б. Давыдовым и племянником Г. А. Кобылиным.

Сборные листы карт и планов дальневосточных морей, составленных по работам Б. В. Давыдова.

димо, здоровье Давыдова пошатнулось во время долголетних плаваний, и достаточно было небольшого толчка, чтобы болезнь приняла острую форму. Пришлось вызвать из Владивостока семью — жену Веру Модестовну, урожденную Лаврову, с двумя детьми, сыновьями Борисом и Михаилом. Бориса Владимировича во время болезни навещали его сослуживцы, полярники, гидрографы П. В. Мессер, Н. И. Евгенов, А. М. Лавров, часто приходил Ю. М. Шокальский.

Весной и летом Давыдову стало легче, он даже начал ходить по комнате, и его вывезли на дачу на станцию Сиверскую. Но потом вдруг наступило резкое ухудшение, вызванное крупозным воспалением легких, и 30 сентября Бориса Владимировича Давыдова не стало. Похоронили его 2 октября на Смоленском кладбище под залпы ружейного салюта роты военных моряков и траурные мелодии военно-морского оркестра.

В приказе по флоту № 391 от 1 октября 1925 года говорилось:

«Благодаря умелому руководству на острове Врангеля развеивается флаг Союза ССР, водруженный усилиями Б. В. Давыдова и его соплавателей. Но полярная пустыня, скрывающая в себе могилы прежних русских исследователей-моряков, потребовала и теперь дорогой цены за это завоевание. Минувшим летом скончался командир экспедиционного судна «Красный Октябрь» Воейков, а теперь и сам начальник экспедиции, надорвавший свое здоровье в минувшие годы и окончательно сломивший его в напряжениях этого героического похода.

Моряки Р. К. Красного Флота и гидрографы, которым предстоит завидная и достойная работа по изучению морских пространств и общению к советской культуре далеких полярных окраин! Пусть пример вашего старшего, ныне покойного товарища и его достижения будут вам лучшим руководством в дальнейшей упорной работе по строительству РККФ и поднятию морской культуры на Советских морях»¹.

Извещая народ о смерти Б. В. Давыдова, «Известия» писали о нем: «Выдающийся, большой силы воли работник, ученый и моряк, он был фанатиком своего дела и до последних дней думал о будущих своих работах, которые должны были приобщить к советской культуре и остальному миру далекие полярные области»².

На Дальнем Востоке Давыдовым проделана поистине колоссальная, необычайная «по размеру и широте работа. Он ею и руководил, он и участвовал в ней как рядовой работник-специалист, выказав себя не только великолепным, смелым моряком, талантливым, наблюдательным и вдумчивым ученым, а одновременно с тем и терпеливым педагогом, обучавшим своих подчиненных различным методам наблюдения»³.

Наконец приведем еще один отзыв: «Жизнь Бориса Владимировича

¹ «Морской сборник», 1925, № 10, стр. 16—17.

² «Известия», 3 октября 1925 г.

³ П. Мессер, Н. Евгенов. «Морской сборник», 1925, № 10, стр. 14.

была не длинна, но тем не менее мало кому удавалось оставить после себя такую прочную память. Его карты и лоция на долгие годы сохранят имя Б. В. Давыдова среди почетных имен русской гидрографии, а личные качества, умение спаять своей отзывчивостью, бодростью и весельем сотрудников на общей работе оставили в них на всю жизнь самые теплые воспоминания о нем, как о человеке»¹.

Борис Владимирович был гидрографом и географом в широком и лучшем смысле этих слов. Он был сыном своей страны, большим патриотом Родины. Канонерская лодка «Красный Октябрь» была переименована в ледокол «Борис Давыдов». Его имя присвоено большому судну, именем замечательного моряка названы бухта на острове Врангеля, мыс на острове Большевик Северной Земли, мыс при входе в залив Чихачева в Татарском проливе.

МИЧМАН С «АВРОРЫ»

1923 году, когда Борису Владимировичу Давыдову пришлось прекратить гидрографические исследования дальневосточных морей, которые он страстно хотел довести до завершения, он написал: «Необследованным остается крайний северо-восточный район протяжением около 2200 миль от бухты Караги до мыса Дежнева. На имеющихся старых, единственных находящихся у мореплавателей картах береговая линия во многих значительных участках нанесена пунктиром,— обозначение, принятое для указания неизвестности положения берега. Стыдно сознаться, что такое обозначение может найти себе место на картах государства, близкого к трехсотлетней давности присоединения этих берегов к своим владениям. Пора открыть доступ к огромнейшим естественным богатствам этого далекого края, львиная доля которых останется в России. Пора, наконец, изучить то, чем мы владеем. Все сношения здесь пойдут морем, а для этого в первую голову должны быть изучены побережья в гидрографическом отношении. Еще четыре-пять лет упорного труда при готовом уже существующем кадре привычных специалистов-работников, и поставленная задача будет выполнена, а позднейшие гидрографические работы двух экспедиций Восточного и Северного океанов наконец-то сомкнутся у мыса Дежнева»².

¹ В. В. Ахматов. Б. В. Давыдов. Записки по гидрографии, том 51, 1926, Л., стр. 8.

² Б. В. Давыдов. Гидрографические работы на Дальнем Востоке. «Красный флот», № 4—5, Пгр., 1923, стр. 93—94.

Л. А. Демин —
мичман крейсера «Аврора».

Этим совершенно реальным планам Давыдова не суждено было осуществиться при его жизни. Приводить их в исполнение довелось другому замечательному ученому, исследователю, гидрографу-геодезисту и моряку Леониду Александровичу Демину. Завидная и удивительная жизнь выдающегося советского ученого — яркий пример служения Родине, советской науке, пример истинного патриотизма.

Леонид Александрович Демин родился 17 мая 1897 года в Козлове (теперь Мичуринск) Тамбовской губернии. Девяти лет мальчик был отдан в Козловское коммерческое училище — единственное среднее учебное заведение в городе. Учился он хорошо, и родители думали, что он станет преуспевающим агрономом, так как юный Демин очень любил ухаживать в саду за деревьями и цветами.

Кто знает, может быть, и появился бы в Козлове еще один ревностный сподвижник Ивана Владимировича Мичурина, если бы не случай. В 1909 году, когда Демину исполнилось 12 лет, из Петербурга в Козлов приехал его дядя (брат матери), ученый-агроном Павел Николаевич Меньших и подарил своему племяннику в день рождения собрание сочи-

нений писателя К. М. Станюковича. «Морские рассказы» Станюковича буквально потрясли юношеское воображение Леонида Демина. С этого момента вопрос дальнейшей жизни был решен: юноша мечтал стать моряком. Его любимыми книгами стали книги о моряках и морской стихии. Были перечитаны по нескольку раз описания отечественных и иностранных кругосветных и дальних плаваний. Крузенштерн, Лазарев, Беллинсгаузен, Невельский с тех пор его любимые герои. И хотя море он видел только на картинках в иллюстрированных журналах и описаниях путешествий, любовь к нему не угасала, а росла с каждым годом.

В 1914 году после долгих препирательств с родными Леонид Демин нашел-таки дорогу к морю. Он уехал в Одессу и там поступил на пароход «Садко» матросом. «Садко» уходил в Петербург вокруг Европы и должен был возвратиться обратно в Одессу. Демину пришлось побывать в Средиземном море, Атлантическом океане и на Балтике, в Константинополе и в Бриксгаме (Англия), посмотреть на Петербург. Но главное — море! Оно властно, требовательно звало молодого матроса. И Демин решил окончательно связать свою судьбу с ним.

Возвратившись из плавания, он побывал в Козлове, распрощался с родными, с городом и поступил против воли родителей в Херсонское училище дальнего плавания. Это случилось осенью того же 1914 года. Во время занятий Демин увлекался высшей математикой, изучил курс аналитической геометрии, курсы дифференциального и интегрального исчисления и курс теоретической механики по учебникам Морского училища, готовящего офицеров военно-морского флота. Учебники эти ему подарил в день поступления в училище капитан парохода «Садко» П. А. Мальте, бывший морской офицер и весьма просвещенный моряк.

Быстро пролетели годы учения. Летом Демин плавал на судах торгового флота, а зимой зарабатывал себе на жизнь уроками и учился сам. 21 марта 1917 года Демин закончил Херсонское училище с большой серебряной медалью и успешно выдержал испытания в Правительственной комиссии на штурмана дальнего плавания. Сразу же он был призван на действительную военно-морскую службу вольноопределяющимся на флот и направлен в Петроград во 2-й Балтийский экипаж. 9 мая 1917 года Демин был зачислен гардемаринном флота в Школу мичманов военного времени, которую окончил 23 сентября 1917 года, и был произведен в мичманы.

В управлении военно-морских учебных заведений в Главном адмиралтействе Демину сообщили, что он назначен вахтенным начальником на крейсер «Аврора». Это было 13 октября 1917 года. На следующий день Демин был на крейсере, который стоял в это время на капитальном ремонте на Неве у Франко-русского завода, за бывшим Николаевским мостом (ныне мост лейтенанта Шмидта).

Тревожные думы были у мичмана. Какой там командир? Какова дисциплина команды? Ходили слухи, что она слаба, и это смущало юного офицера. На палубе крейсера Демина встретил дежурный офицер мичман В. П. Бук и проводил его к командиру, лейтенанту Николаю Адольфовичу Эриксону, недавно выбранному командой крейсера на эту высокую должность.

Демин вручил командиру предписание. Эриксон сказал, что надеется видеть в мичмане хорошего офицера, и отвел его к старшему офицеру лейтенанту Борису Францевичу Винтеру. Тот показал ему каюту и представил за обедом всем в кают-компании. Здесь Демина приветливо встретили старший судовой механик инженер-механик капитан 2-го ранга Чеслав Федорович Малышевич, трюмный механик и ротный командир инженер-механик лейтенант Алексей Титович Буянов, исполняющий обязанности младшего штурманского офицера, и ротный командир мичман Владимир Павлович Бук, исполняющий обязанности старшего минного офицера, инженер-механик мичман Александр Иванович Осипов, исполняющий обязанности старшего штурманского офицера, и ротный командир мичман Лев Андреевич Поленов, вахтенный начальник и ротный командир мичман Алексей Константинович Плансон, исполняющий обязанности ревизора мичман Павел Павлович Соколов и младший судовой врач коллежский регистратор Михаил Васильевич Маслов.

Все офицеры, за исключением старшего механика, были молоды: мичману Демину было 20 лет, а командиру Эриксону — 27. Разговоры в кают-компании велись вокруг предстоящего перехода в Гельсингфорс (Хельсинки) и о Временном правительстве. К последнему, как успел заметить Демин, офицеры были настроены неблагоприятно. О Керенском говорили с насмешкою. «Наш Наполеон», «адвокатишка», «наш болтун» и прочие нелестные прозвища слышались отовсюду.

После знакомства с офицерами состоялось и знакомство Демина с командой крейсера. Через день он заступил на дежурство и, как он сам написал, был приятно поражен хорошей воинской дисциплиной: все его приказания выполнялись быстро и беспрекословно. Всякие намеки на плохую якобы дисциплину явно не подтверждались. Вероятно, намекавшие имели в виду другое. Плохой дисциплиной они были склонны называть революционное настроение матросов крейсера.

А офицерский состав по-прежнему собирался как можно скорее вступить в состав действующего флота, чтобы принять участие в отражении на Балтике немцев, прорвавшихся в Рижский залив и захвативших Моонзундский архипелаг. Рассказы о героических действиях линкора «Слава» и эсминца «Гром» дошли и до кают-компании «Авроры».

Первые дни мичмана Демина на корабле прошли в обычной корабельной службе. Исторический день 24 октября начался так же, как и все. Леонид Александрович в своих воспоминаниях писал, что ничто не предвещало особых событий, которым суждено было развернуться

вечером¹. Никаких собраний и митингов на «Авроре» в этот день не устраивали, все было так обычно, прочно и ясно, как на всяком военном судне, где налажена служба. И только во время обеда командир попросил офицеров остаться ночевать на корабле, так как в городе неспокойно и могут быть всякие неожиданности.

Приказание командира было воспринято как должное, и после ужина каждый занялся своим делом. Демин, например, сидел в салоне с книгой Горького «Мать». В 21 час 20 минут через салон прошел к командиру небольшого роста матрос. На вопрос Демина, кто он, матрос ответил, что он председатель судового комитета крейсера, машинист Александр Викторович Бельшев. Он недолго находился у командира и вышел оттуда вместе с ним. Они еще продолжали разговор: «Если вы отказываетесь вести «Аврору», то, может быть, это сделает кто-либо другой из офицеров? — спросил Бельшев. — «Они этого сделать также не могут», — ответил Эрикссон. Бельшев ушел, но через несколько минут появился снова в дверях салона с двумя вооруженными матросами и приказал им никого в салон не пускать, а офицерам разъяснил: «Во избежание эксцессов я вынужден поставить здесь часовых, так как не ручаюсь за команду, когда она узнает об отказе командира вести крейсер».

Так Демин стал свидетелем и участником исторических событий. Разговор между командиром и комиссаром происходил потому, что Бельшев принес командиру приказ Военно-революционного комитета перейти к Николаевскому мосту. Приказ был адресован комиссару, а не командиру. А Эрикссон в то время, видимо, и не представлял себе хорошо, что такое Военно-революционный комитет. С институтом военных комиссаров он вообще тогда не был знаком, а нужно было принять очень ответственное, очень важное решение.

Эрикссон, по словам Л. А. Демина, был дисциплинированным офицером, отзывчивым и добрым человеком, но в политике разбирался слабо. Он хорошо помнил июльские дни, когда часть матросов крейсера была посажена в тюрьму, а по делу офицеров велось следствие. Он помнил и о том, что Временным правительством на флоте и в армии введена смертная казнь за участие в вооруженном восстании против государственной власти. А тут вдруг приказ неведомого Военно-революционного комитета, да не непосредственно ему, командиру, а через комиссара, функции которого на корабле командиру были также неясны.

Через некоторое время Бельшев и член судового комитета мичман Соколов снова через салон прошли в каюту командира и довольно скоро вышли оттуда. По лицу Бельшева было видно, что он доволен резуль-

¹ Здесь и далее о службе Л. А. Демина на «Авроре» передаем по его воспоминаниям: Л. А. Демин. На «Авроре» в Октябрьские дни. «Записки Центрального Военно-Морского музея ВМФ», 1, Л., 1958, стр. 5—31.

татами переговоров. А через несколько минут вышел и Эриксон. Одет он был по-походному, с биноклем на груди. Он отдал распоряжение офицерам занять свои места по расписанию и приготовиться к переходу к Николаевскому мосту.

Большая заслуга комиссара Бельшева — тот факт, что он сумел сохранить в критический момент, когда Эриксон сначала отказался вести крейсер к мосту, порядок и дисциплину на корабле. Он сумел обеспечить выполнение предписания Военно-революционного комитета № 1253 от 24 октября 1917 года, убедив для этого командира крейсера лейтенанта Эриксона, который и привел «Аврору» к историческому теперь месту. Большевики отлично понимали силу и неуязвимость боевого крейсера, обладающего четырнадцатью дальнобойными шестидюймовыми орудиями, представлявшего собой плавучую крепость на Неве. Сильнее в то время не было в столице воинской части.

Крейсер после долгого опробования машин у завода наконец отдал кормовой и оказался в ночной мгле осенней Невы. Было темно и сыро. Демин прошел на ют, где было его место по расписанию. По пути он отдал матросам несколько распоряжений навести порядок на палубе. Они были немедленно выполнены. Как ни вглядывался мичман в берег, ничего он там не мог увидеть. Город был погружен в темноту, стояла тишина, лишь вдалеке изредка слышались выстрелы да переговаривались матросы. Около 4 часов утра на мостике зазвенел телеграф, и в воду полетел якорь. «Аврора» заняла историческое место у Николаевского моста.

Демин тогда плохо разбирался в обстановке. Не понимал он, зачем перешел крейсер к Николаевскому мосту, вместо того чтобы идти в Гельсингфорс. Все это он постиг чуть-чуть позже. Впрочем, и другие офицеры также вряд ли понимали что-нибудь в происходившем. А после постановки крейсера на якорь у Николаевского моста Эриксон разрешил Демину спать. Проснулся он 25 октября рано. На душе было тревожно, но настроение было приподнятое, чувствовалось, как он сам вспоминает, что делается какое-то большое и необычное дело. Когда он появился на палубе, то увидел, что крейсер стоит рядом с Николаевским мостом, на набережных толпится народ, который с интересом разглядывает боевой крейсер. Почти весь день Демин не покидал палубы и стал свидетелем и участником всех событий того памятного дня.

После 10 часов утра на крейсере появилось воззвание «К гражданам России», написанное В. И. Лениным, в котором сообщалось, что Временное правительство низложено, а государственная власть перешла в руки Военно-революционного комитета Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Теперь Эриксону и офицерам крейсера стало ясно, что представляет собой Военно-революционный комитет; они сразу же признали новую власть, которой большинство из них потом честно служило в течение многих лет.

На крейсер приезжал В. А. Антонов-Овсеенко. Затем в Неву стали приходить корабли Балтийского флота. Это Центробалт выполнял приказание В. И. Ленина. После обеда у набережной Васильевского острова встали минный заградитель «Хопер», яхта «Зарница» и минный заградитель «Амур», который встал у набережной вблизи «Авроры». Вечером пришли из Гельсингфорса эсминцы «Самсон» и «Забияка» и встали недалеко от «Авроры» у эллингов Нового адмиралтейства. Затем появились учебное судно «Верный» и сторожевой корабль «Ястреб». Они также встали у Васильевского острова. У входа в Морской канал встал линкор «Заря свободы». Штурман с линкора приезжал на «Аврору», и мичман Демин по приказанию командира помог ему подобрать необходимые карты Невы, а также снять азимуты и расстояния от места стоянки «Зари свободы» до тех пунктов, которые линкор в случае необходимости должен был обстрелять.

Ясно было, что готовится штурм последнего оплота свергнутого Временного правительства — Зимнего дворца, где еще находились министры этого правительства под охраной юнкеров и женского ударного батальона. Демин вечером спустился с палубы к себе в каюту, затем перешел в салон, сел за стол и продолжал чтение горьковской «Матери». Там же был в это время и Эриксон. В 21 час 45 минут раздался выстрел. Крейсер вздрогнул. Эриксон приказал единственному бывшему там в это время офицеру — Демину подняться наверх, выяснить и доложить ему, что это был за выстрел. Пройдя по левому борту, Демин увидел столпившихся на палубе матросов. На вопрос, куда и по чьему приказанию стреляли, комендор носовой 6-дюймовой пушки ответил, что стреляли по приказанию комиссара Бельшева холостым по Зимнему дворцу и что выстрел был сигналом. Вот тогда только понял мичман Демин, что это был за выстрел. Вскоре на «Авроре» стало известно о взятии Зимнего дворца и об аресте министров Временного правительства. Так, с самого момента рождения Советского государства, с момента возведения Великой Октябрьской революции мичман Демин принял Советскую власть, стал верно служить ей и служит по сей день.

На «Авроре» Л. А. Демин прослужил до 1 апреля 1918 года (по старому стилю). Крейсер до 28 октября стоял у Николаевского моста, а затем перешел к эллингу Нового адмиралтейства. Всем офицерам «Авроры» было выдано удостоверение, что они служат на этом крейсере. С таким удостоверением не задерживал ни один патруль — так велико было уважение солдат, матросов и красногвардейцев к «Авроре». С крейсера уходили отряды моряков на охрану Смольного, на борьбу с контрреволюцией.

28 ноября «Аврора» по сплошному льду в сопровождении ледоколов перешла в Кронштадт, а затем по чистой воде — в Гельсингфорс. Это было 2 декабря, а на следующий день Демин был избран ротным командиром первой роты крейсера и назначен исполняющим должность

младшего штурманского офицера. Время было тревожное. На кораблях Балтийского флота в Гельсингфорсе шли митинги, собрания. Матросы обсуждали вместе с избранными ими офицерами вопрос, как организовать службу в связи с изменениями, происшедшими после Октябрьской революции. На «Авроре» же часто вставал такой вопрос: «Зачем «Аврору» отправили в Гельсингфорс, когда в Петрограде неспокойно?» Поэтому на «Авроре» все чаще и чаще стали выдвигать лозунг: «Авроре» надо идти в Петроград «углублять революцию».

21 декабря на заседании Центробалта, на котором присутствовал и Демин, был решен вопрос о перебазировании линейного корабля «Гражданин» и 2-й бригады крейсеров в составе крейсеров «Россия», «Громобой», «Аврора» и «Диана» из Гельсингфорса в Кронштадт. При этом «Авроре» было приказано идти в Петроград «углублять революцию». Таким образом, крейсер принял участие в Первом ледовом походе Балтийского флота.

С 22 по 27 декабря длилась ледовая эпопея. «Аврора» вышла в поход с неопределенной девятицей компасов. А что это такое, понятно каждому моряку. Эриксон заболел и лег в Гельсингфорсе в госпиталь на операцию. Вместо него командовал старший офицер Б. Ф. Винтер. Уже на следующий день «Аврора» стояла во льду, покрытая сугробами снега, а мороз доходил до двадцати пяти градусов. Крейсер вмерз в лед и дрейфовал вместе с ним на восток. 24 декабря ледокол «Ермак» вызволил из беды и проводил «Аврору» до Петрограда вместе с крейсером «Диана». 27 декабря после месячного плавания «Аврора» снова встала на прежнем своем месте у эллинга Нового адмиралтейства.

И снова авроровцы принимают самое активное участие в борьбе за власть Советов, наводят порядок в городе, посылают отряды на фронты гражданской войны. И не случайно в январе враги пытались уничтожить личный состав, отпустив из порта отравленные мясные окорока. 200 человек заболели, но смертельных исходов не было. Тяжело отравился и Демин.

А затем враги пытались взорвать «Аврору», подбросив «адскую машину», которую, к счастью, вовремя обнаружили. Но запал от «адской машины» все-таки взорвался в руках у лейтенанта Винтера и тяжело его ранил. А если бы «адская машина» взорвалась у погреба боеприпасов, куда она была подложена контрреволюционерами?

Во время службы на «Авроре» Леонид Александрович Демин 23 февраля 1918 года добровольно вступил в Рабоче-Крестьянский Красный Флот. А с 1 апреля 1918 года, в связи с зачислением крейсера «Аврора» в резерв флота, Демин был назначен на службу в Главное гидрографическое управление РККФ. Сразу же он был прикомандирован к Классу гидрографов военного флота в качестве слушателя для подготовки к работам по гидрографии. 1 августа того же года Демин был назначен старшим помощником командира гидрографического судна «Триангу-

лятор», входившего в состав Ладого-Онежской гидрографической экспедиции.

В октябре 1918 года был объявлен прием в Соединенные Классы специалистов командного состава РККФ. Выдержав вступительные экзамены по высшей математике и штурманским дисциплинам, Демин был зачислен слушателем Штурманского класса. Занятия начались в ноябре. Лекции по океанографии и метеорологии читал заслуженный профессор Юлий Михайлович Шокальский. Он обратил внимание на Демина и пригласил его бывать на заседаниях Географического общества, председателем которого он был. 14 января 1920 года на общем собрании членов Географического общества, по рекомендации Ю. М. Шокальского и ученого секретаря В. Л. Комарова (будущего президента Академии наук СССР), Л. А. Демин был единогласно избран действительным членом общества.

Между тем летом 1919 года занятия в Соединенных Классах были временно прекращены в связи с военной обстановкой, а слушатели были направлены в свои части. Демин стал младшим производителем гидрографических работ Отдельной триангуляционной партии Главного гидрографического управления, работавшей на Неве по проложению нивелир-теодолитных ходов и триангуляции. Здесь Леонид Александрович получил прекрасную четырехмесячную практику по геодезическим работам под руководством известного гидрографа-геодезиста Георгия Сергеевича Максимова.

Затем в течение трех месяцев Демин выполнял обязанности старшего производителя работ Ладожской лоц-дистанции. Тут ему пришлось ограждать фарватеры, производить промерные работы и заниматься определением и уничтожением девиации компасов под руководством известного специалиста в этой области, заведующего компасным делом на флоте Владимира Яковлевича Павлинова, который читал в Штурманском классе лекции по девиации компасов. В канун Нового года Демин снова в Штурманском классе продолжает теоретические занятия. 9 апреля 1920 года он закончил полный курс классов и был назначен командиром гидрографического судна «Орел» Балтийского флота.

По распоряжению Советского правительства Балтийский флот занимался в 1920 году тралением мин в Финском заливе и ограждением нового фарватера из Кронштадта в Нарвскую губу — так называемого Южного фарватера. Это было совершенно необходимо для восстановления нормального судоходства на Балтике. Демину пришлось основательно поработать, так как изыскание, обследование и ограждение фарватера — это дело гидрографов¹. Задание было выполнено, и уже в навигацию 1920 года советские суда пошли за границу, а иностранные

¹ «Гидрографическому Управлению ВМФ 130 лет». Записки по гидрографии, № 2, издание Управления начальника Гидрографической службы Военно-Морского Флота. Л., 1957, стр. 15.

сумели прибыть в Петроград. Осенью же на гидрографическом судне «Орел» работала экспедиция по гидрологическому обследованию Финского залива под руководством Ю. М. Шокальского. Естественно, что Демину, как командиру судна, пришлось непосредственно участвовать во всех этих работах и еще больше сблизиться с маститым ученым.

Учитывая отличное выполнение Деминим всех заданий, командование направило молодого командира гидрографического судна для продолжения образования в Морскую академию, где он выдержал экзамены на гидрографический факультет и занимался с октября 1920 года по март 1924 года. Начальником Гидрографического отдела (факультета) был в это время Ю. М. Шокальский. Четыре года, проведенные в академии, много дали Леониду Александровичу. Он стал специалистом с высшим образованием, ему было присвоено звание инженера-гидрографа с зачислением в старший командный состав флота.

Еще будучи в академии, Демин по рекомендации Ю. М. Шокальского получил приглашение от Б. В. Давыдова приехать к нему на Тихий океан. Не удивительно после всего этого, что по окончании академии Леонид Александрович получил назначение на должность начальника гидрографическо-штурманского отдела Управления по обеспечению безопасности кораблевождения Дальнего Востока (УБЕКОДАЛЬВОСТ). В этом же году Демин был на Дальнем Востоке и принимал самое деятельное участие в подготовке «Красного Октября» к походу на остров Врангеля, работал затем совместно с Давыдовым до его отъезда в декабре 1924 года в Петроград.

В 1925 году Демин работал уже самостоятельно, так как Давыдова не было на Дальнем Востоке. Он успешно справился с восстановлением ограждения обширного Амурского лимана, уничтоженного японцами во время интервенции, определил на побережье Японского моря десять астрономических пунктов, на основе которых была произведена съемка и промер нескольких бухт. Кроме того, ему удалось в этом же году выполнить гидрологические разрезы в заливе Петра Великого по меридианам 131° , 132° , 133° , что положило начало сезонным гидрологическим исследованиям залива, а в дальнейшем и всего Японского моря.

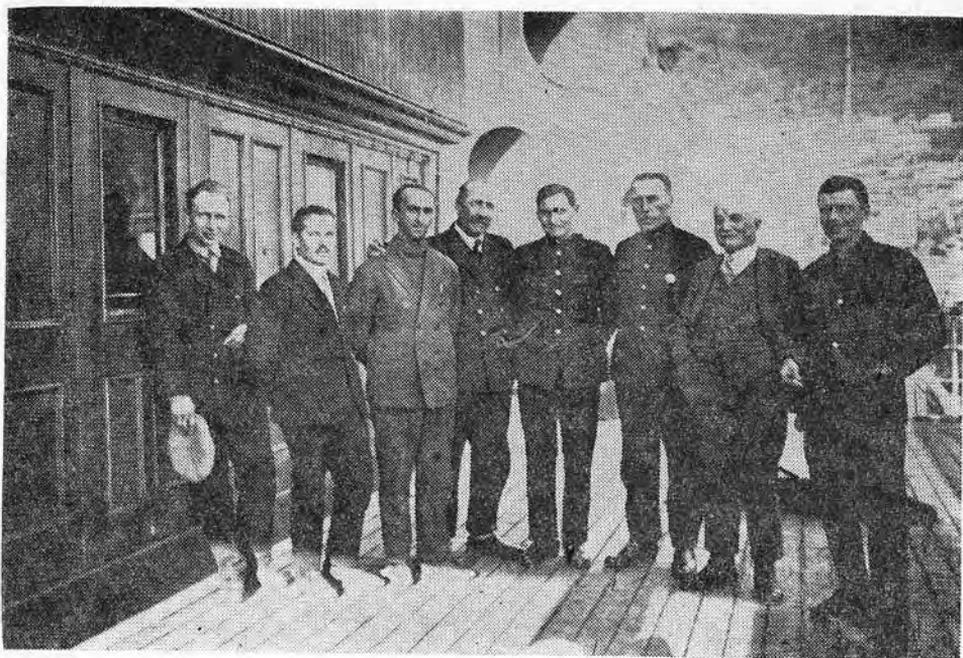
Тем временем ученый совет Военно-морской академии, которую успешно закончил Демин, постановил 1 декабря 1925 года командировать его в Пулковскую астрономическую обсерваторию для усовершенствования в астрономии и высшей геодезии. Такая командировка в Пулковскую астрономическую обсерваторию в те времена была равноценна аспирантуре, так как окончившие обучение в обсерватории затем защищали диссертацию в совете астрономов обсерватории и им присваивали высшую квалификацию по гидрографии — «гидрограф-геодезист». Окончившие ее имели право преподавать астрономию, геодезию и гидрографию в академии или занимать ответственные руководящие должности по гидрографии на морях и в Гидрографическом управлении ВМФ.

Сторожевое судно «Воровский». Командный состав экспедиции Академии наук СССР и Гидрографического управления ВМФ во главе с Л. Ф. Рудовицем и Л. А. Деминым.

Пройдя за лето 1926 года и за зиму 1926/27 года основные курсы высшей геодезии и практической астрономии и выполнив все установленные программой наблюдения, Леонид Александрович с весны 1927 года приступил к работам над основной темой «Определение координат Бакинской морской обсерватории, как основного астрономического пункта Каспийского моря». Определив за лето 1927 года с большой точностью широту Бакинской морской обсерватории, разность долгот Баку — Пулково и азимут выходной стороны триангуляции, проложенной Каспийским гидрографическим отрядом по западному берегу Каспийского моря, Демин произвел обработку наблюдений и защитил свою работу 10 марта 1928 года в совете астрономов Пулковской обсерватории с представителями Военно-морской академии и Гидрографического управления Военно-Морского Флота.

В работе Демин указал на большую разность поправок ритмических сигналов времени, даваемых различными обсерваториями мира, получающуюся вследствие систематических ошибок определения времени в этих обсерваториях. В результате работы Демина Пулковская обсерватория стала давать сводную (уровненную) таблицу поправок ритми-

На ледорезе «Литке» в 1929 году. Слева направо: П. В. Ушаков, Г. Е. Ратманов, затем через одного — К. А. Дублицкий, Л. А. Демин, И. И. Ивановский, П. Ю. Шмидт.

ческих сигналов времени. Определенный Деминым астрономический пункт до подхода к Каспийскому морю государственной триангуляции 1-го класса служил основой для всех гидрографических работ на Каспийском море. А Гидрографическое управление стало издавать морские карты Каспийского моря со счетом долгот от Гринвича, а не от Бакинского меридиана, как это было до работы Демина¹. 12 июня Л. А. Демин был удостоен высшего гидрографического звания — гидрограф-геодезист. Таким образом Демину удалось завершить высшее гидрографическо-штурманское и астрономо-геодезическое образование.

По окончании занятий в Пулковской обсерватории Л. А. Демин возвратился на Дальний Восток, где снова занял должность начальника гидрографическо-штурманского отдела УБЕКОДАЛЬВОСТ. Прибыв во Владивосток, Леонид Александрович, помимо своих прямых обязанностей по руководству гидрографическими работами, постановке ограждения и обеспечению кораблей и судов морскими картами и другими

¹ А. П. Ющенко. Картография. Изд-во Главсевморпути, изд. 2, Л., 1953, М., стр. 13.

пособиями, принял участие в Океанографической экспедиции, организованной Академией наук СССР и Гидрографическим управлением Военно-Морского Флота. Начальником экспедиции был профессор Л. Ф. Рудовиц. Демин был его заместителем. В составе экспедиции были профессор Н. В. Кондырев (химия моря) и начальник Владивостокской морской обсерватории Н. П. Владимирский¹.

Экспедиция проводилась на сторожевом корабле «Воровский», командиром которого был В. В. Потемкин. Она выполнила гидрологические разрезы в Японском море от параллели мыса Поворотного до Амурского лимана². Осенью того же года Леонид Александрович назначается начальником экспедиции и на сторожевом корабле «Красный вымпел» производит гидрологические разрезы от параллели Владивостока на юг — к Корейскому проливу. Наконец в том же году Демин успевает развернуть гидрографические работы по съемке и промеру нижнего течения реки Амур, организовав для этой цели Отдельную амурскую гидрографическую партию.

С 1929 года Демин приступил к описи северо-западных берегов Берингова моря, то есть продолжил работу своего замечательного предшественника Б. В. Давыдова. Берингово море было открыто русскими людьми, ими исследовано и впервые его берега были ими же нанесены на карты. Но на протяжении почти трех веков, с 1648 по 1929 год, то есть со времени первого плавания русских по Берингову морю — плавания казака Семена Дежнева и до работ Л. А. Демина на западном и северо-западном побережьях Берингова моря от бухты Карага до мыса Дежнева не было систематической описи. Весь этот огромный участок побережий Советского Союза на протяжении 4 600 километров не имел точных морских карт. На существовавших до 1929 года морских картах северо-западной части Берингова моря ошибки в положении береговой черты достигали 50 километров, а отдельные участки берега, как недоверенные, были нанесены пунктиром с надписями: «необследованный берег», «берег голый».

Из-за отсутствия систематических съемок Гидрографическое управление Военно-Морского Флота могло издавать для северо-западной части Берингова моря всего лишь две мелкомасштабные генеральные морские карты: № 582 «Западный берег Берингова моря от мыса Начиканского до Анадырского лимана», масштаб 1 : 1 303 875 (составлена в 1875 году) и № 691 — «Часть Северного Ледовитого океана и северная часть Берингова моря», масштаб 1 : 1 241 786 (составлена в 1907 году, но не корректируемая).

Карты эти были составлены по работам первой экспедиции Беринга на боте «Св. Гавриил» в 1728 году, экспедиции Ф. П. Литке на шлюпе

¹ Гидрометеорологические наблюдения гидрографических экспедиций. Вып. VIII, изд. ГУ ВМС РККА, Л., 1934, стр. VI.

² Там же, стр. 17—23.

«Сенявин» в 1828 году, по случайным работам отдельных военных и торговых судов (например, вольного шкипера Ф. К. Гека), плававших здесь отнюдь не с научными целями. Вполне естественно, что все эти гидрографические работы не имели береговой основы, носили не систематический, а скорее рекогносцировочный характер и поэтому не могли служить для издания навигационных карт и лоций этого района. На протяжении трех веков здесь был выполнен лишь первый, рекогносцировочный этап гидрографических исследований.

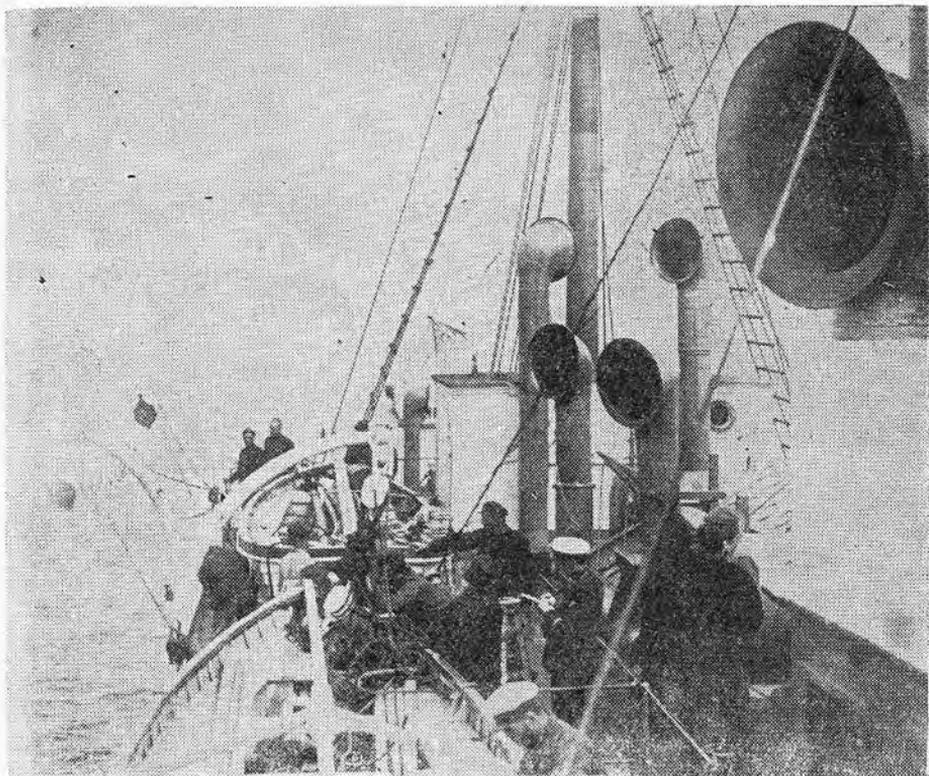
Второй этап, этап систематических морских съемок, начался с 1929 года, когда гидрографическая экспедиция под начальством Л. А. Демина на сторожевом корабле «Красный вымпел» приступила к работам там, где закончил их Б. В. Давыдов¹. В этом году были описаны обширные заливы Корфа и Олюторского, а также произведена топографическая съемка северо-западного берега острова Беринга. Съемка была основана на астрономических пунктах, определенных Л. А. Деминым. Во время этих работ экспедицией было произведено много магнитных, гидрологических и метеорологических наблюдений.

У Демина сложились очень хорошие отношения с местными жителями: в любое время они оказывали помощь экспедиции, с удовольствием бывали на «Красном вымпеле», где их неизменно угощали крепким чаем, хлебом и табаком. В свою очередь и чукчи встречали моряков на берегу по всем правилам местного гостеприимства.

В эти годы в водах дальневосточных морей с успехом работал прославившийся впоследствии ледорез «Литке». На нем постоянно находилась какая-либо научно-исследовательская экспедиция. В 1929 году, в частности, во время пребывания на Камчатке, в Петропавловске, Леонид Александрович встретился с видными учеными, исследователями морей Дальнего Востока: профессором-ихтиологом П. Ю. Шмидтом, гидрологом Г. Е. Ратмановым — исследователем гидрологического режима северной части Берингова моря, Берингова пролива, Чукотского моря — и другими. У Демина сложились самые хорошие отношения с капитаном «Литке» К. А. Дублицким.

По возвращении из этой экспедиции Л. А. Демин был вызван в Москву и на специальном заседании Дальневосточной комиссии Совета Народных Комиссаров сделал доклад о состоянии гидрографического исследования дальневосточных морей. В результате этого доклада состоялось постановление Совета Труда и Оборона об описи и ограждении дальневосточных морей (в районах Сахалина, Камчатки и Приморья). В развитие этого постановления Л. А. Демин был назначен начальником вновь сформированного Отдельного гидрографического отряда Дальнего

¹ А. К. Леонов. Региональная океанография. Часть I, Гидрометеоздат, Л., 1960, стр. 44.

Выполнение гидрологического разреза в Беринговом море.

Востока, и на него возлагалось выполнение постановления правительства по исследованию морей Дальнего Востока.

На следующий год работы были продолжены на том же корабле. Был сделан гидрологический разрез в Охотском море от залива Чайво на Сахалине до мыса Лопатка на Камчатке. Затем производилась опись побережья от мыса Олюторского до бухты Глубокой и от бухты Карага до мыса Ильинского, а также съемка Анадырского лимана. В 1931 году производилась съемка побережья Берингова моря от бухты Глубокой до Анадырского лимана. Кроме того, был выполнен гидрологический разрез в Беринговом проливе.

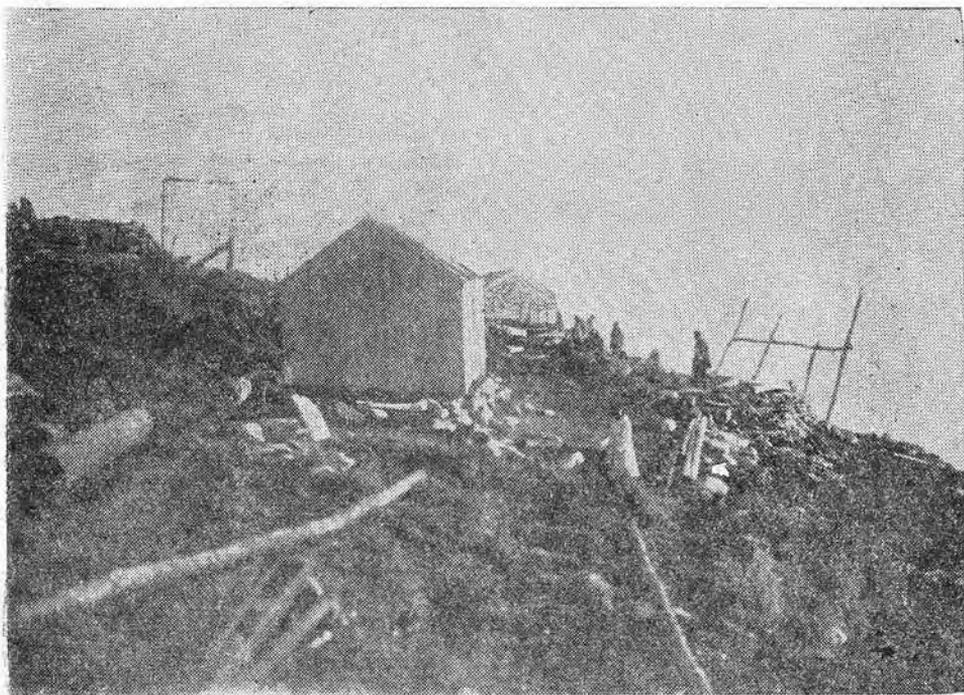
В 1932 году Л. А. Демин по-прежнему во главе Отдельного гидрографического отряда на гидрографическом судне «Приморье» произвел морскую съемку побережья от Анадырского лимана до мыса Чаплина и залива Креста. А в следующем году на гидрографическом судне «Чукча» была произведена съемка последнего участка Берингова мо-

ря — от мыса Чаплина до мыса Дежнева (точнее до селения Уэлен на побережье Чукотского моря).

Таким образом, в течение пяти лет (с 1929 по 1933 год) Л. А. Демин на судах «Красный вымпел», «Приморье» и «Чукча» произвел морскую съемку всего западного и северо-западного берега Берингова моря и Берингова пролива от бухты Карага до мыса Дежнева, положив ее на 38 береговых астрономических пунктов, определенных непосредственно им самим. На основании этих работ Деминым были составлены отчетные планшеты съемки в масштабе 1:150 000 и 1:200 000, по которым Гидрографическим управлением ВМФ были изданы двенадцать новых морских путевых и генеральных карт западной и северо-западной части Берингова моря и Берингова пролива: № 1074, 1165, 1166, 1167, 1408, 1409, 1410, 1411, 1412, 1413 (в масштабе 1:350 000), 1413 (в масштабе 1:200 000) и 1478 в масштабе 1:1 500 000.

Во время работ по морской съемке Леонид Александрович произвел множество различных океанографических наблюдений над течениями,

Самое восточное селение СССР — Имоклот.

приливами, температурой и соленостью воды. Он подробнейшим образом описал весь берег от бухты Карага до мыса Дежнева, побывал лично во многих пунктах берега, во всех заливах, устьях рек и населенных пунктах, собрал массу всевозможных сведений для лоции. Для составления лоции Демин использовал также многочисленные архивы страны и архивы дальневосточных организаций. Он использовал для этой цели и все опубликованные отчеты экспедиций, лоции, морские карты, атласы и различные научные труды по Берингову морю на русском, английском, немецком и французском языках.

Первая часть лоции Берингова моря была написана Деминым в 1936 году и издана Гидрографическим управлением ВМФ в 1938 году. В ней описан восточный берег Камчатки от мыса Лопатка до мыса Олюторского и Командорские острова общим протяжением 3 080 километров. Эта часть лоции содержит XLIII+283 страницы и 1 карту.

Во второй части лоции Берингова моря, написанной Деминым в 1946 году и изданной Гидрографическим управлением ВМФ в 1947 году, автор впервые в истории исследования Берингова моря дал систематическое описание всего западного и северо-западного берега Берингова моря и Берингова пролива от мыса Олюторского до мыса Дежнева общим протяжением 4 010 километров¹. Изданием этой лоции завершено было описание берегов Советского Союза. Эта часть лоции содержит 324 страницы и 1 карту.

Правда, и до работ Л. А. Демина на этот район существовала лоция «Северо-западной части Восточного океана, часть IV. Берингово море и Берингов пролив», составленная капитаном 2-го ранга де Ливроном и полковником Клыковым по английским и американским морским картам и лоциям и донесениям командиров военных судов, изданная Главным Гидрографическим управлением в 1910 году, но эта лоция заключает в себе не систематизированные, а отрывочные сведения о западных берегах Берингова моря, которые в своем большинстве при проверке во время морской съемки в 1929—1933 годах оказались малодостоверными.

Лоция Л. А. Демина делится на три основных раздела: общий очерк, навигационное описание и наставление для плавания. В общем очерке автор дает сводку всех наших общегеографических и физико-географических знаний о северо-западной части Берингова моря и его побережье. В метеорологической характеристике района автор на основании обработки обширного материала наблюдений метеорологических станций, судовых гидрометеорологических наблюдений, климатических атласов и летописей Главной геофизической обсерватории, а также русских и японских синоптических карт дает средние выводы для всех метеоро-

¹ Записки по гидрографии, № 2, Изд. ГУ ВМС, Л., 1947, стр. 126. Л. Я. Зиман и А. И. Соловьев. Ученый гидрограф Л. А. Демин. «Морской сборник», № 2, М., 1948, стр. 126—127.

логических элементов, излагает основные факторы, создающие климат, и впервые дает обоснованное деление года на климатические сезоны для описываемого района.

В гидрологической характеристике автор впервые приводит характеристику приливов и дает первую схему постоянных течений для северо-западной части Берингова моря. До работ Л. А. Демина в Беринговом море наблюдения над приливами велись только в двух пунктах: в Петропавловске и в устье реки Анадырь. На всем же остальном огромном побережье характер приливов был неизвестен. Для их изучения Деминым были организованы наблюдения еще в следующих пунктах: на острове Беринга, у мыса Крюгера, в гавани Сибирь, в бухте Лаврова, в бухте Иматра, в бухте Анастасия, у Земли Гека, в устье реки Анадырь, у Русской Кошки, в бухте Энгаугин, в бухте Славянка и в бухте Алера. Обработка всех этих наблюдений позволила автору впервые выяснить характер и величину приливов на восточном берегу Камчатки и западном и северо-западном берегу Берингова моря и Берингова пролива.

Разбирая многочисленные и тяжелые аварии, происшедшие с судами на восточном берегу Камчатки и в Беринговом море, Л. А. Демин пришел к заключению, что главной причиной этих аварий являются неизвестные течения, которые мореплаватели не могли учитывать при прокладке курсов. Течениями суда сносились на десятки миль, вследствие чего при плохой видимости и в тумане мореплаватели замечали опасность слишком поздно и суда терпели аварии.

Работы над течениями Берингова моря, опубликованные в 1881 году американским гидрографом Доллом, а в 1894 году адмиралом С. О. Макаровым, в 1911 году немецким ученым Шульцем и в 1934 году Г. Е. Ратмановым, не могли дать схему течений для лоции. Поэтому для выяснения схемы постоянных течений Л. А. Демин обработал несколько сот вахтенных журналов 55 судов за 1924—1937 годы и получил 2287 случаев сноса судов. Дополнив все это наблюдениями 1500 случаев течений на 109 якорных стоянках и наблюдениями за путями бутылок, брошенных в море во время гидрографических работ, Демин обработал все эти материалы по градусным квадратам и получил схему постоянных течений вдоль восточного берега Камчатки от мыса Лопатка до мыса Олюторского и вдоль северо-западного берега Берингова моря и Берингова пролива от мыса Олюторского до мыса Дежнева. В своей схеме постоянных течений Берингова моря Демин впервые дает не только направление и скорость течения, но и ширину струй. Эта схема течений описана им в лоции и в настоящее время приводится во всех трудах по Берингову морю.

В гидрологической характеристике автором приведены также сведения о температуре, солености, плотности, цвете и прозрачности морской воды, полученные им из обработки наблюдений всех экспедиций, плававших в Беринговом море.

Ледовый режим дан на основании обработки материалов, приведенных в изданиях Гидрографического управления ВМФ — «Сведения о состоянии льдов на морях СССР», и на основании опросов капитанов судов и местных жителей во время работ 1929—1933 годов.

В основном отделе лоции — «Навигационное описание» автор дает подробное и вполне законченное систематическое описание всего восточного побережья полуострова Камчатки и всего западного и северо-западного побережья Берингова моря и Берингова пролива общим протяжением около 7 000 километров. Причем на район от бухты Карага до мыса Дежнева это описание приводится впервые, а для восточного берега Камчатки от мыса Лопатка до бухты Карага — по лоции Б. В. Давыдова, но Демин основательно переработал и значительно дополнил описание Давыдова.

Последний раздел лоции — «Наставление для плавания по генеральным курсам» содержит наставления для плавания вдоль побережья северо-западной части Берингова моря и Берингова пролива. Большой опыт, приобретенный Леонидом Александровичем во время плаваний в этих водах, а также изучение им многочисленных вахтенных журналов военных и торговых судов, плававших здесь в XIX и XX веках, физико-географических и гидрографических условий Берингова моря позволили ему не только ответственно указать точные, рекомендованные для плавания курсы, но и дать мореплавателям много полезных наставлений и советов.

Лоция Берингова моря, написанная Деминым, представляет собой оригинальное и современное руководство для плавания, особо ценное по достоверности и полноте заключенных в ней сведений и является большим вкладом в обеспечение безопасности вождения кораблей Военно-Морского Флота, судов морского торгового и промыслового флота. Сейчас все корабли и суда пользуются этой лоцией как основным руководством, и никто без лоции в море не выходит. Эта лоция представляет также большую ценность для научных работников, географов и практических работников, деятельность которых связана с Беринговым морем.

9 апреля 1934 года Леонид Александрович был назначен начальником Гидрографической экспедиции Тихого океана, созданной на основе Отдельного гидрографического отряда Дальнего Востока. Работы в Японском море начались еще в 1931 году. Теперь же основной упор в гидрографических исследованиях на Дальнем Востоке был сделан именно на Японское море. В 1934 году была произведена систематическая гидрографическая опись залива Петра Великого, в 1935—1936 годах западного берега Японского моря от залива Петра Великого до Амурского лимана и острова Сахалина (до 50° северной широты — государственной границы с Японией в те времена), в 1935—1937 годах — систематическая гидрографическая опись Амурского лимана. В 1937 го-

Начальник Гидрографической экспедиции Тихого океана
Л. А. Демин (1934 год).

ду начата систематическая гидрографическая опись полуострова Камчатка, положенная на основных рядах триангуляции 2-го класса со съемкой берега методом аэрофотосъемки и промеров эхолотом.

Таким образом, в Японском море на протяжении 1931—1937 годов была выполнена систематическая гидрографическая опись западного берега моря, начиная от границы с Кореей до Амурского лимана, непосредственно в Амурском лимане и вдоль западного берега Сахалина до 50° с. ш.¹ Выполнение этих огромных работ потребовало применения аэрофотосъемки, топографической съемки, наблюдений на многочисленных пунктах триангуляции II, III, IV классов. Достаточно сказать, что только для съемки залива Петра Великого триангуляцией было покрыто

¹ А. К. Леонов. Региональная океанография. Часть I, Гидрометеониздат, Л., 1960, стр. 294—295.

4 800 квадратных километров, измерено 440 907 прибрежных глубин. В судовом промере общая длина галсов составила 6 183 километра, а количество промеров на площади 6 549 квадратных километров свыше 32 000. В дополнение ко всему весь залив Петра Великого был покрыт магнитной съемкой. Для изучения приливов в бухте Находка, бухте Анна и бухте Троица были произведены многочисленные наблюдения над колебаниями уровня.

Съемка западного берега Японского моря потребовала еще более крупного размаха работ. Здесь береговая линия от мыса Поворотного до 50-й параллели на острове Сахалин на протяжении 2 515 километров была снята аэрофотосъемкой, прибрежный и судовый промер потребовали тысячи галсов общим протяжением около 35 000 километров и несколько сот тысяч измерений глубины. Магнитная съемка потребовала определения магнитных элементов более чем на 100 пунктах. Для изучения приливов в Амурском лимане было поставлено около 10 мареографов, которые работали по 3—4 месяца.

В результате всех этих работ Гидрографическим управлением ВМФ были созданы новые точные карты всего побережья Японского моря и Амурского лимана от границы с Кореей до Охотского моря и далее до 50-й параллели по западному берегу Сахалина, чем была завершена важнейшая задача гидрографии на Дальнем Востоке,— систематическая опись советских владений в Японском море и Амурском лимане. К этому следует добавить, что Отдельной гидрографической партией экспедиции, которой командовал Демин, была произведена основная на триангуляции съемка и промер реки Амур от Николаевска до Хабаровска общим протяжением около 900 километров.

В Охотском море Гидрографической экспедицией Тихого океана, руководимой Л. А. Деминым, выполнена опись Тауйской губы и юго-западного берега Камчатки от Большерецка до мыса Шипунского с применением аэрофотосъемки, прибрежного и судового промера, магнитных и гидрологических наблюдений. Результат этих работ—точные карты названных районов. Гидрографические изыскания Леонида Александровича Демина обширны по масштабам, замечательны по своим последствиям, поражают необычайным разнообразием выполненных наблюдений. Гидрографическая экспедиция Тихого океана под руководством Л. А. Демина, так же как и его предшественника Б. В. Давыдова, очень часто принимала океанографический характер. Демин подробнейшим образом снял и частью описал границы советских владений в двух морях—случай, не имеющий примера в истории нашей гидрографии.

Географическое общество СССР высоко оценило труды Л. А. Демина, наградив его золотой медалью имени Ф. П. Литке «За многолетние работы по исследованию дальневосточных морей и омываемого ими побережья, имеющие крупнейшее научное и практическое значение». В решении экспертной комиссии по присуждению медалей Географичес-

кого общества СССР сказано, что «заслуги Л. А. Демина по расширению географических познаний и изучению нашей Родины, а в особенности составление лоции Берингова моря, являются крупным географическим подвигом»¹. За первый том лоции Берингова моря Л. А. Демину была присуждена ученая степень кандидата географических наук и присвоено ученое звание доцента.

Закончив грандиозные многолетние гидрографические исследования дальневосточных морей, Леонид Александрович некоторое время читал курсы геодезии и теории девиации компасов в Высшем военно-морском гидрографическом училище имени Г. К. Орджоникидзе. Уже в это время, в 1939 году в частности, была начата подготовка к изданию Морского атласа, предпринятая по инициативе академика Ю. М. Шокальского и профессора, адмирала флота Советского Союза И. С. Исакова. 15 февраля 1941 года СНК СССР разрешил Народному Комиссариату Военно-Морского Флота издать Морской атлас. Исполнение этой работы было возложено на Гидрографическое управление ВМФ. 1 марта 1941 года Л. А. Демин был назначен исполняющим должность главного редактора Морского атласа. Ему было присвоено высокое воинское звание — инженер-капитан 1-го ранга.

В годы Великой Отечественной войны подготовительные работы по атласу были свернуты до минимума и возобновились лишь после ее окончания. Но тем не менее, находясь в эвакуации в Омске, Л. А. Демин продолжил работы по подготовке к изданию Морского атласа. 1 апреля 1942 года он был назначен главным редактором, и эту должность занимал беспрерывно в течение 22 лет. Сотрудников в редакции в то время было всего 7—9 человек, и им приходилось больше выполнять оперативные задания для флота, чем непосредственно работать над атласом.

В 1943 году редакция Морского атласа была перебазирована в Москву и с сентября 1944 года стала Главной редакцией Морского атласа ГУ ВМФ на правах научно-исследовательского учреждения Военно-Морского Флота. Программа и опытные карты первого тома атласа были доложены 28 января 1947 года Л. А. Деминым на Втором всесоюзном географическом съезде и получили единодушное одобрение. В 1947 году Совет Министров СССР вынес специальное постановление об издании Морского атласа в трех томах. Этим же постановлением Л. А. Демин был утвержден главным редактором Морского атласа.

Уже над первым томом — навигационно-географическим Леониду Александровичу пришлось порядочно поработать. Он составил окончательный список карт и разработал структуру тома и тип помещаемых в нем карт. Под его руководством и при непосредственном участии была сделана нарезка всех основных карт этого тома, разработана система основных условных знаков карт и осуществлен процесс научного редак-

¹ Известия ВГО, том 80, вып. 2, 1948.

тирования всех карт тома. Ему же принадлежит и окончательный вариант предисловия к первому тому.

Первый том атласа был издан в 1950 году и состоит из 427 карт и комментариев к ним. Позднее к нему вышло весьма важное дополнение — указатель географических названий. Все карты первого тома Морского атласа даны в привычной для моряков равноугольной проекции Меркатора, а карты Арктики и Антарктики — в полярной стереографической.

Суша на картах атласа по полноте и разнообразию элементов содержания не только соответствует содержанию карт больших мировых географических атласов, но и превосходит его. Каждый элемент здесь показывается в своих многообразных разновидностях с различной степенью генерализации и подробности, в зависимости от масштаба карт.

Глубокая и всесторонняя географическая и навигационная характеристика Мирового океана в целом и по частям, морей и отдельных морских районов впервые получила свое картографическое выражение в Морском атласе. Именно морская часть его, до сих пор мало известная широкому кругу читателей, представляет наибольший познавательный интерес благодаря глубине и разносторонности его содержания, основанного на самых современных научных данных и новейших источниках и картах.

За создание первого тома Морского атласа Леониду Александровичу Демину была присуждена вместе с другими сотрудниками Государственная премия первой степени.

Не менее велики заслуги Л. А. Демина и при создании двух других томов Морского атласа — тома второго — физико-географического и третьего — военно-исторического. Второй том выпущен в свет в 1953 году. Его объем — 366 карт, 239 графиков и 24 страницы текста. Карты этого атласа вследствие сложности и многообразия самого понятия физической географии отличаются большим тематическим разнообразием и многосторонностью. Вместе с тем соблюдена главная и ведущая линия взаимной обусловленности и причинной связи всех физико-географических явлений.

В 1957 году вышла в свет отдельная коллекция карт Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны, в которой содержится 58 карт, а в 1958 году — первая часть третьего — военно-исторического тома Морского атласа, состоящая из 358 карт, в 1964 году — вторая часть третьего тома из 331 карты и 413 таблиц. Этим изданием была завершена капитальная работа по созданию Морского атласа мира. Уникальнейшее произведение получило признание самого широкого круга ученых всего мира, а на Географическом конгрессе в Бразилии Морской атлас стал подлинной сенсацией.

Конечно, заслуга создания такого фундаментального произведения принадлежит не только одному Леониду Александровичу, но от его

умелого руководства коллективом сотрудников редакции, который состоял из молодых специалистов — географов, картографов, лингвистов и офицеров Военно-Морского Флота, во многом зависел успех. Леониду Александровичу Демину в 1960 году была присуждена ученая степень доктора географических наук без защиты диссертации за его многолетние выдающиеся труды по гидрографическому изучению морей Советского Союза и за создание Морского атласа. Согласно решению ученого совета Ленинградского ордена Ленина Государственного университета имени А. А. Жданова, он был в начале 1967 года утвержден в ученом звании профессора. С 1954 года Л. А. Демин имеет воинское звание инженер-контр-адмирал.

После завершения работы над Морским атласом Леонид Александрович был назначен начальником кафедры военной гидрографии и океанографии Военно-морской ордена Ленина академии. Теперь он — профессор-консультант ученого совета той же академии. У него много почетных научных званий и в том числе звание Почетного члена Географического общества СССР. Он награжден орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны I степени, двумя орденами Трудового Красного Знамени и семью медалями. Его именем названы три географических объекта на картах дальневосточных морей: бухта в Чукотском море, группа островов в Малой Курильской гряде и подводная гора в Курильской гряде островов.

Но несмотря на все свои заслуги, Леонид Александрович остается очень простым, обаятельным человеком, другом и наставником молодых ученых, человеком, влюбленным в Дальний Восток. 1967 год стал для него вдвойне и даже втройне юбилейным. В мае он отметил свое славное семидесятилетие, пятидесятилетие военно-морской службы и сорокалетие научной и производственной деятельности. В этом же году он вместе со всей страной праздновал 50-летие Советского государства, которое началось с выстрела легендарной «Авроры», где он встретил рождение новой эры — эры коммунизма. Коммунист, ученый, моряк, исследователь дальневосточных морей, мичман с «Авроры», Леонид Александрович Демин и теперь в боевом строю: он по-прежнему, как и всю свою жизнь, служит Родине.

Основная литература

- Алексеев А. И. Братья Шмалевы, Магадан, 1958.
Алексеев А. И. Гавриил Андреевич Сарычев. М., «Наука», 1966.
Алексеев А. И. Колумбы Росские. Магадан, 1966.
Алексеев А. И. Охотск — колыбель русского Тихоокеанского флота. Хабаровск, 1958.
Алексеев А. И. По таежным тропам Сахалина. Южно-Сахалинск, 1959.
Алексеев А. И. Сподвижники Г. И. Невельского. Дальгиз, 1967.
Алексеев А. И. Ученый чукча Николай Дауркин. Магадан, 1961.
Арсеньев В. К. Сочинения. Примиздат, Владивосток, 6 томов, 1947—1949.
Атлас географических открытий в Сибири и в Северо-Западной Америке XVII—XVIII вв. под редакцией А. В. Ефимова. М., «Наука», 1964.
Ахматов В. В. Б. В. Давыдов. Записки по гидрографии. Т. 51, 1926.
Белов М. И. История открытия и освоения Северного морского пути. Т. 1, 1956.
Белов М. И. Семен Дежнев. М., 1955.
Берх В. Н. Первое морское путешествие россиян. СПб, 1823.
Берх В. Н. Хронологическая история всех путешествий в северные полярные страны. Ч. I, СПб, 1821.
Берх В. Н. Хронологическая история открытия Алеутских островов, или подвиги Российскаго купечества. СПб, 1823.
Богданович К. И. Очерки деятельности Охотско-Камчатской горной экспедиции 1895—1898 гг. Известия Императорского Русского Географического общества, т. 35, вып. 6, СПб, 1899.
Богданович К. И. Очерки Чукотского полуострова. СПб, 1901.
Богданович К. И. Предварительный отчет о результатах поисковых и разведочных на золото работ, произведенных Охотско-Камчатскою экспедициею на северо-западном берегу Охотского моря. «Горный журнал», т. III, СПб, 1899.
Врангель Ф. П. Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю, совершенное в 1820, 1821, 1822, 1823 и 1824 гг. экспедициею, состоявшею под начальством флота лейтенанта Фердинанда фон Врангеля. СПб, 1841.
Гильзен К. К. И. Г. Вознесенский. «Сборник музея антропологии и этнографии им. П. Великого», т. III, Пгр., 1916.
Гольденберг Л. А. Федор Иванович Соймонов. М., «Наука», 1966.
Греков В. И. Очерки из истории русских географических исследований в 1725—1765 гг., М., 1960.
Грач А. Д. Открытие погребения С. П. Крашенинникова в Ленинграде. «Советская этнография», № 4, М., 1966.
Давыдов Б. В. Гидрографические работы на Дальнем Востоке. «Красный Флот», 1923, № 4—5.
Давыдов Б. В. В тисках льдах. Л., 1925.
Демин Л. А. Экспедиция на остров Врангеля. В кн.: Русские мореплаватели. Воениздат. М., 1953.
Дивин В. А. Великий русский мореплаватель А. И. Чириков. М., 1953.
Дивин В. А. К берегам Америки. М., 1956.

- Ефимов А. В. Из истории русских экспедиций на Тихом океане. М., 1948.
- Жданко М. Е. Исследования побережий Берингова и Охотского морей и нужды их по улучшению сообщений. Журнал Министерства путей сообщения. СПб, кн. 6.
- Заварницкий А. Н., Миронов С. И., Обручев В. А., Яковлев Н. Н. О научно-организационной деятельности Карла Ивановича Богдановича. «Очерки по истории геологических знаний», вып. 5, М., Изд. АН, 1956.
- Загоскин Л. А. Пешеходная опись части русских владений в Америке, произведенная лейтенантом Л. Загоскиным в 1842, 1843 и 1844 годах. СПб, ч. I — 1847, ч. 2 — 1848. Новое издание. М., 1956.
- Захаров С. Е., Захаров М. Н., Багров В. Н., Котухов М. П. Тихоокеанский флот. Воениздат. М., 1966.
- Зубов Н. Н. Отечественные мореплаватели — исследователи морей и океанов. М., 1954.
- Карпинский А. П. Ф. Б. Шмидт. Известия Императорской Академии наук, VI серия, № 18, СПб, 1908.
- Кожевников М. Я. Чукотская экспедиция 1909—1910 гг. Изд. АН., Л., 1934.
- Крашенинников С. П. В Сибири. Неопубликованные материалы. «Наука». М.—Л., 1966.
- Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. М., 1949.
- Крузенштерн И. Ф. Путешествие вокруг света... М., 1950.
- Леонов Н. И. Александр Федорович Миддендорф. «Наука». М., 1967.
- Литке Ф. П. Путешествие на «Сенявине»... СПб, 1828.
- Ломоносов М. В. Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию. В кн.: «Проект Ломоносова и экспедиция Чичагова», СПб, 1854.
- Майдель Г. Л. Путешествие по северо-восточной части Якутской области в 1868—1870 годах. Том I, СПб, 1894. Приложение к 74-му тому «Записок Императорской Академии наук», № 3.
- Макаров С. О. «Витязь» и Тихий океан. СПб, 1894.
- Макарова Р. В. Экспедиции русских промышленных людей в Тихом океане в XVIII веке. «Вопросы географии», сб. 17, 1950.
- Марков С. Н. Летопись Аляски. М., 1948.
- Материалы для истории русского флота. Часть XII, СПб, 1888.
- Материалы для истории русского флота. Часть XIII, СПб, 1890.
- Материалы для истории русского флота. Часть XVI, СПб, 1902.
- Миддендорф А. Ф. Путешествие на север и восток Сибири. СПб, 1860.
- Миллер Г. Ф. Описание морских путешествий по Ледовитому и по Восточному морю с Российской стороны учиненных. СПб, 1758.
- Невельской Г. И. Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России. СПб, 1878.
- Огрызко И. И. Открытие Курильских островов. «Ученые записки Ленинградского Государственного университета», серия факультета народов Севера, вып. 2, № 157, 1953.
- Описание старинных атласов, карт XVI, XVII, XVIII веков и половины XIX века, хранящихся в архиве Центрального картографического производства ВМФ. Л., 1958.
- Отечественные физико-географы и путешественники. М., 1959.
- Пермяков Г. Г. Тропой жень-шеня. Хабаровск, 1965.
- Полонский А. С. Курилы. СПб, 1871.
- Пушкин А. С. Сочинения. Т. IX, 1965.
- Русские мореплаватели. М., 1953.
- Русский биографический словарь. Т. 3, СПб, 1908.
- Сгибнев А. С. Исторический очерк главнейших событий в Камчатке. «Морской сборник», № 4, СПб, 1869.
- Сгибнев А. С. Охотский порт. «Морской сборник», № 11, СПб, 1869.
- Сарычев Г. А. Путешествие капитана Биллингса чрез Чукотскую землю от

Берингова пролива до Нижнеколымского острога и плавание капитана Галла на судне Черном Орле по Северо-Восточному океану в 1791 году. СПб, 1811.

Сарычев Г. А. Путешествие флота капитана Сарычева по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану, в продолжение осьми лет, при Географической и Астрономической морской экспедиции, бывшей под начальством флота капитана Биллингса с 1785 по 1793 год. Ч. 1 и 2, СПб, 1802. Новое издание. М., 1952.

Семенов-Тянь-Шанский. История полувековой деятельности Императорского Русского Географического общества, ч. I—IV, СПб, 1896.

Седов Г. Я. Путешествие на Колыму в 1909 г. «Записки по гидрографии», т. 41, вып. 2, 1917.

Слюнин Н. В. Охотско-Камчатский край. Т. 1, СПб, 1900.

Слюнин Н. В. Промысловые богатства Камчатки, Сахалина и Командорских островов. СПб, 1895.

Слюнин Н. В. Современное положение нашего Дальнего Востока. СПб, 1908.

Слюнин Н. В. Среди чукчей. «Землеведение», кн. IV, М., 1895.

«Современник», т. 34, № 7, смесь. СПб, 1852.

Соколов А. П. Летопись крушений и пожаров судов русского флота (1713—1853), СПб, 1855.

Соколов А. П. Экспедиция к Алеутским островам капитанов Креницына и Левашева. «Записки Гидрографического департамента», ч. X, СПб, 1852.

Старокадомский Л. М. Экспедиция на «Таймыре» и «Вайгаче». В кн.: Русские мореплаватели. Воениздат, М., 1953.

Степанов А. А. Петропавловская оборона. Хабаровск, 1954.

Струве Б. В. Воспоминания о Сибири 1848—1854. СПб, 1889.

«Сын Отечества», кн. 9, критика, СПб, 1848.

Тихий океан. Русские научные исследования. Сборник. Л., 1926.

Тихменев П. А. Историческое обозрение образования Российско-Американской компании. Ч. 1 и 2, СПб, 1863.

Толмачев И. П. По Чукотскому побережью Ледовитого океана. СПб, 1911.

Толмачев И. П. Ф. Б. Шмидт. Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия, часть XXI, май, СПб, 1909.

Труды Сибирской экспедиции Императорского Русского Географического общества. Физический отдел. СПб, 1868.

Хлебников К. Т. Григорий Иванович Шелихов. «Сын Отечества», т. 2, ч. 1, СПб, 1838.

Черненко М. Б. Путешествие по Чукотской земле и плавание на Аляску казачьего сотника Ивана Кобелева в 1779 и 1789—1791 гг. «Летопись Севера», т. 2, М., 1957.

Шварц К. Н. Барон Ф. П. Врангель. «Русская старина», т. V, СПб, 1872.

Чехов А. П. Собрание сочинений. Т. 11, М., 1950.

Шелихов Г. И. Путешествие Г. Шелихова с 1783 по 1790 год из Охотска по Восточному Океану к Американским берегам... СПб, 1812.

Шренк Л. И. Об инородцах Амурского края. СПб, 1883.

Щукин Н. Подвиги русских на реке Амуре в XVII столетии, описанные на основании подлинных бумаг якутского и нерчинского архивов. «Сын Отечества», книга 9, СПб, 1848.

Экспедиция Беринга. Сборник документов. Подготовил А. Покровский. М., 1941.

Яковлев Н. Н. Памяти проф. К. И. Богдановича. «Природа», 1949, № 6.

Яников Г. В. Великая Северная экспедиция. М., 1949.

Содержание

От автора	5
Предисловие	6
Великие кочи	7
Путь к океану	15
В море за перелевами земля	28
Они были первыми	34
К берегам Америки	49
С Колымы на Анадырь	62
Описание земли Камчатки	74
Андреяновские острова	91
Двое из многих	103
Начало исследований	110
К мохнатым курильцам	117
Колумбы русские	130
По Русской Америке	142
Неугомимый препарат	155
Креол	165
По пути Лаптева	171
Через сто лет	199
Шантары	215
Подвиги русских морских офицеров на Крайнем Востоке России	225
Герои Петропавловской обороны	242
От Географического общества	259
К чукчам	269
По Охотско-Чукотско-Камчатскому краю	279
К мысу Дежнева	291
Под флагом адмирала	309
Следопыт, писатель, ученый	315
Патриот Родины	323
Мичман с «Авроры»	341

А Л Е К С Е Е В

**Александр
Иванович**

**С Ы Н Ы
о т в а ж н ы е
Р о с с и и**

ДАЛЬНЕВОСТОЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Редактор Л. Н. Ягунова. Художественный редактор И. Е. Фомин.
Технический редактор В. В. Плоская. Корректор М. Л. Лисичкина.
Сдано в набор 28/VII 1969 г. Подписано к печати 16/III 1970 г. АХ—00849.
Формат 70×90/16. Объем 23 физ. п. л., 26,9 усл. п. л., 25,39 уч.-изд. л.
Заказ 4358. Тираж 15 000. Цена 94 коп. Бум. газетная. Магаданское книж-
ное издательство, г. Магадан, ул. Пролетарская, 15. Магаданская област-
ная типография Управления по печати, г. Магадан, пл. Горького, 9.